Андрей Савельев

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Савельев А.Н.
Карательная экспертиза, Smashwords, 2018

Использование законодательства для организации политических репрессий стало нормой жизни российского общества. Автор представляет свой опыт правозащитной деятельности, касающейся преследования граждан за изложение своих взглядов и мнений. Следственные и судебные органы использовали недобросовестных и невежественных экспертов для обоснования репрессивных решений.

Посвящаю книгу политзаключенным Владимиру Квачкову, Юрию Екишеву, Кириллу Барабашу, Валерию Парфенову, Александру Соколову, а также мужественному правозащитнику и подвижнику Елене Рохлиной и честному, героически противостоящему беззаконию адвокату Алексею Суханову.

Автор, 2018

Оглавление

Бездарные исполнители закона решительно не понимают, да и не в состоянии понять, что одно буквальное исполнение его, без смысла, без понимания

духа его, прямо ведет к беспорядкам, да и никогда к другому не приводило".

Ф.М.Достоевский

Предисловие

Настоящая книга обобщает опыт судебной экспертизы по делам, связанным с экстремизмом. Первый опыт анализа подобного рода экспертиз автор получил при работе с обращениями граждан в бытность депутатом Государственной Думы (2003-2007).

Вместе с возникновением в 2006 года "антиэкстремистского" законодательства началось и рассмотрение дел, связанных с проявлениями экстремизма в печатных и видеоматериалах, а также в устных выступлениях. И с самого начала судьи возлагали бремя ответственности на экспертов - в основном лингвистов, реже - психологов. При этом привлекаемые к экспертизе лица, как правило, не имели никакого опыта подготовки экспертиз, а также никогда не имели дела с анализом политических текстов и риторики публичных выступлений. Практически во всех известных автору случаях судьи знакомились лишь с выводами экспертов, не стремясь вникнуть в суть их заключений и не принимая во внимание мнений специалистов, привлеченных стороной защиты.

Первые случаи карательной экспертизы автор описал в книге "Опыты русского сопротивления", а также в ежегодных докладах "Русофобия в России", которые выпускались в период 2007-2011 гг. Последующие случаи, с которыми автору довелось столкнуться, показали, что положение продолжает усугубляться, и экспертиза превратилась в средство расправы с политическим инакомыслием - прежде всего, с публицистами и активистами национально-патриотического движения в России. В более "жестком" варианте режим применяет иной метод - фальсификацию уголовных дел. Среди таких дел - осуждение группы Георгия Боровикова (судья ***Долгополов Дмитрий Владимирович***, прокурор ***Фролова Екатерина Сергеевна***, следователь ***Талаева Наталья Анатольевна***) [1] с целью сохранения подконтрольной группы "лидеров" одной из национально-патриотических организаций, а также многолетнее преследование Николай Бондарика, которому навязали ответственность за не совершенные им преступления и заразили в тюрьме туберкулезом. Также широко применяются средства запугивания - прежде всего, совершением беззаконных обысков с целью обнаружения признаков состава преступления, которых в принципе не могло быть.

[1] По данному делу была осуждена студентка Мария Дементьева. Несмотря на то, что прокурор требовал лишь условного срока, судья приговорил девушку к 3 годам реального срока, фактически сломав ей жизнь. Это решение - образец циничного попрания закона и использования очевидных любому здравому человеку фальсификаций.

Восстание в 2013 в городе Пугачеве, где народ вышел на улицы и выступил против беспредела этнобандитов, на некоторое время приковало к себе внимание всей страны. Протест граждан стал поводом для массовых полицейских репрессий, который вновь обострили отношения граждан с властями. Всюду журналисты и аналитики комментировали ситуацию, отражавшую разрастающуюся пропасть между русским большинством и русофобским режимом, не гнушающимся клеветой и беззаконным применением силы к общественным активистам и обычным гражданам.

В Перми журналист, краевед, защитник исторического и природного наследия Роман Юшков опубликовал небольшую статью – обзор событий, который заканчивался такими горькими словами:

"Общий итог пугачёвских событий — окрепшее у чеченцев ощущение очередной победы и собственной безнаказанности.

Так что же могло бы действительно изменить ситуацию в Пугачёве? Ответ единственный, и давайте скажем о нём прямо. Ситуация бы изменилась, если бы в Пугачёве толпа не надувала щёки и не грозила поджечь то самое кафе "Халяль", а реально бы его сожгла вместе с обитателями. А заодно и все чеченские дома в Пугачёве. Иначе говоря, если бы русские во имя памяти своих невинно убиенных соплеменников использовали своё священное право на возмездие. Иных рецептов нет. Грезить о том, что восстанет из гроба товарищ Сталин вместе с отрядами НКВД, защитит и отправит всех злых чеченов вагонами в Казахстан — смешно и глупо. Пора взрослеть и, повторяю, брать на себя ответственность.

Конечно, это потребовало бы жертвенности от нашего народа, от его героев, как и во все времена нашествий. Остальным же сплотиться бы вокруг этих людей действия и не предать их. Кто-то бы погиб, кто-то пошёл бы в тюрьму. Но альтернатива этому — наши сегодняшние никчёмные жертвы, бесславно идущие под нож пирующим глумливым оккупантам. Мы, судя по всему, пока твёрдо выбираем второе".

Следственный отдел по Мотовилихинскому району г. Перми возбудил дело по "русской статье" 282 УК РФ. Как всегда, любой протест против этнобандитов – это в глазах "правоохранителей" есть "возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства". Русские могут только это – возбуждать вражду и унижать человеческое достоинство, если пытаются защитить себя от этнобандитов и отстоять собственное достоинство.

Кончено, не на районном уровне решался вопрос о таком решении. Прокуратура и следственные органы заводят политические дела по указанию "сверху". Это правило проверенное неоднократно. Кому-то очень не понравились "Русские встречи", организацией которых успешно занимается Роман Юшков. А также его действия против разорителей городской архитектурной и природной среды, которые уже изгадили Пермь похабными творениями "галериста" Марата Гельмана.

Несколько ранее по той же публикации, но по ст. 280 ч. 2, уголовное дело было возбуждено ***ФСБ по Пермскому краю***. За "публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности". Встать на сторону русского протеста – это всегда призыв к экстремизму, если за дело берется совершенно переродившаяся ФСБ.

С некоторых пор в ФСБ завели структуру, которая штампует "экспертные заключения". Малограмотные и морально нестойкие эксперты создают для аморального суда "железное" обоснование беззаконного решения – стряпают бумажку. Якобы, представляющую собой экспертизу. Эта структура называется ***Институт криминалистики Центра специальной техники ФСБ России*** и размещается в Москве. Глава института ***Владимир Михайлович Богданов*** имеет стерильную биографию – в сети данных об этом человеке нет. Как нет у нас сведений о тех экспертах, которые, как всегда, пишут кромешную чушь, изучая публикацию Романа Юшкова: "отрицательные оценки поведения представителей Кавказа на территории России: они ведут себя как оккупанты, активно применяют насилие в отношении русских, и такое поведение оценивается в этой национальной среде как естественное", "компоненты негативной установки в отношении

представителей народов Кавказа", "представители народов Кавказа охарактеризованы как несущие угрозу безопасности местных жителей".

Экспертиза ФСБ стала средством расправы. Заведомо ложные экспертизы мне также не раз приходилось встречать, и они были именно из разного рода "экспертных" структур ФСБ. В целом мое отношение к ФСБ - как к гнезду измены. Это продолжатели дела "железного Феликса" - наркомана и русофоба. Русским людям от ФСБ можно ожидать только какой-нибудь подлости, но никогда защиты и даже элементарной справедливости и порядочности.

Сочинения разного рода "экспертов", нанятых властью, на поверку всегда оказываются бредом сивой кобылы. Но именно этот бред – основа для обвинений и приговоров, которыми осыпает русских людей кремлевский режим.

Обычно из научной среды, отыскиваются лица, совершенно утратившей любые профессиональные навыки и легко переступающие моральные нормы. В данном случае краевая прокуратура привлекла члена ***Научно-консультативного совета при Управлении Роскомнадзора по Пермскому краю*** профессора ПГНИУ ***Валерия Мишланова***, который ублажил ФСБ таким экспертным выводом: "в статье есть высказывания, направленные на возбуждение национальной розни: негативного отношения к представителям чеченской общины", "прямые призывы к противоправным действиям".

Мало кому понятно, что такое Роскомнадзор. Поясним: это цензурная структура, отличающаяся тем, что пресекает не публикации "неправильных" материалов, а деятельность "неправильных" авторов. То есть, пытается поймать любого неугодного властям автора на слове. И пусть публикация после этого существует сколь угодно долго (в сети интернет так оно и происходит). Зато автора надолго займут следствием и судом, а потом еще и обложат штрафами, угрозами, а то и измотают обысками. Он же экстремист! Тогда нечего и церемониться – получит "обхождение" наравне с террористами.

Эти беззаконные деяния как раз и программируются деятельностью Роскомнадзора. Который возглавляет некий ***Александр Жаров*** – врач по образованию и по профессии, продвинувшийся в карьере до нынешней должности через пресс-службы. То есть, занявшись тем, в чем он ровным счетом ничего не понимает. Сначала вдруг стал советником председателя правления РИА "Вести", потом пресс-секретарем Минздрава, потом даже всего Правительства. Ну а оттуда – давай надзирать за прессой и вообще за всем печатным и устным словом, какие только есть на Руси. Примерно таковы кадры режима – лишь бы были верны общей линии на подавление русского большинства, а профессиональные качества неважны и даже вредны.

Карательная экспертиза проникла и в гражданское законодательство. И в книге автор рассмотрит свой собственный опыт по одному из дел, закончившихся фактическим лишением собственности на основе фальсифицированной экспертизы. В данном случае, как и в политических процессах, судья прочел лишь выводы эксперта, не удосужившись проверить ее достоверность и соблюдение экспертом норм права. Красногорский городской суд Московской области - своего рода образец полного разрыва судейского корпуса, как с законом, так и с интересами народа. Впрочем, ровно то же самое произошло и со всем государственным аппаратом в целом: в Российской Федерации государство ликвидировано, а имитационные конструкции направлены на массовые репрессии против граждан - как с целью изъять у них всех без исключения политических прав, так и всей без исключения собственности.

Опыт судебной экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма, показывает, что репрессивные органы создали "домашние" структуры, имитирующие научный подход к анализу политических текстов. (Одна из наиболее интенсивно действующих структур подобного рода - ***Московский Исследовательский Центр*** Минюста.) Тем самым им удалось ликвидировать судебное следствие. А это стало возможным в результате профессиональной и моральной деградации судейского корпуса, назначаемого в соответствии с принципом лояльности к своему начальству и готовностью к принятию беззаконных решений.

Мы имеем дело с масштабной государственной изменой, которая имеет множество проявлений. Но в делах "об экстремизме" эта измена проявляется в преследованиях истинных патриотов России и людей, стремящихся избавить от геноцида русское большинство и другие коренные народы нашей страны.

Созданные режимом самозванцев и изменников "органы" ничем не отличаются от преступных группировок, но при этом прикрываются законом, который они не исполняют, а также преступным законом, который призван снять с преступников всякую ответственность.

Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, п. гласит: "*В связи с этим не подлежат регистрации в книге заявления и обращения, в которых заявители выражают несогласие с решениями, принятыми судьями, прокурорами, руководителями следственных органов, следователями или иными сотрудниками следственных органов, высказывают предположение о совершении обжалуемыми действиями указанных лиц должностного преступления и ставят вопрос о привлечении этих лиц к уголовной ответственности, не сообщая конкретных данных о признаках преступления*". В любом случае преступление можно скрыть произвольным мнением о том, что в заявлении не сообщены конкретные факты.

Кроме этой инструкции, ставящей чиновников правоохранительной системы над законом и установившей для них особую привилегию в сравнении с гражданами, существует Решением Верховного Суда РФ от 10 февраля 2014 г. № АКПИ13-1285, оставленное без изменения Определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22 апреля 2014 г. № АПЛ14-151. В нем указанный пункт Инструкции признан не противоречащим действующему законодательству. Это означает, что государственная измена, выразившаяся в циничном попрании конституционных норм, установивших равенство прав граждан перед законом, добралась до самых верхних этажей судебной системы. Или же, напротив, именно оттуда и распространилась на всю эту систему - вплоть до самых нижних ее этажей, включая технический персонал. Безнаказанные преступления превратившие правосудие в имитацию, таким образом, становятся безнаказанными, а произвол в прокуратуре, ФСБ, следственных органах и судах превращается в норму.

Поскольку автор постоянно выступает публично, изобличая захвативших власть самозванцев и преступную деятельность представителей фальсифицированной правоохранительной системы, он также оказывается под огнем репрессий, которые, прежде всего, гарантируют, что его выступления не будут вынесены на широкую аудиторию (информационная блокада) и не станут предметом обсуждения во время избирательной кампании (произвольное объявление текстов автора "экстремистскими", что лишает его возможности выдвигать свою кандидатуру во время выборов).

Примерам таких действий со стороны властей будут посвящены некоторые разделы этой книги. Но один особо вопиющий пример мы приведем здесь. Генеральная Прокуратура РФ проводя тайный мониторинг избранных электронных ресурсов (фактически осуществляя слежку за политическими оппонентами) вынесла требование об удалении моей заметки "Измельчание мозгов" с сайта Русского национального фронта - "как содержащего призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка". Данная публикация является лишь философским размышлением, которое вообще не касается общественно-политической тематики, а посвящено интеллектуальной деградации населения РФ, в ней нет ни малейших признаков, перечисленных в данном пассаже. При этом прокурорское требование вынесено без судебного решения и представляет собой акт беззакония, попрания конституционных норм и здравого смысла.

Автор практически целиком приводит свои отзывы специалиста на экспертизы, которые, по сути дела, являются для суда конечной инстанцией для установления истины, а в действительности превращаются в приговор невиновным людям, годами томящимся в застенках или получающих такие удары от "правосудия", что годами чувствуют их последствия. Представляя свои отзывы на экспертизы, автор испытывает слабую надежду на то, что руководство правоохранительных органов и сами эксперты вспомнят о своем профессиональном долге и совести, которую они в своих карьерных устремлениях где-то потеряли.

Представляя свою экспертную квалификацию, в каждом документе, планируемом для использования в суде, я отмечал свои публикации прежних лет и свои научные и прочие статусы. Наиболее полный текст такого представления:

Специалист: Савельев Андрей Николаевич, доктор политических наук (с 2001 года) депутат ГД 4 созыва (2003-2007, зампред Комитета по СНГ и связям с соотечественниками, затем – Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству), автор более 20 монографий и нескольких сотен статей, специалист в области этнополитики, политической мифологии, теории государства, исследования политических институтов и процессов. Неоднократно привлекался в качестве специалиста стороной защиты по судебным делам, связанным с так называемым "экстремизмом". Стаж работы по профессии: 27 лет.

Квалификация по кругу вопросов, связанных с подготовкой мнения специалиста, отражена в монографиях: в области межнациональной (межэтнической) конфликтности - "Образ врага. Расология и политическая антропология" (М.: Книжный мир, 2010. - 672 с.), в области государственного строительства, этнополитики - "Нация и государство" (М.: Логос, 2005, - 800 с., Глава 6, Этнос, нация, национализм), в области политической и социальной психологии, анализа политической публицистики и влияния религии на политику - "Политическая мифология" (М.: Логос, 2003. - 384 с., разделы "Политические, социальные и религиозные источники политического мифа", "Символ и слово в политике". "Мифологические основы национальной идентификации", "Мифология социальных групп и корпоративных организаций" и др.), а также текст диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук "Духовное измерение политических процессов: политическая мифология" (2000 г.).

Автор имеет опыт экспертных оценок и анализа экспертных заключений, отраженный в книгах "Русофобия в России. 2006-2009. Аналитический доклад" (М.: Традиция, 2010. - 424 с.; разделы "Русофобия в судах" и "Дела против русских публицистов"), "Русофобия в России, 2010. Аналитический доклад" (М.: Традиция,

2011, - с. 376; раздел "Экспертная русофобия"), "Опыты русского сопротивления" (М.: Традиция, 2011, - с. 456; раздел "Защита русских издателей").

Первоначально, мне думалось дать беспристрастные пояснительные комментарии, но это оказалось невозможным, потому что без моральной оценки столь циничное и массовое попрание закона нельзя выразить отношение к тому, что происходит с нашей Родиной. То, что сказано, на самом деле - только слова. Адекватный ответ - тюрьма для преступников в мантиях и погонах. И пожизненный позор всем им, их начальникам и подчиненным, их друзьям и родственникам. Потому что мы имеем дело не с недомыслием, а с циничным предательством Родины, совершенным недоумками в полном сознании того, что они делают. И поэтому они недостойны никакого снисхождения.

Цензура в стране, где цензура запрещена

Цензура в Российской Федерации запрещена (п. 5, ст. 19 Конституции РФ). Тем не менее, при подготовке первого издания данной книги мне пришлось столкнуться не только с некомпетентностью так называемых "юристов" ***издательства "Ridero"***, но и со злобным исполнением цензурных обязанностей. Мне прислали целую простыню претензий (ниже я ее прокомментирую). Я, было, возмутился. Но потом все же решил провести эксперимент: будут ли эти проходимцы выпускать книгу с цензурными купюрами. Модераторы сначала согласились выпустить книгу с забитыми * фрагментами. Мне даже было бы любопытно получить такое издание на руки. Но не судьба. Когда, пропустив все сроки модерации, Ridero объявил, что будет цензурировать у "юристов" еще две мои книги, я решил, что с прощелыгами иметь дело невозможно. И хотел бы, чтобы все мои знакомые, кто намерен что-то публиковать или покупать, исходящее от Ridero, знали, что это компания совершенно бессовестных людей, от имени которой выступают анонимы или какая-нибудь "мадам Герц".

Уловка прояснилась. Дело в том, что портал Ridero, созданный по виду для распространения новых книг через электронные ресурсы, на самом деле предназначен для грабежа авторов и воровства контента. А чтобы автор не получил ни копейки гонораров, потратившись на закупку авторских экземпляров и макетирование книги, ему устраивают пристрастное "юридическое" исследование. И какой-то самозванец определяет, что законно, а что нет, выступая одновременно прокурором и судьей".

"Юрист" Ridero выступил как защитник закона, который утверждает: "При размещении в сети "Интернет" текстов судебных актов, вынесенных судами общей юрисдикции, за исключением текстов судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, в целях обеспечения безопасности участников судебного процесса из указанных актов исключаются персональные данные, кроме фамилий и инициалов истца, ответчика, третьего лица, гражданского истца, гражданского ответчика, осужденного, оправданного, лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, секретаря судебного заседания, рассматривавших (рассматривавшего) дело судей (судьи), а также прокурора, адвоката и представителя, если они участвовали в судебном разбирательстве. Вместо исключенных персональных данных используются инициалы, псевдонимы или другие обозначения, не позволяющие идентифицировать участников судебного процесса".

Я несколько раз сообщал модераторам, что в моей книге нет публикации судебные актов. Таковые акты - итоговые решения судов. В книге есть только одна

выдержка из судебного решения, и там не было никаких имен, не имеющих процессуального статуса. Особенно "юрист" волновался по поводу публикации имен экспертов. Но таковые имена ГПК прямо предписывает оглашать в судебном заседании, сопровождая эти данные сведениями об образовании и уровне квалификации. Я же не публикую судебные акты, поэтому могу упоминать тех экспертов, которые пытаются воздействовать на позицию суда.

Притом что "юрист" привел вышеуказанную цитату, он потребовал, чтобы я убрал из текста упоминание имен следователя, прокурора и судьи, отправившие за решетку Георгия Боровикова и его группу. Я, напротив, полагаю, что все трое - преступники, и имена их должны быть зафиксированы для грядущих судебных процессов.

Мне было предсказано исключить фрагмент публикации Романа Юшкова, за который его преследовали без всяких на то оснований. Предлагалось при отсутствии ссылки убрать имя профессора Милашева, который написал клеветническое заключение по одному из дел. Всего лишь потому, что я не ссылаюсь на судебное решение. А я и не обязан этого делать. Мое дело, что публиковать и на что ссылаться. "Юрист" решил, что упоминание этого подлеца "нарушает режим конфиденциальности его персональных данных", получается, что публикация чьего бы то ни было имени - нарушение закона? Видимо, безымянный "юрист" накануне объелся белены.

Когда я написал о бандитской группировке Рамзана Кадырова, "юрист", видимо, вообще не понял, о чем идет речь. Он, видимо, подумал, что речь идет об обычной чеченской ОПГ, и если это так, то прокурор Савчин мог обидеться на мои слова о том, что он обслуживал эту ОПГ. На самом деле он обслуживал бандитов, обосновавшихся во власти. Видимо, "юрист" был не в курсе, как зовут главу Чеченской Республики.

Без всякой мотивировки "юрист" потребовал исключить из цитаты, которая содержала единственное побудительное предложение во всех фрагментах текста, который эксперт Савчина анализировал в своем "заключении". Это был призыв к русским "Скинь ублюдков со своей шеи!" Видимо, "юрист"-аноним подумал о том же, что и "эксперт"-аноним. О чем думали авторы этой фразы, мы объявлять не будем. Каждый поймет в силу своей сообразительности. Также "юрист" предупредил меня об ответственности за клевету во фразе, утверждающей, что Савчин - клеветник. Ну, это уже мое дело, кого я считаю клеветником. Как и кого определять как человека без ума, чести и совести. Таковым я считаю прокурора Савчина, совершившего измену своему долгу прокурора, а также судью Крючкова - тех, кто устроил самосуд над моей книгой, спектакль по явно фальсифицированному делу.

Также "юрист" потребовал исключения всех цитат из источников, которые цитировались либо в единственном судебном акте (по поводу моей книги "Сможет ли КРО русифицировать Россию?") и в моих исследованиях специалиста. Причем "юрист" не делал разницы между завершенными и еще продолжающимися судебными процессами. Притом что без публикации этих цитат вообще никакой анализ их невозможен. Напротив, публикация сама по себе показывает совершенное отсутствие каких-либо причина объявить хотя бы какую-то часть этих цитат содержащими "экстремистские" признаки.

Почему-то "юрист" потребовал убрать из моих текстов упоминание полицейского чиновника Г.И.Когана, которого я обвиняю в противоправных действиях. От этих обвинений я не собираюсь отказываться. Они были объявлены в открытом обращении к главе МВД, и это свершившийся фат, который отражен в

книге. Точно так же "юрист" пытался склонить меня убрать имя Амана Тулеева, которого в данном случае я обвинил только в фальсификации итогов парламентских выборов. Защитник олигархов, видимо, не мог ожидать, что их начнут задерживать пачками именно в период моих переписок с Rideo. Как раз тогда были задержаны два зама Тулеева, и нет сомнений, что они сдадут своего патрона со всеми потрохами.

То и дело "юрист" требовал "обезличить". Жаль, что я не могу назвать его: прощелыги из Rideo скрывали свои имена. Кроме "***мадам Герц***", я не знаю больше никого из этой компашки. "Юрист" даже не понимал, какой документ он читает. Он, видимо, решил, что все опубликованные сведения касаются судебных дел. А в данном случае речь шла о негодяях в полицейских погонах. К сожалению, никакого процесса по их душу пока не организовано. Надеюсь, что это временный недостаток.

Я цитирую фрагмент из книги В.В.Квачкова: "Как и в каком месте можно и нужно разрывать порочный круг национальной гибели? Ответ единственный: брать государственную власть! Только сила оружия сможет победить силу денег в земном материальном мире". И задавал вопрос: где тут призыв к насилию или захвату власти? И сам же отвечал: здесь есть только постановка проблемы. Дурацкий "юрист" определил это "оправданием действий". И о каких действиях можно говорить? Кто действовал? Мне, собственно, ответ не нужен. Мне нужно посмотреть на этого юриста: где таких изготовляют, в каком вузе дают дипломы подобным субъектам? Это функционально безграмотный человек, не способный воспринять текста на русском языке и не имеющий никакого представления о смысле правовых норм, которые, как ему кажется, он знает.

Да, я обвиняю экспертов в совершении преступлений, соучастии в организации политических репрессий. "Юрист" констатирует: это обвинение. Да, и что с того? Кроме наглости самозваного цензора, здесь нет ничего. Это мое мнение, основанное на анализе.

С самозабвенной наглостью "юрист" Ridero решил выкинуть не только цитаты, которые я анализирую из "запрещенных" книг с целью их анализа, но и сам анализ. С какой стати? Просто цензору так хочется. Он даже не знает почему. Видимо, это корпоративная солидарность со всей группировкой негодяев, оседлавших правовую систему. А может быть, "юрист" - это просто "смотрящий" от русофобов, который по сходной цене блокирует публикации, которые невыгодны правящим кругам, олигархии, русофобам. Ведь "юристу" показалось необходимым исключить из текста книги не только цитаты, но и их смысловой пересказ "от противного". Потому что здесь "переработка цитаты" "с явной иронией и противоположным изложенному подтекстом". "Юрист" почувствовал себя крупным литературоведом. Также как эксперты-филологи начинают чувствовать себя этнологам, политологами и правоведами, когда поступают на службу и получают поручения сочинять фиктивные экспертизы.

Наконец, моя нелицеприятная квалификация судьи (бывшей судьи), была расценена "юристом" как оскорбление. Как будто он уже провел судебный процесс, и мои характеристики связаны не с безобразным поведением судьи, а с "отправлением правосудия". Может быть, "юрист" попутно подрабатывает где-то в мантии или помогает какому-нибудь негодному судье творить беззаконие?

В Конституции РФ (п. 3, Ст. 29) говорится: "Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них". В данном случае цензуре подверглись мои мнения и убеждения. Закона, который не позволял бы цитировать даже запрещенные книги при анализе правомочности их

запрещения, конечно же, нет. Тем более, нет никакого воспрещения на публикацию документов, которые появились до включения того или иного издания в список запрещенных материалов. Таким образом, "юрист" издательства Ridero совершил неправомочные (прямо скажем, преступные) деяния, и в целом издательство выступило против существующего государственного порядка, который несовершенен и нарушается сплошь и рядом, но это не может быть оправданием для покушения на основополагающие права и свободы граждан. "Оправдывает" подставного "юриста" только политический режим, который сделал беззаконие основой своего существования. Мы не оправдываем, называя деяния сотрудников издательства Ridero преступлением.

Чеченский след в норильском гнезде

"Пригляд" за мной правоохранительных органов начался с момента попадания в Государственную Думу в 2003 году. Как русский националист и патриот я был неугоден режиму, и режим следил за каждым моим шагом и каждым словом. Организованные против меня лично кампании клеветы и доносов продолжались все время моего депутатства. После разгрома партии "Родина" в 2006 году и завершения моих депутатских полномочий в 2007, казалось, что репрессоры должны успокоиться и дать мне возможность жить жизнью частного человека. Пусть даже и пишущего политические статьи и книги. Но меня.

Спокойной жизни закулисных дел мастера дать мне не могли, да и хотели отомстить за все те разоблачения, которые появлялись за моим именем в виде все тех же книг и статей. Так, в 2011 году вышли несколько моих книг, где я в подробностях описал грязные "кремлевские" дела, документированные мной в статусе депутата. Среди этих книг самой невинной была книга "Сможет ли Конгресс русских общин русифицировать Россию?". Фактически это была история организации, к созданию которой я имел прямое отношение и работал в ней до последнего дня. В 2011 году планировался восстановительный съезд организации, и мне удалось убедить издателя, что небольшая книга будет популярна не только для участников съезда, но и для всех прежних активистов КРО и партии "Родина". Действительно, тираж был очень быстро раскуплен.

Поскольку из восстановления организации "КРО-Родина" не вышло ничего путного, и она превратилась в одну из многих фиктивных структур, курируемых "кремлянами", я быстро забыл о своей книжке. Но мне постарался напомнить о ней ***прокурор Красноярского края Савчин***, переехавший на свою должность из Чечни, где он длительное время имитировал работу "ока государева" при бандитской группировке Рамзана Кадырова, которому была передана власть в республике. Теперь прокурор, следуя своим прежним пристрастиям, каким-то образом нашел мою книгу в каком-то подвальчике, где сотрудники Центра противодействия экстремизму (ЦПЭ) купили ее за 640 рублей (при "красной цене" никак не больше 200). Затем включилась машина фальсификации дела о признании книги экстремистской, которая для самой книги была уже не опасна (ибо тираж был раскуплен), а меня определяла в базу данных еще не осужденных экстремистов. В дальнейшем мне не раз попадались на глаза документы, которыми я определялся как автор данной книги, и это было своего рода дискредитирующим моментом, чтобы приписать мне какие-то еще деяния. Об этих случаях я расскажу несколько ниже. А пока - по поводу материалов данного дела.

Проведение суда в удаленных территориях, куда заинтересованное лицо не может добраться по разного рода причинам (в основном материальным), -

распространенная практика. Точно так же, к примеру, запрещали книгу Владимира Авдеева "Расология". Отказ от проведения судебного процесса вблизи места жительства автора книги - собственно, единственного, кто заинтересован в снятии обвинений в экстремизме, является делом беззаконным, посягающим к тому же на свободу творчества. Но именно поэтому и применяется такая практика: чтобы ограничить свободу творчества лиц, неугодных режиму и управляющему правоохранительной системой закулисью.

Получив приглашение в суд из Норильска, когда заседание уже состоялось, я направил услужливому судье Норильского городского суда Красноярского края С.В.Крючкову следующее заявление:

В связи с получением мной 8 июля 2013 года Вашего письма о гражданском деле №2-1469/13 по заявлению прокурора Красноярского края, приписывающего моей книге "Сможет ли КРО русифицировать Россию" признаки экстремизма, прошу прекратить данное дело по следующему формальному обстоятельству: текст заявления прокурора не содержит признаков экстремистского материала, поскольку все вырванные из контекста фрагменты книги оценены в самом же заявлении как не содержащие указания на возбуждение розни к какой-либо конкретной этнической группе (с. 2, конец 2-го абзаца), а побуждения к изменению Конституции РФ не содержат призывов к действиям насильственного характера (с. 3, последний абзац).

Поскольку сообщение о судебном заседании 5 июля 2013 года мной получено лишь 8 июля, я не был надлежащим образом уведомлен о времени и месте заседания, а также не имел никакой информации о претензиях со стороны прокуратуры Красноярского края. Также мне до этого момента мне не было ничего известно об определении суда о вызове в суд заинтересованных лиц 11 июня 2013 года. Более того, об этом постановлении от 3 июня 2013 года до назначенного времени явки в суд я не был уведомлен, поскольку письмо в мой адрес датировано 13 июля 2013 года – то есть, подписано и отправлено через два дня после назначенного срока. Указанные обстоятельства нарушают мои права на защиту от очевидно абсурдных обвинений, которые высвечивают крайний непрофессионализм сотрудников прокуратуры, произвольное привлечение к экспертизе текста моей книги некомпетентного лингвиста, а возможно, и политический заказ, выполненный грубым и циничным способом.

Предполагая дальнейшее нарушения моих прав, вынужден дать суду подробные объяснения (прилагаются). Прошу приобщить их к делу.

Прошу также в соответствии с законом и для уточнения моих объяснений выслать мне тексты приложений к заявлению прокурора: Информация ЦПЭ ГУ МВД России по Красноярскому краю от 21.02.2013, Рапорт ГУ МВД России по краю об обнаружении печатного материала с признаками экстремизма, Направление на исследование печатного издания, Исследование специалиста ФГАОУ ВПО "Сибирский федеральный университет" от 11-17.12.2012, Справка на Савельева А.Н. и прочее (всего на 28 листах). Предполагаю наличие в этих документах признаков клеветы, которые также присутствуют в заявлении прокурора Савчина. Меня также интересует степень законности сбора прокуратурой моих личных данных и представления их суду в виде некоей справки.

Прошу уведомить меня о заседании суда, а также о вызове в суд как заинтересованного лица в установленном законом порядке и надлежащим образом.

Прошу также принять решение о переносе рассмотрения дела по заявлению прокурора Савчина по месту моего жительства – на территорию г. Москвы. Мне затруднительно прибыть на заседание суда из Москвы в Норильск, поскольку стоимость проезда в этом случае сопоставима с моим месячным доходом. Кроме того, болезнь моей престарелой матери и позволяет мне отлучаться из Москвы в любой произвольный момент. Если суду будет недостаточно моих заявлений на этот счет, мной могут быть представлены соответствующие справки.

Объяснение
по поводу заявления прокурора Красноярского края
№ 27-15-2013 от 22.05.2013

8 июля сего года по почте заказным письмом мной были получены судебные материалы с текстом заявления прокурора Красноярского края ***М.М.Савчина***, содержащего грубые измышления на счет моей книги "Сможет ли КРО русифицировать Россию" и просьбу к суду признать данную книгу экстремистским материалом.

Ознакомление с текстом заявления Савчина и хронологией подготовки его клеветнического текста, сразу выявило политический заказ, осуществляемый против ученых и публицистов по обычной схеме: с целью не допустить полноценной защиты своих трудов от наветов, дело "об экстремизме" заводится как можно дальше от места жительства автора – в расчете на то, что он не сможет лично прибыть в суд и опровергнуть заведомо ложные обвинения в свой адрес. Как исследователю мне подобные случаи известны, и они отражены в моих ежегодных аналитических докладах "Русофобия в России", которые выходили в период 2007-2011 гг. В данном случае на политический заказ указывает прямая связь действий прокуратуры с активизацией моей политической деятельности и публичными выступлениями во главе организации "Великая Россия", которые пришлись на май 2012 года. Совершенно немотивированное изучение моей книги, начатое закупкой ее экземпляра 1 июня 2012 года, в точности отмечает поставленную перед прокурором края противозаконную задачу осуществления против меня политических репрессий. В здравом уме и твердой памяти ни одному человеку не пришло бы в голову приобретать небольшую по объему книгу (240 страниц) в мягком переплете за немыслимую сумму в 640 рублей. Подобная растрата государственных средств не может быть обусловлена ничем иным, кроме противозаконного интереса, который я усматриваю в действиях г-на Савчина. При этом книга давно распродана, и в распоряжение г-на Савчина, вероятно, попался один из последних экземпляров, распространяемых через розничную сеть. На политический заказ также указывает внимание к моей книге именно краевой прокуратуры, а не районной или городской – что было бы логично и соответствовало бы масштабу предполагаемого правонарушения.

Заявление, подписанное прокурором Савчиным, представляет собой смесь не связанных между собой абзацев, которые цитируют законодательство или фрагменты моей книги, а также содержат скупые и голословные комментарии к этим фрагментам, которые никак не отражают связи суждений прокурора с действующим законодательством и содержанием приводимых им цитат.

1. В первом абзаце Заявления указывается лишь на факт приобретения моей книги в порядке "оперативно-профилактических мероприятий". Что также указывает на умысел в противозаконных действиях прокуратуры – преследование именно меня за мою политическую, научную и публицистическую деятельност. Никаких поводов для покупки книги у прокуратуры не существовало, и я

предполагаю целенаправленность данной покупки с расчетом дискредитировать меня перед законом.

2. Во втором абзаце объявляется о результатах экспертизы текста моей книги неназванными специалистами с неизвестной квалификацией. При этом Савчиным противозаконным способом использованы выводы данной экспертизы, которая в принципе не может и не должна делать каких-либо выводов о выявлении в анализируемом тексте высказываний, содержащих негативную оценку группы лиц по признакам расы, национальности и происхождения. Таковые оценки могут быть выявлены только в том случае, если специалист обладает соответствующими знаниями, определяющими эти группы и их признаки. Лингвист такими знаниями не обладает. В тексте заявления Савчина ни одна такая группа даже не названа. Что побуждает меня предположить, что привлеченный к экспертизе лингвист не имеет социологических, религиоведческих, антропологических, политологических и прочих знаний, а также наверняка не знает, что такое "раса", "национальность", "нация" - ни в общепринятом в науке смысле, ни в том смысле, который заложен в законодательстве, где эти термины используются. Ну а термин "происхождение" в прокурорском заявлении вообще присутствует как недоразумение: невозможно понять, о каком происхождении идет речь. Может быть, о социальном? Но термин "социальное происхождение" - признак идеологии давно минувшей эпохи.

3. В третьем и четвертом абзаце в порядке просвещения суда дается выдержка из законодательства, определяющего, что такое экстремистские материалы. При этом не дано никаких пояснений о связи между понятием "негативная оценка группы" и понятием "экстремистская деятельность" или "экстремистский материал". Такая связь в принципе не может быть очевидной, хотя понять это в силу своей низкой квалификации г-н Савчин вряд ли способен. Вряд ли он также задумывался о том, может ли книга быть "предназначенным для обнародования документом или информацией". И вообще, что за книга им анализируется? Из текста заявления Савчина следует, что книги он в глаза не видел, а подписывал подготовленный кем-то текст заявления, никак данную книгу не определяющий. Между тем, всякому душевно и нравственно здоровому, а также функционально грамотному человеку, ясно, что данная книга – историческое исследование, посвященное деятельности Конгресса русских общин, начиная с 1992 года и заканчивая 2011 годом. На это прямо указано в тексте книги.

4. В пятом абзаце Савчин возвращается к заключению некоего "специалиста", повторяя содержащиеся там выводы, никак не связанные с нарушением законодательства. Не имеющий необходимых знаний прокурор Савчин смеет заключить, что текст книги "изобилует фрагментами, выражающими отрицательные эмоциональные оценки" и так далее… "нерусских" людей", "врагов русских патриотов" и проч. Правовая безграмотность Савчина приводит к тому, что он выдает не нарушающие закона негативные высказывания за противозаконные. Ему невдомек, что законодательство не предусматривает ответственности за негативные оценки "нерусских людей" (таковые не образуют никакой группы, являясь чисто умозрительным множеством) или "врагов русских патриотов". Конкретных фрагментов текста, где использовались бы такие словосочетания, он даже не думает приводить. Что, несомненно, изобличило бы нелепость попыток представить мою книгу как экстремистский материал. Умысел на организацию политической репрессии против меня прямо содержится во фразе: "При этом данные обвинения и оскорбления не направлены открыто в адрес представителей конкретной этнической группы; чаще всего эти группы не называются напрямую, а лишь обозначаются, причем всегда в противопоставлении к "русской нации"". В

данном фрагменте содержится формулировка, которая требует от прокурора прекратить всякую активность по поводу моей книги. В то же время в нем обнаруживается прямое стремление подменить факты домыслами. На это указывают слова "не направлены открыто", "лишь обозначаются". Из них следует, что у Савчина нет никаких оснований заявлять о направлении негативных оценок в адрес какой-либо социальной или этнической группы. Зато есть стремление "расшифровать" текст моей книги, навязывая мне как автору те смыслы, которые выгодны для противоправного замысла прокурора организовать преследование. Кроме того, Савчин не удосужился ознакомиться с текстом книги, где прямо дается определение нации вообще и русской нации в частности. Следовательно, он не имеет никаких оснований судить о том, кто и что противопоставляется русской нации.

5. Шестой абзац начинает анализ текста, который опубликован в моей книге как исторический документ и датирован 1996 годом. В данном абзаце переписывается фрагмент моего авторского анализа "Микроманифеста", который является объектом претензий прокурора. Савчин осознанно опускает смысл публикации: рассказ об истории 13-летней давности. Фактически он пытается использовать дела давно минувших дней для организации преследований в сегодняшних условиях. Совершая подмену типа текста, который он смеет анализировать без надлежащих правовых и прочих знаний, Савчин пытается выдать исследование – научный, исторический текст – за пропагандистский, якобы предназначенный для осуществления или оправдания экстремистской деятельности. Что это заведомая ложь, следует из седьмого абзаца.

6. В седьмом абзаце Савчин разоблачает себя, указывая, что в анализируемом тексте – публикации в книге давно исчерпавшего свою политическую значимость документа "Микроманифест" - "нет указаний на конкретные этнические группы". И содержится домысел о том, что некая "целевая аудитория" (какая – не указано) "может вполне однозначно интерпретировать" (доказательства "однозначности" отсутствует и не может существовать в принципе, поскольку выявление целевой аудитории книги – сложная научная задача, непосильная для прокуратуры) "как обоснованные побуждения к действиям" (о каких действиях идет речь, нигде в тексте заявления Савчина не сказано). Последнее особенно замечательно. Савчин намерен вменить мне какое-то свое понимание тех действий, к которым ведут призывы вроде: "Русский! Расправь плечи! Скинь ублюдков со своей шеи!". Иных побудительных призывов в тексте заявления нет вообще. Данный же призыв Савчин отдельно не интерпретирует, поскольку такая интерпретация выглядела бы полным абсурдом. Вменяемому человеку вполне понятно, что никакая этническая группа или вообще какая-либо реальная социальная группа в данном призыве просто не просматриваются. Но политический заказ, который пытается осуществить Савчин, побуждает его делать обобщенные предположения – будто бы все фрагменты моей книги, взятые для анализа, есть некий побудительный призыв. Элементарно знакомому с русским языком достаточно прочесть эти фрагменты (что, я надеюсь, суд сделает), чтобы понять: в них есть заявление морально-нравственной и политической позиции, но никак не побуждение к насильственным действиям, никак не посягательство на права человека по признаку расовой, социальной, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Можно предположить (и это как автор я считаю единственно справедливым предположением), что все призывы и негативные оценки в анализируемых в прокурорском заявлении фрагментах моей книги направлены против преступных и антигосударственных элементов, а также

идейных оппонентов, не составляющих ни вместе, ни порознь общности расовой, социальной, национальной, религиозной – хотя бы одной из указанных в законодательстве. Следовательно, такие призывы и оценки не могут преследоваться по российскому законодательству. Попытка же организации таких преследований со стороны Савчина является прямым посягательством на гражданские права.

7. В восьмом абзаце заявления Савчин приводит цитату из так называемого "Микроманифеста" (без всякого анализа, ибо данный текст для претензий в экстремизме совершенно неуязвим) и осуществляет очевидную подмену: он анализирует не мой авторский текст, а текст политического документа образца 1996 года, к созданию которого я имею отношение, но не являюсь индивидуальным автором. И уж тем более не являюсь распространителем этого документа, который был использован последний раз в избирательной кампании 1997 года. Из текста книги прямо следует, когда и кто использовал данный документ в пропагандистских целях: публиковал и оглашал его публично. Это был Дмитрий Рогозин – тогда еще начинающий политик, а сегодня вице-премьер правительства РФ. Данное обстоятельство также заставляет меня предположить существование политического заказа – попытки найти на Дмитрия Рогозина компрометирующий материал, который дискредитирует его в глазах высших руководителей государства. Оказывается, вице-премьер вошел в политику и был избран депутатом Государственной Думы в результате пропаганды экстремистских идей! – вот, скорее всего, и есть скрытый замысел заказчиков клеветнических измышлений, оформленных Савчиным в виде прокурорского заявления.

8. В девятом абзаце снова приводится цитата декларативного характера, где содержатся экспрессивные выражения в адрес расчленителей страны, убийц ее экономики, расхитителей ценностей, "пытающихся превратить русских в толпу рабов, в бессловесное быдло". Данный фрагмент текста не содержит указания на какую-либо группу, которая упоминалась бы в законодательстве, направленном против экстремизма. С точки зрения Савчина, по всей видимости, обещание "оторвать собачьи головы" перечисленным группам преступных элементов является предосудительным и даже экстремистским. Интересное признание для прокурора, который, вероятно, позабыл свой профессиональный долг и элементарную человеческую порядочность.

9. В десятом абзаце подводится итог неосуществленного анализа предшествующих двух абзацев, без всяких оснований начинающийся словами "таким образом". Подобные слова могут следовать только после анализа, а вовсе не после цитат. Если такие слова появляются после цитирования, то они могут содержать лишь интерпретацию текста, которая никоим образом не связана с пониманием, которое имеется у автора цитат. Даже если это понимание таково, как предполагает Савчин, то им факт тождества никак не доказан и не раскрыт. Напротив, Савчин признается, что в данном тексте нет "явных и открытых инвектив в адрес конкретной этнической группы". После этого признания ему следовало бы порвать свое заявление и закрыть дело. Но он, что называется, притягивает за уши непроцитированные фрагменты книги, в которых содержится… что? Оказывается, негативные оценки ""нерусских" личностей и групп". Данное утверждение не подкреплено ни одной цитатой и без всяких оснований привязано к двум процитированным фрагментам достаточно большого объема. Если эти два фрагмента никак не могут быть представлены в качестве "экстремистских", то с какой целью их процитировал Савчин? Очевидно, в его расчеты входит формальность процедуры, уже наработанной российскими судами, которые вообще не обращают внимания на содержательную часть прокурорских измышлений и

исходят из принципа: "если обвинен, то виновен". Значительные цитирования без какого-либо анализа и выводы без какого-либо цитирования изобличают полное отсутствие профессионального подхода при составлении заявления г-ном Савчиным. И полную несостоятельность его аргументации, приемлемой лишь для людей, лишенных способностей следовать элементарной и даже примитивной логике и понимать содержательное наполнение текстов на русском языке.

10. В одиннадцатом и двенадцатом абзацах Савчин пытается анализировать еще один фрагмент "Микроманифеста". Но кроме цитаты в одиннадцатом абзаце, ничего, что бы доказывало "экстремизм" приведенного текста, просто не существует. Экспрессивные суждения в адрес телевидения и обещание очистить страну от "халтуры духовных инвалидов" по российскому законодательству не могут быть признаны экстремистскими. Здесь не имеется никаких признаков экстремизма, экстремистской деятельности или их оправдания. Два абзаца столь же несостоятельны, как и все предыдущие, и лишь наполняют заявление "пустой породой". Во многих случаях, известных мне, этого было достаточно, чтобы беззаконно преследовать авторов различных текстов. Полагаю, что именно это и является целью клеветника Савчина.

11. В тринадцатом абзаце, наконец, Савчин приступает к цитированию иных фрагментов книги – непосредственного моего авторского текста. И утверждает, что я призываю присоединиться к "обвинениям конкретной национальной республики в составе Российской Федерации". В результате полной юридической безграмотности, Савчин не видит разницы между субъектом российской федерации и национальностью. Иначе он не городил бы чепухи. Он не в курсе, что термин "национальная республика" не является правовым, а лишь обозначает наименование группы субъектов федерации, ни один из которых не отражает самоопределения какой-либо национальности, ибо это противоречило бы Конституции РФ. Сложно сказать, что имеет в виду Савчин, поскольку в его тексте вовсе нет никакого анализа, никакой доказанной связи между моим текстом и его выводом, но поскольку в данном случае цитируется фрагмент о Чечне, я вправе предположить, что Савчин исходит из аморального и противозаконного принципа "Чечня для чеченцев". Ибо если негативные высказывания с моей стороны по поводу обстановки в Чечне он относит к чеченскому народу, то его подмена имеет именно такой смысл. И тогда Савчин – экстремист, распространитель экстремистских и антиконституционных идей.

12. В четырнадцатом абзаце без всякого отнесения к тексту книги утверждается, что в нем содержатся негативные оценки, неприязнь и вражда в отношении к "лицам нерусской национальности" и "иностранцам". Савчин вновь демонстрирует правовой нигилизм, предполагая, что существуют такие группы: "лица нерусской национальности" и "иностранцы". В российском законодательстве таких групп нет, и негативное отношение к ним никак не затрагивает иные группы, достоинство и безопасность которых закон защищает. Повторюсь, что группы "лица нерусской национальности" в природе не существует. "Нерусской национальности" нет и быть не может. Любая национальность имеет свое наименование, этноним. Также не имеет национальной принадлежности условная группа "иностранцы". Иностранцы (в законах – "иностранные граждане") имеют различную национальность, вероисповедание и другие разнородные признаки, которые не позволяют говорить об иностранцах как о социальной единице. Не будучи знаком с законодательством, Савчин пытается защищать от моих высказываний не только мифические группы, которых он не называет, но также и достоинство отдельных лиц, ни одно из которых не давало полномочий г-ну

Савчину представлять их интересы. Упоминание о таких лицах (без имен) выглядят просто правовым невежеством.

13. В пятнадцатом абзаце содержится две несвязанные цитаты, отстоящие в книге на полторы сотни страниц. Причины совместного цитирования не указываются и логически не просматриваются. Присутствует лишь сообщение, что в этих цитатах нет указания на конкретную этническую группу. С какой же целью приводятся эти цитаты? Ответа у Савчина нет. Можно лишь предполагать, что для подобия законности предъявляемых претензий ему нужен достаточно большой объем заявления. Никакой другой функции, кроме пополнения текста "пустой породой" данный фрагмент заявления не несет.

14. Шестнадцатый абзац приводит несколько цитат из разных частей книги, посвященных негативному отношению автора к тексту действующей Конституции РФ. Никакого анализа этих цитат Савчин не приводит, ограничиваясь лишь констатацией самого факта неприятия мной как автором книги Конституции РФ. Действительно, как специалист по конституционному праву, имеющий опыт работы в составе соответствующего комитета Государственной Думы и опубликовавший немало материалов, посвященных нелепостям Конституции, я отношусь к Конституции негативно, призываю к ее пересмотру, разрабатываю конкретные предложения на этот счет. Между тем, подобного рода деятельность российским законодательством не запрещена. И Савчин это должен знать. Тем более что он в данном абзаце упоминает, что в моем тексте нет призывов к насильственному изменению конституционного строя. Российское законодательство преследует только такого рода призывы – призывы к насилию. Приведенные Савчиным фрагменты лишь посвящены Конституции, но вовсе не каким-либо экстремистским замыслам. Собственно, Савчин таких замыслов в этих фрагментах и не нашел. Мы снова имеем дело с "пустой породой" - никаких признаков доказательства экстремистского характера приведенных фрагментов моей книги просто нет.

15. То же самое касается и семнадцатого абзаца, где приводится фрагмент моего текста о необходимости устранения правовых различий между регионами и перейти к унитарной форме государства. Подобные предложения многократно звучали и продолжают звучать со стороны политиков и ученых. Они ни в коей мере не имеют отношения к проявлениям экстремизма, и присутствие соответствующего фрагмента в тексте заявления Савчина – это полная бессмыслица, отражающая глубокую правовую безграмотность прокурора Красноярского края.

16. Последующие пять абзацев не несут никакой смысловой нагрузки, являясь просто переписанными фрагментами законодательства, никак не связанными с предыдущим текстом – ни одного из фрагментов предшествующей части заявления Савченко они не касаются.

Из сказанного следует, что прокурор Красноярского края М.М.Савчин, представил суду ничем не обоснованные претензии к моей книге "Сможет ли КРО русифицировать Россию", не доказал присутствия в книге каких-либо признаков экстремистского материала, не представил суду никакой связи между текстом книги и своими утверждениями, а также в ряде случаев прямо указал на факты, которые не позволяют рассматривать книгу в целом или ее фрагменты в качестве экстремистского материала (отсутствие указания на конкретные этнические группы, отсутствие призывов к насильственному изменению конституционного строя).

Дополнительно я должен сообщить, что являюсь доктором политических наук и многие годы исследую деятельность русских патриотических и

национальных организаций, разрабатываю основы русского политического мировоззрения, имею сотни публикаций на эту и смежные темы, являюсь автором и соавтором более двух десятков монографий. Все это отражает признание моих профессиональных навыков в создании научных и политических текстов, которые по уровню квалификации далеко превышают квалификацию лиц, которые имеют наглость анализировать мои тексты – с правовой или научной точки зрения. Лишь циничное пренебрежение основами права и моральными нормами может повлечь за собой формирование под видом прокурорского заявления форменного политического доноса – того, что вышло из-под пера г-на Савчина.

Прошу просить меня за экспрессивные характеристики писанины г-на Савчина. Они обусловлены возмущением чрезвычайно низким уровнем подготовки подписанного им документа и очевидными для меня признаками аморализма, правового нигилизма и политического заказа.

На основании представленных мной объяснений и исходя из приведенного выше анализа нелепостей заявления Савчина, прошу отказать в удовлетворении его просьбы признать мою книгу "Сможет ли КРО русифицировать Россию" экстремистским материалом - в связи с отсутствием каких-либо обоснований для подобного решения, а также крайней формой правовой безграмотности, которая в полной мере продемонстрирована прокурором Савчиным.

Впрочем, меня устроит и противоположный результат, который я, исходя из своего опыта анализа деятельности российских судей, считаю наиболее вероятным. В этом случае я буду удовлетворен тем, что политические репрессии касаются меня как человека, стоящего на позиции защиты закона, научной истины, традиций российской государственности, национальных интересов России и русского народа. В этом случае моя правота будет еще раз подтверждена и закреплена документально.

Судьба этого текста мне не известна, хотя он имел вполне процессуальный характер. В ответ мне пришло решение суда. Без какого бы то ни было учета моего мнения, книга была признана экстремистской.

Заниматься апелляционным процессом я не имел никакой возможности. Тем более что позиция суда уже была понятной: надо просто исполнить то, что заказано прокуратурой. Результат рассмотрения дела в суде был предрешен, поскольку заказ, как я понимаю, исходил даже не от прокурора Савчина, а от его чеченских хозяев, которые за прочие "услуги" наградили его своей особой медалью с сапфирами, рубинами и бриллиантами. Прокурор гордо носил эту бляху предателя над всеми государственными наградами.

В сравнении с теми делами, которые прокурор Савчин творил в Чечне, такой пустячок, как признание самой моей безобидной книги экстремистской, было делом, которое проходило автоматически. Действительно, мои права автора книги - ничто в сравнении с попранными правами сотен тысяч людей, изгнанных из Чечни, в сравнении с трагедией десятков тысяч жертв чеченских бандитов. Все это органам прокуратуры было поручено утаить покровом тайны - чтобы освободить бандитов, которые уже уютно окопались на государственных должностях, от какой-либо ответственности за совершенные ими преступления.

После этих безобразий я отыскал в сети портрет Савчина. Передо мной было лицо ничтожества, которое с трудом удерживалось от кривлянья, чтобы на официальной странице выглядеть более или менее пристойно. Но на прочих фотографиях гнилое нутро натуры скрыть не удалось. Прокурор выглядел постыдно, как и его заявление - без ума, без чести и совести.

Но оставим эмоциональные оценки. В данном случае нас интересует лишь практика опоры прокуратуры на некое "исследование", проведенное неназванным специалистом Сибирского федерального университета. Этот документ, вопреки действующему процессуальному законодательству, мне не был предоставлен судом, и о его содержании я мог судить только по заявлению Савчина. Что это был документ совершенно безграмотного человека, сомнений нет. Но чтобы безграмотность "специалиста" превращалась в "материальную силу", она должна была быть помножена на измену долгу со стороны прокурора Савчина и полную некомпетентность судьи Крючкова.

Конечно, ни у одного из фигурантов этого дела не было причин для определения книги как экстремистского материала. Налицо сговор между ними - имитация функциональной безграмотности. Но допустим, что в книге есть какие-то фрагменты, которые интерпретируются как формирование негативного образа защищаемых групп. Каких? Эти группы не названы и анализом не расшифрованы. Хорошо, пусть останется недомолвка. Так сколько страниц из книги в 240 страниц содержит нечто сомнительное, с точки зрения эксперта, прокурора и судьи? Ровно десяток. А книгу запрещают полностью.

Давайте попытаемся понять, что же именно все обозначенные соучастники сговора считают экстремистским.

Сначала я хотел просто привести цитаты, которые стали основой для принятия судом решения. Но потом подумал: ведь в этом случае это будет прямо-таки экстремизмом! Разумеется, в глазах тех, кто продолжает политические репрессии. А вот процитировать судебное решение - это вещь вполне допустимая. В некоторых случаях законодательство прямо-таки требует таких публикаций. Мы видим пользу в демонстрации безумия судебной системы, чтобы каждый, кому это интересно, смог самостоятельно проанализировать, что же стряслось с этой системой.

Вступительные слова, переписанные судьей из заявления прокурора, мы опустим. Это одна страница. Далее цитируем по судебному решению:

Исследовав представленные доказательства, суд считает необходимым удовлетворить заявление по следующим основаниям.

01.06.2012 при проведении Центром по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Красноярскому краю оперативно-профилактических мероприятий в магазине "Светоч", принадлежащем ИП Глошкину С.А. и расположенном по адресу: Красноярский край, г, Норильск, пр. Ленинский, д. 37, сотрудником Центра приобретена за 640 рублей книга "Сможет ли Конгресс Русских Общин русифицировать Россию", автора Савельева А.Н., Москва, ИП Бурина А.В. ("Традиция"), 2011, 240 с. (л.д. 7, 8).

Проведенным специалистом ФГАОУ ВПО "Сибирский федеральный университет" (далее ФГАОУ ВПО СФО) лингвистическим исследованием в указанном печатном издании выявлены высказывания, содержащие негативную оценку группы лиц, объединенной по признакам расы, национальности, происхождения (л.д. 9-22).

В силу ст. 1 Федерального закона 25 июля 2002 года N114-03 "О противодействии экстремистской деятельности" экстремистской деятельностью (экстремизмом) является публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека, нарушение его прав, свобод и законных интересов по

признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

В соответствии с п. 3 ст. 1 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности" экстремистскими материалами признаются предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности.

Согласно заключению специалиста ***ФГАОУ ВПО СФО*** в тексте книжного издания содержатся высказывания, в которых негативно оцениваются как отдельные лица, так и группы лиц, не относимые автором к "русской нации" и в отношении которых декларируются идеи вражды и ненависти. Текст изобилует фрагментами, выражающими отрицательные эмоциональные оценки, негативные установки, оскорбительную лексику в отношении "нерусских" людей, "врагов русских патриотов" и призывов непримиримой борьбы с ними. При этом данные обвинения и оскорбления не направлены открыто в адрес представителей конкретной этнической группы; чаще всего эти группы не называются напрямую, а лишь обозначаются, причем всегда в противопоставлении к "русской нации".

Так, в тексте полностью приведены образцы пропагандистской продукции идеологов Конгресса русских общин, подготовленный в 1996 году, который был назван "Микроманифест" (с. 44-61). Общая структура "Микроманифеста" такова: сначала в острых выражениях описывается конкретная проблемная ситуация, затем дается эмоциональный призыв в виде побудительного лозунга, например: "РУССКИЙ! РАСПРАВЬ ПЛЕЧИ! СКИНЬ УБЛЮДКОВ СО СВОЕЙ ШЕИ!" (с. 46).

Несмотря на то, что прямых указаний на конкретные этнические группы в этих пропагандистских призывах нет, целевая аудитория может вполне однозначно интерпретировать их как обоснованные побуждения к действиям.

На с. 58 автор указывает: "Их власть в НАШЕЙ стране. В российском парламенте возникла "палата мордов" - фракция изменников Родины, мечтающих отделиться от России и уже провозгласивших суверенитет своих уделов. Более двух третей территории страны захвачено свирепыми шовинистическими режимами. Россия, коренные русские земли опять стали дойной коровой, которая оплачивает львиную долю бюджетов национальных автономий... Зато за их счет строят дворцы новые баи и ханы Северного Кавказа и Поволжья".

Далее следует политическое обещание и лозунг: "Союз славянских братьев оторвет собачьи головы расчленителям страны, убийцам ее экономики, расхитителям накопленных веками ценностей, пытающихся превратить русских в толпу рабов, в бессловесное быдло. РУССКИЕ! ТОЛЬКО РУССКАЯ ВЛАСТЬ БУДЕТ МИ-ЛОСТИВА К НАРОДУ, БУДЕТ УВАЖАТЬ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ И ИСТОРИЮ!" (с. 59).

Таким образом, несмотря на отсутствие явных и открытых инвектив в адрес представителей конкретной этнической группы, в тексте книжного издания "Сможет ли Конгресс Русских Общин русифицировать Россию" во множестве обнаруживаются фрагменты в виде оскорбительных утверждений, обвинительных мнений, негативных эмоционально-экспрессивных оценок "нерусских" личностей и групп.

Помимо вышеприведенных, можно указать также на некоторые другие фрагменты "Микроманифеста", в которых использованы оскорбительные

утверждения, обвинения, негативные эмоционально-экспрессивные и субъективно-оценочные суждения, побуждающие к действиям против "врагов русской нации".

Например, "...Картавое телевидение хочет, чтобы мы забыли о полутора тысячах русских мальчишек в чеченском плену, двадцати пяти миллионах преданных властью соотечественниках в СНГ и Прибалтике... Союз славянских братьев вместе с лучшими людьми России очистит страну от этой халтуры духовных инвалидов. Мы вырвем с корнем чернуху с порнухой, а лжецам, глумящимся над нашей страной, прочно заткнем глотки" (с. 56).

Автор книжного издания "Сможет ли Конгресс Русских Общин русифицировать Россию" Савельев А.Н. открыто призывает присоединиться к его обвинениям против вполне конкретной национальной республики в составе Российской Федёрации: "...Соловьёв даже оправдал федеральные затраты на Чечню, превратившие ее бандитское руководство в богатеев, а Грозный - в какую-то султанскую резиденцию: мол, на эту республику упало больше всего бомб. Позвольте, да на эту республику упало как раз слишком мало бомб! Именно так должен судить патриот, который прекрасно понимает, что сегодня Чечня - гнездо бандитизма и эскадронов смерти, которые русофобская власть наймет там в нужном количестве, если ей это потребуется для усмирения русского народа" (с. 209-210).

В тексте издания встречаются высказывания, унижающие и оскорбляющие достоинство человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения, а также содержащие негативную оценку и выражающие неприязненное, враждебное отношение по отношению ко многим лицам "нерусской национальности", "иностранцам".

При этом какой-либо конкретной этнической группы автор не указывает: "Теперь к нам из Африки и Азии с педиками и гомиками прет СПИД, чума, оспа и прочая дрянь. Остановить этот поток грязи некому, потому что для нашей бюрократии иностранец всегда был более уважаем, чем соотечественник" (с. 50). "Хватит нам плодить посольства, парламенты, дипломатические представительства и таможни мелких уделов и ломать шапки перед баями и беками, главная самобытная черта которых - невежество" (с. 60). "...То есть, еврей Соловьев сказал: у вас, русские, рыльце тоже в пушку, да еще погуще, чем у других" (с. 208).

В тексте книжного издания содержится информация, побуждающая к изменению основ Конституционного строя Российской Федерации, в том числе имеющая признаки призыва (но не насильственного характера). Прослеживается вполне четко выраженное неприятие автором Основного Закона Российской Федерации, которое Конкретизировано в следующих высказываниях: "Рыба тухнет с головы, государство - с Конституции. Конституция - не икона, особенно Конституция "на крови", принятая в условиях подавления инакомыслия. Не демократам, совершившим государственный переворот в 1993 г. скулить по поводу о ее незыблемости. Действующая Конституция - это ИХ конституция. Почему МЫ должны стоять перед этим документом навытяжку, если наши оппоненты вытирают о нее ноги?" (с. 59); "...международные проблемы, одолевающие Россию, имеют источник в самой России - в пороках, заложенных в ее государственность, в ее Конституцию, принятую в результате фальсифицированного в 1993 году референдума. Эта Конституция РФ была принята в условиях преследования политического инакомыслия и возможных фальсификаций результатов голосования" (с. 99). На страницах 99-101 приводятся конкретные предложения (по пунктам, всего 8) изменения Конституции.

На с. 194 содержится призыв "ликвидировать все без исключения правовые различия между регионами России, в перспективе - прекратить политическую субъектность регионов, снизив их статус до административно-территориального, в перспективе - перейти к унитарной форме государства", также направленный на изменение существующего государственное устройства Российской Федерации.

Указанное подтверждается актом исследования специалиста (л.д. 11-22), книжным изданием "Сможет ли Конгресс Русских Общин русифицировать Россию", автора Савельева А.Н., Москва, ИП Бурина А.В. ("Традиция"), 2011, 240 с., приобщенным к материалам дела.

В соответствии со ст. 13 вышеназванного Федерального закона на территории Российской Федерации запрещается распространение экстремистских материалов.

Распространение экстремистских материалов приводит к увеличению преступлений экстремистской и террористической направленности, что создаст угрозу национальной безопасности государства.

Согласно ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту интересов Российской Федерации.

В силу ч. 2 ст. 13 Федерального закона "О противодействии экстремистской деятельности" информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения на основании представления прокурора или при производстве по гражданскому делу.

В силу ст. 262 ГПК РФ федеральными законами к рассмотрению в порядке особого производства могут быть отнесены и другие дела.

При указных обстоятельствах суд считает необходимым удовлетворить заявление Прокурора Красноярского края о признании информационного материала экстремистским, признать книгу "Сможет ли Конгресс Русских Общин русифицировать Россию", автор Савельев А.II., Москва, ИП Бурина А.В. ("Традиция"), 2011, 240 с., - экстремистским материалом, копию решения направить в Министерство юстиции Российской Федерации для включения в федеральный список экстремистских материалов.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст . 194-199, 262, 263 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

Заявление Прокурора Красноярского края о признании информационного материала экстремистским - удовлетворить.

Признать книгу "Сможет ли Конгресс Русских Общин русифицировать Россию", автор Савельев А.Н., Москва, ИП Бурина А.В. ("Традиция"), 2011, 240 с., - экстремистским материалом.

Копию решения направить в Министерство юстиции Российской Федерации для включения в федеральный список экстремистских материалов.

Решение может быть обжаловано в апелляционном порядке в судебную коллегию по гражданским делам Красноярского краевого суда через Норильский городской суд в течение месяца со дня принятия решения в окончательной форме.

С.В. Крючков

Итак, выделим из решения те фрагменты, которые обосновали решение суда и попытаемся оценить их без русофобских фантазий:

"Русский! Расправь плечи! Скинь ублюдков со своей шеи!"

"Их власть в НАШЕЙ стране. В российском парламента возникла "палата мордов" - фракция изменников Родины, мечтающих отделиться от России и уже провозгласивших суверенитет своих уделов. Более двух третей территории страны захвачено свирепыми шовинистическими режимами. Россия, коренные русские земли опять стали дойной коровой, которая оплачивает львиную долю бюджетов национальных автономий... Зато за их счет строят дворцы новые баи и ханы Северного Кавказа и Поволжья".

"Союз славянских братьев оторвет собачьи головы расчленителям страны, убийцам ее экономики, расхитителям накопленных веками ценностей, пытающимся превратить русских в толпу рабов, в бессловесное было. Русские! Только русская власть будет милостива к народу, будет уважать русскую культуру и историю".

"Картавое телевидение хочет, чтобы мы забыли о полутора тысячах русских мальчишек в чеченском плену, двадцати пяти миллионах преданных власти соотечественниках в СНШ и Прибалтике... Союз славянских братьев вместе с лучшими людьми России очистит страну от этой халтуры духовных инвалидов. Мы вырвем с корнем чернуху с порнухой, а лжецам, глумящимся над нашей страной, прочно заткнем глотки".

"Теперь к нам из Африки и Азии вместе с педиками и гомиками прет СПИД, чума, оспа и прочая дрянь. Остановить этот поток грязи некому, потому что для нашей бюрократии иностранец всегда был более уважаем, чем соотечественник".

"Хвати нам плодить посольства, парламенты, дипломатические представительства и таможни мелких уделов и ломать шапки перед баями и беками, главная самобытная черта которых - невежество".

"Рыба тухнет с головы, государство - с Конституции. Конституция - не икона, особенно Конституция "на крови", принятая в условиях подавления инакомыслия. Не демократам, совершившим государственный переворот в 1993 г. скулить по поводу ее незыблемости. Действующая Конституция - это ИХ Конституция. Почему Мы должны стоять перед этим документом навытяжку, если наши оппоненты вытирают об нее ноги?"

Заметим, что все эти цитаты относятся к документу, опубликованному в 1998 году. При этом, когда все указанные черты политического режима были очевидны всем, политические репрессии за правду на авторов документа не направлялись, а при имитации смены курса (с приходом к власти Путина) эти суждения стали экстремистскими. При этом никаких этнических или социальных групп ни эксперт, ни прокуратура, ни суд здесь не увидели. Но сочли, что уже само присутствие экспрессивной лексики в отношении тех, о ком они подумали (а это, надо полагать, шайка кремлевских самозванцев, включая этнокриминальные кланы во власти), подлежит уголовному преследованию.

С моей точки зрения, все обозначенные в этих высказываниях преступные группы достойны данных им характеристик - как двадцать лет назад, так и теперь. И меры против них, разумеется, должны быть приняты самые решительные. Экспрессивное их описание вполне соответствует тому, что закон должен сделать со всеми этими преступными группировками, полную солидарность с которыми зафиксировали своими подписями прокурор Савчин, судья Крючков и неназванный эксперт.

Но все это экспрессия минувших лет. На 2011 год приходятся другие слова, которые привлекли внимание прокурора Савчина. Особенно обиделись правоохранители за телеведущего Владимира Соловьева (Шапиро), которые не раз в эфире называл себя евреем.

"Соловьев даже оправдал федеральные затраты на Чечню, превратившие ее бандитское руководство в богатеев, а Грозный - в какую-то султанскую резиденцию: мол, на эту республику упало больше всего бомб. Позвольте, да на эту республику упало как раз слишком мало бомб! Именно так должен судить патриот, который прекрасно понимает, что сегодня Чечня - гнездо бандитизма и эскадроны смерти, которые русофобская власть наймет там в нужном количестве, если ей это потребуется для усмирения русского народа".

"То есть, еврей Соловьев сказал: у вас, русские, рыльце тоже в пушку, да еще погуще, чем у других".

Также в судебном решении как преступные были расценены развернутые предложения по изменению Конституции. Хотя другим авторам и даже высшим должностным лицам говорить об этом позволено, и никто их речи не объявляет "экстремистскими материалами".

"...международные проблемы, одолевающие Россию, имеют источник в самой России - в пороках, заложенных в ее государственность, в ее Конституцию, принятую в результате фальсифицированного в 1993 году референдума. Эта Конституция РФ была прията в условиях преследования политического инакомыслия и возможных фальсификаций результатов голосования".

Что здесь можно было бы подвести под понятие "экстремизм"? Совершенно ничего. Но суду важно не содержание решения, а форма. Есть мотивировочный текст, который независимо от его содержания считается обоснованием, и есть резолютивная часть. Этого достаточно, чтобы суд считался справедливым, а решение законным. Именно такова судебная практика РФ.

Особенно взволновал безграмотного эксперта, а за ним - прокурора и судью, призыв (или предложение?) "ликвидировать все без исключения правовые различия между регионами России, в перспективе - прекратить политическую субъектность регионов, снизив их статус до административно-территориального, а в перспективе - перейти к унитарной форме государства". Да это предложение направлено против существующего государственного устройства - в силу того, что оно абсурдно и разрушительно для государства. И в чем же тут экстремизм? В том, что федеративное устройство - это правильно, а унитарное - преступно? Видимо, политический заказ, который исполнил прокурор Савчин, так и полагает: абсурдная ельцинская Конституция, о которую он сам вытирает ноги, - это священный текст, которому обязательно словесно проявлять лояльность, а при исполнении своих должностных полномочий - плевать на нее.

Читатель догадается, о ком идет речь! - вот что пугает Савчина и его хозяев. Точно, они догадаются. Речь идет как раз о таких, как Савчин, и о его хозяевах. Это им даны уничижительные характеристики. Именно таким "славянские братья" должны "отрывать головы" - лишать должностей, права занимать какие-либо руководящие должности, а в случаях остро проявившихся черт дурной натуры - надолго (и даже навсегда) заключать в места лишения свободы.

С моей точки зрения, ни один из указанных фрагментов не имеет никакого отношения даже к тем злобным нормам "антиэкстремистского законодательства", которые стали причиной для репрессирования тысяч людей, обронивших какое-то "неправильное" слово или сделавших неверный "репост" в социальных сетях. Не говоря уже о приговоренных к реальным срокам за несовершенные преступления.

Разбирая каждую из приведенных цитат, мы не можем увидеть, какую именно группу данный текст унижает. Разве что изменников и преступников. Может быть, Савчин и Крючков узнали в описаниях преступной деятельности свои

деяния? Тогда их поведение вполне понятно: фальсификация дела - это просто продолжение их прежних преступлений.

Что-то страшное должно было случиться с прокурором Савчиным и судьей Крючковым, чтобы они смогли по итогам изучения вышеприведенных цитат заключить, что моя книга имеет следствием "увеличение преступлений экстремистской и террористической направленности". Название этой болезни - измена. Самая настоящая государственная измена: использование своего должностного положения с целью максимального ослабления российской государственности, организации политических репрессий и соучастие в геноциде русского народа. Иных мотивов в действиях группировки, состряпавшей дело против моей книги, я не вижу.

Отмечу, что подобные же измышления антигосударственных мозгов, смешивающих территорию и национальность, проявились в действиях прокурора Приморского края в 2016 году. Об этом мы расскажем позднее.

Убеждать изменников и негодяев в том, что они преступили закон, бессмысленно. Во-первых, потому что они нечувствительны к логике, истине и справедливости. Во-вторых, потому что они имеют покровительство на самых высоких этажах властной "вертикали". Там заказные дела планируют и даже устанавливают норму по "экстремистским делам". Прокуроры обязаны искать и находить "экстремизм" среди русских людей.

Вместо борьбы с преступностью правоохранительная система РФ занимается борьбой с русским народом - с целью лишения его власти и собственности.

Новокузнецкая травля

Кемеровская область является зоной тотального беззакония с момента, когда ее возглавил ***Аман Тулеев***, превративший регион в свое феодальную вотчину - подобие какое-то азиатской сатрапии, где уровень безумства чиновников сопоставим разве что с уровнем их подлости.

Когда-то Кемерово было бунтарским регионом, где шахтеры валили власть коммунистических секретарей и "красных директоров". Но со временем энергия протеста выдохлась, а взамен коммунистической номенклатуры и из ее обломков сформировалась местная олигархия - региональное отделение олигархии общероссийской.

Одним из активных участников шахтерского движения был Юрий Бубенцов, активно включившийся в Русское национальное движение и порой в одиночку противостоящий местным мафиози и "оборотням в погонах". За его острые разоблачительные материалы Тулеев и его преступная группировка ненавидят Бубенцова и стремятся сделать его жизнь нестерпимой - не дать ему заниматься ни общественными делами, ни предпринимательством.

Описание ситуации содержится в Открытом обращении к министру внутренних дел В.А.Колокольцеву, которое я направил в день, когда против Юрия Бубенцова местные "правоохранители" применили целый комплекс противозаконных действий.

Господин министр! Довожу до Вас обстоятельства, характеризующие в целом деятельность сотрудников МВД и служащие ярким примером систематического беззакония, исходящего от них.

Сегодня, 15 апреля 2015 года около 9.30 по местному времени близ г. Мыски Новокузнецкого района Кемеровской области сотрудниками ГИБДД ст. лейтенантом ***Митякиным*** и ст. лейтенантом ***Неверо***вым был остановлен автомобиль жителя Новокузнецка Ю.И.Бубенцова. Предлогом послужило предположение, что его автомобиль похож на угнанный. После опровержения этого предположения сличением документации и заводских номеров, была выдвинута новая гипотеза – якобы, Ю.И.Бубенцов не остановился на сигнал сотрудника ДПС. Представить обстоятельства такого нарушения сотрудники полиции не смогли. Поэтому нашли новую причину для задержания, которая была сообщена им по рации. Якобы, поступила "ориентировка", что машина заминирована и подготовлена к осуществлению теракта ее владельцем. Четыре часа прошли в ожидании взрывотехников и результатом обследования ими автомобиля. Конечно же, никакой взрывчатки взрывотехники не обнаружили. Но, чтобы задержать Юрия Бубенцова любой ценой, была придумана новая причина: якобы, он сбил на проезжей части пешехода. Бубенцов был доставлен в ОВД, где капитан Юрченко удерживал его "до прихода потерпевшего". Потерпевший, разумеется, не явился, и Бубенцов был отпущен после незаконного задержания около 16.00.

Причиной незаконного задержания и выдумывание причин для него была встреча граждан с прибывшим в г. Мыски депутатом Госдумы Н.И.Шатиловым, на которую следовал Ю.И.Бубенцов. Эта встреча была следствием многочисленных заявлений Бубенцова и других пострадавших от действий "угольной мафии", фактически уничтожившей поселок Казас – родовой поселок малого народа шорцев. Ю.И.Бубенцов является общественным активистом, региональным координатором партии "Великая Россия" - единственной общественной организацией, выступающей в защиту малого народа шорцев. Общественная деятельность Ю.И.Бубенцова вызывает злобу и ненависть со стороны хозяев угольных разрезов, чьи преступные деяния он разоблачает в своих публичных выступлениях и обращениях в органы власти, а также со стороны местных чиновников и действующих в интересах "угольной мафии" представителей правоохранительных органов. Юрий Бубенцов не раз незаконно задерживался полицией, а 15 марта 2015 полицией был сорван согласованный с властями пикет, организатором которого он был. Пикет должен был пройти в рамках всероссийской акции против политических репрессий в отношении Русского движения, а также за отмену ст. 282 УК РФ. Акция была сорвана под предлогом заминированности площади, где она должна была состояться. Разумеется, тревога была фальшивой, никаких взрывных устройств сотрудники полиции не нашли. В тот же день Юрий Бубенцов без всяких на то оснований был принудительно доставлен в суд и присужден к административному штрафу по сфабрикованному делу о размещении в электронных сетях двух фотографий полуторалетней давности. В настоящее время дело рассматривается в апелляционной инстанции.

Есть основания считать, что причиной беззаконных действий полиции является личная ненависть к Юрию Бубенцову со стороны начальника УВД г. Новокузнецка ***Г.И.Когана***, который рассматривает преследование общественного активиста как "борьбу с русским фашизмом". Не имея законных оснований для преследований, Коган придумывает беззаконные – включая ложные заминирования и фиктивные нарушения в различных областях деятельности, которыми занимается Ю.И.Бубенцов.

Указанные обстоятельства и описанный здесь показательный эпизод демонстрирует общее состояние МВД, где понятия о законности, совести и чести

давно отошли на задний план, а соучастие в преступлениях чиновников и различных олигархических группировок превратилось в норму.

Мне не довелось разговаривать с главой МВД, но однажды в статусе депутата Госдумы я добился встречи с заместителем министра, который рассматривал мои обращения. Замминистра говорил на "черное", что это "белое", с той же циничной уверенностью, как и рядовой сотрудник ДПС. Исходя из подобных фактов, подтверждается общая репутация всей "вертикали" МВД, которая делает эту правоохранительную структуру непригодной для исполнения функций, возложенных на нее законом.

Господин министр! Я уверен, что мое обращение (как и многие другие подобного рода) не приведет ни к каким результатам. Это проверено многократно в самых различных эпизодах. Но у меня остается слабая надежда, что понятия о чести сохранились хотя бы у Вас. Вы же уже собирались в отставку? Ну, так подобное решение давно назрело! Если Вы не умеете повернуть подчиненную Вам систему к принципу законности, если Вы не можете ничего сделать с построенными до Вас порядками, превращающими органы полиции в преступные группировки, то Вам пора в отставку. Вы уже бессмысленно потратили время на своем посту, ничего не сделав для страны, которая ждет совершенно других отношений между гражданами и полицией, ждет совместной борьбы общества и полиции с преступностью. Но этого нет, и не ожидается даже в перспективе.

Понятно, что на каждой коллегии МВД Вас накачивают на предмет противодействия экстремизму и реагирования на "факты проявления национализма". Но Вас никто не принуждает к беззаконию и поиску правонарушений там, где их нет. Может быть, Вы не в курсе, что национализм – это идеология, а не преступное намерение? И потому МВД действует против тех, кто, как Юрий Бубенцов и активисты нашей партии, исповедует эту идеологию как единственное и последнее средство спасения страны от тотальной коррупции и измены? Может быть, Вам и Вашим подчиненным пора прочесть лекцию, сообщив хотя бы словарные значения слова "национализм"? И с картинками в руках показать, что христианский символ "лабарум" не имеет ничего общего со свастикой? Может быть, таких, как г-н Коган надо заново учить тому, что такое закон, а его непосредственных подчиненных обучать понятию "честь офицера"?

Я уверен, что у Вас нет ответов на все эти вопросы. Или эти ответы будут лукавыми – столь же бессовестными, как и фиктивные протоколы и выдуманные "ориентировки", которыми широко пользуются Ваши подчиненные. Поэтому лучше бы Вам уйти в отставку. Лучше быть незаметным пенсионером, чем бесчестным министром.

Разумеется, проверка не нашла никаких нарушений, а г-н Коган сослался на то, что в глаза никогда не видел Юрия Бубенцова. Тем не менее, именно его усилиями репрессии против русского активиста продолжились, и были направлены также против его семьи.

Несомненно, что г-н Коган был организатором провокации с возбуждением сразу двух административных дел за отысканные на странице "В Контакте" стародавние фотографии. Две фотографии - и сразу два административных процесса в один день. Зачем? Чтобы за два нарушения изъять охотничье ружье. Вот как боится местная мафия Бубенцова, которому довелось в период криминального беспредела 90-х обезвредить пришедшего убить его киллера. Столь сильные духом и нравственно здоровые люди для нынешнего режима воров и изменников не могут не быть опасны.

Решение суда было бесстыдным и беззаконным. Казалось, что есть все основания для отмены этого решения - как по существу вопроса, так и в связи с циничными нарушениями процессуального кодекса. Поскольку Юрию Ивановичу в суде первой инстанции не предоставили право подготовиться и опереться на мнение специалистов, я подготовил Отзыв на абсурдную "экспертизу", которую суд второй инстанции должен был принять как вновь открывшееся обстоятельство. Но судья отказался приобщить в данный документ к делу. Почему? Потому что отзыв не оставлял камня на камне от доводов бессовестного суда.

Отзыв

На ответы ***Г.Ю. Бобровой*** на запросы Отдела ФСБ РФ по Кемеровской области по материалам дел № 5-470/2015 и № 5-471/2015 об административных правонарушениях, возбужденных в отношении Ю.И.Бубенцова, а также на вынесенные судебные решения, использовавшие эти ответы

1. Перед Г.Ю. Бобровой был поставлен вопрос "Содержатся ли в фотографии факты публичного демонстрирования атрибутики или символики экстремистской организации". При этом Г.Ю.Боброва была частным лицом, не имеющим никакого процессуального статуса и каких-либо отличительных признаков как специалиста, который способен квалифицированно отвечать на подобные вопросы. Статус заведующего кафедрой истории, философии и социальных наук ЦПО НФИ Кемеровский государственный университет лишь подтверждает, что Г.Ю.Боброва не обладает достаточными знаниями и опытом экспертной деятельности в вопросах, которые требуют компетентности в области культурологи, политологии, современной политики, а также осведомленности в практике деятельности так называемых "экстремистских организаций". Это следует как из разностороннего профиля деятельности возглавляемой ею кафедры, так и из отсутствия в этом профиле необходимых направлений научного знания для подготовки всякого рода ответов на вопросы сотрудников ФСБ, в чьей деятельности в последнее время прослеживаются противозаконные мотивы – организация политических преследований противников действующей власти. Отсутствие необходимых знаний и готовность давать ответы на любые вопросы в угоду незаконным целям сотрудников ФСБ прямо способствует вынесению неправосудных приговоров и нарушению прав граждан.

2. Поскольку вопрос был поставлен сотрудниками ФСБ таким образом, что Г.Ю. Боброва не могла иначе изучать представленные ей фотографические изображения, чем на предмет наличия в них каких-либо признаков экстремизма, она с момента получения вопросов оказалась в положении, когда ее ответы предопределены вне зависимости от того, какой анализ она проведет. Вопрошающий предлагает оценить "факты". Хотя фотография может лишь косвенно свидетельствовать о неких фактах, служить их отражением. Само по себе изображение никакого "факта" не образует. Тем не менее, в вопросе уже определено, что факт имеет место. И этот факт, якобы, уже связан с экстремистской деятельностью. Самим содержанием вопроса Г.Ю.Боброва поставлена перед необходимостью поиска на фотографии публичной демонстрации атрибутов или символов некоей экстремистской организации, о которой Г.Ю.Боброва не имеет никакого представления. Как будет показано ниже, Боброва получает информацию об этой организации из негодных источников и использует эти источники некритически. Таким образом, вопрос поставлен в некорректной форме и задан лицу, которое не способно на него ответить таким образом, чтобы в ответе

содержались какие-либо признаки правдивого анализа и следующие из такого анализа выводы.

3. Пытаясь ответить на поставленный перед ней вопрос, Г.Ю. Боброва предпочла обратиться к словарным значениям терминов, содержащимся в вопросе. Хотя значения слов в русском языке зависит от контекста и гораздо разнообразнее, чем краткие аннотации, присутствующие в общедоступных словарях. В случае рассмотрения терминов "атрибут", "символ" и "публичный" их значение связанно с культурологическим и политологическим контекстами, которые Г.Ю.Боброва либо проигнорировала (хотя могла обратиться к соответствующей литературе), либо не смогла их осмыслить в силу своей некомпетентности.

4. Научный анализ представленных фотоматериалов Г.Ю. Боброва подменила ссылками на правовые акты и решения судов, которые рассмотрены ею не как ученым, экспертом или специалистом. Обещанный в абзаце, посвященном методической части ответа, "сравнительный анализ" в тексте Бобровой отсутствует. Таким образом, Боброва подменяет отзыв специалиста сообщением, которое является ее частным мнением по поводу использованных ею юридических норм и решений судов. В нем отсутствуют какие-либо собственные умозаключения, какой-либо анализ информации, с которой она работает по своему выбору.

5. Свой ответ Г.Ю. Боброва начинает с копирования норм федерального закона и выдержек из официальной интернет-страницы Министерства юстиции, где указывает на факт признания экстремистской Омской организации общественно-политического объединения "Русское национальное единство" (РНЕ). Затем Боброва ссылается не на текст решения, которого она, судя по ее ответам, в глаза не видела, а на сообщение общественной организации – ***центра "Сова"***, который, как видно из текста приведенной ссылки, Бобровой не известен. Достоверность публикуемых этой общественной структурой текстов ею не проверялась. Между тем, центр "Сова" хорошо известен своим начетничеством, превратными истолкованиями информации о деятельности русских организаций (которые "эксперты" "Совы" считают исключительно экстремистскими и ультранационалистическими). По этой причине все ссылки на центр "Сова" не могут быть приняты во внимание и использованы при вынесении каких-либо решений.

6. Боброва пересказывает решение Омского областного суда, не приводя ссылки на это решение. Ее пересказ не подтвержден, а значит, не может быть признан достоверным. Утверждение о том, что символика Омской организации РНЕ представляет собой "стилизованную свастику", никак не доказано, в тексте ответов Бобровой никаких доказательств не приведено. Что означает: аргументация Омского областного суда Бобровой не известна, и она невольно полагает, что суд против Ю.И.Бубенцова, принявший во внимание ее ответ, будет действовать по прецеденту, хотя это и не предусмотрено российским законодательством. Тем самым, мы имеем в ответе полное отсутствие оснований для суда считать символику областной организации РНЕ "стилизованной свастикой". А тем более, рассматривать этот символ как сходный с символикой нацисткой Германии "до степени смешения" - что требуется российским законодательством для запрета публичной демонстрации такой символики.

7. В силу некомпетентности Г.Ю.Бобровой, ей не известно о деятельности всероссийской организации РНЕ, чей символ был принадлежностью именно этой организации, а не региональной организации, действующей в Омске. До тех пор, пока не признана экстремистской всероссийская организация, невозможно судить о правовом статусе ее символики. Поскольку данная символика не может быть

узурпирована частью организации, даже если эта часть признана экстремистской. Для примера можно предложить рассмотреть азбучную ситуацию, которая в области символики позволяет понять, почему преступная деятельность организации далеко не всегда может определять ее символику как "экстремистскую". Известно, что коллаборационистская армия генерала А.А.Власова РОА использовала исторический российский триколор в качестве своего знамени. Что не помешало в дальнейшем присвоить историческому триколору статус государственного флага Российской Федерации. Из этого примера следует, что использование какой-либо организацией некоего символа, который используется также и другими организациями, в случае признания действий этой организации экстремистской, не может автоматически означать, что другие организации не могут пользоваться данным символом. Доказательство того, что всероссийская организация РНЕ является экстремистской и подлежит запрету, в ответе Бобровой отсутствует. Указание на то, что на представленных для анализа фотографиях Боброва видит символику Омской организации РНЕ, является аналитически несостоятельным. Потому что с той же степенью достоверности можно утверждать, что на фотографиях демонстрируется символика всероссийской организации РНЕ, которая не была признана судом экстремистской и продолжает действовать в различных регионах страны.

8. Весьма странно, что при описании символики РНЕ Боброва пользуется интернет-архивом газеты "Русский порядок"- органа всероссийской организации РНЕ. Хотя никаких подтверждений соответствия данного архива организации РНЕ ею не получено. В приведенном описании используются понятия "коловрат" и "солард", которые не имеют устоявшихся определений и являются терминами, изобретенными в 90-е годы для обозначения разнообразной символики, появившейся в этот период. К сожалению, Бобровой недоступна исследовательская литература, которая помогла бы ей здраво построить свой ответ на вопрос ФСБ. Например, книга Р.Богдасарова "Свастика – священный символ" (М: Белые альвы, 2001), в которой приводится огромное количество иллюстраций с изображениями древних и современных символов свастики, не имеющих никакого отношения ни к нацистской Германии, ни к каким-либо экстремистским организациям.

9. Необходимо отметить грубые недостатки в ответе Бобровой – не только необоснованность самого ответа каким-либо научным анализом, но и несоответствие нумерации ссылок приводимых в тексте, ссылкам в конце текста ответа. Так ссылка на интернет-страницу центра "Сова" приводится дважды, что противоречит содержанию текста ответа, отсылающего к этому материалу. На один и тот же федеральный закон приведено пять идентичных ссылок. Данное обстоятельство свидетельствует о крайне низкой квалификации Бобровой и торопливом составлении ею текста, не имеющего никакой ценности – информационной, аналитической, научной, фактической.

10. Приводя описание символики РНЕ по ее Уставу, который Боброва находит в интернет-сети, она не дает ему критического анализа и противоречит сама себе. По Уставу РНЕ, символика этой организации – восьмиконечная звезда. Хотя выше Боброва бездоказательно утверждает, что это свастика. При этом мы не видим и доказательства того, что символ, называемый "свастикой", действительно, совпадает "до степени смешения" с символикой нацистской Германии. Не зная, что же Боброва считает "свастикой", невозможно установить, о чем же она составила свой отзыв. "Свастикой" Боброва может называть все, что ей заблагорассудится – и это будет вполне в духе представленных ею ответов на вопрос сотрудников ФСБ. К тому же Боброва некритично относится к своими источникам: она не учитывает

возможности ложных или ошибочных публикаций в сети "Интернет". А также неизвестного ей факта о распаде организации РНЕ на несколько общественных структур, носящих такое название и пользующихся сходной символикой. Какое имеет отношение описание символики, которого касается Боброва, к символике Омской организации РНЕ, непонятно. Связь между текстом некого "Устава РНЕ" с доводами Бобровой ничем не подтверждена.

11. Ничтоже сумняшеся Боброва объявляет наличие фотографии в социальной интернет-сети публичной демонстрацией, поскольку вход через социальные сети на страницу, где размещена фотография, является свободным. Это утверждение недостойно специалиста и человека, способного мыслить аналитически. Вход в лес тоже является свободным, но лес не является публичным местом. Публичным может быть признано лишь то место, где есть публика. А публика характеризуется как группа, объединенная преднамеренным интересом в какой-либо зрительной или аудио-демонстрации. Ссылка на очередную словарную статью, расшифровывающую термин "публичный", может использоваться лишь человеком, лишенным понимания предмета, а также того факта, что словари русского языка не относятся к литературе, которая может быть включена в библиографии экспертных, аналитических, научных текстов без критического анализа их содержания, понимания контекста и специальных условий словоупотребления. Кроме того, Боброва ссылается при определении понятия "публичность" на Постановление Президиума Верховного Суда РФ №11 от 28 июня 2011 года, где речь идет о преследовании за уголовные, а не административные правонарушения. Как таковое определение в данном документе отсутствует, и он посвящен совершенно другим вопросам. Применяя соответствующие положения к административному делу, Боброва демонстрирует некомпетентность и попытку взять на себя юридические вопросы о виновности или невиновности подсудимого. Между тем, и в данном Постановлении указано на то, что суды должны разрешать вопрос о публичности "с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела". Именно из обстоятельств дела, наличия мотивов и умысла, а не из попытки ввести ответственность путем объективного вменения. Боброва, дав ссылку на данное постановление, не удосужилась применить к себе прямое указание Президиума ВС РФ: "При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды". К сожалению, это положения было также проигнорировано и судом.

12. Из текста запроса в адрес Бобровой со стороны заместителя начальника отдела УФСБ Кемеровской области по г. Новокузнецку ***Ю.И.Вилкова*** следует, что для исследования Бобровой были получены материалы – черно-белые распечатки интернет-страниц. Между тем, Боброва пускается в рассуждения о цветовых характеристиках символики РНЕ, которое не имеет отношения к делу и лишь замусоривает ее ответ посторонней информацией, создавая иллюзию осведомленности – к сожалению, за пределами существа дела.

13. Из текста ответа следует, что Боброва не является судебным экспертом и не была проинформирована судом об ответственности за заведомо ложные показания. В данном случае мы имеем материал, в котором суд был

дезинформирован явно некомпетентным лицом, не имеющим к тому же никакого процессуального статуса. Между тем, как работник сферы образования, как гражданин, Г.Ю.Боброва, согласившись дать ответы на вопросы сотрудника ФСБ, должна была изучить весьма непростой вопрос, а не пользоваться материалами из сети "Интернет". В данном случае Боброва несет на себе вину за то, что она не знала, но обязана была знать те факты и обстоятельства, которые позволили бы ей квалифицированно ответить на поставленные перед ней вопросы. Не имея соответствующей квалификации и не владея нужной информацией, Боброва обязана была отказаться отвечать на вопрос сотрудников ФСБ. Согласившись в таких обстоятельствах давать ответ, она проявила безответственность как специалист и бесчестность как гражданин.

14. Характер публикаций в социальной интернет-сети "В контакте" не позволяет установить их авторство, поскольку при отсутствии соответствующих блокировок на личной странице пользователя, публикации на этой странице может размещать любой пользователь. И это прямо следует из материалов, представленных Бобровой для исследования. В первом случае изображение человека в камуфляжной форме с символом РНЕ на рукаве разместил некий "Игорь Таврия", а не владелец страницы. Из материалов, представленных для анализа, невозможно установить даже то, размещена ли данная фотография на личной странице Ю.И.Бубенцова – на ней нет никаких "опознавательных знаков" этой страницы. Во втором случае представлена фотография в виде "репоста" (повторения публикации) с другой страницы других пользователей социальной сети. На фото отражено общественное мероприятие, состоявшееся 4 октября 2013 года в годовщину памяти жертв событий 1993 года, которое состоялось в центре Москвы у здания Правительства РФ и не вызвало никаких нареканий у правоохранителей (свидетельствую как очевидец этой акции). В центре данной фотографии находится сам Ю.И.Бубенцов, а вокруг него – символика многих организаций. Поэтому целью размещения фотографии в социальной сети является информирование об участии Ю.И.Бубенцова в общественном мероприятии, а вовсе не демонстрация какой-то символики. Этот вывод настолько очевиден, что не требует каких-то специальных умозаключений.

15. Чтобы у двух возбужденных против Ю.И.Бубенцова административных дел (идентичных по содержанию) была субъективная основа, он должен иметь возможность знать о том, что на его странице в сети "В контакте" размещена символика запрещенной организации. Между тем, общеизвестным для граждан является только запрет на символику нацистской Германии, о которой они осведомлены в результате множественной и многолетней демонстрации в средствах массовой информации при соответствующих комментариях. Данные о какой-либо другой запрещенной символике в российских СМИ отсутствовали, а потому сведения о том, что какая-либо символика принадлежит запрещенной организации, в принципе не может быть доступной российскому гражданину. Таким образом, Ю.И. Бубенцов или другие пользователи социальной сети "В Контакте" могли размещать на его странице информацию в виде фотоматериалов, не имея самой возможности знать, что на них присутствует символика где-либо запрещенных организаций. Объективное вменение вины, с которым мы сталкиваемся в данном случае, не является законным.

16. В материалах дела, с которым мне также довелось ознакомиться, с очевидностью присутствуют признаки политического процесса, замаскированного под административный. Сам интерес сотрудников ФСБ к личной странице Ю.И.Бубенцова вполне симптоматичен: они выполняли распоряжение своего

руководства что-либо найти на этой странице. И нашли фотоматериалы полуторогодовой давности. При этом оценку найденных фотоматериалов провели не сами сотрудники ФСБ, а безответственное и некомпетентное лицо - Г.Ю.Боброва. В материалах дела Боброва называется "специалистом-лингвистом" (с. 6), хотя ее "ответ" опирается исключительно на материалы юридического содержания и противоречит п. 23 Постановления ВС РФ №11 от 28 июня 2011 года. Мало-мальски подготовленный сотрудник ФСБ вполне мог провести соответствующую работу, не привлекая наугад взятого "специалиста". Отсутствие такой работы прямо указывает на попытку сотрудников ФСБ снять с себя всякую ответственность за достоверность сведений, сообщаемых "специалистом".

17. При идентичных обстоятельствах злонамеренно возбуждены сразу два административных дела. Вопрос о двух фотографиях, на которых якобы обнаружена какая-то предосудительная символика, мог и должен был решаться в одном судебном заседании по одному делу. Искусственное разделение дела на два процесса – прямое свидетельство злого умысла инициаторов преследования Ю.И.Бубенцова. Указание в решениях суда на "повторность" совершения Ю.И.Бубенцовым административного правонарушения является грубой подтасовкой, поскольку оба дела рассматривались одновременно, и утверждение в судебном решении о "повторности" было лишь следствием искусственного разделения одного дела на два.

18. Также обращает на себя внимание тот факт, что оба идентичных дела, требующих внимательного изучения со стороны обвиняемого, закончены в течение одного заседания, что лишило Ю.И.Бубенцова возможности обратиться к специалистам и опровергнуть доводы Бобровой. Что также противоречит п. 23 Постановления ВС РФ №11 от 28 июня 2011 года, который в частности гласит: "Исходя из положений статьи 198 УПК РФ судам при рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности надлежит обеспечить подсудимому возможность ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы независимо от ее вида и с полученным на ее основании экспертным заключением либо с сообщением о невозможности дать заключение; заявить отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве эксперта указанного им лица либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, о внесении в определение (постановление) о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту". Более, того судебные заседания были проведены непосредственно перед публичным мероприятием 15 марта 2015 года, заявителем которого являлся Ю.И.Бубенцов. Поэтому решения суда можно истолковать как воспрепятствование участию граждан в публичном мероприятии, за что российским законодательством предусмотрена уголовная ответственность.

19. Из вынесенных судом решений прямо видно, что в них переписаны не имеющие отношения к делу нормы законодательства РФ о запрете публичной демонстрации нацистской символики. Никаких аргументов о том, что Ю.И.Бубенцов использовал именно нацистскую символику, в решениях суда не присутствует. К тому же решение суда изобилует ошибками, свидетельствующими об отсутствии у судьи ***Е.С.Соколовой*** какого-либо понимания дела. Так, в решениях судов за ее подписью присутствует пересказ слов Ю.И. Бубенцова, где слово "родноверие" передано как "равноверие". Кроме того, в тексте идентичных решений суда (с. 38) говорится о символике "экстремистской организации "Русское национальное единство"", хотя ссылка дается на решение Омского областного суда о запрете другой организации – Омской организации РНЕ. Использование судом

этой и других несообразностей из ответа Г.Ю.Бобровой изобличает судью Е.С.Соколову в крайне низком уровне компетентности и отсутствии заинтересованности в законном ведении дел. Таким образом, суды, вынесшие решения о виновности Ю.И.Бубенцова, также имеет признаки заказного политического процесса, проведенного в целях его преследования за общественно-политическую деятельность.

Выводы:

1. Отзывы Г.Ю.Бобровой, приобщенные к материалам двух административных дел, возбужденных против Ю.И.Бубенцова, дезинформировали суд и привели к судебной ошибке – вынесению обвинительного решения без надлежащих оснований. Тексты этих ответов не относятся к категории экспертных заключений, аналитических справок или научных исследований. Это произвольное мнение постороннего лица, не обладающего необходимой квалификацией для ответов на поставленные вопросы, которое не подлежало приобщению к материалам дела, а тем более – использованию в решениях суда.

2. Действия сотрудников ФСБ и судьи Центрального районного суда г. Новокузнецка Е.С.Соколовой имеют все признаки нарушения российского законодательства – преследования гражданина Ю.И.Бубенцова за его законную общественно-политическую деятельность.

Мне довелось испытать на собственном опыте режим "тулеевщины", когда при посещении Кемеровской области в течение нескольких дней не прекращалась слежка, которая последовала за нами даже в таежный поселок Тебе. По итогам этого визита я отправил Аману Тулееву благодарственное обращение:

Посетив Кемеровскую область с дружественным визитом, я с удовольствием узнал, что Ваши сотрудники, работающие в различных ведомствах, чутко следили за моими перемещениями и, видимо, страховали от каких-то неизвестных мне неприятностей.

Во время моей поездки в поселок Казас, стертый с лица земли угольщиками и чиновниками (их почему-то здесь называют "угольной хунтой"), на подъезде меня встретили четыре автомобиля разных ведомств, включая группу быстрого реагирования ЧОП "Альфа", каких-то администраторов, которые были так скромны, что не представились, каких-то общественников, наблюдавших за мной издалека, а также людей в пятнистой форме, которые почему-то решили, что я буду прорываться к угольным разрезам и добывать стратегическую информацию о внешнем виде мест, где некогда была девственная тайга, а потому приняли характерную позу "ноги врозь, живот вперед".

Кроме того, молва о моем приезде последовала за мной и в отдаленный поселок Тебе, куда мы с друзьями поехали "на шашлыки". Тут нас с радушием встретила глава администрации, которой было поручено проконтролировать наши перемещения к реке Томь. Не исключаю, что и наши погружения в реку также фиксировались добродушными и скромными сотрудниками Вашей администрации.

Наконец, уже после того, как я уехал из Кемеровской области, в очень честном и информированном издании "Родной Новокузнецк" был опубликован материал о том, что я планирую в области множество мероприятий, о которых я не подозревал. Также были сообщены мои тайные мысли, о которых я не догадывался. Предположения автора зашли столь далеко, что я уже подумал, что меня перепутали с прибывшим инкогнито из каких-то тайных зарубежных

центров сотрудником иностранных спецслужб, который к тому же является нацистом, фашистом и вообще планирует в области государственный переворот. К сожалению, автор несколько опоздал, обещая жителям области мой визит, который к тому времени уже закончился. Но это не отменяет ценности его информации, которую, конечно же, уже использовали вверенные Вашему руководству правоохранители, включая г-на Когана, который особенно внимателен ко всем русским людям, которые еще не забыли о том, что они – русские. В особенности он занят сопровождением каждого шага моего друга Юрия Бубенцова, с которым он никогда не встречался, но безмерно внимателен к каждому его помыслу, и даже к тем мыслям, которых у него никогда не существовало.

Я глубоко тронут таким вниманием и уверен, что организаторы теплого приема уже отчитались перед Вами о выполненной и перевыполненной работе. Прошу от моего имени выразить всем им глубокую благодарность. Надо быть очень гостеприимными людьми, чтобы так внимательно относиться ко мне и моим друзьям. Впрочем, может быть, они настолько догадливы, что просто поняли, что я непременно должен прибыть в Новокузнецк в день, который мы определили только в телефонном разговоре, не рискнув тревожить Вас по столь пустяковому вопросу. Проникновение в наши тайные мысли – это новое слово в административном управлении, за которое Вы по праву можете ожидать благодарности от руководства страны. Оно наверняка послужит интересам граждан и внедрению повсеместной обстановки благонамеренности.

Не сомневаюсь, что Ваши таланты настолько бесценны, что на грядущих региональных выборах Вы вновь будете назначены главой области, ибо без Вас люди здесь начнут делать, что им вздумается, а чиновники станут самовольно исполнять закон, не оглядываясь ни на какие авторитеты. Да и мне будет без Вас одиноко во время следующего визита в область. Я так привык к опеке Ваших сотрудников за два дня, что уже и не мыслю остаться безнадзорным.

Желаю Вам воздаяния за все Ваши дела. Будьте здоровы, и дайте шанс обществу по достоинству оценить все, что Вами сотворено за долгие годы труда на губернаторском поприще!

На выборах в Государственную Думу Тулеев организовал в Кемеровской области тотальную фальсификацию, "подарив" кремлевской олигархии беспрецедентный результат как по числу явившихся на избирательные участки, так и по проценту любящих своих поработителей, которые отдали им свои голоса. Правда, не прошло и полугода, как два заместителя Тулеева были арестованы и против них возбуждены уголовные дела по обвинению в вымогательстве.

Критика или возбуждение?

"Антиэкстремистское" законодательство предполагает запрет на возбуждение ненависти к социальным группам. Что такое "социальные группы" никто не знает, законодатель никакого определения не дал. Это дало в руки репрессорам удобный инструмент. Любую группу они готовы объявить "социальной". И в этом им помогают так называемые "эксперты", услужливо фабрикующие тексты, доказывающие, прежде всего, что социальной группой являются чиновники, "государственная власть" и даже "Президент".

Прокурор, получив экспертизу с таким определением, должен был выбрасывать подобный документ в мусорное ведро и выносить постановление о фальсификации экспертного заключения. Но прокуроры, обслуживающие

политические процессы, готовы прикидываться людьми, которые не понимают русского языка и во всем полагаются на экспертов. Затем все это переходит в суд, где судья разыгрывает такой же спектакль.

Поскольку в РФ нет прецедентного права, на каждом судебном процессе полагается обсуждать вопрос, являются ли чиновники "социальной группой" или нет. Одно из моих заключений в прежние времена было принято судом, и попытка репрессировать политического активиста за критику властей была пресечена. Но со временем режим стал все более цинично переходить к репрессиям, а последние остатки совести улетучились из судейского корпуса.

Кирилл Барабаш, летный подполковник, стал известен своими резкими высказываниями, призывавшими офицеров следовать присяге и пресекать измену вокруг себя, в том числе и с помощью личного оружия. Найти в своем профессиональном цеху смелых единомышленников он не смог, и постепенно включился в Русское движение, постепенно обретая лицо грамотного политика, который четко аргументирует свою позицию. Но репрессивная система уже обратила на него внимания, и ее не интересовало, по какому поводу возбудить против Кирилла Владимировича уголовное дело.

Сначала столичные "правоохранители" прицепились именно к резким формулировкам в адрес чиновников. Заказав каким-то проходимцам "экспертизу", они возбудили дело о возбуждении ненависти в вражды в отношении "социальной группы чиновники". Мне адвокатом Кирилла Барабаша было предложено провести исследование этого вопроса.

Внесудебное социолого-политологическое исследование

Вопрос, поставленный перед специалистом:

Относятся ли чиновники, в том числе сотрудники правоохранительных органов и министры к социальной группе, если относятся, то по каким признакам они выделяются из остального населения России?

В результате проведённого исследования установлено следующее:

Поставленный передо мной вопрос содержит в себе несколько проблем:

- определение понятия "социальная группа";
- соотнесение с этим понятием группы лиц, очерченной понятием "чиновники" ("должностные лица");
- соотнесение с понятием "социальная группа" понятия "представители власти", "сотрудники правоохранительных органов", "министры";
- признаки групп, определяемых указанными понятиями.

1. Термин "*социальная группа*" не только в публицистике, но и в науке, не имеет однозначного определения, и его значение возможно установить только из контекста. Соответственно, отсутствует и четкое правовое понятие термина "социальная группа". Кроме того, в современном обществе свободный выбор стилей жизни приводит к постоянному переходу индивида из одной социальной группы в другую, и границы между ними размываются. В то же время, понятие остается функциональным, поскольку позволяет вполне однозначно установить, что не является социальной группой – так называемое "апофатическое" (отрицательное) определение по свойствам и признакам, которые должны отсутствовать у определяемого объекта или по указанию на объекты, которые не являются определяемым объектом. Подобное определение используется не только в богословии и гуманитарных науках, но и в естественных и даже точных науках.

Классик социологической науки Макс Вебер предпочитал пользоваться термином "статусная группа". При этом он писал: "Общество — это конгломерат

социальных групп, причем частичные расхождения во взглядах и интересах обусловлены различным статусом, а частичное совпадение во взглядах и интересах требует исследования имевших место в прошлом конфликтов и причин их возможного разрешения, ведущего к формированию модели господства и согласия" (Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994, С. 569).

Имеющиеся на сегодняшний день определения крайне неудовлетворительны. Например, в системе образования утвержден следующий стереотипный ответ на вопрос: что такое "социальная группа", вошедший также в социологические словари: "Социальная группа — объединение людей, имеющих общий значимый социальный признак, основанный на их участии в некоторой деятельности, связанное системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами". (Пособие для подготовки к ЕГЭ 2011: Обществознание, М., 2010). Таким образом, в данном случае мы видим отсылку определения социальной группы к признаку, сформированному некоей деятельностью и системой отношений, которые в свою очередь регулируются социальными институтами.

В учебной и научной литературе признается, что "социальная группа" фактически не имеет общепринятого определения: "Несмотря на то, что понятие группы является одним из самых важных в социологии, у ученых нет полного согласия относительно его определения" (Фролов С.С. Социология. Учебник для вузов. – М.: Наука, 1994).

В частности, невозможно соотнести никакую группу "представителей" социальной группы (даже если ее можно мысленно отождествить как совокупность всех людей, входящих в данную группу) с самой социальной группой: "Мы не можем отождествлять агентов, объективирующих позицию, с самой позицией, даже если совокупность этих агентов является практической группой, мобилизованной для единых действий ради общего интереса" (Ю. Л. Качанов, Н. А. Шматко Проблема реальности в социологии: как возможна социальная группа? // Социологические исследования. 1996. № 12, с. 90-105.)

Таким образом, даже осознанное самоотнесение индивидов к социальной группе вовсе не означает, что они к этой группе принадлежат и даже что эта группа существует. Социальная группа оформляется на самых разных основаниях не столько по самоопределению, сколько по внешнему признанию - с точки зрения других людей, а точнее – как факт общественного сознания, определяющего конструкцию общества в целом и отражающий наличные социальные отношения. Фактически это означает, что нестабильные общества (а российской общество относится к таковым) не имеют устойчивых социальных групп, устойчивой социальной структуры общества. За исключением больших социальных групп, которые учитываются по социально-демографическим, антропологическим и культурным факторам и имеют объективную природу: возрастные, имущественные, соотнесенные с уровнем работоспособности, образования и т.д., а также с расой, религией и этнической принадлежностью. В тоже время формально-юридическое определение многих из этих групп практически невозможно, поскольку научные методики определения границ этих групп крайне трудоемки и методически недостаточно проработаны. В Российской Федерации не существует формальной и где-либо зафиксированной методики отнесения (и даже самоотнесения) граждан к расе, религии, этносу, той или иной имущественной группе и так далее.

Само наличие некоей группы должно означать стабильность ее как явления, а это значит – стабильность социальных отношений. Только в этом случае

возникают признаки группы: однородность, групповое сознание, внутреннее взаимодействие (вместе с системой знаковой коммуникации), идентичность (вместе с "опривычиванием" в качестве члена данной группы) и внешнее признание (вместе со "стигматизацией" - символьным оформлением "ярлыков").

2. Обычно под словом "чиновник" понимают государственное должностное лицо, имеющее чин. Это понятие перенесено в современную жизнь через публицистику. По смыслу понятию публицистическому понятию "чиновник" соответствует юридическое и научное понятие "должностное лицо". Во всех случаях речь идет о связи лица с исполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей или же специальных государственных функций (например, полученных в результате выборов). При всем разнообразии определений, "должностное лицо" - это всего лишь "лицо при должности (чине)", которое наделено функциями принятия решений. Следует разделять должностное лицо, исполняющее государственные функции и должностное лицо общественной организации или частного или государственного предприятия.

Следуя логике вопроса, поставленного перед экспертом, необходимо заметить, что должностное лицо на государственной службе и в сфере предпринимательства исполняет свои обязанности на платной основе, а в общественных организациях зачастую – "на общественных началах", то есть, бесплатно. Что в значительной мере исключает мотив обеспечения личных потребностей за счет исполнения служебных обязанностей.

Отметим, что при рассмотрении понятий "чиновник", "должностное лицо" речь идет не обо всех госслужащих и не обо всех сотрудниках предприятий и общественных организаций, а только лишь о тех, кто принимает организационно-распорядительные и административно-хозяйственные решения. Именно такое понимание должностного лица, действующего на государственной службе, имеется в Уголовном Кодексе РФ. Расширенное понимание "должностного лица" имеется в КоАП РФ (ст. 2.4), которое включает в себя не только должностных лиц государственной службы, но и работников "иных организаций", исполняющих сходные функции. В публицистике зачастую смешиваются понятия "представитель власти" и "должностное лицо". Представитель власти – не всякое должностное лицо, а лишь должностное лицо, наделенного законными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Таково понимание "представителя власти" в УК РФ. "Представитель власти" обнаруживает свой статус во взаимоотношении с гражданином. Чаще всего это происходит при исполнении обязанностей работников правоохранительных и контролирующих органов. Таким образом, "представитель власти" - это лишь частный случай "должностного лица". Поэтому, рассматривая статус формальной группы "должностные лица" (чиновники), мы одновременно рассматриваем и формальную группу "представители власти".

Российское право не предполагает наличие у государственных или муниципальных должностных лиц (при исполнении ими своих обязанностей) обособленных от общества в целом интересов, что противопоставило бы их всему обществу и сложившимся или складывающимся социальным группам. Напротив, все формальные группы, которые можно было бы составить из должностных лиц госслужбы или муниципальной службы, должны в своей деятельности исходить из интересов общества, а также законных интересов социальных групп. Реальная практика далека от правовых норм, и в рамках корпоративно-бюрократической дегенерации государственных институтов вполне могут формироваться

обособленные интересы должностных лиц или их неформальных корпораций. В то же время таковые интересы носят неправовой характер и не признаются как обоснованные другими формальными или неформальными группами и обществом в целом.

Данные исследований последних лет свидетельствуют, что в России образовался общий психологический "профиль" группы "должностные лица". Но в данном случае это означает не формирование социальной группы, а лишь определенных профессиональных навыков, неформальных правил за пределами должностных полномочий и корпоративной солидарности, порой переходящей черту закона. Что касается обособленных интересов данной группы, то государственная власть предпринимает усилия, чтобы таковые у государственных служащих не появлялись. Чему способствует принятие различными органами государственной власти "этических кодексов". В частности, Модельный Этический кодекс государственного служащего РФ гласит: "1.2. Государственный служащий не имеет права подчинять государственный интерес частным интересам индивидов или политических, общественных, экономических и любых других групп" (Проект подготовлен в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Руководитель творческого коллектива - профессор Академии, доктор философских наук В. М. Соколов).

Аналогичные положения содержатся в Модельном кодексе поведения для государственных служащих (приложение к Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 11.05.2000 NR (2000) 10 о кодексах поведения для государственных служащих): "Государственный служащий не должен допускать, чтобы его частные интересы сталкивались с его публичными служебными обязанностями" (ст. 8) и так далее. Также см. Указ Президента Российской Федерации от 12.08.2002 № 885 "Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих": "не оказывать предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независимыми от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций" (п. 1, г). Идентичное положение включено в Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренного 23.12.2010 президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции.

Все это означает, что профессиональные требования к госслужащему предполагают отсутствие в его действиях и решениях какой-либо приверженности (или, напротив, негативного отношения) к интересам определенной социальной группы. Государственная служба предполагает реализацию совокупного социального интереса всего общества. То же самое касается и работников прокуратуры, суда, правоохранительных органов, правительства, президента и так далее.

В общественных и предпринимательских структурах должностные лица могут отражать интересы определенных групп, и это может быть предписано соответствующими уставными задачами организаций и предприятий. Тем не менее, сами должностные лица в этом случае включены в какую-либо группу и обязаны выражать ее интересы в соответствии со своей должностью. В частности должностное лицо может быть обязано отстаивать интересы определенной социальной группы, на которую ориентирована соответствующая общественная или предпринимательская структура. Вместе с тем, платный характер исполнения обязанностей предполагает, что социальная функция носит обусловленный характер и исполняется в порядке найма, а не сложившихся социальных

отношений. Даже при совпадении жизненных ориентиров должностного лица, осуществляющего деятельность в интересах определенной социальной группы, служебный характер этой деятельности отделяет должностное лицо от социальной группы. Специфика работы по найму обособляет должностное лицо специфической сферой ответственности. Вхождение в соответствующую социальную группу может быть только неформальным, а формальные обязанности по должности от самой этой группы отделены именно спецификой функциональных обязанностей, осуществляемой за плату. Социальная группа в целом, даже если должностное лицо отстаивает ее интересы, не обладает соответствующей характеристикой: она не может состоять из лиц, которые за плату осуществляют защиту интересов группы. Это было бы абсурдом, и таких социальных групп просто не существует. Таким образом, негосударственные должностные лица ни в совокупности, ни будучи распределены по своими профессиональным ориентациям не представляют собой социальной группы и не могут сформироваться в такую группу в принципе.

Поскольку все должностные лица при исполнении своих полномочий действуют в рамках российских законов и должностных инструкций, без которых организационно-распорядительная и административно-хозяйственная деятельность немыслима (потому что немыслимо безответственное и произвольное исполнение соответствующих функций), мы имеем не сложившиеся естественным путем стереотипные формы поведения или соотнесения себя с группой, а установленные законом, уставом, инструкцией – то есть, формальными правилами.

Государственные должностные лица по смыслу своей деятельности не могут ни в совокупности, ни раздельно (при любом принципе деления и подбора в воображаемую общность) быть соотнесены с социальной группой, ибо "социум" (общество) обособлен от государства именно неформальным порядком его формирования и свободной ассоциацией в общественные структуры. Даже если госслужащие входят в какие-то социальные группы, то это вхождение не может быть связано с их должностными обязанностями. Например, группа "многодетная семья" может отчасти состоять из лиц, которые находятся на государственной службе и являются должностными лицами. Но при этом их вхождение в социальную группу никак не касается их должностного статуса и находится вне пределов исполнения должностных обязанностей.

Поскольку "должностные лица" могут относиться к совершенно разным этническим, религиозным, имущественным, возрастным и так далее группам, они не могут представлять какой-либо большой социальной группы. В силу разнообразия своей деятельности и связанными с ними социальными отношениями, "должностные лица" не могут быть выделены в отдельную социальную группу. Таким образом, "должностные лица" в своей совокупности никак не являются социальной группой и ни при каких условиях такую группу образовать не в состоянии.

Исходя из любых оснований, по которым определяется "социальная группа" (научных или публицистических), регламентирование деятельности приказами и дисциплинарной ответственностью не могут быть совместимо с этим понятием. "Социальная группа" в любом случае - явление неформальное, не предполагающее отношений начальник-подчиненный, наниматель-наемный работник. В ней этические (в целом – поведенческие) нормы складываются под влиянием многих факторов – исторически - а не утверждаются приказом. Для должностных лиц любых государственных, общественных, предпринимательских служб понятие "социальная группа" является внешним и никак не может быть применено ни к совокупности должностных лиц (чиновников, представителей власти, министров,

президента и так далее), ни к их профессиональным группам (включая правоохранительные).

3. В российском законодательстве к правоохранительным органам относят военизированные органы, осуществляющие оперативную или следственную деятельность на основании специальных законов. Таковыми являются органы прокуратуры, МВД, Следственный комитет, ФСБ, Министерство юстиции, ФСКН и некоторые другие службы. Все эти структуры являются не только формальными (утвержденными и нормами закона), но и построенными на принципах, свойственных военным организациям. Регламентация деятельности всех этих структур не имеет ничего общего со свободным самоопределением входящих в них лиц, что является обязательным свойством социальной группы. Любые изменения в деятельности указанных органов предполагают издание нормативных актов и приказов. Даже отношение к данным структурам формализовано приказами о назначении или отстранении от должности. Социальным группам подобные отношения не свойственны. Само определение социальной группы можно дополнить ее непременным признаком: отношения в социальной группе формируются свободно, в социальной группе не может быть никаких отношений формальной иерархии.

Обратим внимание на своеобразие формирования этических норм в формальных структурах, к которым относятся правоохранительные органы.

В "Положении о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утв. постановлением ВС РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-I) с изменениями от 22 августа 2004 г., 1 апреля 2005 г." сказано: "Сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, состоящие в должностях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел или в кадрах Министерства внутренних дел Российской Федерации, которым в установленном настоящим Положением порядке присвоены специальные звания рядового и начальствующего состава органов внутренних дел".

В Кодексе этики прокурорского работника сказано: "Являясь представителями государства, прокурорские работники...". Тем самым, прокурорские работники составляют группу представителей государства, а не какой-либо социальной группы. Также Кодекс предполагает, что работники прокуратуры действуют, "не оказывая предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам". Следовательно, для них понятие "социальная группа" является внешним и никак не может быть применено собственно к совокупности прокурорских работников.

Приказ Генеральной прокуратуры от 17.03.2010 № 114 гласит: "Руководителям органов и учреждений прокуратуры исходить из того, что нарушение прокурорским работником норм Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации учитывается при решении вопроса о привлечении его к дисциплинарной ответственности, а в случае, когда данное нарушение выразилось в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника, влечет наложение дисциплинарного взыскания". Что означает утверждение этических норм в приказном порядке, что исключено для социальных групп.

Аналогичным образом сформулированы положения этического кодекса работников ФСИН (Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 г. № 5 "Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы") – об отсутствии предпочтений какой-либо социальной

группе. Следовательно, работники таких ведомств никак не могут составлять социальной группы, которая естественным путем стремится удовлетворить свои интересы, а значит, отдает им предпочтение перед интересами других групп. Задача государственных органов и должностных лиц состоит в том, чтобы законными методами гармонизировать отношения между социальными группами.

Имеется и кодекс этического поведения сотрудника ФСБ, но, к сожалению, публикацию его полного текста обнаружить не удалось.

Сотрудники правоохранительных органов в этих и подобных им документах ни разу не названы ни группой, ни, тем более, социальной группой. Таким образом, если в основном юридическом документе статус сотрудников и не определен в качестве социальной группы, то вряд ли любые другие допущения и абстрактные конструкции могут быть основанием для квалификации этих сотрудников в качестве социальной группы, да к тому же еще с особым юридическим статусом.

В статьях ФЗ №114-ФЗ от 25 июля 2002 г. "О противодействии экстремистской деятельности" понятие "социальная группа" использовано лишь однократно: "экстремистские материалы - предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы" (ст. 1, п. 3).

Речь идет о таких социальных группах, которые имеют массовый характер и которые образуются в представлении преступника - на основе какой-либо дискредитированной в глазах общества идеологии (нацизм, расизм и др.) или связанных с ними предрассудков - и предполагают в отношении этой группы различные действия (терроризм, расовую или религиозную дискриминацию и др.). Закон обращает внимание на судьбу больших социальных групп, а не профессиональных или малых групп, в отношении которых или между которыми может существовать вражда и рознь, преодолимые лишь применением других методов, не связанных с противодействием экстремизму (например, уголовного и административного права).

В данном законе речь идет о таких конфликтах, которые вызывают (ст. 10), "нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда". Нет никаких оснований полагать, что конфликты между госслужащими, чиновниками, должностными лицами, с одной стороны, и гражданами, с другой стороны, могут представлять такую угрозу, поэтому они не относятся к разряду экстремистских. Ничего не говорится о такой возможности и в самом законе. Это и разумно, поскольку конфликтность в отношениях чиновник-гражданин, начальник-подчиненный являются повсеместной и естественной при условии разнородных интересов и противоречивых статусов, а также в связи с кризисным состоянием государственной службы (некомпетентность, коррупция и т.д.).

Таким образом, смысл положений закона очевидным образом демонстрирует ориентацию на проблемы большой социальной группы, а не каких-либо профессиональных или иных групп, включая должностных лиц в целом или некоторых их категорий. Зачастую критика должностных лиц беззаконно определяется как призыв к совершению экстремистских действий. В то же время, в контексте любых публичных выступления речь всегда идет о тех должностных лицах, которые пренебрегают своим долгом и совершают преступления. Призывы к привлечению их к ответственности, возбуждение общественного мнения против преступников среди должностных лиц, являются не только правом, но и обязанностью ответственных граждан, которые должны требовать для себя и для общества утверждения ответственной перед законом и общественным мнением власти. "Возбуждением ненависти" к должностному лицу, группе должностных лиц или даже ко всем должностным лицам порой опрометчиво считают преступным, в особенности в тех случаях, когда критика носит неконструктивный характер и излагается в экспрессивных выражениях. Предосудительность подобной критики, тем не менее, не дает возможности использовать против лиц, выступающих с такой критикой, законодательство, связанное с противодействием экстремизму. Даже призывы к уничтожению какой-либо профессиональной группы (например, чиновников), как правило, предполагают не физическое истребление, не беззаконие, а устранение некоей деструктивной функции. Например, связанной с разложением государственного аппарата повсеместной коррупцией, изменой долгу, пренебрежением интересами граждан. Призывы к смертной казни для преступников и изменников – это, как правило, не призыв к беспорядкам и совершению преступлений, а призыв к восстановлению смертной казни за определенные преступления.

Из сказанного следует, что любые призывы, направленные против должностных лиц, представителей власти, сотрудников правоохранительных органов являются формой протеста против их деструктивной деятельности, формой критики, требованием установления для них особой ответственности. Даже если эти призывы выражены в "самых крепких выражениях", они направлены не на разрушение основ жизни общества и государства, а на их укрепление. Следовательно, указанные призывы не могут подпадать под действие "антиэкстремистского" законодательства, а при наличии признаков правонарушения, они могут преследоваться с использованием других правовых средств.

Все речевые формы публичного выражения мнения (как письменного, так и устного) могут сопровождаться экспрессией, недомолвками, речевыми и фактическими ошибками, логическими несообразностями и другими дефектами, которые не позволяют в полной мере выявить умысел автора соответствующих высказываний или текстов. Что серьезно ограничивает саму возможность уголовного или административного преследования выражения мнений, даже если форма такого выражения выглядит антиобщественной и антигосударственной.

Выводы:

1. Государственные служащие, должностные лица всех типов, чиновники (государственные и муниципальные должностные лица) не являются социальной группой и не составляют в какой-либо выборке из данных групп никакой социальной группы. В индивидуальном плане все эти лица являются представителями государства (в указанных выше случаях – общественных организаций и предприятий), а не какой-либо социальной группы. Деятельность

этих лиц определена та-Ким образом, что идентификация их как социальной группы являлась бы противозаконной и антиобщественной.

2. Указанный вывод распространяется на всех государственных должностных лиц и представителей власти – президента, министров, правительства, региональных и муниципальных должностных лиц, сотрудников правоохранительных органов, работников судебной системы и так далее.

3. Идентификация должностных лиц, служащих государственных структур при исполнении ими своих обязанностей определяется исключительно законодательством и ведомственными актами, а не историческими, социально-экономическими, социокультурными основаниями, которые лежат в основе формирования социальных групп, имеющих широкое поле деятельности, не регулируемое нормами права.

Следователь Талаева, которой руководство ЦПЭ поручило организовать репрессии против Кирилла Барабаша, решила противопоставить моему исследованию мнение "авторитетных специалистов" - работников ***Московской Городской Юридической Академии*** (Университета). До краха "исторического материализма" это был Всесоюзный заочный юридический институт (ВЮЗИ), где мне в начале 90-х для повышения квалификации депутата Московского Совета довелось также поучиться и закончить два курса. Тогда я решил, что юридическое образование - это вообще не образование. Но поскольку советские кадры юристов ковались именно здесь, и тупая преданность ценилась и тогда, и в последующие годы, выше, чем профессионализм и верность долгу, ВЮЗИ в ельцинский период бодро преобразовался в Академию, а потом и в Университет. Глава "академиков" ректор Кутафин был так страстно обласкан режимом, что вразнобой получил все степени ордена "За заслуги перед Отечеством". Но, как бы то ни было, скончался и стал исторической пылью, оставив лишь свое имя университету. А некоторые его "академики" стали пылью еще до физической кончины. Вот их-то и привлекла следователь Талаева.

Приведем полностью этот постыдный текст, зафиксировав фамилии "академиков" - соучастников преступлений следователя Талаевой. Мы дополним этот текст указанием специальности по дипломам о высшем образовании "академиков", свидетельствующим о том, что их моральное разложение состоялось уже очень давно.

Следствие по делу, обвиняемого по части 1 статьи 282 Кирилла Барабаша, заказало экспертизу, поставив перед комиссией экспертов два вопроса:

"1) относятся ли представители власти, в том числе представители правоохранительных органов, чиновники, министры, Президент Российской Федерации к социальной группе, если относятся, то по каким признакам?

2) дать оценку правомерности (с научной точки зрения) утверждения относительно первого вопроса, содержащейся в выводах социолого-политологического исследования, проведённого доктором политических наук А.Н. Савельевым".

На исследование представлены:

- копия внесудебного социолого-политологического исследования доктора политологических наук А.Н. Савельева.

Сведения об авторском коллективе:

- ***Дёмина Лариса Анатольевна***, заведующая кафедрой философских и социально-экономических дисциплин МГЮА, доктор философских наук,

профессор, специальность - 09.00.01 "онтология и теория познания", стаж работы по специальности 27 лет; Диплом о высшем образовании: МГУ им. Ломоносова, специальность: философия, 1981.

- ***Гунибский Магомед Шахмандарович***, заместитель заведующего кафедрой философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета (МГЮА), кандидат философских наук, доцент, специальность - 09.00.11 "социальная философия", стаж работы по специальности 21 год; (Диплом о высшем образовании: Военно-политическая академия им. Ленина, специальность: преподаватель марксистско-ленинской философии, 1984.)

- ***Ксенофонтов Владимир Николаевич***, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета (МГЮА), доктор философских наук, профессор, специальность - 09.00.11 "социальная философия", стаж работы по специальности 38 лет; (Диплом о высшем образовании: Военно-политическая академия им. Ленина, специальность: военная педагогика и общественные науки, 1973.)

- ***Чернавин Юрий Александрович***, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета (МГЮА), доктор философских наук, профессор, специальность - 09.00.11 "социальная философия", стаж работы по специальности 31 год; Диплом о высшем образовании: Военно-политическая академия им. Ленина, специальность: преподаватель марксистско-ленинской философии, 1984 г.

- ***Корнев Аркадий Владимирович*** - профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, Член-корреспондент Российской Академии наук, специальность - 12.00.01 "теория и история права и государства; история правовых учений", стаж работы по специальности 23 года. Диплом о высшем образовании: Всесоюзный заочный юридический институт, специальность: правоведение, 1988.

При исследовании второго вопроса не принимает участие эксперт Корнев А.В.

Место и сроки проведения исследования:

Исследование проводилось в помещении Московского государственного юридического университета им. О.Е.Кутафина (125993, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, 9) в период с 16 ч. 30 мин. 29.04.2015 по 15 ч. 30 мин. 30.04.2015.

Исследование по первому вопросу:

Социальная группа - одна из трёх основных форм социальной общности, общества в целом. Двумя другими являются социальная организация и социальный институт. Для понимания проблемы важно уяснить взаимодействие всех трёх.

В самом общем виде социальная группа - самовозникающая устойчивая совокупность индивидов с общим социальным признаком. Примерами социальной группы выступают: классы, этносы, демографические, поселенческие, профессиональные, религиозные группы и многие другие. Специально их никто не создаёт - они самовозникают (и самоисчезают) в процессе исторического развития общества и развития общественного разделения труда.

В социологии сложилась концепция социальной группы. В соответствии с ней в научной литературе отработана система социально-групповых признаков: самовозникновение, саморазвитие группы; ее устойчивость; высокая степень однородности и внутренне взаимодействие; относительно высокая степень сплочённости членов группы; вхождение группы в более широкие социальные объединения (например, в общество) в качестве структурных единиц и др.

Социальная организация - устойчивое объединение людей, искусственно создаваемое ради достижения определенных целей и характеризующееся наличием высокоформализованных структур. Организаций в обществе множество: в экономике - предприятия и банки, в образовании - вузы и школы, в политике - государственные организации и политические организации (партии), в структуру государства не входящие, и т.д.

Структурно организация предстаёт как система социальных статусов и социальных ролей, имеющих обезличенный характер. Общество в своих сферах - экономике, политике, культуре, образовании, здравоохранении и др. - функционирует при взаимопроникновении социальных групп и социальных организаций. Возникающий при этом взаимодействии конструкт - социальный институт.

Социальный институт - устойчивая форма деятельности, способ её организации, основанный на системе норм и правил отношений, развитом контроле за их исполнением, складывающийся в интересах обеспечения основных потребностей общества. Например, воспроизводство общества осуществляется в рамках института семьи; усвоение накопленных знаний, культурных ценностей, передача их последующим поколениям реализуется институтом образования; промышленные предприятия, банки, рынки как экономические институты осуществляют производства и распределение товаров и услуг и т.д. Иными словами, социальный институт возникает (создаётся) как система взаимосвязанных и действующих организаций в той или иной сфере деятельности.

В этом отношении государство характеризуется, во-первых, как социальный институт, отвечающий потребностям общества в управлении, реализации властных функций. Это - система государственных органов и организаций, представляющих иерархию статусов и ролей - Президента РФ, различного рода должностей федеральной государственной гражданской службы, должностей государственной гражданской службы субъектов РФ, воинских должностей, должностей правоохранительной службы.

Во-вторых, безличные институциональные государственные структуры "наполняются" людьми - профессионалами в своей сфере деятельности. Подчеркнём: их одновременная принадлежность к другим социальным группам - половым, возрастным, этническим, религиозным и т.д. - в данном случае значения не имеет. Соответствующие должности эти люди занимают, будучи профессионалами в деле организации процесса деятельности различных органов управления - государственными служащими.

Трактовка профессиональной деятельности подобного рода закреплена в ФЗ от 11 ноября 2003 года "О системе государственной службы Российской Федерации", где указывается: "государственный служащий - гражданин, осуществляющий профессиональную (выделено нами) служебную деятельность на должности федеральной государственной службы (государственной гражданской службы субъектов РФ) и получающий денежное содержание (вознаграждение) за счёт средств федерального бюджета или средств бюджета соответствующего субъекта РФ".

Профессия государственного служащего отличается политическим характером - занимая соответствующие должности, он наделён государством властными, организационно-распорядительными полномочиями, реализует оборонные или правоохранительные меры, представляет государство в его многообразных отношениях с обществом ("представитель власти"). При этом факт получения государственным служащим высшего профессионального образования,

например, юриста, экономиста, управленца или военного не отрицает, а напротив, является условием его присутствия в дальнейшем в профессиональной группе государственных служащих.

Термин "чиновник" пришёл в нашу жизнь из дореволюционной России. До 1917 г. чиновник - государственный служащий, имевший определённый классный чин по Табели о рангах. Государственных служащих, принадлежащих к высшим рангам, именовали "сановник". Таким образом, "чиновник" в рассматриваемом контексте тождественен государственному служащему.

В отечественных социальных науках до настоящего времени нет общепризнанного понимания категории "социальная группа". Различие в подходах к толкованию данной категории можно объяснить многими причинами, в том числе очевидным отставанием российской социологической науки от западной. В европейской социологии квалификация представителей власти (в иных вариантах - государственные служащие, чиновники и т.д.) в качестве социальной группы является фактически общепризнанной. Т. Гоббс первым определил социальную группу как "известное число людей, объединённых общим интересом или общим делом".

В дальнейшем разработка теории социальных групп осуществлялась по двум направлениям. Согласно первому, проблема идентификации группы решалась посредством соотнесения групповых процессов с индивидуальным поведением. Второе направление базировалось на признании у группы неких "общих интересов".

Р. Мертон, социолог из США, под социальной группой понимает "совокупность индивидов, определённым образом взаимодействующих друг с другом, осознающих свою принадлежность к данной группе и признающихся членами этой группы с точки зрения других".

Социальная группа, как обобщающая сущностные характеристики коллективных субъектов общественных отношений, имеет серьёзные отличия от квазигрупп (аудитория, толпа, социальные круги), и менее выраженные отличия от социальных общностей.

Социальная группа от социальной общности как наиболее близкой к ней категории, отличается особым типом внутреннего взаимодействия, а именно: согласованностью, солидарностью, общими задачами и интересами, ответственностью.

Определённую совокупность людей (индивидов) в качестве социальной группы можно признать по следующим основаниям:

1. Общий социальный признак;
2. Особая функция в структуре общественного разделения труда и деятельности;
3. Наличие взаимодействия между её членами;
4. Взаимные ожидания каждого члена группы относительно других;
5. Признание со стороны других групп (общностей);
6. Достаточно продолжительный срок существования.

Принимая во внимание эти основания (признаки), представители власти, в том числе сотрудники правоохранительных органов, чиновники, министры, Президент РФ, являются социальной группой.

В своей совокупности они образуют механизм (аппарат государства), и в качестве социальной группы:

1. Обладают общим социальным признаком, поскольку являются представителями власти;

2. Выполнят особую функцию в структуре (системе) разделения труда, то есть, образуя механизм (аппарат государства) осуществляют управление обществом.

Кроме того:

3. В процессе государственного управления имеет место взаимодействие между органами власти и управления, должностными лицами, сотрудниками;

4. Взаимодействия предполагает взаимное ожидание, поскольку представители власти, включая сотрудников правоохранительных органов, представляют собой механизм государства, функционирующий на основе общности принципов, целей, задач и ответственности;

5. Представители власти, в том числе сотрудники правоохранительных органов, чиновники и министры (государственные служащие) признаются в качестве отдельной коллективной общности (социальной группы) обществом в целом и его отдельными институтами;

6. Механизм (аппарат государства) в лице его представителей является постоянно действующим.

Исследование по второму вопросу:

При оценке положений, касающихся анализа понятия "социальная группа" и образуемой группами социально-групповой структуры, эксперт А.Н. Савельев в целом верно представляет общую ситуацию в науке. Проблема, с нашей точки зрения, видится не в изложении положения дел в науке, а в их интерпретации и выводах.

Определений социальной группы в литературе действительно множество. Однако это свидетельствует не о слабости научного исследования проблемы, а о сложности и многоаспектности самого феномена. По сути, то или иное определение, утвердившееся в социологии, отражает какую-либо сторону социальной группы. Существующая в социологии теория социальной группы на протяжении десятилетий решает задачи научного описания общества и позволяет вырабатывать методики социологических исследований и успешно реализовать их на практике.

Положение о том, что российское общество "не имеет устойчивых социальных групп, устойчивой социальной структуры общества" в значительной степени экспертом абсолютизируется. Структура современного российского общества действительно динамична, в 1990-е годы она радикально изменилась, её развитие продолжается и сегодня. Однако известная сформированность структуры уже достигнута. Сложились основные социальные подструктуры - социально-классовая, социально-этническая, социально-профессиональная, социально-поселенческая, социально-демографическая и т.д. Они не могут существовать, если отсутствует устойчивые социальные группы как элементы, их составляющие.

Впрочем, эксперт об этом говорит (противореча сам себе), указывая на существующие устойчивые группы, определяемые по демографическим, антропологическим, культурным, образовательным, имущественным, расовым, религиозным, этническим признакам. Помимо прочего, в перечень следует добавить профессиональные группы. Профессионализация - одна из закономерностей развития современного общества.

Анализируя проблему отнесения чиновников, должностных лиц к какой либо социальной группе и невозможности подобного отнесения, эксперт, с нашей точки зрения, совершает ошибку методологического свойства. Суть методологического подхода к данной проблеме, общепринятого в социологии, уже была изложена. Эксперт не различает социальный институт (социальную

организацию) как систему безличных социальных статусов и социальных ролей ("должностные лица" в терминологии эксперта) и социальную группу, складывающуюся по тем или иным признакам.

По мнению А.Н. Савельева, "государственные должностные лица по смыслу своей деятельности не могут ни в совокупности, ни раздельно (при любом принципе деления и подбора в воображаемую общность) быть соотнесены с социальной группой, ибо "социум" (общество) обособлен от государства именно неформальным порядком его формирования и свободной ассоциацией в общественные структуры. Даже если госслужащие входят в какие-то социальные группы, то это вхождение не может быть связано с их должностными обязанностями. Поскольку "должностные лица" могут относиться к совершенно разным этническим, религиозным, имущественным, возрастным и так далее группам, они не могут представлять какой-либо большой социальной группы" (с. 5 исследования).

С нашей точки зрения:

- противопоставление государства и общества характерно для политической науки, в социологии институт государства есть результат взаимопроникновения, интеграции государственных организаций и соответствующей профессиональной социальной группы;

- государственные должностные лица (соответствующий статусы и роли в государственных организациях) обязательно соотносятся с социальной группой, представители которой занимают эти должности. Это соответствующая профессиональная группа;

- в истории общества (ещё в древнем Египте, древней Ассирии и др.) совершенно отчётливо наблюдается процесс возникновения и развития вполне определённой социальной группы, присутствующей в государственных структурах. Начиная с XIX века, эта группа приобретает статус профессиональной (поскольку профессии конституируются как таковые только в Новое время) - это "бюрократы", говоря словами М. Вебера, либо "чиновники", либо "государственные должностные лица", либо "государственные служащие";

- люди, относясь к различным этническим, религиозным и так далее группам, "попадают" в большую профессиональную группу государственных служащих, объединяющих их, лишь в случае, если они способны в будущем профессионально выполнять обязанности "должностных лиц".

Суть социальной политики, которую вырабатывает и реализует государство, связана, прежде всего, с усилиями по формированию необходимой социальной структуры общества. Эти усилия направлены как на создание условий для развития социально-групповой подструктуры, так и на изменение социально-институциональных образований.

В первом случае, помимо демографии, образования, особое внимание уделяется проблемам социально-профессиональной подструктуры. Речь идёт о создании условий, "подталкивающих" людей к выбору технических профессий, повышению качества профессиональной деятельности в науке, образовании, управлении, в том числе государственном. В стране действуют вузы, готовящие профессионалов для государственной службы; действует практика кадрового резерва; постоянно повышаются требования к профессионалам. Рассмотренные экспертом документы, утверждающие высокие нравственные принципы и нормы государственных служащих различных ведомств, ещё раз это подтверждают.

Во втором случае государство стремится повысить эффективность своих институтов, принадлежащих различным ветвям власти. Действительно, их

эффективность сегодня должна быть выше. Для решения этой задачи уточняются роль, место, функции, ответственность тех или иных государственных органов. Данная работа, по иерархии, в конечном итоге касается каждого статуса и роли ("должностного лица"). Этому безличному "должностному лицу" определяются не только обязанности, права, ответственность, но и нравственные параметры, закреплённые в уже упомянутых документах. Тот реальный человек, профессионал, который замещает должность, обязан соответствовать указанным требованиям.

Таким образом, высокие требования, в том числе нравственного характера, которые одновременно предъявляются как личности - представителю профессиональной группы, так и должности - безличной позиции в государственной организации, ещё раз свидетельствует о единстве двух социальных структур: социально-групповой и социально-институциональной.

Выводы:

1. Представители власти, в том числе сотрудники правоохранительных органов, чиновники, министры, Президент Российской Федерации, относятся к социальной группе. Это профессиональная социальная группа - государственные служащие.

2. Полагаем, что выводы социолого-политического исследования А.Н. Савельева ошибочны с позиции социологической науки.

Конечно, этот текст был написан лишь одним "академиком". Остальные не смогли бы его даже прочесть - настолько мало у них было времени. Они подписали безграмотную бумагу просто по воле начальства, которому они привыкли поклоняться еще с марксистско-ленинских времен.

Подробно разбирать данный текст, после публикации которого следует отнимать ученые степени и лишать права преподавания, нам недосуг. Но все же мы кратко остановимся на саморазоблачительных для "академиков" моментах.

Если социальная группа "самовозникающая", то уж точно это никак не может относиться к чиновникам, вообще к служащим. Чиновники, безусловно, образую общность, но только в силу приказов о назначении. Только после такого приказа чиновник становится чиновником. И после увольнения с должности, он сразу исключается из этой группы. Поэтому "чиновники" - не социальная группа. И не профессиональная, поскольку чиновники бывают самых разных профессий.

Марксисты-академики отнесли к социальной группе классы, этносы, демографические, поселенческие, профессиональные, религиозные "и многие другие" группу. То есть, практически любую группу лиц они готовы были объявить "социальной". Что прямо противоречит "самовозникновению". "Академики" явно не понимали разницы между "социологической" и "социальной" группами. Первая - это всего лишь учетная единица, характеристика, позволяющая статистически зафиксировать число лиц с определенными качествами. Никакого единства от пересчета лиц с каким-нибудь признаком не может возникать в принципе.

Интересно, что сразу после этого фантастического определения "академики" написали, что социальные группы "никто не создает". И как-то не замечают, что чиновников именно создают - назначают и формируют в иерархию приказами и прочими административными и нормативными актами.

Ссылаясь на некую сложившуюся в социологии концепцию социальной групп, "академики" не дали ссылки на источник, где подобное было бы хотя бы написано. И не могли этого сделать. Потому что нет такой сложившейся концепции и сослаться им не на что.

Затем, вместо обсуждения этой "сложившейся концепции", авторы записки принялись обсуждать совершенно посторонние темы: что такое "социальная организация" (куда отнесли также и партии, и структуры государства), "социальный институт" (который вдруг оказывается не институтом, а "устойчивой формой деятельности"). И само государство объявляется "социальным институтом"! Не политическим или управленческим, а социальным! То есть, общественным. Это, конечно, полный абсурд. "Товарищи ученые, доценты с кандидатами" явно "запутались в нулях", не понимая разницы между государством и социумом. Отсюда пошло отождествление общественных и государственных институтов, и оттого даже Президент РФ стал "социальным" - социальной группой в составе одного человека. А за ним и государственная гражданская служба - все "социальное". Раз так, то по логике этих невежд, социальная группа - это люди, "наполняющие" социальный институт. То есть, госслужащие как бы сами собой наполняют институты государства, которые одновременно являются и социальными институтами, а потому госслужащие становятся социальной группой.

И тут "академики" совершают новый поворот своей извивающейся во всех направлениях мысли. Оказывается, наконец, "*нет общепризнанного понимания категории "социальная группа"*"! На этом стоило бы и остановиться, поскольку этот тезис опровергает предыдущее отождествление социального и государственного. Далее даются без ссылок (то есть, выписываются из учебников) фразы Гоббса и Р. Мертона, где про группы говорится лишь, что это объединения людей. Но ни слово не сказано про "социальные группы". Видимо, "доцентам с кандидатами" уже все равно: если социальная группа - это вообще любая группа, то и любая цитата про какую-нибудь группу непременно относится к социуму. Даже если речь идет про банду разбойников или мафию.

Подгоняя задачку под ответ, "академики" выдумывают удобные им "основания" для социальной группы: общий признак (чего?), особая функция в разделении труда и деятельности (попахивает марксизмом), наличие взаимодействия, взаимные ожидания, признание со стороны других групп, продолжительный срок существования. И тогда социальной группой становятся "представители власти", "сотрудники правоохранительных органов", "чиновники", "министры" и даже "Президент РФ".

С наивностью ребенка, который курочит ценную игрушку, престарелые специалисты объявляют "общим социальным признаком" этих групп - то, что они являются представителями власти! А "разделение труда" наделяет их функцией управления обществом! Такая вот социальная группа, главной чертой которой является управление другими социальными группами. Тогда повара - это социальная группа, которая кормит другие социальные группы, а бандиты - это социальная группа, которая грабит другие социальные группы.

После этого абсурда "академики" посвятили несколько две страницы моему тексту, хотя из него не поняли ровным счетом ничего. Поэтому ничего и не опровергли. Все их высказывания были "надвое": и "да", и "нет". В начале "Савельев в целом верно представляет общую ситуацию в науке". В конце: "выводы Савельева ошибочны с позиции социологической науки". Продолжая путать все со всем, они договорились до того, что отождествили с социальными группами и профессиональные! Тогда бухгалтеры - социальная группа, виноделы - тоже. Ну и, разумеется, преподаватели марксизма-ленинизма. Путая социологическое с социальным, они говорят об устойчивых группах: демографических, антропологических, культурных, образовательных, имущественных, расовых... Разумеется, в этом месиве нет ни тени научного знания. Также нет даже попытки

найти пересечения социологии и права. Невежды не знают, что "должностные лица" - это правовой термин, а не мое изобретение. Хотя на соответствующие нормы имеется указание в моем тексте.

Путаники договариваются до того, что социальная группа у политологов одна, у социологов - другая. Оказывается, у социологов (будто бы) в социальную группу входят по должности. Авторы этого бреда ссылаются на опыт Древнего Египта и Древней Ассирии. Между тем, простейшее понимание правовой ситуации должно было бы привести к тому, что все социальные группы, с точки зрения права, не могут получать какого-то привилегированного положения: одна над другой. Может быть, в древности было иначе, а в современном российском и европейском праве только так: социальные группы не создают никакой иерархии. И по этой причине чиновники - никак не могут считаться социальной группой. А путаники объявляют даже госслужбу "профессией"! Оказывается, есть такая профессия: управлять государством. Действительно, на практике РФ управляют безграмотные "эффективные менеджеры", научные суждения вырабатывают невежественные "академики", но в российском праве есть лишь статус государственного служащего (по должности), но не профессия. И в науке есть свои каноны, которые марксистам-ленинцам как-то некогда было освоить. Зато они освоили науку угождать начальству. Не думая при этом, что их измышления стоят свободы достойнейшим людям - в данном случае Кириллу Барабашу.

Экспертиза против воли народа

Кирилл Барабаш был арестован и помещен в тюрьму следователем ***Н.А.Талаевой*** на основании того, что он, якобы, продолжал деятельность запрещенной организации Армия воли народа. Для лишения свободы следователь Талаева использовала экспертное заключение, составленное формально компетентным лицом. Но на деле безосновательность экспертизы оказалась настолько очевидной, что причины ареста и лишения свободы были в дальнейшем подменены: взамен применили пресловутую "русскую" статью о "возбуждении". Тем не менее, экспертное исследование сыграло свою роль для судебного решения о выборе меры пресечения - то есть, для беззаконных действий следователя Талаевой.

Отзыв

на экспертное заключение ***Балуева Д.Г.*** по уголовному делу №26881

Материалы для отзыва:

Копия документа, озаглавленного "Экспертное заключение по представленным документам "Армии Воли Народа" и "Инициативной Группа по Проведению Референдума "За ответственную власть"" - 7 с. (ниже использованы сокращения – АВН и ИГПР ЗОВ), поступившего от обвиняемого по делу Бутко П.А.

Основания для отзыва: Адвокатский запрос от адвоката Е.П.Губина, члена Нижегородской областной коллегии адвокатов №1 от 10.04.2015.

Задачи отзыва: Оценить компетентность эксперта и профессиональный уровень подготовленного им отзыва, указать на имеющиеся недостатки, определить степень обоснованности сделанных выводов.

Формальные признаки представленного на отзыв документа

Экспертное заключение эксперта Балуева Д.Г. составлено на 7 страницах, каждая из которых заверена его подписью и треугольной печатью. Имя и отчество эксперта не указано.

Эксперт идентифицирован по месту работы: заведующий кафедрой политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории ННГУ им Н.И. Лобачевского, доктор политических наук, профессор. Стаж работы по профессии не указан. Между тем, процессуальные кодексы требуют, чтобы в своем заключении судебный эксперт сообщил о своем образовании, специальности, стаже работы, о наличии ученой степени и (или) ученого звания (ст. 204 УПК РФ, ст. 86 АПК РФ).

На первой странице документ озаглавлен как "Экспертное заключение". В середине страницы указан другой тип документа: "Заключение эксперта". Там же указано, что г-ну Балуеву поступили материалы "для производства судебной экспертизы". Право проводить экспертизу, согласно законодательству, имеет только лицо, обладающее необходимыми специальными знаниями (ст. 57 УПК РФ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ). Имеет ли эксперт такие знания, в Заключении не указано.

От вынесшего постановление о назначении судебной экспертизы следователя СЧ ГСУ ГУ МВД России по Нижегородской области старшего лейтенанта юстиции ***Д.В.Егорова***, как видно из Заключения, поступили документы в виде акта, рапорта и оптического диска. Содержание каждого документа в Заключении не отражено, указаны лишь объемы первых двух документов. Содержание оптического диска не описано. Таким образом, несмотря на наличие перечня поступивших на экспертизу материалов, неясно, действительно ли эксперт анализировал те самые документы, которые являются материалами уголовного дела №26881. Излагая в исследовательской части содержание отдельных документов, эксперт не ссылается на страницы акта, рапорта или названия материалов и имена файлов с оптического диска, что исключает возможность уверенно говорить о достоверности этих пересказов.

Исследовательская часть изложена на 3 страницах, из которых 2 страницы представляют собой тексты перенесенных в документ словарных статей, посвященных общепонятным терминам "политическая программа", "политические цели", "идеология", а также не использованному в дельнейшем в тексте Заключения термину "механизм политический". Ниже по тексту Заключения используется другое общеупотребимое понятие "механизм деятельности". Справочные данные о значении общепонятных терминов, приведенных в Заключении, не требуют специальных знаний, ради которых проводится судебная экспертиза, что означает: исследовательская часть в данном Заключении занимает лишь около 1 страницы.

Текст экспертизы изобилует существенными опечатками. Так, организация "Армия воли народа" (АВН) неоднократно именуется в Заключении как АВР (с. 4, 1-я строка снизу, с. 5 11-я и 17-я строка сверху), а также как АВП (5-я страница, 22-я строка сверху, 7-я страница 3-я строка снизу). Это свидетельствует о невнимательности и неаккуратности эксперта.

Собственно исследовательская часть имеет объемы явно, не соответствующие объему представленных для исследования документов и материалов - 16 листов материалов по указанному перечню, 27 листов рапорт без указания его содержания и оптический диск (приложение к акту) без указания содержания и объемов материалов.

Трудозатраты эксперта явно не соответствуют времени проведения экспертизы – с 29 октября по 18 декабря 2014 года, в течение которых эксперт

занимался ознакомлением с документами, исследованием их содержания, сопоставлением (плод его работы - 1 страница) и формулированием выводов (1,5 страницы).

Предоставление эксперту огромного массива материалов, в том числе и не относящихся к существу дела (за пределами проблематики выявления признаков экстремистской деятельности), является существенным нарушением. В процессуальных кодексах указано, что эксперт имеет право знакомиться только с материалами, относящимися к предмету экспертизы (необходимыми для производства экспертизы). Исправляя ошибку следователя, эксперт Балуев, получив избыточные материалы по делу, должен был самостоятельно отобрать из них существенные, осознавая, что речь идет о признаках экстремистской деятельности, а не об общих сходствах и различиях между документами двух организаций. Отсутствие соответствующих действий со стороны эксперта говорит о его низкой квалификации, отсутствии опыта экспертной деятельности, незнании своих прав и обязанностей в качестве эксперта.

Особенности постановки вопросов перед экспертом

Первый вопрос предлагает эксперту определить, тождественны ли политические программы АВН и ИГПР ЗОВ. Что предполагает текстуальное сличение и выявление степени совпадений двух текстов. Данный вопрос не требует специальных знаний и вполне мог быть разрешен самим следователем.

Второй вопрос сформулирован не в вопросительном, а в императивном ключе: "На основании представленных материалов определить тождественность материалов "АВН" и "ИГПР ЗОВ"". Что исключает экспертную деятельность в принципе и, скорее, отражает предвзятую позицию следователя, с которой мог согласиться лишь эксперт, который готов эту предвзятую позицию разделить – выполнить императивно сформулированное задание, подогнав результаты экспертизы под предложенный ему вывод. Добросовестный эксперт отклонил бы такой "вопрос" и не стал бы проводить экспертизу с заранее обозначенным результатом.

Третий вопрос предполагает поисковую работу: выявление элементов программы АВН в документах ИГПР ЗОВ. В данном случае от эксперта требуется выявление смысловых совпадений в области целей и политических программ и указание на конкретные фрагменты в документах, в которых такие совпадения будут выявлены.

Четвертый вопрос предлагает определить, являются ли программа, цель и механизм деятельности ИГПР ЗОВ "основанной (тождественной) на идеологии АВН". Этот вопрос сформулирован некорректно и не подлежит исследованию экспертом. Поскольку неизвестно, к какому из объектов исследования (программе, цели или механизму) относится слово "основанной". Если исходить из того, что из трех объектов слова "программа" и "цель" являются существительным женского рода, то прилагательное "основанной" в единственном числе может относиться либо к тому, либо к другому слову. Но оно не может относиться к слову "механизм", которое является существительным мужского рода. Если бы перед экспертом был поставлен вопрос, предполагающий исследование всех трех элементов, содержащихся в документах ИГПР ЗОВ, то следовало бы употребить множественное число: "основанными", а не "основанной".

Предполагая в данном случае грамматическую ошибку эксперта (или следователя), мы должны указать на более существенный момент в постановке данного вопроса: в нем содержатся две разноречивые установки. Одновременно поставлены два вопроса: 1) являются ли программа, цель и механизм деятельности

ИГПР ЗОВ основанными на идеологии АВН, и 2) являются ли программа, цель и механизм деятельности ИГПР ЗОВ тождественными идеологии АВН? Первый вопрос предполагает большую аналитическую работу по выявлению причинно следственных связей: эксперту необходимо доказать, что программа, цель и механизм деятельности ИГПР ЗОВ исходят из идеологии АВН. Второй вопрос предполагает поиск разночтений между программой, целью и механизмами деятельности ИГПР ЗОВ и идеологией АВН, и вывод о том, наличествует ли тождество (то есть полное совпадение) или отсутствует (при наличии хотя бы каких-то расхождений).

Из анализа поставленных перед экспертом вопросов следует, что они сформулированы крайне небрежно, в них делается упор на экстремистский характер одной из организаций и дается прямая установка на доказательство того, что другая организация по целям, программе, механизмам деятельности является тождественной другой.

Вопросы следователя полностью игнорируют содержание Решения Московского городского суда по делу № 3-0283/2010 о признании АВН экстремистской организацией, не выделяют из всего массива документации этой организации именно тех фрагментов, которые послужили причиной для запрещения данной организации. Вероятно, следователь просто не понимает, что АВН вела не только деятельность, которая была признана незаконной, но и законную деятельность. А также, что в документах АВН содержались не только положения, признанные экстремистскими, но и другие положения, к которым претензии предъявлены не были, и их использование другой организацией не является противоречием закону. Предложение эксперту анализировать огромный массив документов АВН поставило перед экспертом непосильную задачу, которую он не мог выполнить в обозримое время, а потому и не стал выполнять, имитируя исследовательскую работу и предоставив следователю лишь выводы, прямо предписанные во втором вопросе к эксперту.

Имея все основания для отказа от проведения экспертизы, г-н Балуев все же решился выполнить работу и ответить на поставленные перед ним вопросы. К сожалению, в процессе работы он не исправил очевидные ошибки следователя при постановке вопросов, не указал на эти ошибки, не создал обоснованных умозаключений, которые должны были логически связать фактическую сторону дела с экспертным выводами.

Эксперт Балуев обязан был уточнить вопросы у поставившего их лица, либо интерпретировать эти вопросы, отметив изменение формулировок в Заключении, сопроводив это обстоятельство словами: "Вопрос такой-то эксперт понимает в следующей редакции: (приводит свою редакцию вопроса)". Отсутствие соответствующих действии со стороны эксперта демонстрирует его низкую экспертную квалификацию и небрежность при проведении экспертизы.

Качество и характер экспертного исследования

В исследовательской части экспертизы г-на Балуева отсутствуют обязательные для экспертизы разделы: 1) Обзор и описание объектов исследования: оценка принятых на экспертизу материалов, выявление в них общих и частных признаков, вычленение объекта исследования, обзор содержания документов, акцентирование внимания на главном и второстепенном; 2) Аналитическая часть: систематизация и сопоставление материалов исследования, разделение материалов на группы, изучение каждой из групп; 3) Синтезирующая часть: соединение логически связанных частей объекта исследования, выявление нового знание об объекте, приведение доказательных умозаключений, 4) Резолютивная часть:

обобщение результатов и развернутая формулировка будущих выводов с их обоснованием.

Также в исследовательской части должны быть указаны "содержание и результаты исследования с указанием примененных методик (методов)" (ст. 204 УПК РФ).

Анализ исследовательской части экспертизы г-на Балуева не обнаруживает никаких признаков исследования. В нем содержится лишь пересказ некоторых положений из представленных на экспертизу документов (без цитирования, без указания источника). В этих пересказах не выделено существенных по делу обстоятельств, связанных с экстремистской деятельностью.

Автор исследования г-н Балуев использовал термины, не имеющие общепонятного значения, и не дал определений этих терминов: "неконвенциональные формы политического участия", "традиционные политические процессы", "традиционные органы власти", "плебесцитарная демократия", "антисоциальные силы", "паралегальная политическая структура".

Г-н Балуев также применяет неясные термины, не дающие однозначного понимания его оценок: "практическая тождественность", "практическая идентичность", "весьма высокая степень тождественности". Эксперт был обязан дать либо однозначно отрицательный, либо однозначно положительный, либо альтернативный ответ. Либо речь идет о "тождественности" (идентичности), либо о "нетождественности" (неидентичности), либо о тождественности в одном и нетождественности в другом. Слово "практически" не имеет ясного смысла и может быть интерпретировано как "почти", "в общем и целом" и так далее. Столь же неясен термин "высокая степень тождественности". Что есть в данном случае "высокая степень", эксперт не определил.

Налицо невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, отсутствие внятных указаний на методики исследования, отсутствие указаний смысла и значения признаков, выявленных при изучении материалов, представленных на экспертизу, критериев оценки выявленных признаков.

Эксперт берет на себя функции оценки деятельности АВН и ИГПР, с точки зрения их способности к тем или иным действиям, хотя подобные вопросы не входят в его компетенцию и не содержатся в поставленных перед ним вопросах. Эксперт Балуев утверждает в отношении указанных организаций: "речь идет о создании политической организации с разветвленной региональной структурой, способной парализовать деятельность традиционных органов власти (Президент и Федеральное Собрание) и поставить их под собственный контроль, путем мобилизации антисоциальных сил с целью осуществления политического шантажа…". Данный пассаж можно расценить как политическую публицистику, но не как часть экспертного исследования.

Аналогичным образом г-н Балуев без всяких доказательств, которыми могли бы быть прямые указания на страницы представленных ему текстов, утверждает, что АВН и ИГПР ЗОВ "имеют военизированную иерархическую структуру и разветвленную региональную сеть". Никаких доказательство того, что в этих организациях была (или есть) некая военизированная структура или что у них была (есть) разветвленная региональная сеть, не приводится. Вероятно, эксперта смутило слово "Армия" в названии АВН. Тем не менее, это слово широко используется в мировой практике при создании общественных (невоенных) структур. Таких, как, скажем, "Армия спасения".

Г-н Балуев явно вышел за пределы поставленных перед ним вопросов и формата судебной экспертизы. Что иллюстрирует крайне низкий уровень его подготовленности в качестве эксперта.

Эксперт плавно переходит от предъявления очевидно нетождественных элементов из документов АВН и ИГПР ЗОВ к утверждению об относительной тождественности этих документов, а затем и к объявлению (в выводах) о полной тождественности. Между тем, при перечислении пунктов "идеологии" данных организаций (с. 4, Заключения) эксперт ссылается на стремление обеих организаций изменить Конституцию, и приводит ссылки на разные статьи Конституции, которыми однозначно разнят АВН и ИГПР ЗОВ. Это уже является существенным различием между ними. Необходимо также акцентировать внимание на том, что эксперт явно не выделяет существенного в представленных ему материалах – признаков экстремистской деятельности. Стремление изменить Конституцию, выявленное как общее в документах двух организаций, не является чем-то незаконным и не преследуется по законам РФ. То же самое касается и законопроектов, которые присутствуют в документах обоих организаций. Эти законопроекты существенно различны: в одном случае – "О суде народа над Президентом и членами ФС РФ", в другом – "Об оценке Президента и членов ФС РФ народом России". Каких-либо существенных признаков, относящихся к делу, эксперт не выявляет, указывая лишь на общее положение обоих законопроектов, связанное с выборами Президента и членов ФС РФ. "Практическая тождественность" (в терминологии эксперта) оказывается лишь тождественностью отдельных пунктов законопроектов. Но даже если бы эксперт показал полную (или хотя бы смысловую) тождественность указанных законопроектов, это не может иметь никакого отношения к делу, ибо данные законопроекты являются лишь попыткой формулировки некоей идеи на юридическом языке. Никаких признаков того, что в указанных законопроектах содержатся признаки экстремизма, эксперт не приводит, демонстрируя неспособность выделить существенные обстоятельства по делу, которые многократно отражены в поставленных перед ним вопросах (указание на "экстремизм" присутствует в половине вопросов эксперту).

Рассматривая организационные механизмы двух организаций, эксперт не озадачивается вопросом, насколько эти механизмы были реализованы на практике и насколько эти принципы могут указывать на наличие признаков экстремизма. Оценку "высокая степень тождественности" получают положения документов АВН и ИГПР ЗОВ, где говорится о самоуправлении: "будем управлять сами". Подобное смысловое "тождество" можно найти и между сотнями общественных объединений, декларирующих вполне соответствующий законодательству РФ принцип самоуправления. Утверждая, что механизмы самоуправления в двух организациях тождественны, автор экспертизы указывает на некие пункты неизвестного документа (как и в других местах экспертизы), не утруждаясь ни цитированием, ни обоснованиями высказанной мысли.

Совершенно бездоказательным и неясным является утверждение г-на Балуева о том, что обе организации нацелены на "неконвенциональные формы политического участия". И вместо "форм участия" ссылается на некоторые государственные и общественные институты и порядок их функционирования. Какое это имеет отношение к поставленным вопросам, остается неясным.

Утверждение эксперта, что "плебисцитарные формы демократии" в современном мире невозможны, не соответствует действительности и российскому законодательству, в котором такая форма демократии присутствует и отражена во всеобщем избирательном праве и законодательстве о проведении референдумов.

Утвердившаяся в РФ партийная демократия является одной из форм плебисцитарной демократии. По всей видимости, г-н Балуев не знаком со значением научного термина "плебисцитарная демократия".

Выводы эксперта

Г-н Балуев не затруднился дать краткие обоснования своих выводов, просто переписав то, что он сверхкратко изложил в разделе, названном им "Исследовательская часть". При этом в ответах вследствие непрофессионализма и крайней небрежности эксперта появляются новые оттенки его произвольных суждений.

На вопрос о тождественности программ двух организаций эксперт отвечает: "Можно говорить о тождественности…". Отчетливое (и ничем не обоснованное) "да" в ответе на вопрос перемежается неопределенным "можно говорить". В целом формулировка оказывается неопределенной. Что и неудивительно, поскольку г-н Балуев не провел анализа совпадающих текстуально или по смыслу разделов программ, вычленив из них только некоторые фрагменты, но даже не указав, какие именно и не процитировав их целиком.

На приказ (а именно так сформулирован "вопрос" следователя) определить тождественность материалов двух организаций, разумеется, эксперт не мог сказать ни "да", ни "нет", вновь уклонившись в лирическое отступление и допустив недоказанное утверждение: якобы, авторы второго комплекта документов (то есть документов ИГПР ЗОВ) пытались переформулировать основные положения документов АВН. В "исследовательской части" никаких оснований для такого утверждения нет. Объявленная экспертом "высокая степень сходства" двух проектов законов, имеющихся в комплектах документов двух организаций – это все, что он сформулировал в своем "ответе". То есть, без всяких оснований перешел от рассмотрения комплектов документов двух организаций к рассмотрению двух законопроектов. И вместо определения тождественности или нетождественности применил смутную формулировку о "высокой степени тождественности".

На третий вопрос эксперт не ответил. Поскольку этот вопрос содержал требование к эксперту вслед за "да" указать, в каких документах ИГПР ЗОВ содержится цель и политическая программа АВН. Эксперт предложил смотреть ответ на следующий вопрос, но в нем нет следов ответа на поставленный вопрос. "Да" эксперта не доказано (в исследовательской части такого доказательства нет), а вопрос следователя остался без ответа: документы экспертом не перечислены.

В ответе на четвертый вопрос эксперт приводит новые аргументы, нейтрализующие предшествующие. Он утверждает, что в обоих комплектах документов нет четко выраженной идеологической основы. Если это так, то о совпадении говорить не приходится, поскольку нечетко очерченная идеология не может быть идентичной другой нечетко очерченной идеологии. Исследованию на предмет смысловой идентичности (или тождественности) могут быть подвергнуты только четкие формулировки. Г-н Балуев, ответив "да" на вопрос о тождественности программ, целей, механизма деятельности двух организаций почему-то подкрепляет свое категоричное утверждение размышлениями об идеологии. Его заявление, что нечеткость может приводить к "высокой степени тождественности" программ является методологически абсурдным, демонстрирующим крайне низкую подготовленность эксперта к порученной ему работе. Ему невдомек, что его "да" в ответ на вопрос означает "да, тождественны", а его "высокая степень тождественности" в ответе на вопрос может означать только "в чем-то тождественны, а в чем-то нет". Таким образом, эксперт оказался неспособным дать однозначный и ясный ответ.

Выводы:

1. Документ, составленный г-ном Балуевым, имеет лишь формальные признаки судебной экспертизы, но не имеет смысловой нагрузки, методологически несостоятелен, его выводы не доказаны, исследовательская часть носит имитационный характер. У суда имеются все основания не согласиться с заключением г-на Балуева и мотивировать такое несогласие (ч. 3 ст. 86 ГПК РФ) низким профессиональным качеством экспертизы, в которой отсутствуют какие-либо ссылки на страницы представленных для заключения материалов, исследовательская часть - в силу своей краткости и бессодержательности - не соответствует ни затратам времени на подготовку экспертизы, ни объемам представленных на экспертизу материалов.

2. Вопросы, поставленные перед экспертом, являются некорректными и содержат прямое указание на выводы, которые обязан сделать эксперт. Имеются все основания не согласиться с заключением г-на Балуева и мотивировать такое несогласие (ч. 3 ст. 86 ГПК РФ) противоречиво поставленными и ненадлежащим образом сформулированными вопросами, в которых прямо предписывается дать определенный ответ, который г-н Балуев и представил в своем Заключении, по-разному сформулировав его несколько раз.

3. Эксперт использовал ряд терминов, которые являются неясными или не являются общепонятными, но не дал им определений. Налицо основания для проведения дополнительной экспертизы в силу неясности и неполноты заключения (Постановление Пленума от 21 декабря 2010 г. N 28 п. 13, п. 1, ст. 207 УПК РФ).

4. В силу крайней неаккуратности, безответственности, низкой степени квалификации, отсутствия представлений о правах и обязанностях лица, привлекаемого в качестве судебного эксперта, рекомендую следователям, дознавателям и суду впредь не приглашать Д.Г.Балуева для работы в качестве судебного эксперта.

Люблинским судом г. Москвы Кирилл Барабаш был признан виновным по двум эпизодам, которые при помощи так называемых "экспертов" были подведены под ст 282 УК РФ, и приговорен по совокупности к штрафу в 300 тыс. рублей. Но освобожден от ответственности в связи с истечением срока давности. Тем не менее, этот приговор оказался в руках потерявшей совесть, честь и профессиональные навыки следователя Талаевой, которая использовала его для фабрикации нового дела и лишения Кирилла Бабараша свободы. Также к фабрикации дела имеет отношение старший следователь по расследованию особо важных дел СК ЦАО г. Москвы майор юстиции ***Н.Д.Цветкова***, которая первоначально вела дело и заказывала ГБУ МИЦ подложную лингвистическую экспертизу, которую сфабриковал сотрудник этого учреждения доктор филологических наук ***Баранов Анатолий Николаевич***. При создании документа, имитирующего доказательство сходства документов АВН и ИГПР ЗОВ был использован только один источник - Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика (2007 год издания. Издательство неизвестно, содержание и объем работы неизвестен). Никаких признаков научных методик в "экспертизе" объемом в 49 страниц (собственно "анализ" занял 10 страниц, из них цитаты - не менее половины текста) мне обнаружить не удалось. "Экспертиза" представляет собой набор цитат и куцых комментариев к ним. Эксперт намеренно включил в анализ те обнаруженные им сходства в документах, которые не являются криминальными и могут быть включены в документы любых общественных организаций. "Частичное совпадение" текстовых материалов (менее 10% приложенных к "экспертизе"

текстов) следствием выдано за полное тождество, на основании которого Талаева посадила руководителей организации ИГПР ЗОВ за решетку. Между тем, ни одно обнаруженное совпадение не связано с каким-либо нарушением закона.

Также к фальсификации экспертизы были привлечены сотрудники ГБУ МИЦ ***Носик Юлия Юрьевна*** и ***Олейникова Евгения Владимировна***, которые целый месяц в ноябре-декабре 2015 года сличали документы ИГПР ЗОВ и АВН. Часть, которая определена как "анализ" (то есть, собственно исследование) составляет не более трети документа, составленного экспертами, и составляет не более 5 страниц, где большую часть текста составляют цитаты. Таким образом, никакого исследования данные эксперты не проводили, никаких научных методик не применяли, выводы "высосали из пальца", выдав несущественные совпадения в текстах за определяющие их смысл.

Также следует упомянуть лиц, с которых началась фабрикация дела. Постановление о возбуждении уголовного дела в связи обнаружением признаков преступления в видеоролике "Кирилл Барабаш. Мы будем уничтожать жуликов и воров" вынес 19 апреля 2013 года и.о. заместителя руководителя Мещанского межрайонного следственного отдела по ЦАО ГСУ СК старший лейтенант юстиции ***И.В.Диденко***. Жуликами и ворами, по мнению Диденко, в ролике называются представители социальной группы "сотрудники правоохранительных органов". Поскольку такой социальной группы не может существовать в принципе, следователь совершил преступление и фальсифицировал дело с самого его начала.

Беззаконие творится в тайне. Об аресте Кирилла Барабаша и еще трех участников организации ИГПР ЗОВ никто бы не узнал, если бы среди арестованных не было корреспондента информационного агентства РБК. Но даже это агентство пеклось скорее о своем журналисте, но не о правде, за которую стоило бы бороться, освещая все аспекты беззакония и определяя деятельность следователя Талаевой как преступную. В течение года, пока незаконно арестованные находились за решеткой, внимание к событию постепенно угасло. И только соратники Кирилла Владимировича по ИГПР ЗОВ и Русскому Национальному Фронту продолжали публикации и публичные акции, в которых освещали тему беззакония со стороны Талаевой и ее хозяев.

Больше всего беззаконники боятся публичности. В особенности же, что об их неблаговидной деятельности узнают окружающие их люди, а их фамилии начнут склонять в публичных выступлениях. Именно поэтому я направил ректору университета, где работал эксперт, фальсифицировавший выводы своего "исследования" и определившего судьбу Кирилла Барабаша и его соратников, официальное письмо.

Ректору Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского ***Чупрунову Е.В.***

Уважаемый Евгений Владимирович!

Речь идет о репутации ННГУ и работающих в нем научных сотрудников. Я не склонен обобщать, но кому-то захочется это сделать после обнародования документов, связанных с судебной экспертизой, которую провел заведующий кафедрой прикладного политического анализа и моделирования Института международных отношений и мировой истории ННГУ профессор Д.Г.Балуев.

Люди, далекие от реалий общественно-политической жизни, могут быть наивными и не понимать, что их поверхностное подключение к задачам следствия и суда зачастую ломает жизнь человеку, который будет несправедливо осужден. В данном же случае речь идет о многочисленной организации, каждый член

которой может быть репрессирован без всяких на то оснований. Но даже наивный в вопросах политики и работы правоохранительной системы ученый должен быть хотя бы честен в выполнении своих обязанностей как исследователя, и если к нему обращаются с неприличными предложениями, просто отвергать их. Если ученый решается на проведение судебной экспертизы (в данном случае по просьбе следователя), то он обязан хотя бы ознакомиться с возникающими в этом случае правами и обязанностями эксперта. И возможными последствиями своих недоумений и ошибок.

Экспертиза г-на Балуева попала мне в руки по запросу адвоката, и мне пришлось ужаснуться тому, что творит человек с докторской степенью и профессорским званием. Как он вообще может учить студентов и вести научную работу, если в столь щепетильном деле проявляет вопиющую некомпетентность и неаккуратность? Исследовав бессовестный документ, подготовленный г-ном Балуевым, я мог противопоставить ему только тщательный учет всех содержащихся в нем безобразий. И постараться компенсировать тот вред, который г-н Балуев нанес своим "экспертным заключением" неизвестным ему людям, а также самому принципу законности, на котором должна утверждаться система следствия и суд.

Я прошу Вас ознакомиться с моим отзывом, который я направил адвокату, и сделать выводы, которые Вы сочтете справедливыми. Со своей стороны я постараюсь придать этой истории максимальную публичность. Ибо с бессовестностью экспертов я встречаюсь не в первый раз и хорошо знаю, к каким последствиям она приводит в распадающейся системе государства и права. Свое обращение к Вам и отзыв на экспертизу г-на Балуева я опубликую в социальных сетях. Надеюсь, в распространении информации мне также помогут люди, которых г-н Балуев подводит к жизненной катастрофе, заработав на этом свои сребреники.

Надеюсь, что Вы поймете меня не только как руководитель крупного образовательного учреждения, но и как ученый, который владеет методами исследований и понимает, где экспертиза носит научный характер, а где она превращается в безответственную профанацию.

К сожалению от ректора я не получил никакого ответа, хотя закон предписывает ему дать такой ответ в течение месяца. Должность ректора не является частной, и я обращался к ректору не по частному вопросу, который можно было бы проигнорировать. Отсутствие ответа было нарушением закона, но преследование за это нарушение уже исчезло из практики работы правоохранительных органов. Для меня стало привычным, что на официальные письма, прямо касающиеся профиля деятельности соответствующих учреждений, ответы не поступают: полиция, прокуратура, различные административные структуры просто перестали откликаться на заявления граждан. Не говоря уже о том, что суды оказались совершенно глухи к тому, что им говорят специалисты, разоблачая бесстыдство привлеченных правоохранителями "экспертов".

Мое участие в деле Кирилла Барабаша не было оставлено без внимания следователем Талаевой. И я бы никогда не узнал об этом, если бы не копия страницы из материалов следственного дела, которую мне прислал адвокат. Оказалось, что на меня Талаева тоже ведет свое досье.

В Следственный комитет

Следователь по ОВД СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве Н.А.Талаева в порядке расследования дела №385011 получила от адвоката мое внесудебное социолого-политологическое исследование, связанное с определением, являются ли государственные служащие, должностные лица, сотрудники правоохранительных органов социальной группой. Вместо изучения моего исследования, следователь Н.А.Талаева направила начальнику ЦПЭ по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве поручение о производстве следственных действий с целью оперативным путем собрать обо мне информацию – как мои личные данные, так и сведения о моих взглядах и моем участии в общественных объединениях и в общественных мероприятиях.

Подобные действия я рассматриваю как грубый произвол. Поскольку указанные данные не имеют никакого отношения к содержанию проведенного мной по запросу адвоката исследования, а мой статус специалиста исчерпывающим образом подтвержден дипломом доктора политических наук, копия которого была приложена к тексту исследования.

По данному делу я не прохожу ни как подозреваемый, ни как свидетель. Действия Н.А.Талаевой могут иметь лишь один мотив: дискредитацию меня как специалиста и игнорирование научных данных, представленных мной по просьбе адвоката. Это необходимо Н.А.Талаевой для того, чтобы продолжать данное дело, не имея для этого никаких оснований. Необходимость прекращения дела прямо следует из моего исследования и сообщает следователю, что современная наука может определить лишь, что не является социальной группой, а общепринятого определения социальной группы современная наука не знает. Из моего исследования с полной очевидностью следует, что государственные служащие, должностные лица, сотрудники правоохранительных органов не являются социальной группой. Чтобы исключить прекращение дела, Н.А. Талаева создает искусственные причины для игнорирования моего исследования, демонстрируя нежелание знакомиться с его аргументацией, что, по моему мнению, приводит к фальсификации дела и ведению дела противозаконными методами.

Прошу проверить законность действий Н.А.Талаевой по проведению в отношении меня ОРМ, законность сбора сведений обо мне, включающей личные данные и сведения о моей общественной деятельности.

В Центр противодействия экстремизму

ВРИО начальника ЦПЭ по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве майору полиции ***Н.А.Агееву*** *следователем по ОВД СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве Н.А.Талаевой в порядке расследования дела №385011 было направлено поручение о производстве следственных действий с целью оперативным путем собрать обо мне информацию – как мои личные данные, так и сведения о моих взглядах и моем участии в общественных объединениях и в общественных мероприятиях. В поручении отсутствуют какие-либо основания для сбора такой информации, поскольку я не являюсь субъектом, который включен в дело в каком-либо статусе. Интерес к моей личности и моей деятельности никак не связан с законными процедурами, а обусловлен лишь тем, что по запросу адвоката я провел социолого-политологическое исследование. Как я полагаю, оно содержало положения, препятствующие Н.А.Талаевой продолжать абсурдное дело с явно выраженным политическим контекстом. Именно поэтому ею были предприняты противозаконные действия: вместо изучения моего исследования, запрошены личные данные обо мне, а также данные о моей общественной деятельности.*

Исполнение незаконного поручения было возложено на лейтенанта полиции ***С.М. Кирюхина****, который "собрал" сведения обо мне из открытых источников, имеющихся в сети интернет. Сделал он это без проверки достоверности источников и в своем Рапорте изложил подборку сплетен. При том что ряд сведений соответствует действительности, важные детали моей биографии были искажены или опущены. Как я полагаю, либо по халатности, либо с умыслом облегчить противозаконную деятельность Н.А.Талаевой. Так, обо мне сообщено, что в 1992 году я "увлекся политологией". Мои увлечения – это мои частные переживания, и о них могу судить только я сам, а не г-н Кирюхин. Но это все, что сообщил лейтенант Кирюхин следователю по поводу моей профессиональной деятельности.*

Для оценки моего статуса как специалиста достаточно было установить достоверность моего диплома доктора политических наук, а также определить должности, в которых я работал в течение двух десятков лет. Ни того, ни другого лейтенант Кирюхин не сделал. Между тем, он обязан был сообщить, что с 1990 году я работал в должности члена комиссии Московского городского совета народных депутатов по делам общественных объединений, с 1994 по 2003 работал в различных аналитических центрах, с 2003 по 2007 был депутатом Государственной Думы и работал в должности сначала заместителя председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками, затем – заместителя председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству. Все это свидетельствует о длительности моей работы по специальности. Также лейтенантом Кирюхиным мог быть приведен перечень моих монографических публикаций, который также имеется в открытом доступе и составляет десятки позиций.

Вместо сообщения этой информации, которая находится в открытом доступе и размещена на моих персональных страницах в сети Интернет, а также в справочных ресурсах сети, лейтенант Кирюхин ограничился сообщением произвольных характеристик, данных мне частными лицами, привел вырванную из контекста короткую цитату, не дав ссылки, откуда она получена, описал без всяких оснований мое отношение к действующей власти и столь же безосновательно оценил смысл одного из моих публичных выступлений.

Еще раз подчеркну: все, сообщенные следователю сведения не имеют никакого отношения к существу дела, ни одно не связано с содержанием моего социолого-политологического исследования.

Полагаю действия лейтенанта Кирюхина и его начальника майора Агеева, согласовавшего его Рапорт, незаконными. Они не имели права выполнять незаконное поручение следователя, произвольно собирая сведения обо мне и моей общественной активности, а также воспроизводя в направленном следователю документе произвольные суждения на мой счет, списанные из сети Интернет и ничем не подтвержденные. Эти и подобные им действия превращают ЦПЭ из правоохранительного органа в политическую полицию, которая действует не по закону, а по произволу.

Прошу провести служебную проверку по поводу описанных обстоятельств, оценить действия лейтенанта Кирюхина и майора Агеева на предмет их законности, а также степень их профессионализма в сборе сведений обо мне.

ЦПЭ мне просто не ответил, а Следственный комитет прислал сообщение, что следователь может делать все, что угодно. То есть, запрашивать любую информацию, не соотнося свои запросы со следственным делом. Ответ подписал

заместитель УСК по Москве, руководитель отдела по расследованию особо важных дел подполковник ***А.А.Хурцилава***. Таким образом, возбужденное дело может быть причиной произвола в отношении совершенно любого лица, на которое упадет взор следователя.

Порядок сбора информации происходил на основе произвольно составленных справок, за достоверность которых никто не несет ответственности. Например, в официальные справки попадают сведения из электронной энциклопедии "Википедия", где проводится чистка от всякого рода негативной информации о близких к властям персонах или должностных лицах. Напротив "Википедия" намеренно фальсифицирует сведения о противниках режима. В особенности о тех, кто принадлежит к национально-патриотическому движению. Хорошо это знаю по себе: посвященная мне статья в "Википедии" направлена на дезинформирование читателя, и все попытки исправить неверное и дополнить информацию были пресечены группировкой, которая строго следила за тем, чтобы дезинформация оставалась неприкосновенной. Какого-либо арбитра в "Википедии" найти не удалось, и клеветническая статья многие годы продолжает порочить мое имя.

Что касается арестованной следствием группы Мухин-Барабаш-Парфенов-Соколов, то деятельность Талаевой даже формально превратилась в преступную. Ч. 6 ст. 109 УПК РФ гласит: "Если после окончания предварительного следствия материалы уголовного дела были предъявлены обвиняемому и его защитнику позднее чем за 30 суток до окончания предельного срока содержания под стражей, то по его истечении обвиняемый подлежит немедленному освобождению". Материалы оконечного расследованием уголовного дела должны были начать предъявлять до 28 июня 2016 года, а начали предъявлять 29 августа 2016 года. Но даже при опоздании в 1 день ст. 109 УПК РФ требует немедленного освобождения. Заведомо незаконное удержание под стражей - преступление по ч. 2 ст. 301 УК РФ.

В 2017 году после 2,5 лет бессовестного судебного процесса, который, в конце концов, возглавил спецсудья (неформальный статус фальсификаторов правосудия) ***А.В.Криворучко***, который с делом не знакомился, доводов защиты и подсудимых не слушал, беспрерывно хамил в судебном заседании, подталкивал судебных приставов к насилию над гражданами и не требовал от обвинения никаких аргументов. Все обвинения были наголову разбиты, исходя из материалов дела, но Криворучко вынес абсурдное решение, приговорив трех подсудимых за попытку подготовить и провести референдум об ответственности власти на сроки 3,5-4 года реального срока заключения, смилостивившись только над Юрием Мухиным, которому присудил условный срок (иначе бы осужденный через несколько месяцев просто умер бы в заключении).

К сожалению, адвокаты подсудимых не привлекли меня для составления альтернативного экспертного мнения по делу. Поэтому многие детали остались мне неизвестными. Но даже то, что известно мне, свидетельствует о безумной политике репрессий, которые осуществляются с помощью некомпетентных экспертов, лишенных элементарных представлений об этических нормах, а также с помощью постыдных следователей, прокуроров и судей.

В данном деле особую роль сыграли следователь ***Н.А.Талаева*** и судья ***А.В.Криворучко***, чьи преступления не должны быть забыты и оставлены безнаказанными.

Гастарбайтер в законе

Доносы - неизжитая страсть, которая подкрепляется беззаконием и политическим фоном, который создает особые условия для рассмотрения определенного рода дел. Гастарбайтеры в РФ пользуются особым покровительством не только правоохранительной системы, но и "демократической общественности". Притом что именно иммигранты становятся источником массовых насильственных преступлений, и это в какой-то мере отражает полицейская статистика.

В деле против Вадима Козловича, общественного активиста, особенно удивительно, что донос написали те, кто обычно разоблачал доносительство, охватившее наш народ в сталинский период - активисты партии "Яблоко". Они направили в прокуратуру жалобу на публикацию Вадима Козловича на муниципальном общественном ресурсе, где был описан конфликт автора с гастарбайтерами, уродующими газон, и дана общераспространенная оценка влияния иммигрантов-работников на социальную стабильность. В общем-то, ничего такого, что могло бы привлечь внимание прокуратуры. Но внимание оказалось более чем напряженное, что было обусловлено активностью Вадима Козловича, которая крайне не нравилась местным властям. Прокуратура, которая больше озабочена не законностью и правопорядком, а благорасположением начальства, уцепилась за донос, и началось безумное "расследование".

Интересна была аргументация старушек из "Яблока", которые вместе с доносительницей, пришли поглазеть на судебное разбирательство. Они в коридорной беседе объявили, что не знают, виновен ли Козлович, и уповают на то, что суд это определит. Столь аморальная позиция, видимо, была причиной доносительства и в прежние времена. Мол, кому надо, те "разберутся". А мы, доносители, как бы и не причем.

Мне довелось написать отзыв на очередную безумную экспертизу и выступить в суде на стороне защиты.

Вопрос, поставленный перед специалистом:

Оценить экспертизу по делу, установив, являются ли корректными, с точки зрения современной науки, вопросы, поставленные перед экспертами, аналитическую часть экспертного исследования и обоснованность ее выводов, верность определения компетенции психолого-лингвистического исследования применительно к анализируемому составу преступления.

Материалы для исследования

1. Статья, озаглавленная "В Москву завозят фашистов и готовят их к резне!", размещенная в интернете по адресу http://tekstili.blogspot.ru/2014/06/blog-post_17.html;

2. Фотокопия заключения экспертов № 168э/2 от 06-17 апреля 2015 года по материалам уголовного дела № 391486 – на 18 листах.

Анализ публикации

Заметка В.Н.Козловича размещена на интернет-портале московского муниципального района "Текстильщики". На момент моего рассмотрения содержания заметки (22 мая 2015 года – почти через год после публикации) в ней содержались отметки: "поддерживают" 5, "не поддерживают" 3, "комментариев" 29. Эти цифры вполне точно очерчивают статус заметки: она не относится к общедоступным и не может рассматриваться как элемент массового информирования и воздействия на сознание и поведение граждан. Круг читателей ограничен малоизвестностью места публикации. В таких случаях нет

необходимости закрывать публикацию паролями, чтобы она была доступна только узкому кругу лиц. Фактически такой круг лиц определяется завсегдатаями – читателями именно этого интернет-ресурса. Их число, как мы видим, крайне ограничено.

Условная граница, когда публикация может иметь воздействие на широкие общественные круги, определена числом ежедневных посетителей интернет-ресурса – 3000 человек в день. Она закреплена внесением поправок в российское законодательство – http://pravo.gov.ru:8080/Document/View/0001201405050068?index=4&rangeSize=1 При этом даже такое ограничение вызвало значительные нарекания, поскольку посетители интернет-ресурса – это вовсе не читатели какого-то конкретного материала.

Заметку В.Н.Козловича может прочесть каждый, но реальной возможностью ее прочтения обладали едва ли больше сотни человек. И не в течение дня, а в течение года! Таким образом, заметка относится к разряду "бытовой" публицистики – "для своих", узкого круга лиц, общий интерес которых определен ориентацией на данный интернет-портал или на данного автора.

Содержание заметки подтверждает ее характеристику как "публикации для своих". Она относится к вполне бытовым эпизодам, которые описывают "дворовый" уровень конфликтов и борьбу гражданина против оскорблений и пренебрежения его интересами. Если бы не экспрессивная лексика, то это был бы обычный очерк – типичные картинки из жизни Москвы. В то же время, экспрессивная лексика, использующая слово "фашист" как ругательство, также указывает на бытовой, камерный характер публикации.

В данной публикации автор описывает два конфликтных эпизода с участием "азиатов" - то есть, лиц, которые поведенчески резко отличаются от коренного населения Москвы. Оба случая связаны с угрозами и оскорблениями, на которые автор заметки указывает как на распространенные, и делает обобщения по поводу миграционной политики столичных властей.

Автор формулирует "наказ" депутатам городской Думы в виде пожелания очистить столицу от гастарбайтеров-"фашистов" - то есть, лиц, которые (судя по приведенным автором эпизодам) злобно относятся к коренному населению города. Также сформулировано общее пожелание к миграционной политике – запретить въезд в Россию (из контекста следует, что это относится к "фашистам" - иммигрантам, проявляющим крайне негативное отношение к коренному населению).

В данной заметке нет никаких признаков возбуждения межнациональной розни или призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Напротив, заметка направлена именно против возбуждения вражды и ненависти, которые проявляются гастарбайтерами и о которых автор заметки свидетельствует как очевидец.

В сети Интернет такая заметка – редкость взвешенности и корректности. В данном случае экспрессивные выражения не переходят грань литературной нормы и лишь выражают эмоции автора. Тем самым, заметка выгодно отличается от огромной массы публикаций самого разного свойства, в которых ненависть к коренному населению России или к иммигрантам, "понаехавшим" в страну в результате безумной миграционной политики последнего десятилетия, выражена в самых грубых формах. Вражда и ненависть является фактом – результатом данной политики. И она видна невооруженным взглядом - всем, кто хотя бы минимально изучает межнациональную конфликтность на территории России.

Заметка В.Н.Козловича отражает лишь его личный опыт столкновения с межнациональной враждой и выгодно отличается от основной массы публикаций в сети Интернет конструктивным подходом. Его действия, описанные в заметке, - это действия ответственного гражданина, который столкнулся с хамством, оскорблениями и угрозами в его адрес и адрес всех москвичей. Автор свидетельствует о своих обращениях к лицам, отвечающим за оскорбивших его работников, а также о написании жалоб на их действия, к которым он попытался предъявить претензии.

В заметке имеется негативное отношение к конкретным лицам – сотрудникам сферы ЖКХ, относящимся (по мнению автора) к гастарбайтерам "из Азии". Данное отнесение не может быть признано "национальным", поскольку азиатское происхождение ни в коей мере не указывает на какую-либо национальность. "Азиатчина" является общеупотребимым (хотя и некорректным) эпитетом нецивилизованности, некультурности.

Заметка не представляет искаженной картины действительности. Напротив, она лишь подтверждает общеизвестное – негативное влияние массового завоза гастарбайтеров на обстановку в столице, которая в течение последних лет стала крайне напряженной, а криминогенная ситуация резко обострилась. И это не только ощущение коренных жителей Москвы, но и официальные данные, опубликованные от лица столичной полиции.

По данным замруководителя Главного следственного управления СК по Москве Сергея Яроша, число тяжких преступлений, совершенных иностранными гражданами в столице, в 2014 году выросло наполовину http://www.vestifinance.ru/articles/53507 . Эти цифры отражают рост напряженности, причиной которой являются массовое присутствие гастарбайтеров в Москве и особенности их поведения. Таким образом, заметка В.Н.Козловича совершенно объективно отражает реальное положение дел.

Знакомство с результатами миграционной политики, знание уровня напряженности между коренным населением и гастарбайтерами-иммигрантами, понимание общего публицистического фона в сети Интернет, а также реального охвата читателей указанной заметкой, позволяют заключить, что в ней нет ни тени какого-либо преступного умысла, ни тени посягательства на какие-либо национальные чувства, никаких призывов к экстремистской деятельности, никакого возбуждения вражды к кому-либо. Утверждение обратного я бы расценил как циничное пренебрежение фактической стороной дела.

Рассмотрев заметку В.Н.Козловича до знакомства с объемной и даже "комплексной" экспертизой, я могу с уверенностью утверждать, что анализ этой экспертизы может быть только разоблачением некомпетентности и аморальности "экспертов", привлеченных следователем, грубейшим образом нарушившим закон – также либо в силу своей крайней некомпетентности, либо в силу каких-то аморальных мотивов. Любой здравомыслящий человек, прочтя заметку В.Н.Козловича, не обнаружит в ней ничего криминального. В особенности должно быть ясно отсутствие какого либо состава преступления для лица, получившего юридическое образование. Уже сам факт исправления экспертами вопросов №5 и №6 показывает, что следователь не способен выделить сферу специализации этих экспертов. Поэтому даже сам факт возбуждения уголовного дела следователем старшим лейтенантом юстиции ***А.В.Кобозевым*** демонстрирует его непригодность для отправления возложенных на него служебных обязанностей.

Некомпетентность следователя и экспертов в любом случае подлежит публичной огласке и доведения соответствующей информации до их непосредственных руководителей.

Анализ заключения экспертов

1. Анализ вопросов, поставленных следователем перед специалистами

Следователь Кобозев сформулировал 8 вопросов к тексту, который предельно прост и пригоден для понимания любого человека, даже не имеющего высшего образования. Его анализ следователь обязан был произвести самостоятельно без привлечения лингвистов и психологов, поскольку содержание текста общедоступно.

Видимо, следователь Кобозев не знает, что такое "призывы", раз формулирует вопрос к специалистам. Хотя отличить побудительные предложения в тексте на русском языке способен каждый выпускник средней школы. И никаких затруднений в том, чтобы отобрать из них те, которые напоминают пропагандистские штампы, не представляет никакого труда. Привлечение лингвистов и психологов к этому вопросу лишь запутывает дело псевдонаучными измышлениями.

Термин "лингвистические признаки возбуждения розни" - это изобретение следователя, далекое от юридически выверенных формулировок. Допуская специализацию признаков возбуждения розни, следователь создает превратную задачу для специалиста: найти любой ценой "возбуждение" и приписать себе способность такое "возбуждение" идентифицировать в соответствии со своей специализацией. В действительности лингвист принципиально не может выявлять признаки возбуждения розни, ибо его специальность связана с грамматикой и лексикой. Не может быть также обособленной задачи для психолога: выявить в тексте признаки того самого "возбуждения", которое несет нагрузку в смысле статей Уголовного кодекса. Тем более что психолог не может работать в отрыве от личности автора публикации, без общения с ним. Вопросы возбуждения розни – это сфера, которая находится на стыке социальной психологии и обществоведения. Ибо требует знаний о психологических реакциях на общественно значимые явления. Как правило, психологи не имеют самостоятельных знаний, необходимых для того, чтобы определить общественную значимость какого-либо текста. Тем более, у них не может быть оснований, чтобы делать какие-либо выводы из краткой заметки. Сама попытка заняться этим – прямая профанация научного подхода.

Должен заметить, что общественно значимым явлением заметка В.Н.Козловича становится только и исключительно благодаря следователю Кобозеву. До его постановления о возбуждении уголовного дела никаких признаков общественно значимого статуса у заметки не было. Поэтому истинным возбудителем ненависти в данном деле может быть только сам следователь, и это обстоятельство является существенным для всего дела.

Следователь предлагает лингвисту и психологу рассматривать вопросы, которые не входят в сферу их специальных знаний – вопросы о пропаганде. Пропаганда – это область общественно-политическая, но никак не лингвистическая и не психологическая. Тем более, лингвист и психолог не вправе делать какие-либо заключения по поводу расы, национальности, религии, социальной группы. Постановка соответствующих вопросов свидетельствует о глубокой некомпетентности следователя, а готовность лингвиста и психолога отвечать на такие вопросы – об их аморальности.

Ощущение униженности, разумеется, не может быть исследовано лингвистом. А психолог не в состоянии определить это состояние, если он не

взаимодействует с конкретными людьми, а берется анализировать текст. Каковы бы ни были выводы психолога по данному вопросу, они будут надуманны, "высосаны из пальца".

Подробный анализ бесплодности, надуманности, просто глупости вопросов следователя занял бы слишком много места. Следует отметить разве что последний, восьмой, вопрос экспертам - о признаках обвинения должностных лиц РФ и правоохранительных органов РФ в деятельности и действиях, направленных против России. Этот вопрос разоблачает противозаконный замысел следователя – организовать репрессии против активного гражданина, критически настроенного к властям, разрушающим его жизнь и заполняющим ее бесконечными конфликтами. Сама постановка вопроса является вызывающе вздорной и посягающей на конституционные права граждан, имеющих полное право (а в нынешних условиях – и полное основание) обвинять должностных лиц и представителей правоохранительных органов в деятельности, направленной против России. Результаты этой деятельности широко известны, а в деталях содержатся в отчетах Росстата и Счетной палаты. Катастрофическое положение во многих сферах жизни нашей страны общеизвестно. Поэтому сама постановка вопроса следователем – это своего рода "явка с повинной", которая отражает его задачу – безосновательное возбуждение уголовного дела и преследование гражданина за его взгляды, за критическое отношение к политике властей (должностных лиц, сотрудников правоохранительных органов, чиновников и так далее).

Умысел на совершение преступления следователем Кобозевым просматривается в подчинении его действий общей задаче - организации беззаконного репрессивного действия со стороны врио начальника ЦПЭ УВД по ЮВАО ГУ МВД России по г. Москве подполковника полиции ***Е.Л.Колупатина***, на которого эксперты указывают как на заказчика предварительного экспертного исследования, выводы которого существенным образом повлияли на экспертов Гурову и Сапунову. Тем более что Е.В.Гурова участвовала как в предварительной экспертизе, так и в комплексной, назначенной следователем. Также на преступный умысел в отношении активного гражданина, решительно выступившего против враждебного поведения гастарбайтеров, усматривается в том, что в отношении В.Н.Козловича не было никаких предупреждений, а в отношении портала, где появилась его заметка – никаких требований снять данную публикацию и воздержаться в дальнейшем от подобных публикаций. Произвольная репрессия направлена не на какой-либо поступок В.Н.Козловича, а на его личность, которая по каким-то причинам попала в сферу внимания ЦПЭ – организации, известной политическим активистам своими массовыми беззаконными действиями и грубейшим пренебрежением к правам граждан. Доходящая до болезненных форм тщательность отбора материала для экспертизы, отраженная в экспертном исследовании, прямо свидетельствует о намерении представителя ЦПЭ, следователя и экспертов применить самые жесткие меры к личности, используя самую заурядную публикацию, не имеющую никакого общественного значения.

a. Анализ формальной компетентности экспертов

Эксперт ***Елена Васильевна Гурова***, филолог, аттестованный как специалист, имеющий право на производство самостоятельных судебных экспертиз. Не указано учебное заведение, которое она закончила. Не указано, какое заведение выдало аттестационный документ. Стаж работы по специальности и экспертной деятельности – 1 год. Данный стаж не подтверждает достаточного опыта работы и способности самостоятельно проводить экспертизы. Формальное право на такие экспертизы имеет любой специалист, обладающий необходимыми знаниями (ст. 57

УПК РФ), вне зависимости от какой-либо аттестации, которая для судебных экспертиз не носит обязательного характера.

Эксперт ***Елена Викторовна Сапунова***, психолог, аттестованный как специалист, имеющий право на производство самостоятельных судебных экспертиз. Не указано учебное заведение, которое она закончила. Не указано, какое заведение выдало аттестационный документ. Стаж работы по специальности – 5 лет, стаж экспертной деятельности – 1 год. Данный стаж не подтверждает достаточного опыта работы и способности самостоятельно проводить экспертизы. Не указаны места работы и профиль выполняемой работы, которые могли бы подтвердить опыт эксперта при проведении анализа общественно-политической публицистики. В качестве эксперта опыт работы недостаточен, чтобы самостоятельно проводить экспертизы.

Оба эксперта принадлежат к одной и той же организации – ***Государственному бюджетному учреждению г. Москвы "Московский исследовательский центр"***. Что создает возможность корпоративного сговора между экспертами.

Профиль деятельности данного учреждения в течение многих лет (1992-2013) не соответствует профилю поставленных перед экспертами вопросов. Он исчерпывается следующим перечнем:

- проведение аналитических исследований по проблемам соблюдения авторских и смежных прав в области распространения аудиовизуальной продукции и компьютерных носителей;

- проведение экспертных исследований контрафактной аудиовизуальной продукции; компьютерно-технических, психолого-лингвистических, криминалистических экспертиз и исследований; проведение правовых, финансово-экономических и товароведческих экспертиз;

- подготовка и проведение торгов, анализ деятельности хозяйствующих субъектов с целью обеспечения экономических интересов города Москвы;

- осуществление мероприятий и оказание услуг в области защиты государственной тайны, технической защиты конфиденциальной информации и персональных данных. http://drbez.mos.ru/about/ subordinate/15938/

Из данного перечня видно, что никакой связи с экспертизой в области общественно-политической проблематики организация не имеет.

Поскольку данное учреждение является подчиненным Департаменту безопасности г. Москвы, оно входит в систему формальных и неформальных отношений между чиновниками и правоохранителями, это также может приводить к корпоративному сговору в целях предоставления отчетности по "борьбе с экстремизмом", которая недобросовестными должностными лицами может рассматривать как политический заказ – задание, "спущенное" вышестоящим начальством.

Из данной информации вполне ясно, что экспертиза в принципе не может быть квалифицированной, а также вполне обоснованы опасения, что в основу экспертизы положен преступный сговор между следователем и руководством ГБУ "Московский исследовательский центр".

Некомпетентность экспертов выражена ими в исправлении вопроса №7, где следователь просит выяснить, есть ли в тексте заметки какое-либо восхваление чего-либо. Сам по себе вопрос некорректен, но еще более некорректна его переформулировка экспертами, которые берут на себя смелость выяснять наличие в заметке признаков оправдания каких-либо действий "в отношении групп, выделяемых по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения,

отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе или представителей такой группы".

Безумство соответствующего вопроса совершенно очевидно для любого здравомыслящего человека, который прочтет заметку В.Н.Козловича. Там нет ничего про указанные группы или их представителей. Но главное не это. Главное, что лица, не имеющие специальных знаний по поводу методик выделения указанных групп, берутся определять, нет ли в заметке оправдания каких-либо действий в отношении этих групп. Эксперты должны были ознакомиться со своими обязанностями в качестве судебных экспертов, но не удосужились этого сделать. И потому решились коснуться тех научных сфер, в которых они не имеют достаточных знаний или вообще не имеют о них никакого представления.

b. Рассмотрение лингвистического анализа Е.В.Гуровой

Полная некомпетентность эксперта в области современной публицистики и политической социологии приводит его к утверждению о том, что группа "фашисты" является существующей в России реальностью, и что автор заметки представляет себе именно такую реальность. Не имея представлений о современной лексике, эксперт Гурова определяет слово "фашист" не как бранное и отнесенное к неопределенной группе лиц (образно говоря, "плохие люди"), а как квалифицирующее вполне определенную социальную группу.

Эксперт утверждает, что заметка содержит оценку социально-политической обстановки в Москве. При этом эксперт недопустимо меняет местами частное и общее: путает описание конкретного случая и обобщающих заявлений автора. Поэтому и приходит к совершенно ложному представлению о том, чему посвящена заметка. Место случая в экспертизе Гуровой занимает обобщение. Причем именно из описания случая Гурова берет произвольно выдуманное ею обобщение.

Автор заметки в начале статьи приводит конкретные случаи из жизни, цитирует брань гастарбайтера в адрес москвичей, а потом приходит к обобщающим выводам. Эксперт Гурова все переворачивает обратным порядком: определяет отношение автора заметки к миграционным проблемам через эту брань. Это нелогичный, недопустимый оборот, вменяющий автору совсем не ту мысль, которая выражена им в заметке.

Эксперт Гурова идет на прямые подмены текста заметки. Автор пишет: "В Москву намеренно завозят фашистов". Гурова "переводит": мол, автор пишет, что в Москву завозят мигрантов. Автор не обобщает, а эксперт Гурова делает это за автора, приписывая ему свои произвольные соображения по поводу текста. Из текста вполне ясно следует, что совокупность лиц, которые обозначаются у автора "фашисты", уже, чем совокупность "гастарбайтеры" или "азиаты". Но Гурова предпочитает произвольно отождествить эти совокупности, чем и вменить автору вину за негативное отношение ко всем "трудовым мигрантам" (этот термин Гурова также произвольно вводит в свой анализ, считая, что у автора это то же самое, что "гастарбайтеры") и "азиатам".

Игнорируя отрывочность и нервность экспрессивных выражений автора, Гурова произвольно переформулирует его мысль, перенося негативное отношение автора, высказанное в заметке, с хамски ведущих себя конкретных гастарбайтеров на всех вообще трудовых мигрантов.

Не зная предмета, который знаком специалистам по миграции, эксперт Гурова не в состоянии понять текст заметки, где говорится о русских, вынужденных бежать из вновь образованных на постсоветских пространствах азиатских государств. Не имея представления о трагедии миллионов русских людей, эксперт Гурова смеет рассуждать, что автор противопоставляет русских и…

кого? Оказывается, "трудовых мигрантов". С той же степенью убедительности можно противопоставлять Луну и сыр. Если речь идет о межнациональном конфликте, то положено указывать национальности, а не совокупность лиц, объединенных не национальностью, а правовым статусом иностранца или лица без гражданства, оказавшегося на территории России легально или нелегально. Возможно, Гурова не в курсе, что не всякий "трудовой мигрант" находится на территории России законно и что не всякий работающий в России иностранец имеет разрешение на работу в соответствии с законом.

Эксперт Гурова пользуется определением слова "гастарбайтер" по словарю. Хотя словарные значения слов далеко не всегда отражают смыслы, которые им придают люди, их использующие. Это может быть связано с ошибками, отступлениями от литературной нормы (а именно она зафиксирована в словарях), а также со сложными контекстами (скажем, иносказаниями, иронией и т.п.). Это однозначно демонстрирует неспособность эксперта Гуровой проводить лингвистическую экспертизу текста: она не владеет элементарной научной методикой анализа, предполагающей широкую смысловую вариативность языка и смысловую неоднозначность, которую практически невозможно устранить при исследовании короткой заметки в несколько абзацев.

Эксперт Гурова от сомнительных соображений, произвольно трактующих текст заметки, переходит к прямой лжи, в которой можно усмотреть и злонамеренность – подчинение не мотивам исполнения своей исследовательской миссии и не требованиям установления истины, а оказанием услуги вышестоящему начальству. Иначе трудно объяснить, почему экспрессивная лексика автора, направленная на конкретных лиц и частный случай, переносится Гуровой на широкую общность, в которую эти лица предположительно входят. Некомпетентность эксперта в данном случае также выражена попыткой оценить значения экспрессивных выражений по словарям. С таким успехом обсценную лексику эксперт может отнести к угрозам сексуального насилия. Лингвисту, столкнувшемуся с экспрессивными выражениями, которые следует признать как бранные, мог бы попытаться выяснить функции брани в русском языке.

Допуская произвольную подстановку вместо слов, применяемых автором, а также смешивая частное и общее, эксперт Гурова создает совершенно превратную, произвольную трактовку текста. Там, где автор пишет "фашисты", Гурова подставляет "трудовые мигранты" - и состряпан смысл, которого в заметке нет. Наказ будущим депутатам очистить Москву от гастарбайтеров в интерпретации Гуровой превращается в побуждение к дискриминации всех вообще трудовых мигрантов.

Не имея элементарных знаний в области права, эксперт интерпретирует любую дискриминацию вообще как нечто негативное – в том числе и дискриминацию иностранца по отношению к гражданину, преступника по отношению к законопослушному лицу и так далее. И представляет дело так, будто выселение иммигрантов из страны – это нечто недопустимое. Между тем, автор заметки в значительной степени пересказывает то, что присутствует в сотнях аналитических статей, политических программ, оценочных высказываний москвичей. В частности, на выборах мэра Москвы С.Собянин объявил себя противником незаконной миграции, "которая создает напряжение в обществе, влечет рост преступности и создает угрозу безопасности москвичам".

Автором заметки почти буквально повторена программа С.Собянина, которую он, победив на выборах в 2012 году, обязан реализовать:

- Выдворение с долгосрочным запретом на въезд в Россию мигрантов, нарушивших правила пребывания,

- Сокращение использования неквалифицированной рабочей силы в городском хозяйстве, в том числе в системе ЖКХ,

- Соблюдение мигрантами традиций и обычаев бытового поведения, принятых в нашем обществе (см. http://magru.net/pubs/4562/ Predvybornaya_ programma_ Sergeya _Sobyanina#44).

Конечно, "бытовая" манера изложения отличается от официальной. Тем более что "бытовая" отражена в заметке по итогам личных (и весьма острых) переживаний автора. Ничего этого эксперт понимать не желает, а потому анализирует не текст заметки, не отражение в ней каких-либо реалий, а свои фантазии на счет мыслей и намерений автора.

Эксперт просто подменяет одну мысль другой: автор заметки выражает общераспространенное мнение о том, что иммиграция должна быть прекращена, а недавние иммигранты выселены из страны. Причем, его раздражение и экспрессивная лексика направлены на иммигрантов со вполне отчетливо проявленными качествами, с которыми автор столкнулся на личном опыте. Гурова все это представляет как "обоснование борьбы с трудовыми мигрантами". Этот поистине бредовый вывод не имеет под собой ни малейших оснований и является плодом "творчества" эксперта, не обладающего достаточными профессиональными навыками. Автор говорит о прекращении иммиграции и выселении иммигрантов. Гурова – о "борьбе". Ничего общего между собой эти установки не имеют. Первая предполагает правовой порядок, меняющий миграционную политику, вторая отвергает саму возможность правового прекращения иммиграции.

Конечно же, побуждающие моменты в тексте заметки имеются. В том числе и к будущей власти. Но нигде не говорится о том, что это будет "дискриминация" - ущемление прав, а не правовой и законный метод разрешения миграционных проблем столицы. Эксперт грубейшим образом искажает и мотивы автора. Автор пишет о хамстве и ненависти к России, которые должны стать для иностранца причиной бессрочного запрета на въезд в Россию. Гурова интерпретирует это как "призыв к дискриминирующему действию по отношению к трудовым мигрантам как к группе лиц, выделяемой по социальному признаку".

Некомпетентность эксперта Гуровой также выражена в определении "азиатов" как группы, "по совокупности социального и национального (этнического) признаков". Даже школьник знает, что "азиат" - это житель Азии, части света, откуда в Россию могут приезжать представители самых разных социальных и национальных групп. Но эксперт Гурова делает открытие: какую-то неизвестную науке смесь социального и национального "по совокупности признаков". Таких групп не существует и существовать не может, что делает выводы Гуровой профанацией научной экспертизы.

Дело доходит до циничной клеветы. Автор заметки выражает возмущение унижением коренного населения Москвы "фашистами" и "ублюдками", а эксперт объявляет его возмущение признаком унижения "трудовых мигрантов"! До какой же низости может дойти лицо, лишенное элементарной порядочности и научной добросовестности!

По совокупности приведенных аргументов анализ эксперта Гуровой не может быть признан основанным на научных методиках. В рамках своей профессиональной компетентности Гурова демонстрирует неспособность провести научно обоснованный анализ, за пределами своей профессиональной сферы она

демонстрирует чудовищное невежество, а в выводах доходит до клеветнических утверждений.

c. Рассмотрение психологического анализа П.В.Сапуновой

Можно согласиться с экспертом в том, что заготовок заметки носит провокационный характер - "В Москву завозят фашистов и готовят их к резне!". Но что провоцирует этот заголовок? И что он означает? Фашисты будут резать или фашистов будут резать? Очевидно, что заголовок не провоцирует ничего, кроме любопытства. Но в силу крайне ограниченной читательской аудитории в месте публикации заметки, она охватывает не более нескольких десятков человек. Поэтому вся "провокация" - это буря в стакане воды, которую эксперты пытаются (вероятно, по заданию начальства) представить как огромное бедствие или, по крайней мере, "провокацию" такого бедствия.

С самого начала эксперт неверно определяет характер статьи и ее направленность, путая общее и частное - ровно таким же образом, как и эксперт-лингвист. Ссылаясь на эксперта-лингвиста при определении характера статьи, эксперт-психолог с самого начала своего анализа делает его бессмысленным: ошибка в начальной посылке дискредитирует все последующие рассуждения. Темой статьи не является "сложившаяся социально-политическая, межнациональная (межэтническая) враждебная ситуация в Москве". Тема статьи – конкретное проявление враждебности иностранных работников ЖКХ по отношению к автору. Если же тема статьи была той, которую поминает эксперт, то, как психолог, эксперт обязан был отказаться от ее анализа, поскольку такой анализ требует специальных знаний, выходящих за рамки психологии.

Эксперт-психолог, как и лингвист, произвольно обобщает частный случай, приписывая такое обобщение автору заметки. Автор пишет о "фашистах" и "ублюдках", чьи женщины "вцепятся вам в волосы", а эксперт полагает, что речь идет вообще обо всех "азиатах". Эта безумная мысль, видимо, может быть близка только эксперту. У автора такой мысли нет. Его негативные эмоции с очевидностью направлены на конкретных лиц, а обобщения – на аналогичных лиц, агрессивно настроенных против москвичей и шире – против русских. Эксперт хладнокровно объединяет всех этих лиц с "азиатами".

Здесь, как можно видеть, присутствует та же загадка с "социально-национальным" конгломератом, якобы способным составить какую-то группу в лице "гастарбайтеров". Но, в отличие от эксперта-лингвиста, эксперт-психолог делает свое собственное открытие: открывает конфликт между всеми русскими (как этносом-национальностью) и всеми трудовыми мигрантами (как социальной группой). Выходя за пределы своей компетентности, в данном случае эксперт проявляет непонимание того, что автор понимает под словом "русский", и произвольно приписывает русским "этничность". Хотя автор об этом ни словом не обмолвился. Получается, что эксперт вменяет автору собственное понимание "русскости" - исключительно как кровнородственной общности. Между тем, хорошо известно, что русскими считали себя (и считались окружающими) многие известные личности, которые кровно с русским народом связаны не были. Вся эта проблематика, как мы видим, для эксперта Сапуновой – темный лес. Но эксперт смело входит в этот лес, блуждает там и выходит из него с выводами – порожденными некомпетентностью, а возможно, и злонамеренностью.

Подменяя текст заметки своими домыслами, эксперт Сапунова относит всю экспрессивную лексику автора на всех вообще "гастарбайтеров", в том числе – на "азиатов". Хотя из текста заметки с очевидностью следует, что вся экспрессия имеет своим истоком case study – частный опыт, пережитый автором, но

обобщенный им в дальнейших размышлениях, исходя из аналогичных случаев. Автор изобличает зло и относит к нему ругательства, а эксперт Сапунова полагает, что эти ругательства направлены не на зло, а на огромные группы людей. Эта подмена глубоко порочна и отражает пороки самого эксперта – его неспособность видеть частное и общее, неспособность буквально читать по написанному без домыслов.

Гражданская позиция автора выражена в его собственных действиях (личные встречи с руководителями структур ЖКХ, написание жалоб в инстанции – об этом говорится в статье), в предупреждениях другим общественным активистам о возможной опасности, в тревожных высказываниях и вполне конструктивных предложениях в адрес власти. Эксперт Сапунова все это интерпретирует в обвинительном ключе, будто она не эксперт, а прокурор, имеющий дело с хорошо знакомым рецидивистом.

В остальном домыслы эксперта Сапуновой тождественны домыслам эксперта Гуровой, не отличаясь от них какими-либо профессиональными признаками. Здесь налицо та же подмена слов и смыслов, та же клевета на автора в виде переформулированных до неузнаваемости его слов.

Как психолог, эксперт Сапунова никак не проявила свои знания специалиста: не рассмотрела вопрос об эмоциональном состоянии автора и о том, какие эмоциональные состояния может вызвать прочтение его текста. Между тем, очевидно, что автор написал текст в состоянии возбуждения – непосредственно после конфликта с гастарбайтером и его начальством. Все это прямо следует из текста, а также отражено в экспрессивной лексике, которая показывает, что автор от возмущения не находит подходящих слов. Что касается эмоциональных состояний читателей текста, то их можно было бы установить хотя бы по комментариям, которые накопились в течение года. По этим комментариям мы видим, что никакого возбуждения у читателей не присутствует. По одной простой причине: факты, аналогичные изложенным в заметке, читателям хорошо известны, но они воспринимают текст без тех острых переживаний, который возникают сразу после ситуации конфликта.

Таким образом, эксперт Сапунова ничем не отразила в своем исследовании профессиональных навыков психолога. Все ее соображения никак не демонстрируют специальных психологических знаний, а также выходят за пределы ее компетенции – касаются вопросов, в которых Сапунова демонстрирует полную неосведомленность.

Синтезирующую часть и выводы экспертов не имеет смысла рассматривать в силу глубокой некомпетентности привлеченных для экспертизы лиц. Спасибо, что эти эксперты все-таки не нашли в маленькой заметке ни призывов к насилию, ни оправдания насилия, ни обвинений каких-то должностных лиц. Обнаружить все это склонял их следователь, а также инициатор организации преследования автора – сотрудник ЦПЭ. Разумеется, без всяких на то оснований.

Итог изучения экспертизы Гуровой-Сапуновой неутешителен. Данные эксперты профессионально некомпетентны, а их выводы являются плодом их собственного воображения, имеющего исток далеко за пределами науки.

Дополнительно в ответ на запрос адвоката необходимо признать, что привлечение для анализа экспертизы лингвиста, не специализирующегося на анализе общественно-политических текстов, и психолога, не входящего в контакт с автором текста, не образует компетентный состав экспертной группы для комплексного анализа заметки. Ее содержание оказывается за пределами профессиональной компетенции экспертов даже по их формальному статусу.

Судебное заседание Кузьминского районного суда

21 августа 2015 по делу Козловича В.Н.

Эксперт-лингвист Гурова Елена Васильевна

07:54 На вопрос судьи: Подсудимый Козлович мне не знаком, оснований для оговора не имею.

08:07 На вопрос судьи: На момент проведения экспертизы стаж у меня был 1 год, сейчас – два.

08:23 На вопрос судьи: Экспертиза проводилась совместно с экспертом-психологом по специальности исследование психологии и психофизиологии человека.

09:00 Вопрос прокурора: Скажите, ваших совместных знаний двух экспертов достаточно было для полноценного, всестороннего и компетентного ответа на поставленные следователем вопросы?

09:11 Да, наших знаний было достаточно для ответа на все поставленные вопросы.

09:22 Вопрос прокурора: Вы знакомились с тестом статьи? Какую конкретно социальную группу Вы усмотрели, и в адрес которой были направлено возбуждение ненависти и вражды?

09:40 Ответ Гуровой: В тексте мы увидели группу "трудовые мигранты", в том числе, "азиаты" как группу лиц, выделяемую по совокупности социального, национального и этнического …(неразб. 1 слово).

09:55 Вопрос прокурора: Скажите, что такое "социальная группа"?

10:00 Ответ Гуровой: "Социальная группа" - это какая-то группа, которая определена формой деятельности людей. В данном случае ею являются "трудовые мигранты".

10:12 Вопрос прокурора: Какие признаки социальной группы вообще могут быть, и по какому признаку здесь Вы выделили именно группу трудовых мигрантов?

10:20 Ответ Гуровой: Согласно тексту у нас была номинация "гастарбайтер" и, согласно словарям, гастарбайтер – это рабочий-иммигрант, которого нанимают на менее выгодных условиях, чем гражданина данной страны. Соответственно, данная форма деятельности … можно объединить в группу … тем самым мы выделили группу "трудовые мигранты".

10:48 Слово "гастарбайтер" является оценочным, поэтому мы в экспертизе выбрали более нейтральную номинацию "трудовые мигранты".

10:20 Вопрос прокурора: Можете ли Вы сказать, что слово "гастарбайтер" доступно и понятно почти любому человеку, и нельзя сказать, что это сленговое слово понятно кому-то определенному?

11:15 Ответ Гуровой: Нет, это слово понятно всем носителям русского языка. Оно также зафиксировано в словарях русского языка, поэтому мы … Оно не является сленговым, оно зафиксировано не в сленговых словарях русского языка, а в … (неразб. 1 слово).

11:35 Вопрос прокурора: А какую еще группу помимо социальной группы "трудовых мигрантов", Вы выделили в данном тексте?

11:50 Ответ Гуровой: В том числе, "Азиаты" как группу, выделяемую по национальному и этническому признаку.

11:58 Вопрос прокурора: Вы сказали "и этническому признаку". Можно ли охарактеризовать "азиатов" как группу лиц, выделенную исключительно по признаку национальности?

12:08 Ответ Гуровой: Исключительно по признаку национальности – нет. Для этого мы и сделали уточнение: в скобках … как группа лиц, выделяемая по этническому признаку. В принципе, национальности – это довольно широкое понятие. Это исторически сложившаяся общность людей, объединенная языком, территорией проживания, культурой. Группа "азиатов", выделяемая по национальному признаку, она не противоречит данному понятию.

120:40 Вопрос прокурора: Можно ли утверждать, что национальность, в том числе, определяет человека к какой-то этнической общности?

120:50 Ответ Гуровой: Да … В данном случае … Национальность – это принадлежность к нации. Нация … как бы можно сказать … это какая-то общность людей, которые объединены какими-либо принципами.

13:15 Вопрос прокурора: Этническая общность, она включается в это понятие?

13:20 Ответ Гуровой: Да, она включается в понятие. Это очень широкое понятие, которое, в том числе, подразумевает и принадлежность к какому-либо этносу.

13:30 Вопрос прокурора: Правильно ли я поняла, что "азиатов" мы можем выделить как определенную этническую общность, которая относится к определенной национальности?

13:40 Ответ Гуровой: Да.

13:55 Вопрос прокурора: В каких словах и выражениях Вы увидели признаки возбуждения ненависти и вражды? Какие обороты об этом свидетельствуют?

14:10 Ответ Гуровой: Признаки возбуждения ненависти и вражды мы выявили, исходя из всего текста: в тексте выражено враждебное отношение к обозначенной группе лиц, в тексте содержатся призывы … в тексте содержатся побуждения к будущим представителям власти к дискриминационным действиям по отношению к указанной группе лиц, а также призыв к дискриминационным действиям по отношению к трудовым мигрантам. Тем самым это свидетельствует о том, что в тексте были установлены признаки возбуждения ненависти и вражды.

14:58 Более того, в тексте указанная группа лиц описывается как источник опасности, угрозы, и обосновывается необходимость борьбы с указанной группой лиц.

15:18 Вопрос судьи: Подсудимый, у Вас имеются вопросы?

15:20 Ответ Козловича: Да, конечно, Ваша честь.

15:22 Вопрос Козловича: Будьте добры, скажите, пожалуйста, эту заметку, которую я писал, Вы ее читали с начала? Или с середины?

15:35 Ответ Гуровой: Я ее читала с начала, все материалы, которые были представлены на экспертизу.

15:40 Вопрос Козловича: Вы не вспомните, что там в начале речь шла о безобразной выходке фашиствующего элемента, который угрожал вырезать русское население в Москве? Вы этого не помните?

15:35 Ответ Гуровой: В тексте …(неразб.).

15:56 Вопрос Козловича: Тогда скажите, пожалуйста, почему же Вы дальнейшее исследование ведете, как бы отбрасывая ту побудительную причину, тот побудительный мотив, который был выражен в заметке, и оставляете за собой право исследовать только как бы ответную часть, то есть возмущение на действия фашистов? Почему Вы первую часть как-то выбросили?

16:25 Ответ Гуровой: Мы исследуем весь текст в целом, о возможном воздействии на автора-публикатора писал в своей части психолог. Я не могу сейчас

отвечать за психолога. Я – лингвист, я исследую только то, о чем сообщается в тексте.

16:45 Вопрос Козловича: Вот Вы в своем исследовании и сейчас повторяете "социальная группа", "гастарбайтеры", "работники" … Вы повторяете: "социальная группа". Но ведь речь-то шла в заметке не о всех гастарбайтерах. Я не случайно спросил о том, читали ли Вы с начала. Речь шла о тех, кто выступает с позиций гитлеровского фашизма, кто угрожает нам, нашей стране. Вы называете эту группу социальной. А разве можно фашистов, которые запрещены в нашей стране, назвать "социальной группой".

17:35 Ответ Гуровой: Исходя из всего текста, речь шла в дальнейшем о всей группе "трудовые мигранты" в целом, а не об отдельных представителях указанной группы лиц.

17:52 Вопрос Козловича: Я извиняюсь, там нет нигде в тексте, что речь идет обо всех мигрантах. Речь идет о именно о фашиствующих. И это из текста даже видно, если текст почитать, то …

18:02 Судья: Подсудимый Козлович, вопросы задавайте.

18:05 Реплика Козловича: Так я не получаю ответы на свои вопросы.

18:07 Судья: Вы получили тот ответ, который Вам дан.

18:12 Вопрос Козловича: По поводу национальности можно вопрос задать?

18:15 Судья: По поводу экспертизы.

18:20 Вопрос Козловича: Вот Вы в экспертизе говорите о национальной и этнической принадлежности … Будьте добры, скажите, а в чем разница между национальностью и этнической принадлежностью?

18:30 Ответ Гуровой: Понятие национальности, оно шире понятия этнической принадлежности.

18:40 Вопрос защитника: Национальности - шире?

18:45 Ответ Гуровой: Национальности – шире. Национальность – это, можно сказать, исторически сложившаяся общность людей, которая объединена языком, территорией проживания, культурой и другими какими-либо признаками. В данном случае, в экспертизе, мы указывали "по национальному", в скобках – "по этническому признаку", в том числе, для того, чтобы это не противоречило закону, потому что в законе у нас указывается … чтобы эксперт не писал, грубо говоря, дополнительных каких-то групп, но при этом мы делаем уточнение на этническую группу, потому что у нас сообщается о возбуждении, вражды либо унижении к представителям группы лиц, выделяемой по признакам национальности, расы, отношения к религии или принадлежности к какой-либо социальной группы.

17:52 Вопрос Козловича: Скажите, пожалуйста, Вы по-прежнему утверждаете, что "азиаты" - это национальная группа?

19:58 Судья: "Национальная группа" - такого словосочетания не было!

20:05 Козлович: Было слово: "национальность – азиаты".

20:06 Реплика защитника: Да.

20:08 Вопрос Козловича: Вы по-прежнему утверждаете, что есть такая национальность - "азиаты"?

20:12 Ответ Гуровой: Согласно нашему заключению мы выделяли группу лиц, выделяемую … трудовые мигранты, в том числе, "азиаты" как группу лиц, выделяемому по совокупности социального и национального этнического признаков.

20:26 Вопрос Козловича: То есть, Вы настаиваете, что "азиаты" - национальность?

20:29 Ответ Гуровой: Ну …

20:30 Вопрос прокурора: Разрешите уточняющий вопрос? Эксперт до этого сказал, что в законе говорится о национальности, при этом она говорит, что в экспертизе как раз делается уточнение на этническую общность, поскольку в законе такого понятия нету, непосредственно в статье. Поэтому эксперт говорит, что они пишут "национальность" и уточняют: "этническая общность". Таким образом, "азиаты" относятся к этнической общности. То есть …

20:58 Защитник: Это Ваш вопрос?

21:00 Прокурор: Нет. А до этого давалось пояснение эксперта.

21:02 Защитник: А сейчас дается пояснение прокурора.

21:05 Вопрос прокурора: Мы правильно понимаем это? Вы это сказали?

21:06 Ответ Гуровой: Да, правильно.

21:08 Козлович прокурору: Я извиняюсь, конечно, вопрос-то я не Вам задавал.

21:12 Ответ прокурора: Ответ уже был дан. Вопрос повторный.

21:15 Козлович: Меня этот ответ не удовлетворил, поэтому я и задал вопрос.

21:20 Судья: Прекратите пререкаться! Вопросы еще имеются, подсудимый Козлович?

21:23 Козлович: Да.

21:25 Вопрос Козловича: Вы в своем исследовании и сейчас сказали, что вот наказ будущим депутатам является побудительным мотивом для дискриминации. Вы будете настаивать на этом?

21:45 Ответ Гуровой: Высказывание "Вот мой наказ будущим депутатам в МГД - очистить Москву от легальных и нелегальных гастарбайтеров и фашистов всех мастей" - представляет собой побуждение, адресованное к будущим представителям власти, к дискриминационным действиям.

22:06 Козлович: То есть Вы на этом настаиваете… Спасибо.

22:10 Вопрос защитника: Елена Васильевна, какое учебное заведение Вы закончили?

22:12 Ответ Гуровой: Я закончила Российский государственный гуманитарный университет.

22:22 Вопрос защитника: Два года назад?

22:12 Ответ Гуровой: Да.

22:20 Вопрос защитника: Вы обучались сколько лет?

22:24 Ответ Гуровой: Я обучалась шесть лет.

22:26 Вопрос защитника: Какая Ваша профессия по диплому?

20:32 Ответ Гуровой: В дипломе у меня указано, что я получила высшее образование по направлению "филология".

22:38 Вопрос защитника: Скажите, пожалуйста, как вы стали экспертом?

22:50 Судья: Вопрос о том, что побудило?

22:53 Защитник: Я не смел бы так задать вопрос, в этой грани. Я интересуюсь, любой ли специалист-выпускник Вашего высшего учебного заведения, с Вашим дипломом, с указанием "филолог" в дипломе, может себя считать экспертом в области лингвистики? Вы повышали как-то Вашу специализацию, совершенствовали где-то?

23:12 Ответ Гуровой: По поводу любой ли человек может, имея диплом, может стать экспертом, я не могу ответить. А по поводу повышения квалификации, в нашем экспертном учреждении мы проходили … мы слушали определенные курсы, вследствие чего нам было выдано свидетельство о праве производства судебных лингвистических экспертиз.

23:45 Вопрос защитника: Как долго длились курсы?

23:50 Ответ Гуровой: Курсы длились на тот момент три месяца.

23:52 Вопрос защитника: И Вы их завершили?

23:54 Ответ Гуровой: Да.

24:00 Вопрос защитника: Понятно. Елена Васильевна, мне неизвестно слово "гастарбайтеры". Вы, с точки зрения лингвистики, не дадите пояснения мне и суду, суду и мне, о том, что это все-таки за слово и о том, конкретно, что этот феномен собою представляет?

24:20 Ответ Гуровой: Согласно новому словарю иностранных слов, авторы Захренко, Комарова, Нечаева, "гастарбайтер" - это рабочий-иммигрант, которого нанимают на менее выгодных условиях, чем гражданина данной страны, дешевая рабочая сила.

24:35 Вопрос защитника: Какого года издания словарь?

24:12 Ответ Гуровой: 2003-его.

24:40 Вопрос защитника: Двенадцатилетней давности ... Ну, вопрос об обязанности гражданина Российской Федерации, свободно владеющего свои родным русским языком, я Вам не осмелюсь задать, это вопрос вне Вашей компетенции. А скажите, пожалуйста, изучались ли Вами вопросы права, в Вашем учебном заведении или на курсах повышения Вашей квалификации экспертной? Вы в своем заключении, здесь устно поясняемом, обозначили, что Вы прошли трехмесячные курсы, где Вас сформировали как эксперта. А ранее сказали, что устраняли в Вашем заключении … отождествляя слово "этнос" со словом "национальность", именно из соображений необходимости солидаризировать это с положениями закона? Вы себя считаете специалистом в области права?

25:35 Ответ Гуровой: Нет.

25:38 Вопрос защитника: Тогда скажите, пожалуйста, не вышли ли Вы за пределы Вашей компетенции как эксперта-лингвиста, проводя подобного рода отождествление между понятиями "этнос" и "национальность" применительно к диспозиции исследуемой статьи?

25:52 Ответ Гуровой: Хочу отметить, что данная экспертиза проводилась в соответствии с утвержденной методикой, которая указана в тексте заключения, и в нашей методике отмечено, что мы работаем по каким признакам, и способы и принципы (неразб. 1 слово – выявления?) какой-либо группы, содержащейся в представленном тексте.

26:23 Вопрос защитника: Вы готовы ответить на вопрос, является ли рабочий социальной группой? Рабочие?

26:38 Ответ Гуровой: Сейчас?

22:39 Защитник: Да.

26:42 Ответ Гуровой: Нет, сейчас я не готова на это ответить.

26:45 Вопрос защитника: Что Вам мешает?

26:48 Ответ Гуровой: При проведении исследования, экспертизы мы используем справочную литературу, словари, и на основании нескольких толкований, нескольких источников мы в экспертизе отмечаем наиболее удачное значение, которое подходит данному контексту. В данном случае я считаю, что мне необходимо изучить определенную литературу, чтобы дать указанный ответ.

27:25 Вопрос защитника: Елена Васильевна, следует ли из Вашего ответа, что Вы способны, после определенной подготовки, после работы со специальной литературой дать ответ на любой вопрос? Из всех областей человеческих знаний? Вы уже сказали, что способны отвечать на вопросы из области социологии, будучи лингвистом, и экспертом по специализации … Вам только необходимо посмотреть специальную литературу, и Вы готовы давать ответы?

27:58 Ответ Гуровой: Я уточню, что необходимо лингвистическую, филологическую литературу. Для того чтобы … Я не могу дать ответ на любой вопрос, я могу дать ответ на вопрос, который входит в пределы моей компетенции.

28:15 Вопрос защитника: И Вы полагаете, что вопрос о социальной группе может быть исследован с точки зрения лингвистики только? Для определения этого социокультурного феномена?

28:28 Ответ Гуровой: Ну, здесь … Мы еще учитываем наши фоновые знания…

28:33 Вопрос защитника: Какие знания, простите?

28:35 Ответ Гуровой: Фоновые знания. Это общепонятный факт.

28:38 Вопрос защитника: Мне не совсем понятно, что Вы имеете в виду. Я боюсь, что и другим участникам процесса … "Фоновые знания" - это какие?

28:52 Ответ Гуровой: "Фоновые знания" - это знания, какие доступны, известны всем. В данном случае, всем гражданам…. всем людям.

29:08 Вопрос защитника: Знакомство с содержанием слова "гастарбайтер" Вы относите, таким образом, к знаниям "фоновым"?

29:12 Ответ Гуровой: Нет, потому что в нашей экспертизе мы даем толкование … я в своей части даю толкование номинации "гастарбайтер". Если бы оно было "фоновым" знанием, то тогда бы мы не указывали данную номинацию в данном исследовании.

29:30 Вопрос защитника: Используя какие источники Вы определили слово "гастарбайтер" таким образом, как Вы его сейчас определяете в суде и в экспертизе? Наемный работник, используемый …

29:42 Ответ Гуровой: На основании нового словаря иностранных слов. Авторы Зхаренко, Комарова, Нечаева, 2004 год …

22:45 Вопрос защитника: Распространенная литература?

29:50 Ответ Гуровой: Да.

29:55 Вопрос защитника: Скажите, Вы читали текст Вашего заключения на 18 страницах перед тем, как его подписать? Весь текст?

30:06 Ответ Гуровой: Да, конечно.

30:38 Вопрос защитника: Мне неловко об этом говорить … не могу сейчас найти … но как же Вы допустили, что в подписанной Вами бумаге присутствует грубая орфографическая ошибка? "Не" с причастием написано вместе …

30:34 Ответ Гуровой: Вы не могли бы мне показать?

30:38 Вопрос защитника: Вот сейчас ищу и не могу найти … Сейчас найду…

31:30 Защитника: Потерял сейчас, какая жалость! Я не хочу Вас сейчас персонально задевать, доказательство это будет представлено суду, вероятно, в последующем. Это относится к знаниям "фоновым", как Вы сказали. Правила орфографии в русском языке мы все проходили еще в школе … Эта досадная деталь Вашего заключения, характеризующая соответствующим образом и весь документ. Я к этому вернусь позже.

32:00 Судья: Все?

32:03 Вопрос защитника: Спасибо. Еще один вопрос я бы все-таки задал. Вы определяете настойчиво "азиатов" как общность, определяемую единством языка, территорией проживания и другими особенностями? Это Ваша цитата. Правильно я воспроизвел ее?

32:32 Ответ Гуровой: Я сказала, что национальность … что нация … я говорила это в контексте не про азиатов в частности, а в целом про … я пыталась сейчас дать свое определение нации.

32:51 Вопрос защитника: Вы пытались дать свое определение нации? Отдаете ли Вы себе отчет, Елена Васильевна, что оно субъективно, Ваше, Вами предлагаемое определение нации? И отождествление слова "азиаты" с "нацией", поскольку слово "национальность" содержится в диспозиции анализируемой статьи закона?

33:14 Ответ Гуровой: Я смею предположить, что в каких-либо других, антропологических источниках данное определение может немного отличаться, но как носитель русского языка я даю такое толкование.

33:33 Вопрос защитника: Почему Вы не сочли нужным воспользоваться правомочиями, которые предоставлены законом эксперту, указать это обстоятельство в Вашем заключении? Ну, например, что Вы как представитель лингвистической науки имеете такое-то суждение, а есть другие области человеческого знания, которые могут иметь суждение прямо противоположное?

33:51 Ответ Гуровой: В тексте экспертизы мы не даем такого толкования. Такое толкование я сейчас только привела только в рамках устного ответа.

34:03 Вопрос защитника: Я Вас спросил, почему Вы этого не сделали, а Вы отвечаете, что не сделали. Почему не сделали? Вам знакомы Ваши правомочия эксперта?

34:10 Ответ Гуровой: Да, конечно.

34:12 Вопрос защитника: Вам известно, что у Вас есть это право?

34:16 Ответ Гуровой: Право писать, что такое национальность? Уточните, пожалуйста …

34:23 Вопрос защитника: Нет, указать на то, что этот вопрос относится, например, к иной области научных знаний? Смежной? Совсем другой? Или находится этот ответ и в другой области научных знаний? Например, про антропологию Вы сейчас сказали …

34:42 Ответ Гуровой: У нас в тексте заключения было указано, что данное заключение было составлено в соответствии с нашей утвержденной методикой. В нашей утвержденной методике присутствует указание на деление на группы … Поэтому, руководствуясь этой методикой, мы выделили данные группы лиц, при этом мы даем ссылку на базовые источники.

35:18 Вопрос защитника: Скажите, каким языком (это первый критерий, который Вы обозначили, определяя слово "азиаты") пользуется эта общность лиц, людей, называемых "азиатами"? На каком языке они говорят?

35:42 Ответ Гуровой: Это не имеет отношения к указанному делу.

35:45 Защитник: Простите, это суд будет решать, имеет отношение или нет.

35:47 Судья: Вы можете сказать, имеет отношение или не можете?

35:51 Ответ Гуровой: В зависимости от того, к какой национальности … Допустим, мы можем из азиатов выделить … Ну, здесь нет конкретного уточнения … Например, у нас могут быть таджики … они также относятся …

36:03 Защитник: Это – фоновые знания. Мы знаем.

36:09 Ответ Гуровой: Да.

36:10 Вопрос защитника: Например, таджики ... А еще кто?

36:15 Вопрос защитника: Ну, кроме таджиков, кто еще является азиатами? Это вопрос из области каких знаний? Географии?

36:23 Ответ Гуровой: Нет.

36:27 Вопрос защитника: Продолжите перечисление. Вы начали с таджиков и на них остановились. Другие какие-нибудь азиаты еще существуют?

36:35 Ответ Гуровой: Конечно.

36:40 Вопрос защитника: Постарайтесь, пожалуйста, назовите суду, каких еще азиатов Вы знаете? Говорящих на каких языках? Вы знаете, сколько языков существует …?

36:53 Ответ Гуровой: Нет. Сколько азиатских языков … я не могу ответить на данный вопрос.

36:58 Вопрос защитника: А сколько национальностей существует?

37:00 Ответ Гуровой: Я не могу ответить на Ваш вопрос.

37:08 Вопрос защитника: А что тогда такое "азиаты"? Это объединенный, как Вы сказали, языком …

37:10 Ответ Гуровой: Это группа лиц, выделяемая по национальному и этническому признакам.

37:22 Вопрос защитника: Нет, простите, раньше Вы сказали, по признаку общности языка, территориального проживания и другим особенностям?

37:28 Ответ Гуровой: Нет, я говорила, это не азиаты выделяются по указанным признакам. Это нации, я дала определение нации … что нация – это исторически сложившаяся общность людей, объединенная ….

37:44 Защитник: Вот этими критериями? Еще раз, какими?

37:47 Ответ Гуровой: Языком, местом проживания, культурой, обычаями …

37:52 Вопрос защитника: Культурой и обычаями … А какое все это имеет отношении к азиатам? Это то слово, которое было выделено в статье.

38:02 Ответ Гуровой: Выделенная группа не противоречит данному толкованию.

38:05 Вопрос защитника: Скажите, а противоречит данному толкованию употребление слова, например, "человек"? Он тоже имеет определенный язык, территорию проживания, обычаи, культуру …

38:33 Ответ Гуровой: В данном случае мы говорим о более узких объединениях. Все мы говорим … народы говорят на разных языках, поэтому данное толкование подразумевает под собой более узкое деление на какие-либо группы.

38:58 Вопрос защитника: Границы узкого и широкого деления в Вашем экспертном исследовании определили Вы?

39:05 Ответ Гуровой: Я не совсем поняла Ваш вопрос.

38:58 Вопрос защитника: Вы по своему произвольному экспертному усмотрению определяете, где нужно толковать уже, а где – шире. Меня тоже интересует этот критерий.

39:20 Ответ Гуровой: Нет, мы в своем заключении опираемся только на представленный материал. Я как лингвист анализирую, что сообщается в тексте. Я исследую продукты речевой деятельности. В данном случае, в тексте, представленном мне на исследование, были группы "трудовые мигранты", в том числе, "азиаты".

39:38 Вопрос защитника: И трудовые мигранты, с Вашей точки зрения, являются … социальной группой?

39:48 Ответ Гуровой: Да.

Дополнение к мнению специалиста

Анализируемый материал: Звукозапись ответов эксперта-лингвиста Гуровой Елены Васильевны на судебном заседании по делу Козловича В.Н. 21 августа 2015 года.

Мнение специалиста:

1. Вопросы, заданные эксперту прокурором с очевидностью не имеют отношения к специальности Гуровой Е.В., которая именно по этой причине продемонстрировала полное отсутствие каких-либо представлений о предмете, требующем достаточно глубоких знаний в области этнологии, антропологии, социологии, политологии. Кроме того, эксперт вообще не оперирует лингвистическими терминами и не демонстрирует познаний даже в этой области.

2. Ответы Гуровой Е.В. свидетельствуют об отсутствии даже самых приблизительных представлений о той научной сфере, в которой обращаются термины "этнос", "национальность", "нация". Эти понятие экспертом не различаются, что подтверждает мое прежнее мнение о некомпетентности эксперта в вопросах, которые касаются проведенного ею "исследования" (с позволения сказать).

3. Эксперт Гурова Е.В. пользуется словарными значениями слов, которые в обыденном словоупотреблении совершенно не используются. Произвольная замена слов ("гастарбайтеры" на "трудовые мигранты") и оправдание такой замены некоей "методикой" прямо свидетельствует о том, что эксперт Гурова не имеет представления о своих обязанностях эксперта.

4. Пользуясь ведомственной инструкцией, пригодной к использованию только компетентными специалистами, которые способны дополнить упрощенные подходы, изложенные в данной инструкцией, глубокими знаниями, Гурова Е.В. еще раз подтвердила, что не способна проводить экспертизы, пригодные для рассмотрения в суде. Она была не в состоянии описать методику своей работы, ссылаясь лишь на словари, но не указывая ни на один научный источник.

5. Эксперт Гурова Е.В. продемонстрировала полное непонимание термина "социальная группа", а тем более сложностей, имеющих место в научной литературе, которые связаны с этим термином.

6. Также эксперт Гурова Е.В. в ответах на вопросы защитника показала, что не знает, что такое нация, национальность, этнос. Ее неуклюжие попытки дать определение смехотворны и даже постыдны.

Общее резюме: Эксперт Гурова Е.В. не смогла удовлетворительно ответить ни на один вопрос прокурора, защитника и подсудимого. Все без исключения ответы свидетельствуют о глубоком невежестве эксперта и подтверждают мой вывод о том, что данный специалист не обладает знаниями, необходимыми для анализа статьи Козловича В.Н, ставшей причиной судебного разбирательства.

Судья, внимательно выслушав стороны, не взял на себя ответственности за приговор, который был бы столь же безумен, как и экспертиза, подготовленная девицей "полусвета", обслуживающей следственные органы по поручению своего начальства. Дело было признано нерасследованным и направлено обратно в СК. Это была победа - локальная и даже случайная. Будь Вадим Козлович активистом не муниципальным, а политическим, получил бы он приговор - в лучшем случае, условный срок и штраф. Ибо политическому давлению судья не смог бы противостоять. Как и все его "собратья" по цеху, штампующие обвинительные приговоры с усердием, достойным иного применения.

Эколог становится экстремистом

"Экспертиза" по делу против эколога Валерия Бриниха понадобилась следствию ради того, чтобы осудить публикацию, которая касается прямого нанесения ущерба гражданам со стороны предпринимателя, пользующегося

покровительством местных властей. Эти власти воспользовались покровительством со стороны ФСБ и призвали не просто некомпетентного, а вопиюще безграмотного сотрудника, который состряпал "экспертизу", достойную какого-нибудь фельетона - столько там было нелепостей.

Мнение специалиста

по лингвистическому исследованию Федяева С.М. по делу, возбужденному против Бриниха Валерия Александровича

Материалы для исследования: Текст статьи "Молчание ягнят", материал, озаглавленный "Справка об исследовании" за подписями С.М.Федяева и С.В.Хайлова, датированный 15 сентября 2014 года.

1. Квалификация эксперта. Эксперт ***Федяев Сергей Михайлович*** имеет высшее филологическое образование по специальности "филолог, преподаватель русского языка и литературы", является кандидатом филологических наук по специальности "русский язык", а также имеет высшее юридическое образование по специальности "юриспруденция". Стаж работы в области судебной лингвистики – 18 лет. Таким образом, по формальным основаниям эксперт должен обладать достаточными знаниями и опытом для квалифицированной оценки любого текста, как с точки зрения лингвистики, так и с точки зрения возможных нарушений в этом тексте норм права. Вместе с тем, из представления эксперта неясно, занимался ли он когда-либо исследованием текстов на предмет наличия в них признаков возбуждения розни и призывов к экстремистской деятельности. Изучение текста исследования С.М.Федяева склоняет к выводу о том, что эксперт не имеет представления о предмете, по которому взялся вынести свое суждение и обосновать его. В исследовании указано, что Федяев является главным экспертом отдела фоноскопических экспертиз, что свидетельствует о том, что его основная специализация относится не к анализу печатных материалов, а к анализу аудиозаписей.

2. Оформление исследования: Исследование С.М.Федяева содержит выше заголовка "Справка об исследовании" имитацию бланка: "Министерство внутренних дел Российской Федерации. Главное Управление внутренних дел по Краснодарскому краю". Также в материале указано: "***Экспертно-криминалистический центр, г. Краснодар***, ул. Гаврилова, 96" и приведен служебный телефон. Наличие такой записи свидетельствует о том, что эксперт Федяев не является независимым специалистом, действуя от лица некоего экспертного центра, находящегося в структуре МВД. На это указывают также подписи под исследованием. Помимо эксперта Федяева, главного специалиста ЭКЦ МВД России по Краснодарскому краю, полковника полиции, исследование также подписал Заместитель начальника ЭКЦ полковник С.В.Хайлов. Подпись Хайлова в данном исследовании является явным недоразумением, поскольку его участие в исследовании никак не обозначено.

В исследовании Федяева отсутствует какое-либо упоминание о том, что эксперт осведомлен об ответственности за заведомо ложную экспертизу, что является грубым процессуальным нарушением, не позволяющим приобщать исследование Федяева ни к материалам следственного дела, ни к материалам суда.

Из текста исследования следует, что вопросы перед экспертом Федяевым были поставлены заместителем начальника УФСБ России по Республике Адыгея подполковником Д.В.Поляковым. Указано, что обстоятельства дела эксперту известны "из материалов задания в объеме изложенного". Вопросы к эксперту приводятся в виде цитат из неизвестного документа – вероятно, из "задания" от

подполковника Полякова, чей статус в данном исследовании обозначен лишь должностным положением, но процессуальный статус Полякова неизвестен – неясно, является ли он следователем по какому-либо уголовному или административному делу. Вероятно, эксперт, несмотря на свою квалификацию юриста, не считает нужным указывать на юридическое обоснование своих действий и даже не называет свой документ "экспертизой". Вероятно, эксперт проводил свое исследование не в рамках определенного уголовного дела, а на основании должностного подчинения и в рамках ОРМ. Тем не менее, в исследовании Федяева нигде не указано, что он действует на основании поручения своих непосредственных руководителей по ЭКЦ. Следовательно, исследование выполнено неформально – без оформления юридически значимых документов.

Столь же "неформальным" выглядит упоминание экспертом порядка предоставления ему материала для исследования: неопечатанные и неупакованные листы скриншотов статьи "Молчание ягнят" из сети Интернет заверены оперуполномоченным УФСБ (без указания в экспертизе его имени), а также печатью "Для пакетов", которая может быть размещена лишь на пакете.

3. Вопросы, поставленные перед экспертом. Вопросы к эксперту сводятся к выяснению, содержатся ли в статье "Молчание ягнят" "высказывания, в которых негативно оценивается человек или группа лиц по признакам пола, расы, языка, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо социальной группе?"; "высказывания, по смысловому содержанию способствующие унижению человеческого достоинства по признакам пола, расы, языка, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо социальной группе?"; "высказывания, содержащие побуждение к применению действий, связанных с насилием, совершаемых одной группой лиц (либо отдельными ее представителями) в отношении другой группы лиц (или отдельных ее представителей), объединенных по какому-либо признаку (национальному, религиозному, происхождения и т.п.?"

Поставленные перед экспертом вопросы требуют профессионального понимания вопросов пола, расы, языка, происхождения, религии, социальных групп. Квалификация эксперта может затрагивать разве что вопросы языка. Все остальные вопросы находятся вне пределов компетенции эксперта, что делает его исследование заведомо неквалифицированным, а, следовательно, и заведомо ложным. Поскольку эксперт может и должен определить пределы своей компетенции и отказаться от исследований в области, где его знания и опыт недостаточны.

4. Инструментарий исследования. Автор исследования Федяев самым тщательным образом описывает свое рабочее место, марки используемого оборудования, на котором он набирал и распечатывал свой текст, программный продукт, который для этого использовался, хотя все это не имеет никакого отношения к поставленным перед ним задачам. От этого складывается впечатление, что эксперт не понял стоящей перед ним задачи, а также стремился к увеличению объема своего исследования для придания ему большей солидности.

Список литературы, который приводит эксперт, занимает больше страницы и содержит 26 позиций. Далее в тексте исследования эксперт не дает ни одной ссылки на указанные источники с указанием страниц и не цитирует их. Что свидетельствует о том, что список составлен совершенно произвольно и не применялся для ответов на поставленные перед экспертом вопросы.

5. Изучение исследовательской части. Раздел материала за подписью Федяева и Хайлова, озаглавленный "Исследовательская часть" начинается с

рассуждений о границах компетентности лингвиста, который, по мнению эксперта, обязан изучать только тексты на русском языке. Тем самым, эксперт показывает, что он не в полной мере знает границы своей компетентности. Ему невдомек, что изучение текстов – это не просто их чтение. Чтение текста на русском языке доступно любому носителю языка, но понимание текста – только специалисту в той области, которого этот текст касается.

Также эксперт приводит свои рассуждения о том, что такое сеть Интернет, что такое интернет-издание. Общеупотребимые слова не должны быть предметом внимания эксперта, который обязан решать поставленные перед ним вопросы, а не отвлекаться на словарные значения общеизвестных и широко употребляемых слов. Вероятно, эксперт Федяев приводит эти рассуждения в силу своей низкой компетентности в области современных электронных коммуникаций, что порождает сомнение в том, что его знания и в других областях находятся на современном уровне.

Эксперт вводит в свое исследование сомнительный термин "спорный текст", обозначая его аббревиатурой СТ. Введение такого термина не обусловлено выполнением задачи эксперта по оценке представленного ему для анализа текста. Обозначение статьи "Молчание ягнят" термином СТ может быть обусловлено только одним: желанием эксперта создать или использовать универсальную матрицу для выполнения аналогичных исследований – в целом любого исследования текста по "экстремистским" материалам. Что свидетельствует не только о некомпетентности эксперта, но и о его недобросовестности.

Эксперт уделяет особое внимание пригодности статьи для лингвистического исследования, как будто этот вопрос не решается простым прочтением статьи и требует каких-то мыслительных операций и процедуры доказывания. Данный фрагмент исследования Федяева, как и многие другие, служит только искусственному увеличению объема исследования.

Вводя в свое исследование раздел "Решение поставленных вопросов", эксперт в рамках этого раздела решает совершенно другую задачу – обосновывает привлечение в качестве методологической базы некоторых источников, не указывая точно, что именно из этих источников он использует в качестве основы для своей работы.

Также в данном разделе мы видим наличие случайных фрагментов текста, явно перенесенных из какого-то другого исследования: "Выделенные фрагменты текста должны быть исследованы на их способность сформировать у читателей враждебное, нетерпимое, резко-негативное отношение к кому-, чему-либо, или побудить слушателей к агрессивным действиям против кого-либо. Наличие в речевых действиях таких целевых установок позволяет констатировать вербальное проявление признаков противоправной речевой деятельности". Этот фрагмент работы Федяева никак не может быть отнесен к статье "Молчание ягнят", поскольку содержит понятия "слушатель", "вербальное проявление". Текст статьи, с очевидностью, не может иметь слушателей и создавать какие-либо вербальные проявления. Вновь налицо крайняя недобросовестность эксперта и насыщение его текста неуместными оборотами и умозаключениями.

Эксперт пускается в рассуждения о различиях между экстремизмом и радикализмом, хотя подобные вопросы перед ним не ставились, и все это просто перегружает текст, скрывая полную несостоятельность эксперта и даже его нежелание заниматься поставленными пред ним вопросами.

Эксперт ссылается на множество методов, которые он использовал при анализе статьи "Молчание ягнят":

- концептуального анализа,
- логико-грамматического анализа (пропозиций),
- семантико-синтаксического анализа,
- лексико-семантического анализа,
- компонентного анализа слов,
- функционально-статистического анализа.

Никаких признаков использования всего этого богатства научных методов в экспертизе Федяева нет, и можно констатировать, что перечень методик – это просто набор слов, за которым не стоит понимания экспертом своих задач и способностей применить указанные научные подходы к данной конкретной статье "Молчание ягнят".

Огромный абзац эксперт посвящает вопросу, почему он не может разрешать вопросы, касающиеся социальной группы – в силу неопределенности этого понятия. Эксперт приводит пространные рассуждения по поводу постановления Верховного Суда, хотя мог бы просто вспомнить, что ему недостаточно социологических знаний для того, чтобы выделить в тексте анализируемой статьи какую-либо социальную группу.

Далее эксперт без ссылки на источники приводит значение терминов, часть из которых являются тавтологичными (адресат, адресант), часть – объясненными поверхностно и без ссылок на источники (побудительные высказывания, призыв), часть – сфабрикованными автором произвольно и неквалифицированно (группа).

Лишь на 7-й странице девятистраничного документа эксперт переходит к "решению вопросов" - то есть, собственно к исследованию, которое занимает чуть более одной страницы и представляет собой тезисные утверждения, лишенные какой-либо доказательной базы. Эксперт определяет, кто в тексте статьи "адресат", "адресант", какова "тема СТ" и "направленность СТ". Далее следует ссылка на некий "проведенный лингвистический анализ", который в данном документе отсутствует.

Вместо общего анализа текста эксперт Федяев приводит лишь "примеры" - выписки из текста, явно оторванные от контекстуальной основы. При этом морально-нравственный упрек автора по отношению к адыгейцам Федяев своей произвольной оценкой текста превращает в негативную оценку группы лиц. Автор статьи упрекает адыгейцев в трусости и отсутствии собственного достоинства, которые приводят их к готовности "дышать навозным духом и купаться в отравленных нечистотами прудах". Эксперт Федяев трактует этот фрагмент текста расширительно. Хотя из контекста статьи очевидно, что речь идет о конкретной ситуации и ограниченном круге лиц, которые могут иметь к ней отношение, Федяев определяет, что автор статьи под "адыгейцами" предполагает национальную группу. В силу низкой квалификации эксперт Федяев не знает, что национальность именуется как "адыги", а под "адыгейцами" могут значиться только жители республики Адыгея, причем, без какого-либо выделения по признаку национальности. В данном случае речь идет о гражданах – жителях Адыгеи, имеющих отношение к описанной в статьи "Молчание ягнят" ситуации, связанной с конкретной экологической проблемой. Из контекста следует, что автор статьи не обобщает свои упреки на всех жителей Адыгеи, и обозначает их общим признаком – проживания на одной территории и ответственностью за отсутствие внимания к описанной в статье проблеме.

Эксперт Федяев подменяет смысл статьи. Сам упрек в том, что граждане ведут себя как "ягнята", лишены собственного достоинства, побуждает этих граждан к активности, борьбе за свои права и активной жизненной позиции. Это

настолько очевидно, что все экспертные потуги гражданина Федяева выглядят как злонамеренная и грубая ложь, а вовсе не "лингвистическое исследование". Пожалуй, даже школьник правильно оценит статью, с точки зрения целей ее автора.

Одну и ту же разу из статьи "Молчание ягнят" Федяев определяет и как негативную характеристику "адыгейцев", и как унижение их человеческого достоинства. При этом никаких доказательств своей абсурдной трактовки Федяев не приводит, ограничиваясь констатацией.

Разрешив подобным образом два вопроса, поставленных перед ним, Федяев переходит к третьему вопросу, который разбирает прежним методом – находит фразу из текста и произвольно трактует ее, не соотнося данную фразу ни с контекстом, ни с общей направленностью текста статьи. При этом он приходит к выводу, что в отобранной им фразе содержатся побуждения к "применению действий вероятно связанных с насилием". Слово "вероятно" в данном случае означает, что у эксперта нет оснований для однозначного ответа на вопрос, что он и должен был бы указать, предполагая иные трактовки отобранного им фрагмента текста. Но Федяев предпочитает видеть в данном случае призыв к насилию со стороны "адыгейцев" по отношению к некоей "группе" - "представителям местных органов государственной власти". Что таковой группы не существует, Федяева не заботит. Он даже не пытается доказать существование такой группы. Как и не замечает, что в использованном им сочетании смешиваются органы местного самоуправления и органы государственной власти.

Эксперт Федяев даже не пытается осмыслить и исследовать концовку фразы из статьи, которая резюмирует весь текст: "…Вольтер считал, что Бог помогает тем батальонам, которые лучше стреляют. Так когда начнем луче стрелять, аульчане?" Видимо, лингвист Федяев не обладает достаточной квалификацией, чтобы понять автора статьи и его высказывание. В данном случае ссылка на Вольтера следует за призывом не надеяться на Бога, а начать активно действовать самим. Слово "стрелять" у Вольтера отнесено к военному делу. Оборот автора статьи переносит это слово в сферу гражданской жизни, обозначая им необходимую активность граждан для разрешения стоящих перед ними проблем. Попытка эксперта Федяева вне контекста оценивать слово "стрелять" выглядит злонамеренной нелепостью.

Кстати, здесь же автор статьи определяет и тех, к кому отражает свои призывы – аульчане (жители аула), "мои дорогие земляки" (выражение уважения). Этих слов эксперт Федяев не замечает, хотя при цитировании не мог их не заметить.

6. Выводы эксперта. Фактически в данном разделе эксперт Федяев с излишним повторами одних и тех же фраз переписывает предшествующую страницу, не сделав никаких дополнительных умозаключений, подводящих итог его "исследованию".

7. Выводы: Анализ текста статьи "Молчание ягнят" экспертом Федяевым не проведен. Представленная "Справка" - это не экспертиза, а профанация исследовательской работы. Фактически к "исследованию" относится лишь 1 страница текста из 9. Но в ней отсутствуют какие-либо признаки применения научного подхода, приводятся лишь две фразы из статьи "Молчание ягнят", вырванные из контекста. По поводу этих фрагментов экспертом Федяевым высказаны совершенно необоснованные, произвольные суждения. Таким образом, из "Справки…" за подписями Федяева и Хайлова следует лишь полное отсутствие способности указанных лиц анализировать текст статьи Валерия Бриниха и делать обоснованные выводы. Безответственность, с которой Федяев и Хайлов подошли к поставленной перед ними задачей, требует, на мой взгляд, проведения служебной

проверки по поводу их работ в целом и отстранения этих лиц от должностей в силу очевидного служебного несоответствия.

Валерий Бриних, председатель адыгейского республиканского отделения Всероссийского общества охраны природы, написал свою статью осенью 2014 года после общения с местными жителями, страдающими от действиях хозяев свинокомплекса. Статья была опубликована на портале "За Краснодар". В декабре 2014, несмотря на абсурдность доводов прокуратуры, ***Майкопский городской суд*** признал статью "Молчание ягнят" экстремистской. ***Верховный Суд Адыгеи*** оставил беззаконное решение в силе. А в октябре 2015 Валерию Бриниху предъявили обвинения в пособничестве возбуждению ненависти и вражды – все за ту же статью. Политический процесс вновь затеяли с использованием услужливого Майкопского горсуда. При этом ранее суд дал разрешение на прослушку телефонных разговоров и просмотр почты эколога. Доносчиком, как и во многих других делах, выступил начальник управления ФСБ, как будто Валерий Бриних, проводя митинги, готовит массовые беспорядке, а эти беспорядки могут привести к человеческим жертвам. Столь безумные доводы были приняты судом как основательные.

Вся "загвоздка" в данном деле определяется тем, что владельцем свинокомплекса оказался член Совета Федерации Вячеслав Дерев, в угоду которому местные праворазрушители и организовали политические репрессии против эколога.

Суд, как и в других подобных случаях, не имея никаких оснований для этого, закрыл информацию о деле на своем информационном портале. Якобы, потому что дело затрагивает интересы и безопасность государства. Так заявил председатель суда ***Виктор Вологдин***.

Осудить осужденного

Имя Владимира Васильевича Квачкова известно всякому уважающему себя русскому человеку, переживающему за судьбу Родины. Все, включая виновных в неправосудном приговоре, знают, что полковник Квачков не готовил государственного переворота, но готовился к Русской революции, которая должна была освободить Россию от истязающего его политического режима. Квачков был осужден не за преступление или подготовку к нему, а по указанию "сверху" - за свои взгляды и за критику этих "верхов". А судьи Верховного Суда РФ оказались настолько трусливы, что утвердили абсурдный приговор, согласно которому два незнакомых между собой пенсионера, вооруженные одним арбалетом, намеревались штурмом взять правительственные учреждения.

Режим не хотел выпускать Владимира Квачкова из тюрьмы, и начал новые процессы против него, когда срок лишения свободы подходил к концу. В оборот были взяты сочинения Владимира Васильевича - прежде всего, одна из его книг, где он размышлял о том, как произойдет освобождение России и какие силы смогут сделать это. Разумеется, книга была признана "экстремистской". Безумный суд не принял во внимание выступлений экспертов и свидетелей стороны защиты, которые в полной мере выразили солидарность с взглядами полковника Квачкова, изложенными в его книге, а также доказали, что никакого "экстремизма" в книге нет и быть не может.

Отзыв на экспертное заключение

Основание для проведения исследования: запрос доверенного лица В.В.Квачкова Квачковой Надежды Михайловны по делу №2-1108/215 по исковому заявлению прокурора Ленинского района г. Пензы к ООО "Издательство "Алгоритм", В.В.Квачкову о признании материала экстремистским.

Вопрос, поставленный перед специалистом:

Оценить комплексную экспертизу по делу, установив, являются ли корректными, с точки зрения современной науки, вопросы, поставленные перед экспертами, аналитическую часть экспертного исследования и обоснованность ее выводов, верность определения компетенции психолого-лингвистического исследования применительно к анализируемому материалу.

Материалы для исследования

1. Книга Квачков В.В. Кто правит Россией? М.: Алгоритм, 2013, 336 с.

2. Фотокопия заключения экспертов №10-13-4/15 от 29.04.2015 – на 18 листах.

Анализ вопросов, поставленных перед экспертами:

Первый вопрос предполагает компетентность экспертов в вопросах, связанных с понятиями "пол", "раса", "национальность", "язык", "религия", способность соотнесения лица или группы лиц и указанных понятий. Между тем, к исследованию привлечены эксперты в области лингвистики и психологии, которые по своей специализации не могут быть в достаточной мере компетентными в вопросах расовых, национальных и религиозных различий. Следовательно, вопрос о негативных высказываниях в тексте книги по поводу лиц или групп, относимых к той или иной расе, национальности или религии, не может быть разрешен привлеченными экспертами. Постановка перед ними подобного вопроса противоречит требованию закона, устанавливающему, что эксперт обязан обладать необходимыми знаниями для проведения экспертизы (ст. 85 ГПК РФ).

Второй вопрос предлагает экспертам ответить на вопрос, имеются ли в книге, представленной на экспертизу, побуждения к каким-либо действиям. Экспертам предложено также указать, к каким действиям побуждает книга. Вопрос задан слишком общо и предполагает неформальное понимание экспертами, о чем идет речь. Из контекста ситуации прямо следует, что это неформальное понимание связано с поисками в тексте книги признаков экстремизма – то есть, побуждения к незаконным действиям, предусмотренным законодательством о противодействии экстремизму. Таким образом, при огромном массиве различных побудительных мотивов, которые могут быть обнаружены в тексте абсолютно любой книги, экспертам предложено выделить из этого массива именно то, что они считают "экстремизмом". Следовательно, вопрос перед экспертами поставлен в некорректной форме. Кроме того, такая постановка вопроса демонстрирует негласный корпоративный сговор между тем, кто сформулировал вопрос, и теми, кто на этот вопрос согласился отвечать.

Третий вопрос предлагает экспертам найти в тексте утверждения, которые возлагают ответственность "за деяния отдельных представителей на всю этническую группу". Ответ на этот вопрос также сформулирован в общем плане и предлагает экспертам угадывать, о какой ответственности и о каких деяниях идет речь. Поиск соответствующих мест в книге предполагает неформальное выполнение задания, которое эксперты понимают не хуже любого другого лица, которое ознакомится с поставленными перед ними вопросами: речь идет о выискивании поводов для объявления книги экстремистской. Между тем, юридическая сторона вопроса не должна воздействовать на эксперта, который должен проводить экспертизу только в рамках своей компетенции. Данное условие

в данном вопросе (как и в других) не соблюдено. Это также очевидно и в связи с тем, что ответ на вопрос требует понимания того, что такое "этническая группа", а также способности зафиксировать, есть ли в тексте книги признаки понимания этого понятия и адекватного его применения. Привлеченные эксперты заведомо не владеют соответствующими методиками и не должны отвечать на подобные вопросы. Если они соглашаются на них отвечать, они нарушают закон (ст. 85 ГПК РФ) и дают ответ, который не подкреплен необходимыми знаниями.

Четвертый вопрос предлагает экспертам найти в книге "оправдание каких-либо действий" и указать, каких именно. Вопрос задан вызывающе некорректно. В любом тексте, а тем более в тексте объемом в сотни страниц, найдется множество признаков описания каких-нибудь действий и их "оправданий". Как и в других случаях, лицо, поставившее перед экспертами данный вопрос, с очевидностью рассчитывает на негласный сговор: неформальное понимание, что в тексте книги нужно найти "экстремизм". Разумеется, что сотни указаний на прочие "действия" и их "оправдание" эксперты отбрасывают, поскольку они не имеют отношения к делу. Поэтому в данном случае эксперты становятся не исследователями, а исполнителями воли лиц, поручивших им обнаружить в книге нечто противоправное.

Пятый вопрос о психологическом воздействии, которое "призвана" оказывать книга "Кто правит Россией?" и о том, является ли она "прямым руководством к действию" или предположением о развитии событий в будущем, вновь крайне некорректен. Во-первых, вывод о замысле автора как-то психологически воздействовать на читателя следует из вообще любого литературного произведения, а уж из текста общественно-политического характера – с полной очевидностью для любого читателя, которые не обладает никакими экспертными навыками. В то же время конкретизировать психологическое влияние книги на читателя эксперт может только и исключительно в результате эксперимента. Если же анализируется только текст, то все выводы эксперта будут лишь умозрением, не проверенным практикой. Вторая часть вопроса предполагает, что эксперт будет за автора решать, относятся ли те или иные положения его книги к гипотетическому развитию событий в будущем и описанием таких событий, или же "прямым руководством к действию" - то есть, призывом воплотить грядущее развитие событий немедленно. Только безответственное лицо, пренебрегающее профессиональной этикой, может взять на себя ответственность домысливать за автора и представлять этот домысел как результат экспертизы.

Таким образом, все вопросы, поставленные перед экспертами, демонстрируют не только отсутствие у вопрошающего понимания роли эксперта, но и несут на себя явные признаки корпоративного сговора, навязывающего экспертам роль обвинителей, которые вместо прокурора и судьи отыскивают поводы для объявления книги "Кто правит Россией?" экстремистской.

Формальные признаки компетентности экспертов

Эксперт ***Гутник Анастасия Дмитриевна***, психолог по специальности, аттестованный на право проведения самостоятельных судебных психологических экспертиз по специальности "Исследование психологии и психофизиологии человека", стаж работы по специальности и экспертный стаж – 2 года. Из указанных характеристик эксперта прямо следует, что он не вправе проводить экспертизу общественно-политического текста, не имея в этой области необходимых знаний. Текст книги никак не соотносится со специальностью эксперта. Для того чтобы анализировать общественно-политический текст, эксперт обязан быть компетентным не только в области психологии человека (общих

вопросах психологии), но и в специфической для общественно-политических текстов терминологии, а также конкретной проблематики, которая имеется в тексте. Эксперт Гутник соответствующими знаниями не обладает, признаков наличия таких знаний у эксперта не наблюдается.

Эксперт ***Осадчий Михаил Андреевич***, филолог, доктор филологических наук по специальности "русский язык", аттестован на право проведения самостоятельных судебных лингвистических экспертиз по специальности "Исследование продуктов речевой деятельности", стаж работы по специальности и экспертный стаж – 7 лет. Из формальных характеристик эксперта следует, что в своей научной деятельности он далек от проблематики общественно-политических текстов. Плотный график, позволивший эксперту в течение 7 лет пройти путь от выпускника вуза до ученой степени доктора наук, свидетельствует, что он в принципе не мог приобрести знаний в далекой от его специальности области. Признаков наличия таких знаний у данного эксперта также нет.

Оба эксперта являются сотрудниками одного и того же учреждения – ***ГБУ "Московский исследовательский центр"***, что создает условия для корпоративного сговора – ориентации экспертов на одни и те же выводы, независимо от объективных характеристик исследуемого ими объекта. На возможность такого сговора указывает оформление экспертизы письмом заместителя директора ГБУ МИЦ ***Н.Н.Скоропадского***, который решается от своего имени представить в суд экспертное заключение.

Каждый из экспертов имеет свою собственную профессиональную "нишу" и обязан пользоваться собственными методиками исследования. Но ни тот, ни другой эксперт не приводят каких-либо литературных ссылок и не указывают на эти методики. Все, что их объединяет – это ссылка на общие рекомендации Минюста по оформлению экспертиз, связанных с противодействием экстремизму и терроризму (две публикации одного и того же состава авторов в 2011 и 2014 гг.). Тем не менее, ссылок на соответствующие страницы данной публикации эксперты не приводят. Помимо двух ведомственных публикаций Минюста, в списке литературы есть лишь ссылка на монографию Баранова А.Н. "Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика", которая неспецифична к общественно-политической тематике и никаких ссылок на почерпнутые из данной монографии знания эксперты не приводят. Складывается впечатление, что список литературы (из трех позиций) приведен чисто формально, и к этой литературе эксперты не обращаются, предпочитая проводить исследование "из общих соображений" и не оформлять его как исследовательский текст – с указанием на методики, теоретические основания и аналогичные случаи. Психологическая литература в списке отсутствует вовсе. Вся методика сводится к разбиению исследования на обозрение материалов, аналитическую, синтетическую и резолютивную части.

Оба эксперта, как следует из формальных и содержательных материалов их экспертизы, некомпетентны в области науки, которая прямо касается психолого-лингвистических исследований. Они не имеют представлений о психолингвистике - дисциплине, которая находится на стыке психологии и лингвистики и изучает взаимоотношение языка, мышления и сознания. Это вполне извинительно для экспертов, поскольку данная дисциплина является относительно новой и до сих пор находится в стороне от общественно-политических проблем, ориентируясь в основном на вопросы освоения языка детьми, изучение иностранного языка и патологию в области восприятия языка. Тем не менее, методики этой отрасли психологии эксперты могли бы приобщить к комплексу своих знаний, прежде чем

браться анализировать объемный текст. Коль скоро этого сделано не было, присутствуют основания считать экспертов неподготовленными к предложенной им работе.

Анализ обстоятельств проведения экспертизы

Материалы экспертизы содержат выписки из судебного дела, которые показались экспертам важными, и действительно таковыми являются, поскольку ими мнение экспертов может быть предопределено. А, следовательно, устраняет саму возможность объективного анализа.

Сообщение экспертам обстоятельств дела для целей экспертизы является не только избыточным, но и прямо мотивирующим их подыграть обвинению. Действительно, к делу подключена такая авторитетная организация, как ФСБ, сотрудники которой нашли какие-то основания, чтобы изъять книгу "Кто правит Россией?" в пензенском магазине "Букинист". Нет сомнений, что сотрудники УФСБ не ходят по букинистическим магазинам и не читают всю общественно-политическую литературу, которая издается каждый год тысячами наименований. Следовательно, изъятие книги было целевое, и это вряд ли является загадкой для экспертов. Поэтому сообщение экспертам обстоятельств дела в данном случае прямо служит средством давления на них и ориентации на обвинительные выводы.

То же самое относится к сообщению информации о том, что прокурор просит суд признать книгу экстремистской. Экспертам сообщается, что прокурор уже принял для себя решение, а значит, имел для этого какие-то основания. Почему бы экспертам не поддержать его, раз уж обвинение уже состоялось?

В обстоятельствах дела, отмеченного экспертами, указывается, что со стороны прокуратуры последовало ходатайство о проведении политолого-психологической экспертизы, и сторона защиты согласилась с этим ходатайством. Но суд принял решение о проведении психолого-лингвистического исследования, совершив роковую ошибку: у психолога и лингвиста общее поле взаимодействия может быть только в сфере психолингвистики – достаточно новой и непроработанной области знаний, к которой привлеченные эксперты не имеют никакого отношения: это следует как из формальной информации об экспертах, так и из их "исследования".

К обстоятельствам, в которых проводилось экспертное исследование, следует отнести и ту часть материалов дела, на которую эксперты обратили особое внимание – выводы экспертизы, назначенной врио начальника УФСБ Пензенской области ***С.А.Старуновым*** и выполненной в отделе СЭОДЭ ФБУ "Пензенская ЛСЭ" Минюста России экспертами ***И.Н.Гераниной*** и ***Н.О.Шаховой***. К сожалению, наименования учреждения и отдела в нем не расшифрованы. Возможно, ЛСЭ означает "лингвистическая судебная экспертиза", что в таком случае указывает на отсутствие у данной организации специалистов, способных к комплексному анализу общественно-политического текста.

Обращает на себя внимание, что при цитировании одного из фрагментов пензенской экспертизы эксперты МИЦ постарались указать на неаккуратность своих коллег при описании обложки книги "Кто правит Россией?": "…изображение усеченной пирамиды и гл (неразборчиво) вписанного в треугольник над ней. На обратной стороне изображено анало (неразборчиво) ное и надпись белого цвета поверх него, представляющая со (неразборчиво) текст-аннотацию к книге".

Также эксперты МИЦ приводят вопросы руководства УФСБ и ответы на них экспертов Пензенской ЛСЭ. Все вопросы полностью совпадают с вопросами, поставленными перед экспертами МИЦ прокурором. Это означает, что приведенные в экспертизе Пензенской ЛСЭ ответы прямо подсказывают экспертам

МИЦ, что они должны написать в своем экспертном заключении. К чести экспертов МИЦ, они не пошли на поводу у некомпетентных экспертов Пензенского ЛСЭ. Но, к сожалению, не смогли полностью избавиться от влияния обвинительного характера вопросов и давления обстоятельств дела.

Публикация ответов Пензенского ЛСЭ в материалах экспертизы может означать только демонстрацию глубокой некомпетентности экспертов Пензенского ЛСЭ. И это прямо следует из ответов этих экспертов на вопросы сотрудника ФСБ.

Ответ на первый вопрос: "в тексте книги имеются слова, выражения и высказывания, содержащие негативные оценки в адрес группы лиц по признакам определенной национальности, происхождения (предположительно к евреям)". Либо национальность определенная, и тогда она имеет название, либо есть предположения без уверенного ответа, тогда никакую национальность называть не следует. Написав "предположительно к евреям", эксперты Пензенского ЛСЭ продемонстрировали не только некомпетентность, но и смехотворную наивность.

В ответе на второй вопрос перечисляются объекты, относительно которых пензенские эксперты фиксируют в тексте книги побуждения к их захвату, овладению, блокированию. При этом "в тексте книги не имеется непосредственного побудительного обращения к адресату". Получается, что побуждение одновременно и есть, и нет. Либо есть побуждение неизвестного кого, зато известно на что. Подобный подход к выводам также изобличает экспертов в некомпетентности.

Ответ на третий вопрос аналогичен первому: здесь эксперты видят высказывания, содержащие возложение ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую группу. И приписывается: "вероятно, на евреев". Либо следует назвать этническую группу определенно, либо признаваться в том, что определенного ответа нет. Эксперты изобретают смехотворную форму двусмысленного высказывания. То есть, фактически расписываются в неспособности ответить на вопрос.

В ответе на четвертый вопрос при его цитировании в материале экспертов МИЦ неоднократно указывается на неразборчивое написание. В целом ответ представляет собой перечисление неких мероприятий, оценить которые вне контекста просто невозможно: невозможно понять, является ли "оправдание" этих действий задачей, которую ставит перед читателем автор, или это просто перечень в рамках мысленного эксперимента. Из ответа неясно, в чем состоит "оправдание". С таким же успехом можно заявить, что кассовый чек "оправдывает" перечисленные в нем товары и цены на них.

Пятый ответ – образец наукообразной путаницы, не имеющей никакого содержания: "Представленная книга призвана оказывать на читателя психологическое воздействие в виде убеждения, а также на уровне привлечения внимания и интереса на когнитивном (осмысливание прочитанного), эмоциональном и поведенческом уровнях в том случае, если обсуждаемая тема затрагивает личные диспозиции читателя (систему взглядов, убеждений, мировоззрения, установок, системы ценностей и отношений, самосознания, потребностей, особенностей эмоциональной сферы)". Данное утверждение подходит вообще для любой книги. И похоже на выдержку из какой-то монографии, которая посвящена общим вопросам анализа текста, но в данном случае никоим образом не помогает экспертам выразить свою мысль.

Возможно, эксперты МИЦ привели эти ответы лишь с одной целью: чтобы их квалификация выглядела на фоне нелепостей экспертов-пензенцев более высокой.

Анализ исследовательской части экспертизы

При общем объеме экспертного материала в 18 страниц, лишь половина из него может быть формально отнесена к исследованию. Но и в 9 страницах "исследования" содержатся в основном цитаты и короткие соображения на их счет, не отражающие какие-либо профессиональные навыки экспертов, которые позволяли бы проверить альтернативные гипотезы по поводу цитированных фрагментов. Можно видеть скорее отношение экспертов к тексту, но не его исследование, мнения, а не аналитические выводы.

Похоже, замахнувшись на подробное постраничное изучение книги, эксперты не справились со своей задачей и в какой-то момент перешли к конспективному изложению своих наблюдений. Лингвистическое исследование эксперта Осадчего начинается длинным пересказом Введения книги, не имеющим никакого отношения к вопросам, поставленным перед экспертом. А потом со страниц 15-16 эксперт сразу прыгает на страницу 140, потом сразу на 161. Все это свидетельствует о том, что содержание книги и даже сама экспертиза специалиста Осадчего не очень-то интересует: ему нечего изучать – по его специализации здесь нет объекта исследования.

Не имея опыта анализа общественно-политических текстов, эксперт Осадчий цитирует фрагмент книги со слов "Успешно вести скрытую войну можно 1)…" И из абзаца, где перечислены скрытые методы ведения войны, делает совершенно абсурдный вывод: "обосновав необходимость насилия…" Война всегда является насилием. Как и осуществление власти. Эксперт, похоже, не в курсе этих обстоятельств. При описании войны нет необходимости в "обосновании" насилия. Насилие на войне предполагается само собой. И в данном фрагменте лишь отражены условия успешной скрытой войны.

Далее следует ключевой фрагмент, на который делает упор эксперт Осадчий – призыв "брать государственную власть". И открытие, которое стоит для эксперта всего остального содержания книги: "Только сила оружия сможет победить силу денег в земном материальном мире". Обращая внимание на восклицательную пунктуацию и словарное значение слова "брать", эксперт подходит к мысли, что в данном случае имеет место призыв к вооруженному захвату власти. Якобы, это подтверждает и следующий тезис автора о Русской революции: "По своей военно-политической сущности Русская революция – это перевод скрытой войны в открытое сражение русских за свое национальное освобождение".

Собственно, на этом все "лингвистическое исследование" заканчивается. В нем имеется весьма скупой "анализ" двух абзацев (с. 164, 165). Рассматривать доводы эксперта Осадчего всерьез невозможно. Посвятить анализу двух абзацев текста шесть коротких предложений – это профанация экспертизы. По сути дела, никакого исследования эксперт Осадчий не проводил.

Тем более экспертизу Осадчего невозможно считать состоявшейся, раз он не рассматривал альтернативных вариантов значения выхваченных из объемистой книги двух абзацев. Предложим такое альтернативное понимание.

Читаем внимательно цитату из книги: "Как и в каком месте можно и нужно разрывать порочный круг национальной гибели? Ответ единственный: брать государственную власть! Только сила оружия сможет победить силу денег в земном материальном мире". Есть ли в первом предложении призыв к насилию или захвату власти? Нет. Там есть лишь постановка проблемы: в каком месте следует разорвать "порочный круг". Во втором предложении содержится призыв "брать государственную власть", но снова нет никаких призывов к насилию. Брать власть можно по-разному и в разных условиях. И даже в разном смысле и в разных местах.

Ничего конкретного в данном предложении мы не видим. Остается третье предложение, которое эксперт Осадчий однозначно (и произвольно) присовокупляет к предыдущему: мол, если в предыдущем сказано о взятии власти, а в следующем о силе оружия, то надо объединить два предложения, получив: "взятие власти силой оружия". Но это – не более чем домысел, который легко разрушается альтернативной трактовкой: можно взять власть, а потом применить "силу оружия". И даже так: взять государственную власть, чтобы применить "силу оружия". И эта трактовка выглядит куда более разумно: ну откуда в современном мире такое оружие, чтобы взять им государственную власть? Откуда вооруженные люди, которые могут ее взять? У государства есть миллионы вооруженных людей, состоящих на службе. Вот подчинить этих людей воле новой власти – это как раз и есть способ обрести "силу оружия", с помощью которой ниспровергнуть "силу денег". За пределами государственного владения оружием находится ничтожная доля оружия. Поэтому использовать эту "силу оружия", пренебрегая всем остальным оружием, было бы совершенно нелепым для военного специалиста, которым является В.В.Квачков.

Видимо, эксперт Осадчий превратно представляет себе законодательные основы оборота оружия в современном мире в целом и в России в частности. И не в курсе того, сколько и какого оружия может быть у граждан вне системы государственной власти. Напротив, автор книги полковник В.В.Квачков об этом весьма хорошо осведомлен как профессионал. И с его стороны вряд ли может быть допущено, что государством можно овладеть силой оружия, которые находится где-то вне государственной службы. Напротив, как военный человек, автор наверняка понимает, что "сила оружия" в рамках государственной службы может быть направлена против "силы денег". И поэтому в его тезисе содержится совершено иной смысл, чем тот, что разглядел в нем эксперт Осадчий. Осадчий почему-то решил, что "война" планируется автором книги против государства. Хотя даже из приведенных цитат следует, что война планируется против "силы денег": "- Все куплю, - сказало злато. – Все возьму, - сказал булат". Все остальное – домыслы эксперта.

Отбросив эти домыслы, мы увидим совершенно позитивный смысл и в абзаце о Русской революции. "Открытое сражение русских за свое национальное освобождение" может означать только войну с "силой денег", войну с помощью государства, войну с внешним врагом, войну с изменниками и преступниками – внутренним врагом". И где тут насильственный захват государственной власти? Его не видно. А эксперт Осадчий увидел. В духе притчи: "Ты сурка не видишь? Я тоже не вижу. А он есть!"

Исследование эксперта-психолога Гутника напоминает литературоведческий труд, в котором приводятся разнородные цитаты из разных мест книги (соответственно, вырванные из контекста), а потом цитаты пересказываются своими словами "близко к тексту". При этом Гутник пересказывает, заменяя одни слова другими, а с ними заменяя и смыслы. Если следовать методике Гутника в подборе цитат из разных мест с их пересказом, то из них можно сложить из текста автора вообще любой домысел. А где, собственно, обоснование ответов на вопросы? Эксперт следует какой-то своей логике анализа текста, не утруждаясь найти ответы на поставленные вопросы, которые должны доказывать его выводы: не вообще сразу все, а вполне точно и конкретно определенные доказательства в обоснование определенного вывода. Эксперт Гутник не делает этого, как и эксперт Осадчий. И в своих домыслах опирается на ту же цитату, что и Осадчий: "брать государственную власть!" Психолог при этом рассуждает о композиции текста

книги, вторгаясь в незнакомую для себя область. В его анализе вообще не видно никаких признаков психологической специализации. Эта та же поверхностная "лингвистика" с совершенно произвольными выводами.

Проследим, какие цитаты приводит Гутник, и оценим их без домыслов и искусственного соединения в блоки, которых у автора книги нет:

- "То, что организовали и сделали наши предки Народного Ополчения в 1612 году, сейчас называется революционным национально-освободительным восстанием с целью свержения оккупационной государственной власти. Нам, их потомкам, необходимо повторить подвиг народного восстания за Веру и Отечество в современных условиях" (с.6) Автор оценивает события 1612 года, используя терминологическую базу, вполне приемлемую для этого. И призывает повторить подвиг "в современных условиях" - то есть, с учетом современных реалий, которые, разумеется, отличаются тем, что восстание тогда больше всего характеризовалось объединением вооруженных людей, а теперь – людей разумных и способных противостоять негодной власти ("полякам" - изменникам) другими способами. Странным было бы считать, что профессиональный военный В.В.Квачков предлагает взяться за вилы и топоры и идти с этим на Кремль – и так представляет народное восстание в современных условиях.

- "Установившийся в России в результате либеральных реформ образ жизни русского народа не совместим ни с его жизнью, ни с самим образом человеческим" (с. 7) Оценка автора сложившейся ситуации.

- "Россия стоит на пороге духовно-религиозной, национально-освободительной и социальной (социалистической) революции" (с. 8) Оценка автором сложившейся ситуации.

- "Все правительства Российской Федерации при Ельцине, Путине, Медведеве, начиная с гайдаровского, были и остаются сплошь вражескими" (с. 105) Оценка автором правительств прежних лет.

- "Сейчас Россия – оккупированная страна, находящаяся под внешним управлением мировой закулисы" (с. 138) Оценка автора, имеющая широкое хождение в современной общественно-политической публицистике, включая публичные заявления лиц, близких к правительству РФ.

- "... и по качественным, и по количественным показателям достаточная масса русского народа уже готова к насильственным революционным действиям" (с. 149) Предположение автора.

- "Соблюдать закон в ходе национально-освободительной борьбы и надеяться на его защиту от оккупантов является несусветной глупостью" (с. 154) Разумное суждение о том, что законы оккупационной власти граждан не защищают, а тех, что против нее борется, и подавно защищать не призваны.

Это вообще все цитаты, которые Гутник приводит без усечения. Других цитат нет. Мы видим, что все они разнесены по тексту и имеют различное смысловое наполнение. Построить из этих цитат целостную картину, не описав контекста семи отдельных предложений, в принципе невозможно. Точнее, возможно, только при домысливании экспертом за автора.

Таким образом, использованные экспертом Гутником цитаты, не могут быть обоснованием его вывода о призывах автора книги "Кто правит Россией?" к вооруженному захвату государственной власти в современной России.

Уклонение эксперта от ответа на вопрос №5 является оправданным. Действительно, современная наука не может дать однозначный ответ на вопрос о том, какое психологическое воздействие на читателя планировал оказать автор, и являются ли его тезисы призывом к действию сегодня или отражают прогноз на будущее. В то же время, отказ ответить на этот вопрос свидетельствует о том, что у эксперта при исследовании книги не может быть вывода о призывах к насильственному захвату государственной власти. Если, как пишет эксперт, "невозможно обнаружить и достоверно доказать наличие прямой причинно-следственной связи между восприятием субъектом (читателем) конкретного материала и результатом его воздействия на этого субъекта (где результат – в том числе формирование определенных представлений, отношения, готовности к совершению каких-либо действий в результате влияния этого материала)", то психологическое исследование текста вообще ничего не стоит. Раз между восприятием и воздействием на сознание и поведение человека нет достоверной фиксируемой связи, то психолог должен забыть об анализе текста. Потому что, если обратить тезис эксперта Гутника на него самого, он не в состоянии понять, как текст книги меняет его сознание и его поведение и на что, собственно, направлены призывы автора книги.

Заключение

Анализировать синтезирующую часть коллективного исследования двух экспертов не имеет смысла, поскольку в их работе не было анализа. От этого и синтезу взяться неоткуда. В данной части повторяет в третий и в четвертый раз один и тот же фрагмент, который мы уже рассматривали и который понят обоими экспертами совершенно превратно ("Как и в каком месте можно и нужно…").

Фактически авторы экспертизы позитивно ответили лишь на вопрос №2, но продемонстрировали полную неспособность обнаружить в приведенных ими же цитатах те смыслы, которые закладывал в них автор. Цитаты подобраны произвольно и произвольно же соединены в блоки, из которых эксперты выводят свои собственные домыслы. Ни одна из цитат не имеет однозначных трактовок, подтверждающих вывод экспертов Осадчего и Гутника по вопросу №2, а остальные вопросы, на которые они дали негативный ответ, в экспертизе и не рассматривались.

Таким образом, единственный вывод экспертизы, имеющий значение для обвинения, является полностью ничтожным.

2 июня 2015 г.

Один абсурдный процесс против Владимира Квачкова сменился другим. Потому что запрет книги, объявление ее "экстремистским материалом" не прибавлял срок лишения свободы. Поэтому фальсификаторам правоохранительной системы пришлось искать какой-то повод, чтобы возбудить новое уголовное дело против Владимира Васильевича. Для этого они использовали видеообращение, размещенное в сети интернет, где человек, похожий на Владимира Квачкова, делился со зрителями своими мыслями. Все это, по мысли фальсификаторов, могло быть расценено как призывы к государственному перевороту. И услужливые "эксперты" нашли в видеоролике то, что им было предписано.

Мнение специалиста

по экспертизам, выполненным в рамках поручения УФСБ по РМ в отношении видеообращения Квачкова В.В.

Поставленная перед специалистом задача: Оценить профессиональный уровень экспертизы видеообращения и степень обоснованности представленных экспертами выводов.

Материалы для исследования: Протокол исследования сайта в сети Интернет 10 июля 2015 (7 стр. + 1 стр. приложения, автор А.Б.Журавлев), Акт экспертного исследования, 28 августа 2015 (21 стр., авторы Потанина, Рогачева, Шилкин), Рапорт по обнаружению состава преступления, 18 марта 2016 (2 стр., автор А.Б.Журавлев)

Исследовательская часть

1. Обстоятельства дела

18 марта 2016 года старший оперуполномоченный по ОВД отдела УФСБ по Республике Мордовия в п.г.т. Явас подполковник ***А.Б. Журавлев*** направил начальнику УФСБ по Республике Мордовия полковнику ***Аюлину А.Ю.*** рапорт об обнаружении признаков преступления в действиях заключенного ФКУ ИК-5 УФСИН в Республике Мордовия Квачкова Владимира Васильевича. Признаками преступления А.Б.Журавлев определил "призывы к насильственному захвату власти в нарушение Конституции РФ, то есть, публичного призыва к осуществлению террористической деятельности".

Определение А.Б.Журавлева подводит итог работы правоохранительных органов, которые в июле 2015 года установили, что В.В.Квачков записал на мобильный телефон обращение "к неустановленному кругу лиц" и "по указанию Квачкова В.В." этот видеоролик "неустановленными лицами" размещен в свободном доступе в сети Интернет.

Таким образом, в течение июля 2015 - марта 2016 деятельность правоохранительных органов по выявленным ими признакам состава преступления свелась к экспертизе самого видеообращения при игнорировании всех остальных обстоятельств дела. Следовательно, все признаки состава преступления были усмотрены исключительно в словах, причем без изучения контекста, в котором они были сказаны: объект, к которому обращена видеозапись, место, время, обстоятельства остались без исследования. Поэтому все дело исчерпывается анализом текстового материала - слов, звучащих в видеозаписи, и текста стенограммы.

Необходимо зафиксировать весьма своеобразную трактовку выводов экспертов со стороны А.Б.Журавлева, в которой он "разъясняет" своему начальству, что такое "призывы к насильственному захвату власти". Словами "то есть" он отождествляет эти призывы с призывами к террористической деятельности. Никаких признаков "террористической деятельности" по п. 3 ФЗ "О противодействии террористической деятельности" в документах, подписанных А.Б.Журавлевым, не содержится. Таким образом, происходит подмена выводов экспертов или дополнительная их нагрузка смыслами, которые в экспертизе отсутствуют.

В том же рапорте А.Ю.Журавлева указывается, что ***ФБУ Мордовская лаборатория судебной экспертизы*** установила, что в видеообращении Квачкова В.В. содержится побуждение к насильственному захвату власти. О призывах к террористической деятельности речи нет. Они появляются только в личном мнении А.Б.Журавлева, не основанном на выводах экспертов (а иных оснований для своих суждений Журавлев не имел), а значит, ставших его произвольным дополнением к работе экспертов. Что и демонстрирует ангажированность А.Б.Журавлева и

исполнение им задачи, поставленной вне каких-либо правовых рамок. Заметим, что А.Б. Журавлев произвольно меняет экспертное "побуждение" на собственное "призыв" - подгоняя выводы экспертов под правовую норму.

Также следует признать фальсификацией утверждение о том, что исследование проведено Мордовской лабораторией судебной экспертизы. Исследование проведено экспертами данной лаборатории, и Акт экспертизы оформлен на ее бланке. Но никаких следов ответственности лаборатории в целом за проведенную работу документы не содержат: руководство лаборатории не утвердило Акт, соответствующих подписей должностных лиц на Акте нет. Также отсутствует поручение или просьба к лаборатории от А.Б.Журавлева провести исследование или поручение руководства лаборатории конкретным сотрудникам для проведения экспертиз. На то что лабораторией от УФСБ получен диск с видеозаписью и "бумажный носитель с монологом", в Акте имеется лишь упоминание без указания входящего или исходящего номера. Документ назван "отношением", что не позволяет идентифицировать его тип и характер взаимодействия между УФСБ, А.Б.Журавлевым и лабораторией. Из имеющихся документов можно предположить, что А.Б.Журавлев действовал исключительно по личной инициативе, по своей воле и вне каких-либо процедур обязал лабораторию произвести экспертизу, сам составил вопросы и уведомил о результатах своей деятельности свое руководство лишь почти через год после начала своих "исследований".

Несмотря на то, что время публикации видеообращения ничего не говорит о времени его записи, А.Б. Журавлев без всяких на то оснований определил, что видеоролик был изготовлен в период с 29 мая по 7 июля 2015 года. Между тем, обстоятельства, которые отражены в речи В.В.Квачкова в данном видеоматериале, не позволят определить дату видеозаписи. Из текстовой информации следует лишь, что запись сделана в местах заключения, но где и когда - неизвестно. Следовательно, видеозапись могла быть изготовлена задолго до публикации и вовсе не в ИК-5. Но Журавлев А.Б., проявляя небрежность и безответственность, не удосуживается представить какие-либо доказательства своего утверждения о времени создания видеозаписи.

Так называемый "протокол исследования" содержит описание поиска А.Б.Журавлевым (в ту пору еще майором) на портале "YouTube" видеоролика по набору ключевых слов: "Квачков, ИК-5". Мной 19 мая 2016 года проведена описанная в Протоколе процедура, и среди предложенных внутренней поисковой системой портала видеороликов, видеообращения В.В.Квачкова, опубликованного 9 июля 2015 года под названием "Квачков в ИК-5 Мордовия", не найдено. На эту дату не приходится ни одного видеоролика с подобным названием, в целом на портале нет видеоролика с подобным названием.

К сожалению, А.Б.Журавлев, демонстрируя низкую профессиональную подготовку, не зафиксировал в протоколе, кто является автором публикации. О нем можно судить лишь по смутной копии интернет-страницы, в которой не отображен видеокадр (кадр остался черным), имеется только микроизображение, на котором можно различить лишь фигуру человека, но не узнать его, и имеется имя пользователя сети Sergey Smirnov и число просмотров видеофайла - 45. Таким образом, сопоставить данное изображение с видеоматериалом не представляется возможным.

О неаккуратности и непрофессионализме А.Б.Журавлева свидетельствует использование в протоколе такого оборота: "изготавливается бумажный носитель видеозаписи". Общеизвестно, что на "бумажном носителе" невозможно изготовить

видеозапись. Также в тексте Протокола значится: "При осмотре сохраненной видеозаписи и изображения интернет-страницы https://www.youtube.com/watch?v=CpOntMezrg4 установлено, что они идентичны содержанию, находящемуся на экране телефона". Общеизвестно, что на экране телефона может быть либо текст, либо изображение, либо видеозапись. Одновременно на экране телефона не может быть статичного изображения интернет-страницы и видеозаписи. Майор А.Б.Журавлев, как видно, с трудом подбирает слова для описания своих действий по фиксации материалов, почерпнутых из сети Интернет. Отметим, что по указанному интернет-адресу видеофайла в настоящее время обнаружить не удалось.

Важно, что А.Б.Журавлев проявлял в своей деятельности недостаточную подготовку к исследованию публикаций в сети Интернет, что также явилось причиной произвольного определения даты изготовления видеоролика.

Также обращает на себя внимание, что поиск А.Б.Журавлевым в сети Интернет происходит 10 июля 2015 года - на следующий день после публикации видеоролика. Что однозначно свидетельствует о том, что он был каким-то образом осведомлен о появлении такой публикации, но нигде не упомянул об источнике своей осведомленности.

С полной уверенностью можно считать, что между публикацией видеообращения В.В.Квачкова и "исследованием", проведенным А.Б.Журавлевым, прошло всего несколько часов, и какого-либо воздействия на аудиторию он оказать не мог. Что же касается мгновенной реакции А.Б. Журавлева на публикацию, когда видеоролик просмотрело всего 45 человек, то в скорости реакции оперуполномоченного угадывается запланированность обвинительных определений в отношении В.В.Квачкова и попытка "поймать" его на какой-либо неаккуратности, которую можно было бы представить как преступление. Отсюда следует, что А.Б.Журавлев и лица, заказавшие ему "исследование", интересовались не воздействием видеообращения на аудиторию, а поиском возможности придумать какое-либо обвинение в адрес В.В.Квачкова и возбудить против него очередное дело, "высасывая его из пальца".

Вывод: "Исследование", инициативно проведенное А.Б.Журавлевым в отношении публикации видеообращения В.В.Квачкова, было обусловлено скрытыми мотивами, далекими от задач, которые диктует профессиональный долг сотрудника УФСБ, а также законы РФ. Формулировки, которые использует А.Б.Журавлев, являются смутными, а порой и просто домысливают то, чего нет ни в составленном им же протоколе, ни в заключениях экспертов.

2. Квалификация экспертов

Исследовать устную (видеозапись) и текстовую запись (на бумажном носителе) обращения В.В.Квачкова было поручено экспертам Мордовской лаборатории судебной экспертизы (в Акте экспертизы имеется ссылка на получение 27.08.2015 "отношения" от майора А.Б.Журавлева):

Рогачева Евгения Викторовна, филолог по образованию со стажем работы по экспертной специальности "исследование речевой деятельности" на момент исследования - 2 года,

Шилкин Сергей Викторович, специализирующийся по образованию по направлению "практическая психология", имеющий стаж работы по экспертной специальности 17 лет,

Потанина Екатерина Михайловна, имеющая образование по специальности "Автоматизированные системы обработки информации и управления" со стажем по экспертной специальности "Исследование голоса и звучащей речи" 1 год.

Из представления экспертов ясно, два эксперта не имеют достаточного опыта экспертной деятельности. Из данного представления также неясно, обладают ли эксперты необходимой для поставленных перед ними задач квалификацией - какое учебное заведение они закончили, какой опыт работы имели до принятия в штат Мордовской лаборатории судебной экспертизы, имели ли какие-либо научные публикации, владеют ли научными исследовательскими методиками.

Также из представления экспертов неясно, способны ли они составить исследовательскую группу, которая интегрирует выводы специалистов различного профиля. Поскольку разнопрофильные специалисты выполняли каждый свою часть работы, то никто из них не имел возможности подводить итог комплексному исследованию. В результате комплексные выводы сделаны вместо экспертов некомпетентным оперуполномоченным УФСБ А.Б.Журавлевым.

Вывод: Квалификация экспертов ничем не подтверждена, документов, свидетельствующих об их квалификации, не представлено, владение экспертами научными методиками ничем не подтверждено, они не составляют творческого коллектива или рабочей группы, не имеют руководителя, который отвечал бы за конченые выводы и комплексный подход экспертизы, право сделать комплексные выводы предоставлено некомпетентному лицу.

3. Вопросы, поставленные перед экспертами

В Акте экспертного исследования представлены вопросы, поставленные перед экспертами Мордовской лаборатории судебной экспертизы. Между тем, нет никакой документации, которая свидетельствовала бы о том, кто именно сформулировал вопросы, и что именно являлось основанием для этих вопросов - какие именно слова из видеообращения В.В.Квачкова могли вызвать у оперативных сотрудников УФСБ по РМ предположения о совершенном преступлении.

Экспертам предложено самостоятельно сделать полную стенограмму видео-обращения, хотя таковая уже была сделана оперуполномоченным А.Б.Журавлевым (или помогающими ему неизвестными лицами). Затем экспертам предложен стандартный набор вопросов о наличии в видеообращении лингвистических или психологических признаков: возбуждения вражды, проявления превосходства и побуждения к каким-либо действиям.

Вопросы сформулированы так, что порой об их смысле экспертам приходилось догадываться. Так, в 3-м вопросе у экспертов пытаются узнать, если ли в видеообращении признаки проявления "исключительности, превосходства, неполноценности человека по признакам..." Как и в других вопросах, здесь мы видим предложение обнаружить "признаки по признакам". Но также еще и "признаки неполноценности человека". Какого человека? "Признаки проявления неполноценности человека..." - речь идет о каком-то человеке в единственном числе. Вопрос остается неясным и явно переходит в плоскость медицинскую, может быть, психиатрическую.

Последний (5-й) вопрос (о признаках оказания психологического давления на граждан) не предполагает никаких исследовательских усилий, поскольку любой общедоступный материал в состоянии оказать психологическое "давление" на хотя бы одного гражданина. Вопрос лишен смысловой нагрузки и демонстрирует некомпетентность лица, которое поставило его перед экспертами. Именно поэтому эксперту пришлось дополнить его осмысленной постановкой задачи: заменить слово "давление" на слово "воздействие" и предложить самому себе выяснить направленность такого воздействия.

К сожалению, эксперты не попытались грамотно переформулировать остальные поступившие к ним вопросы, уложив их в рамки своей компетенции.

Вывод: Вопросы перед экспертами поставлены неизвестным лицом (скорее всего А.Б.Журавлевым), не имеющим необходимой квалификации, испытывающим трудности в русской письменной речи и не представившим никаких специфических признаков анализируемого текста, которые обосновали бы саму необходимость экспертизы. При этом текст видеообращения вполне доступен для понимания практически любому взрослому человеку, для которого русский язык является родным.

4. Уровень компетентности экспертов

Бросается в глаза обилие литературных источников, которые приводят эксперты перед изложением своих исследовательских результатов - 16 позиций, среди которых монографии, статьи, методологические публикации ведомственного характера. Тем не менее, в перечне литературы указываются почти исключительно публикации 2000-х годов. Это означает, что экспертами не привлекаются ни фундаментальные достижения лингвистики и психологии, ни публикации последних полутора десятков лет. Кроме того, для анализа политического текста (а видеообращение В.В.Квачкова является именно таковым), необходимо привлечение качественных научных источников, относящихся к исследованию политической лексики и семантики, политической психологии. Подобные источники экспертами не привлекались, что делает их исследование ничтожным еще до того, как они приступили к работе.

Из перечня литературы, приводимого в Акте экспертного исследования, прямо следует, что эксперты некомпетентны в вопросах, которые они получили. Ведь ответы на эти вопросы требуют знания, что такое признаки групп лиц, "выделяемых по полу, национальности, языку, происхождению, отношению к религии", а также относящихся к какой-либо социальной группе. Между тем, среди экспертов нет специалистов в области социальной и политической психологии, политической лексики и семантики, специалистов в области религиоведения, этнологии и этнополитики, гендерных отношений. Таким образом, еще до начала ознакомления с результатами исследования можно понять, что оно заведомо несостоятельно, а его выводы могут быть только профанированы лицами, которые выступают экспертами в одних областях, а исследование ведут в других областях, где их компетентность заведомо недостаточна или же полностью отсутствует.

Необходимо отметить, что в тексте исследования отсутствуют какие-либо ссылки на перечень литературы с указанием страниц или разделов, согласно которым делаются соответствующие оценки и выводы. Это означает, что перечень источников приведен лишь формально, а при проведении экспертной работы эти источники не привлекались.

Эксперт Е.М. Потанина, не имеющая квалификации лингвиста, провела работу по "вопросу" №1 - стенографировала видеообращение В.В.Квачкова. Работа проведена с достаточной точностью, но одновременно это демонстрирует возможность изготовления стенограммы даже неквалифицированным сотрудником, которому не нужны специальные экспертные знания. Следует также обратить внимание, что при оформлении стенограммы Е.М.Потанина указывает условные обозначения, включая паузы и указания на реплики неизвестных лиц, но эти символы в дальнейшем не используются. Что указывает на рутинный, формальный характер проведенной работы, в которой нет никаких признаков исследования и использования специальных знаний.

Некомпетентность экспертов психолого-лингвистического исследования (эксперты Рогачева и Шилкин) бросается в глаза с первых же строк, где "русские националисты, оказавшиеся в лагерях", объявляются экспертами неким

"движением". Разумеется, никакого такого движения не существует, и в условиях содержания в местах лишения свободы существовать не может. Излагая содержание видео-обращения, эксперты замечают слова "государственная идеология", "национал-социализм", "русский православный социализм", "русская нация", "иго иудейское", "родноверы" и другие. Смыслы этих слов для экспертов остаются полностью неизвестными, поскольку их квалификация не позволяет судить что-либо о текстах, насыщенных подобными терминами (политическими, религиозными и пр.), а в привлекаемой экспертами литературе нет ничего, что могло бы разъяснить значения этих слов.

Все, на что оказываются способны эксперты, - это выделить из текста некоторые настораживающие их фрагменты о "ликвидации Путина" и "национально-освободительной революции". Это настороженность свойственна скорее профанам, чем специалистам, способным отнестись к исследовательской задаче беспристрастно.

Вывод: Квалификация экспертов не соответствует поставленным перед ними вопросам, привлекаемая экспертами литература не позволяет им пополнить недостаток компетентности в тех областях, где они не имеют соответствующих знаний и исследовательского опыта, выписки из текста стенограммы произведены экспертами произвольно, без сохранения контекста, используемые в видеообращении термины для экспертов непонятны. Все это делает экспертизу заведомо несостоятельной.

5. Лингвистическое исследование

Эксперт-лингвист Рогачева в начале своей части исследования, относящейся к вопросу №4, объявляет, что будет использовать такие сложные лингвистические методики, как структурный анализ, семантический анализ, лексико-семантический анализ, грамматический и лингвистический анализ. Но никаких признаков такого анализа на двух страничках ее "исследования" найти невозможно. В нем даны лишь выдержки из неизвестного методического материала (полстраницы), который никак не связывается с текстом видеообращения, а является "общим местом", а также словарные значения слов, которые большинству лиц, владеющих русским языком, известны без словарей (при этом ссылок на статьи в словарях эксперт не приводит).

К тому, что условно можно было бы назвать "исследование эксперта Рогачевой" по вопросу №4, относятся лишь три абзаца совершенно безграмотно излагающих смысл видеообращения В.В.Квачкова. Эксперт Рогачева оказывается не в состоянии различить прогноз и призыв. Прогноз о возникновении революции и призыв к революции - разные вещи. Этого эксперт понять не в состоянии. Не приводя никаких фрагментов из текста видеообращения, эксперт заключает: "Таким образом, из содержания исследуемого материала может быть извлечена имплицитная (скрытая) информация о совершении агрессивных (насильственных, военных) действий, направленных против существующей власти и государственного строя. А также против представителей государственной власти (в частности В.В.Путина)".

Эксперт не замечает очевидного: что "устранение" Путина в видеообращении относится к враждебным силам - "жидо-либеральному перевороту", который В.В.Квачков надеется остановить "военно-революционным походом на Москву". Никакой "скрытой" информации здесь нет, она вполне очевидна любому слушателю видеообращения, мало-мальски знакомому с политической лексикой, а также складывающему свои умозаключения на основе элементарной логики. В данном случае эксперт, как мы видим, не обладает ни тем, ни другим. Эксперт не знает (и по какой-то причине не способен узнать), что

В.В.Квачков, декларируя свою приверженность "православному социализму", является антагонистом "жидо-либералам", от которых он и ждет совершения государственного переворота и "устранения Путина".

Эксперт совершенно не способен заметить возможность различных трактовок одного и того же предложения и не намерен подкреплять свои умозаключения какими-либо дополнительными соображениями или отсылками к тексту видеообращения. Так, эксперт объявляет "призывом" тезис "Встретимся в военно-революционном походе на Москву". Между тем, этот тезис может также означать и прогноз: неизбежность или вероятность такой встречи. Или надежду: пожелание встретиться (с неуказанным кругом лиц) в данном походе - против тех, кто "устранит" Путина.

Эксперт, делая свой вывод о наличии в тексте видеообращения "лингвистических признаков побуждения" к совершению насильственных действий в отношении государственной власти и ее представителей, не приводит ни одного текстового фрагмента, где бы такое побуждение было бы продемонстрировано.

При ответе на вопросы №2 и №3 эксперт также несостоятелен, но, поскольку признаков возбуждения вражды к каким-либо группам эксперт не обнаруживает, мы не будем предъявлять претензии за полное отсутствие каких-либо исследовательских усилий и незнание проблем религиозной и этнической конфликтности, которые нашли свое отражение в тексте видеообращения, и, как следует из вывода эксперта и нашей оценки, никакого дополнительного "возбуждения" в нем не прослеживается.

Вывод: Как такового лингвистического исследования эксперт не проводит, отделываясь от поставленной задачи наброском разнородных выдержек из методологической литературы и голословными утверждениями по поводу "признаков побуждения" к совершению насильственных действий.

6. Психологическое исследование

Никаких признаков квалификации психолога эксперт Шилкин в своем "исследовании" не проявляет. Его текст, составленный при ответе на вопрос №4, представляет собой страницу выписок из методологической литературы (без указания источников), затем - набор цитат из видеообращения, затем - ничем не обоснованный вывод о наличии психологических признаков побуждения "к совершению негативных, агрессивных, насильственных действий в отношении государственной власти и ее представителей". Исследовательская часть отсутствует. Какого либо анализа предложенных для экспертизы текстов нет - никаких признаков!

Приходится только поражаться, насколько бессовестно эксперт пренебрегает своими обязанностями что-либо доказать. В его тексте не продемонстрировано ни малейшей связи между текстом видеообращения и выводами, которые могли быть сделаны только в результате аналитической работы. Такой работы эксперт не провел.

По вопросам №2 и №3 также какая-либо исследовательская работа отсутствует, эксперт ограничивается лишь выписками из методологической литературы и сразу приходит к отрицательным ответам на эти вопросы.

По вопросу №5 эксперт также вне всякой связи с произведенными им выписками из текста стенограммы видеообращения приводит значения каких-то терминов, произвольные суждения о методологии исследования и сразу переходит к выводам, минуя стадию анализа текста - каждого фрагмента, контекста, смыслового содержания.

Вывод эксперта в связи с этим заведомо не обоснован. Но также этот вывод изобличает эксперта в соучастии в фабрикации дела в целом. Эксперт проговаривается о том, о чем его не просили что-либо сообщать: якобы видеообращение В.В.Квачкова "направлено на формирование и подкрепление эмоционально-положительной оценки националистических целей, задач, взглядов, идей, а также негативных установок по подготовке и формированию программы для насильственных действий в отношении государственной власти и их (так в тексте - А.С.) представителей". Ни малейшего обоснования этого "вывода" в "исследовании" Шилкина нет. Как и во всем тексте "исследования", просто нет ничего, что можно было бы считать "исследованием".

Нелишне будет напомнить, что психолог Шилкин не имеет никакого представления о том, что такое "националистические цели, задачи, взгляды и идеи". Это за пределами его компетенции. Что такое "негативные установки по подготовке " понять вообще невозможно. Если читать буквально, а не угадывать смысл сказанного экспертом, то он утверждает наличие в видеообращении негативных установок в отношении программы насильственных действий. Что это за программа, и о каких насильственных действиях идет речь - известно, видимо, только самому Шилкину.

Наигранное непонимание или полное отсутствие способности к анализу текстов - единственная основа для тех выводов, которые сделал эксперт-психолог Шилкин.

Вывод: Эксперт-психолог целиком и полностью фальсифицировал экспертизу, не применив никаких научных методов анализа и ограничившись произвольными и ничем не обоснованными суждениями, а также в своих выводах выйдя далеко за пределы своей компетенции.

Общие выводы

Экспертное исследование инспирировано явно некомпетентным лицом, которое не способно к формулированию вопросов для исследования, к восприятию аналитических текстов, не способно различить профанацию экспертизы от действительно основательного исследования.

Экспертиза носит формальный характер, по сути, является ложным обоснованием для обвинения В.В.Квачкова в преступлении, которого он не совершал. И, таким образом, данная "экспертиза" является преступным деянием. Судя по всему, запланированным и нацеленным на продолжение репрессий против автора видео-обращения - в порядке мести за его политическую позицию.

Авторы экспертизы всесторонне проявили свою некомпетентность, неспособность проводить аналитические исследования, обосновывать свои выводы. Они оказались в состоянии лишь приводить фрагменты из методологической литературы (без ссылок) и делать выписки из стенограммы, но при этом проявили отсутствие навыков исследовательской деятельности, неумение анализировать тексты, неспособность (неподготовленность) к формированию научно обоснованных выводов. Также эксперты не смогли сделать никаких "комплексных" выводов, фальсифицировав междисциплинарный характер исследования.

В целом экспертиза является грубо состряпанной фальсификацией исследовательской работы, проведенной под надзором заведомо некомпетентного лица - оперуполномоченного А.Б.Журавлева.

С моей точки зрения, по совокупности моральных и профессиональных качеств, а также за совершенную фальсификацию экспертизы, привлеченные к исследованию эксперты, подлежат увольнению с занимаемых ими должностей.

Мне довелось высказать свою позицию по данному делу со всей откровенностью перед судебной коллегией Самарского военного суда под председательством ***А.А.Леднёва***. Правда, суд отказался принять подготовленный мной письменный анализ экспертизы привлеченных к этому делу проходимцев. Потому что, якобы, я не был официально допущен до материалов дела. Эту возможность неправому суду предоставили адвокаты, которые не подготовились к ситуации и не обеспечили официального запроса в мой адрес, чтобы мое мнение специалиста получило официальный статус. В результате мне пришлось на ходу перестраиваться, переходя от анализа подложных экспертиз к анализу видеообращения Владимира Квачкова. И только просмотр соответствующего видеоролика в суде позволило мне сориентироваться. В том числе отбить наскоки мордовского прокурора, который выглядел в суде сущим подлецом, которому истина была неинтересна, зато было очень интересно запутать экспертов защиты, постоянно повторяя, что они противоречат сами себе. В действительности это было не так. На самом деле, никаких противоречий не было, а прокурор намеренно записывал искаженные тезисы у себя на листочке. Правда, не рискуя их зачитывать.

Суд долго мурыжил нас - привлеченных стороной защиты экспертов и свидетелей, но все-таки допустил до процесса. При этом устроив экспертам самый настоящий допрос с пристрастием - мне и эксперту Степану Сулакшину. На каждого из нас пришлось примерно по полтора часа хорошо согласованных усилий прокурора и судей, которые пытались поставить нас в тупик и поймать на противоречиях. Этого им не удалось.

Единственное мое расхождение с С.Сулакшиным состояло в том, что я не принял никаких домыслов об "этничности" в смыслах слова "жид" и однокоренных с ним слов, которые употреблялись в видеообращении. Сулакшин сказал, что это "просто дурь". Я же сказал, что экспертам и обвинения просто неизвестны значения слов "жид", "талмуд", "кагал" за пределами их наиболее известных смыслов. Другие смыслы они намеренно исключили, чтобы фальсифицировать дело. Я же настаивал, что другие смыслы прямо следуют из контекста видеообращения.

Суд в итоге не рискнул вынести обвинительное постановление по итогам процесса, поскольку разгром всех инсинуаций следствия оказался настолько очевиден, а доводы обвинения настолько нелепыми, что бригада судей решила снять с себя ответственность: приняла решение об отложении дела до подготовки новой экспертизы. Это была наша маленькая победа.

Тем не менее, дело не закончилось. Вновь назначенная экспертиза поступила в суд через некоторое время. И прокуратура решила внезапно переквалифицировать дело, представив текст видеообращения Владимира Квачкова как "возбуждение розни". Разумеется, в отношении никогда не существовавшей и не существующей группе "евреи/иудаисты", которую изобрела эксперт ***Е.С.Элбакян***, специализирующаяся на защите разного рода сектантов и с ненавистью относящаяся к православным и русским людям.

Суд не предоставил защите возможности проанализировать новые несуразицы в экспертизе, которая выполнила заказ на подтасовку дела и подведения его под пресловутую ст. 282 УК РФ. Итог - дополнительные 1,5 года реального срока с ужесточением содержания в местах заключения. Это преступное решение, как оказалось, очень не понравилось хозяевам судей, которые для разбора вопроса "почему так мало дали", вызывали формально независимых служителей Фемиды "на ковер".

В приговоре Приволжского окружного военного суда от 18 августа 2017 года (***А.А.Леднев, А.Г.Баландин, Р.В.Птыркова***) сказано, что "суд критически

относится к заключениям допущенных по ходатайству стороны защиты специалистов Сулакшина С.С. и Савельева А.Н., не являющихся специалистам в области психологии, лингвистики и религиоведения". Это, конечно, произвольное заключение, поскольку суд квалификации по данным специализациям у специалистов не выяснял. Если бы такое выяснение произошло, мной были бы представлены тексты работ, связанных с политической психологией и религиоведением. Что касается лингвистики, то она к рассматриваемому делу не имеет ни малейшего отношения.

Далее в приговоре суда сказано о том что "специалисты высказали мнение о жанре видеообращения как относящегося к жанру общественно-политических, социально-политических текстов, не содержащих побуждений к насильственному свержению власти. Суд считает, что выводы, сделанные специалистами, были сделаны без проведения специального исследования, проводимого в порядке, предусмотренном статьями 58 и 270 УПК РФ, в заключении не были учтены вопросы религиоведческого, психологического и лингвистического характера, им не приведены научно-обоснованные методики, на основании которых сделаны их заключения, что не может ставить под сомнение, заключение комиссии экспертов РФЦСЭ".

Это лживое утверждение. Суд не ставил перед специалистами вопроса о методиках, не предлагал им провести исследование, а мое исследование относительно первоначальной экспертизы не приобщил к делу. Кроме того, суд не в состоянии оценить наличие или отсутствие научных методик, лежащих в основе того или иного заключения. Что подтверждается обращением суда в ЦСЭ. При этом суд опирается на экспертизу ЦСЭ, подготовленную политологом и религиоведом, которые также формально не владеют психологическими и лингвистическими методиками. Наконец, мы видим общую безграмотность судей, которые допускаю обороты: "о жанре... как относящегося к жанру", "сделанные специалистами, сделаны", "без проведения..., проводимого". Из чего следует предположение о полной неспособности суда понять что-либо: смысл видеообращения, смысл экспертиз, смысл выводов специалистов. Судьи функционально безграмотны.

Мне довелось по просьбе Владимира Васильевича написать свое мнение специалиста по поводу экспертизы. Перед этим мне пришлось выпустить видеоролик, который доказывал, что слова "жид"и однокоренные ему входят в русскую литературную норму, а потому не могут считаться не только относимыми ко всем евреям, но и возбуждать к ним какую-либо рознь. Русская классическая литература не может считаться преодоленной какими-то домыслами аморальных экспертов. А ведь именно эти домыслы и в данном деле, как и в других делах, становились причиной безответственного поведения судов, выносящих обвинительные приговоры.

МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

по экспертизе РФ ЦСЭ при Минюстре РФ, подготовленной в рамках рассмотрения уголовного дела №28410

Поставленная перед специалистом задача: Оценить профессиональный уровень экспертизы РФ ЦСЭ видеообращения В.В.Квачкова и степень обоснованности представленных экспертами выводов.

Материалы для исследования: Заключение эксперта по уголовному делу № 28410 от 29 мая 2017 г. № 345-346/24, ФБУ Российский Федеральный Центр Судебной Экспертизы (РФ ЦСЭ) при Министерстве юстиции РФ.

Оценка квалификации Комиссии ЦСЭ

В состав Комиссии вошли два эксперта ЦСЭ и два привлеченных эксперта, что свидетельствует о сложности темы экспертизы и недостаточности сил ЦСЭ для подготовки квалифицированного экспертного заключения. Вместе с тем, включение в Комиссию привлеченных экспертов, как будет показано ниже, не разрешило проблему квалифицированной подготовки заключения и его качество оказалось на крайне низком уровне. Эксперты в области политологии и религиоведения оказались специалистами низкого уровне, чья компетенция не соответствует, прежде всего, принципу независимости и непредвзятости экспертного анализа и следующих из него выводов.

Эксперт ***Бойцов Алексей Александрович*** имеет непонятную квалификацию по высшему образованию. С одной стороны, "по специальности" - филолог, с другой стороны, "по направлению" - юрист. Не указано когда и какое высшее учебное заведение закончено, какой факультет закончен. При этом эксперт имеет стаж работы всего 2 года, успев каким-то образом пройти подготовку по судебной лингвистической экспертизе. Никаких сведений о научной деятельности, какие-либо публикации эксперта нет. Соответственно, отсутствуют сведения о способности самостоятельно и беспрестрастно использовать научные методики и следовать общеизвестным принципам при научном анализе текста.

Эксперт ***Секераж Татьяна Николаевна*** имеет высшее образование как психолог, но при этом является кандидатом юридических наук. Указанный экспертный стаж с 1994 года относится к неизвестной квалификации: то ли психолога, то ли юриста. Никаких сведений о научных работах эксперта нет. Как нет и сведений о том, какое и когда закончено учебное заведение и по какой специализации. Таким образом, наличие у эксперта профессиональных знаний в соответствии с декларируемыми статусами ничем не подтверждено, наличие знаний, необходимых при подготовке конкретно данной экспертизы также не подтверждено.

Эксперт ***Козлов Михаил Владимирович*** имеет высшее образование как религиовед, но при этом научный статус - как кандидат политических наук со специализацией "политическая культура и идеологии". Указан стаж работы 9 лет, но в неизвестном статусе и с неизвестным опытом. Указан статус 3-й класс государственной гражданской службы также с неизвестным опытом и сроком работы. Формальные статусы не позволяют однозначно судить о том, что квалификация и профессиональные знания эксперта соответствуют поставленным перед ним задачам.

Эксперт ***Элбакян Екатерина Сергеевна*** квалифицирована как религиовед, но отсутствуют сведения о высшем образовании и специализации по высшему образованию. Указан срок работы по специальности "религиовед" с 1985 года, что не может соответствовать действительности, поскольку во второй половине 80-х годов эксперт мог работать только по специальности "научный атеизм". Указан научный статус - доктор философских наук, но не указана специализация по защите диссертации, не приведены научные публикации, которые свидетельствовали бы о наличии необходимых знаний. Указан статус профессора по кафедре социологии и управления социальными процессами, которые не позволяет установить, занимается ли эксперт проблемами религиоведения или ограничивается социологическими темами, ведет ли научную работу. Указан статус директора Центра религиоведческих исследований, но не указано, в каких исследованиях эксперт принимал участие, нет ссылок на публикации.

Несмотря на то, что экспертам предложено проанализировать текст, имеющий характер политического воззвания (видеообращения) с элементами

религиозно-нравственной риторики, принадлежащий авторству далеко неординарной личности, находящейся в неординарных обстоятельства (местах заключения), комиссия оказалась составленной из людей с двойственными и неясными статусами, без каких-либо формальных признаков хотя бы минимального знакомства с темой воззвания. Если сотрудники ЦСЭ хотя бы в какой-то мере могли оценить юридические последствия своих ошибок и несуразиц, связанных с несоответствием их квалификации поставленным перед ними задачам, то привлеченные эксперты, также имея весьма смутные квалификационные признаки, явно не могли оценить даже этих последствий, полагаясь на формальные статусы, которые никто (включая суд) исследовать не собирается. Вместе с тем, сотрудники ЦСЭ в качестве экспертов в области, к которой относится анализируемое видеообращение, являются заведомыми профанами, а их квалификация лингвиста и психолога не имеет никакого отношения к данной области. Таким образом, одни эксперты оказываются непригодными для задач экспертизы по профессиональной специализации, а другие - по неспособности (или нежеланию) понять цену ошибки, которая в подобных случаях более чем вероятна.

Несмотря на то, что эксперты дали подписку об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, исходя из их статусных позиций, эксперты почти с неотвратимой неизбежностью могли дать только заведомо ложное заключение. Незначительная вероятность избежать этого могла быть заложена только в морально-нравственных принципах, которые не позволяют специалисту делать произвольные умозаключения и оценивать то, что находится за пределами их профессиональных знаний. К сожалению, эксперты оказались далеки принципов профессиональной этики, которая не позволяет специалисту браться за дело, которое он не сможет выполнить с должным качеством и сделать обоснованные и надежные выводы.

Оценка качества поставленных перед экспертами вопросов

Из экспертного заключения следует, что вопросы к экспертам были сформулированы судьей Приволжского окружного военного суда А.А.Леднёвым. Само обращение к экспертам с обязанностью привлечения к экспертизе политолога и религиоведа говорит о том, что судья в теме будущего исследования не разбирается и затрудняется поставить перед экспертами квалифицированные и точные вопросы.

Как следует из заключения, к существу дела поставленные судьей Леднёвым вопросы не относятся. Они усложняют и удлинняют исследование ненужными отвлечениями, хотя квалификация судьи не позволяет предполагать его наивность и непонимание того, на какую статью Уголовного Кодекса он собирается переквалифицировать исходно выдвинутое обвинение против подсудимого В.В.Квачкова. Политический характер ст. 282 УК РФ общеизвестен и не прекращает обсуждаться (и осуждаться) всеми, кто хоть в какой-то мере осведомлен о правоприменительной практике по данной статье. Соответственно, вопросы судьи должны были касаться именно диспозиции по данной статье. Сама переквалификация дела выглядит крайне сомнительной и подменяющей совершенно очевидную нелепость исходного обвинения.

Несмотря на то, что вместе с запросом на дополнительную экспертизу в ЦСЭ РФ были направлены материалы судебного допроса экспертов Шилкина и Рогачевой и копия составленного ими заключения, а также показания специалистов Сулакшина С.С. и Савельева А.Н., данные суду по просьбе защиты, ни в вопросах, ни в экспертном исследовании ЦСЭ эти документы никак не затронуты, эксперты их не изучали. Что является прямым указанием на возможность фальсификации как

самого дела, так и заключения ЦСЭ по нему. Фактически судом, а затем экспертами, полностью проигнорирована иная точка зрения, представленная квалифицированными специалистами.

Вопросы суда не имеют отношения ни к диспозиции по исходной статье обвинения ч.1, ст. 205.2 УК РФ, ни к переквалификации на ст. 282 УК РФ.

Если вопрос о побуждении к каким-либо насильственным или дискриминирующим действиям еще имеет какое-то отношение к указанным статьям, то совершенно за пределами соответствующих диспозиций находятся вопросы о ситуационно-временном периоде, об адресате видеообращения (группе или личности), о группах лиц, связанных политическими убеждениями, и политических убеждениях автора, о нормах коммуникативной этики, о влиянии атрибутики на восприятие обращения, об обвинении высших должностных лиц в каких-либо негативных действиях. Напротив, все эти вопросы демонстрируют политическую заданность судебного процесса, позиции судьи. И этого не могли не заметить эксперты, выполнившие не свой профессиональны долг, а сфабрикованный под видом вопросов суда заказ. И это свидетельствует не только о фальсификации экспертизы, но и о фальсификации всего судебного процесса.

В примечаниях к вопросам распределена компетенция экспертов. Оказывается, что комплексность экспертизы является фикцией. Мнение экспертов может быть высказано совокупно по всем четырем специализациям только в ответах на вопросы №№ 2, 8, 10. Таким образом, экспертиза фальсифицирована и в части коллегиальности разрешения исследовательских задач. При этом лишь вопросы №№2, 5, 8, 9, 10 имеют какое-либо юридическое обоснование, относясь к диспозициям соответствующих статей УК. Это говорит об отсутствии у судьи Леднёва понимания своей задачи и неправильной постановки задачи перед экспертами. Которые, в свою очередь, оказались не способны исполнить свой профессиональный долг.

Исследование политолога Козлова

О фальсификации экспертизы с очевидностью говорят три абзаца, посвященные методикам исследования со ссылками на десятки фамилий ученых, чьи работы ни в малейшей степени не привлекались экспертом. Как нигде не заметно и применения заявленных им методов "интерактивного подхода", "дискурсивного анализа", "социологии знания". Эти три абзаца явно изъяты из какой-то типовой публикации, автор которой не отвечал за добросовестность указания на научные авторитеты. Эти авторитеты к экспертизе не имеют никакого отношения, и эксперт не опирается на их работы.

Эксперт Козлов правильно определяет автора видеообращения как политика, а само видеообращение - как пропагандистский материал. Пересказ идеологических воззрений автора видеообращения лишен какого-либо анализа. Эксперт явно не знаком ни с другими сочинениями В.В.Квачкова, ни вообще с политической литературой национально-патриотического, православно-патриотического лагеря и не в состоянии понять, к кому и зачем обращается автор. Совершенно невежественен эксперт и в анализе идеологий, о которых он, несмотря на свой статус кандидата политических наук, имеет весьма смутное представление, а классификацию идеологий дает абсурдную, подразделяя их на консерватизм, социализм, национализм и терроризм. Эта классификация противоречит общепринятой, внесенной в большинство политологических учебников (см., например, стереотипное издание "Политология. Курс лекций. Под ред. доктора юридических наук, профессора М.Н.Марченко, Изд. 3-е, М.: Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999, Лекция 9. Политическая идеология). Эксперт по недоразумению

или намеренно пропустил идеологию либерализма и приписал к идеологиям терроризм. Как и в этнологии, определяющим в существовании субъекта является его самоназвание. Носители идеологии "терроризма", которые называли бы таком образом свои взгляды, неизвестны.

Называя взгляды В.В.Квачкова эклектичными, эксперт Козлов не приводит никаких доказательств этому утверждению, поскольку не представляет себе, ни что такое идеальные мировоззренческие комплексы, ни что такое реальная политика, всегда уклоняющаяся от "чистых" форм, пригодных лишь для научных классификаций.

К невежественности эксперта Козлова прибавляется его ангажированность, подчиненность задаче "доказать" наличие признаков преступления в словах В.В.Квачкова. Утверждая, что слова В.В. Квачкова о том, что в случае отстранения от власти высшего руководства России и начала боевых действий на территории страны из осужденных будут формироваться "добровольческие штрафные батальоны народного ополчения", могут рассматриваться как террористическая деятельность - участие в (незаконном) вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом (ч.т2 ст. 208 УК РФ и п. в ч.2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ "О противодействии терроризму"), эксперт проявляет невежество, поскольку в данном случае не указан субъект, формирующий батальоны (если это законные органы власти, никакого противоречия закону не возникает в принципе), а об их вооружении не сказано вообще ничего. Удивительно, что эксперт находит в себе силы признать, что никаких призывов о вступлении в такие батальоны в обращении В.В.Квачкова нет.

Эксперт Козлов полагает "вырванными из аутентичного контекста" применяемые В.В.Квачковым "термины": "иго иудейское", "кабала жидовская", "поганая нечисть и нерусь", что свидетельствует о том, что эксперт не знаком с современной русской православно-патриотической публицистикой. Полагая слова "жид" и "нерусь" устаревшими, эксперт не приводит этому доводу никаких подтверждений. Опровергает это утверждение постоянное и массовое употребление этих слов многими русскими публицистами. Правда, пишущими преимущественно в сети Интернет и имеющими читателей лишь в определенном секторе общественно-политических предпочтений. Это неудивительно, поскольку русские издания практически полностью уничтожены в результате политических репрессий последних двух десятков лет.

Ответы эксперта на вопросы судьи не имеют научного обоснования и демонстрируют отсутствие у эксперта понимания его задачи: подтвердить или опровергнуть наличие в тексте видеообращения В.В.Квачкова диспозиции той или иной уголовной статьи. Эксперт пускается в рассуждения, которые никак не связаны с данной задачей. И совершенно произвольно объявляет, что в видеообращении имеется "описание террористической деятельности", хотя и нет ее оправдания или призывов к ее осуществлению. Мало-мальски грамотному и элементарно порядочному человеку без всякой политологической подготовки понятно, что видеообращение В.В.Квачкова является прогнозом краха российской государственности под давлением "жидолибералов" и описанием возможных действий по защите Родины со стороны русских националистов. Называть защиту национально-государственных интересов гражданами "описанием терроризма" может только окончательно потерявший нравственные ориентиры человек. И это обстоятельство приводит нас к выводам о профессиональной недееспособности эксперта Козлова, который ставит научную истину в зависимость от пожеланий начальства.

Утверждение эксперта Козлова о том, что в видеообращении имеются "признаки, указывающие на побуждение к отстранению от управления государством действующей на момент размещения видеоролика государственной власти в Российской Федерации в форме критики власти об объявлении ее умысла преступным", не указывает на криминальный характер видеообращения, поскольку критика, сколь бы жесткой (и даже несправедливой) она ни была, не преследуется российским законодательством. Побуждение к отстранению от управления может предполагать законный путь, утверждение о преступности действующей власти может быть обоснованным или необоснованным. Это обстоятельство не позволяет трактовать доводы эксперта в подтверждение законности обвинения В.В.Квачкова. Как и утверждение эксперта о том, что в видеообращении "имеются признаки возбуждения ненависти к группе лиц по политическим убеждениям - политическим противникам В.В.Квачкова". Ненависть и вражда возбуждается в отношении политических противников средствами пропаганды и являются признаком политики вообще (см. классическую работу Карл Шмитт "Понимание политического").

Вместе с тем, надо отметить, что эксперт Козлов в ряде случаев правильно оценивает представленный ему для анализа текст, определяя его как программный политический документ, посвященный критике власти и лично В.В.Путина. Что, разумеется, не является криминальным действием и не может быть причиной для уголовного преследования автора видеообращения. Из этого обстоятельства следует опровержение всех возможных доводов так называемой экспертизы ЦСЭ Минюста, которая является заведомо ложной, как и ее интерпретации, послужившие для противозаконного решения Приволжского военного суда в отношении В.В.Квачкова.

Также опровергает все домыслы прочих экспертов утверждение эксперта Козлова, что "В объекте исследования не имеется непосредственного наименования уничижительными в политическом дискурсе терминами "жид", "поганый" в целях пропаганды исключительности, превосходства, неполноценности человека по признаку расы, национальности, языка, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе". "Наименования оскорбительными терминами какой-либо группы лиц, объединённых по признаку расы, национальности, языка, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе в объекте исследования отсутствует. Под жидами В.В.Квачков подразумевает приезжих мигрантов, либеральный олигархат, государственную власть и лично Президента России В.В. Путина", а вовсе не те группы, которые перечислены в диспозиции ст. 282 УК РФ и которые выдумывают другие эксперты (о чем будет сказано ниже).

Если мнения экспертов какому-либо вопросу разошлись, то суд обязан был трактовать расхождения в пользу подсудимого, а не ориентироваться на суждения, удобные для обвинительного решения. Этот подход следует из общепринятых научных методик: один единственный контрпример опровергает общее правило, которое пытаются доказать большим количеством подтверждающих примеров. Экспертиза, объявив общие выводы, будто бы обобщающие выводы экспертов, пошла против этого общепринятого в науке правила, а суд, не имея достаточных профессиональных знаний и попирая юридическую норму, трактующую все сомнения в пользу подсудимого, вынес заведомо неправосудное решение.

Исследование религиоведа Элбакян

Как и в политологическом исследовании, методологическая часть является абсолютно ничтожной, не имеющей отношения к исследованию и ложно объявляющей, что автор экспертного исследования применял такие методы как:

системный метод, герменевтический метод, компаративный метод, структурно-функциональный анализ, типологический метод и феноменологический метод. Все эти методы пригодны для анализа сложных религиозных текстов или текстов древних культур, о которых сохранилось очень мало информации. Фактически в таких случаях речь идет об изучении далекого от современной культуры текста и в условиях дефицита информации. Текст же анализируемого видеообращения является предельно простым и ясным всякому носителю русского языка, находится в рамках общедоступного общественно-политического дискурса, и для его понимания требуется применение лишь самых элементарных логических умозаключений. Проблемы в понимании, возникающие у человека, далекого от русской православно-патриотической лексики, могут быть разрешены лишь обращением к практике применения соответствующих терминов, а вовсе не домыслами эксперта по поводу изолированного текста (что мы видим в экспертизе Элбакян).

Некомпетентность эксперта выражена в списке литературы, который он приводит, но ни разу на него не ссылается. Список состоит из словарей, энциклопедий, учебников и собственных сочинений эксперта. Что выглядит, как попытка выдать бездоказательные суждения без каких-либо ссылок на обширную литературу по религиозно-нравственной, религиозно-политической и собственно религиозной тематике, которая должна быть привлечена для рассмотрения поставленных вопросов, если они неясны не только суду, но и самому эксперту. Как будет показано ниже, эксперт оказался полным профаном в той религиоведческой сфере, которой он посмел касаться, не имея представлений о содержании и смыслах религиозных текстов, которые многократно трактовались в русской литературе и публицистике, представляя широкую гамму смысловых оттенков, совершенно недоступную эксперту Элбакян - в раках ее научно-атеистического подхода, чуждого и даже враждебного православию и русской общественно-политической мысли.

На фальсификацию экспертизы указывает длинный пассаж Элбакян о том, что в ее представлениях составляет "религиозный комплекс". Эта часть экспертизы не имеет никакого отношения к стоявшей перед экспертом задачей и предназначена лишь для того, чтобы эксперт пренебрежительно отозвался о религиозных воззрениях русского православного политика В.В.Квачкова - действительно, верующего и хорошо знакомого с православной догматикой. Чего не скажешь о "научном атеисте" Элбакян, читающей, но не понимающей православный текст, а потому и неспособной понять смысла видеообращения В.В.Квачкова.

Элбакян высказывает совершенно антинаучное представление о религии, которая, по ее мнению, обособлена в обществе в секту, где только и возможно религиозное мышление, а в сознании человека - в какой-то отдельный сектор мышления, откуда другие сектора не снабжаются ни символами, ни смыслами. Это соответствует преставлениям сектанта, но не религиозного человека и не ученого. Коммуникация между людьми и целостность личности означает, что религиозные воззрения оказывают воздействие на все сферы жизни общества и на все области, о которых может помыслить человек. Соответственно "политизация" религиозной мысли является не запретной (как полагает Элбакян), а естественной и даже обязательной. Именно поэтому для православных верующих участие в общественных организациях и создание общественных объединений политического толка является столь распространенным, что трудно встретить православного человека, который не рассуждает о политике. А если он действительно придерживается православной догматики, то все его мышление, в том числе и о

политических вопросах, пронизано православием. Что мы и видим в видеообращении В.В.Квачкова. И чего в помине нет у эксперта Элбакян, удалившейся в ею же самой придуманную секту "религиоведов", откуда поучают действительно верующих православных людей и обличают их в отсутствии не только развернутого академического, но и бытового, повседневного представления о религии.

Ненависть эксперта Элбакян к православию и русскому политическому движению выражена в словах о том, что для В.В.Квачкова православие - не духовная традиция, а "всего лишь "удобная" для русско-националистических представлений идеология. При этом идеология агрессивная, где русофильство оправдывает агрессивное неприятие других народов и уничижительные их именования и характеристики (например, евреев)". Это не только ничем не обоснованное суждение, но и прямое оскорбление как самого автора видеообращения, так и вех, кто причисляет себя к русским националистам и русофилам. Имея совершенно превратные представления о православии крайне превратные представления (а оттого и о русском мировоззрении в целом), эксперт Элбаякн, приведя несколько цитат из видеообращения, объявляет, что "такой подход православию несвойственен". Разумеется, ничего не обосновывая. И это отражает общий подход эксперта - антинаучный, невежественный, циничный и даже нагло-циничный. Столь глубокий аморализм эксперта не позволяет ему выполнить задачу, которую без труда решил бы просто честный и образованный человек, знакомый с основами православной веры и читающий православную публицистику и догматические сочинения.

Совершенно безграмотно, с точки зрения политической антропологии, выглядит объявление Элбакян "русских" - этнической характеристикой, а "россиян" - гражданской. Путаясь в этих понятиях, Элбаякн объявляет, что путается В.В.Квачков. Впрочем, эта тема не имеет никакого отношения к вопросам суда. Достаточно лишь напомнить общеизвестную истину, что "русские" уже несколько сот лет - не этнос, поскольку образовали свое государство - Россию - и тем самым отличились от этносов, которые не характеризуются наличием государства (число этносов на планете более чем в 100 раз превосходит число государств). Что касается слова "россияне", оно вообще является в современном лексиконе искусственным, взятым из поэтического пафоса XIX века и приспособленным к попыткам создать иллюзорную идентичность, вытеснив русскую идентичность (в духе советских времен, когда русских пытались сделать "советскими").

Невежественные суждения Элбакян продолжаются утверждением о том, что "христианского социализма" нет и быть не может - со ссылкой на Маркса и СССР. Как будто, кроме Маркса, в природе не существовало никаких других социалистов и никаких других социалистических идей, кроме марксистского мракобесия, как будто социализм существовал только в СССР. Термин "христианский социализм" широко известен в политологии (пример: Христианско-социалистический союз Баварии, вошедший в состав коалиции ХДС-ХСС, хотя и не отражает какой-либо целостной доктрины). Тем не менее, Элбаякн это неведомо. Эксперт продолжает насыщать свое "исследование" подобными безграмотными суждениями, так и не удосужившись сконцентрироваться на поставленных судом вопросах.

Нервические замечания, не подкрепленные ссылками на текст видеообращения, приводят Элбакян к клевете - к утверждению, что В.В.Квачков "прямо призывает к борьбе с инородцами и иноверцами". Ничего подобного в видеообращении нет, и это отмечено другими экспертами.

Ложным, ничем не подтвержденным суждением эксперта является заявление о том, что позиция В.В.Квачкова противоречит Конституции РФ в части идеологического многообразия и отсутствия государственной религии. Эксперт не приводит никаких аргументов в подтверждение этой фантазии, сгустившейся из ненависти лично к автору видеообращения и его мыслям.

Столь же безграмотно Элбакян объявляет, что Владимир Васильевич Квачков относится к "социальной группе националистов с эклектичными политическими убеждениями, представляющими собой синтез идей народной монархии и социализма с апеллированием к религии". Такой социальной группы нет, не было и никогда не будет. Все характеристики группы, которые приводит Элбакян, являются исключительно мировоззренческими, политическими, но никак не социальными. Кроме того, фантазии Элбакян развиваются из самоотнесения В.В.Квачкова, а не из каких-то исследовательских выводов, на которые Элбакян просто не способна.

Абсолютно антинаучной и бессовестной является интерпретация Элбакян слов В.В.Квачкова об освобождении *"от ига иудейского, от кабалы жидовской, от прочей поганой нечисти, неруси, захватившей Москву и другие наши города и села..."*. По утверждению Элбакян, здесь налицо негативное восприятие евреев. Видимо, эксперт реагирует на слова "иудейский" и "жидовский". Если так, то эксперт отождествляет евреев с иудеями и евреев с жидами. Что противоречит словарным значением этих слов. И эксперт обязан знать эти значения во всем их разнообразии, а не ссылаться на контекст, который экспертом не только не изучен, но даже не понят. Также эксперт полагает, что из какого-то контекста (никаких доказательств эксперт не приводит) следует, что "поганая нечисть" - это все неправославные. Откуда у эксперта возникают эти фантазии - одному Богу известно. И с какой стати у эксперта возникает мысль о том, что все эти слова означают объявление о какой-то неполноценности неких групп людей? Ни малейших доказательств не приводится. Вместо экспертизы налицо просто ни на чем не основанные утверждения.

Эксперт Элбакян лишена способности к элементарной логике и, видимо, плохо понимает русский язык, путая прогноз с оценочным суждением. Так, слова В.В.Квачкова *"После победы нас рано или поздно ожидает религиозная война русско-центричной христианской Европы, война белой расы с новоявленной азиатской ордой, подло прикрывающейся знаменем ислама..."* интерпретируются как положительная оценка "враждебных действий одной группы лиц по отношению к другой по признаку национальности и отношения к религии". Где же в приведенной фразе имеется положительная оценка? Ее нет. Эксперт объявляет: "Подобный сценарий (религиозная война) со всей очевидностью предполагает враждебные действия одной социальной группы против другой по религиозному и национальному и даже расовому признакам". Таким образом, по мысли Элбакян, любой прогноз возникновения войны, вражды, насилия, автоматически является одобрением войны, вражды, насилия. При подобной способности к анализу Элбакян не стоит заниматься наукой, а ученому сообществу разумно было бы освободить ее от ученых степеней и званий.

Пространные рассуждения Элбакян о православии кардинально расходятся с учением Христа и являются для православного человека совершенно неприемлемыми. Ее утверждение о том, что Новый Завет объявляет главной чертой блаженства самоуничижение личности - это вопиюще произвольное суждение, оскорбляющее православных людей.

Наконец, Элбакян перевирает канонический текст Нового Завета, цитируя его с грубой ошибкой: пишет "не противься злу" вместо "не противься злому". Предположение о том, что учение Христа предполагает "не противиться злу", является в высшей степени невежественным. Напротив, христианство по своему смыслу является целиком и полностью сопротивлением злу; обязанность христианина - противиться злу всеми силами (см. классическую работу Ивана Ильина "О сопротивлении злу силою"). Христианское смирение имеет совершенно другую природу, о которой Элбакян ничего не известно. Излагать здесь основы христианского вероучения не имеет смысла. Достаточно констатировать, что "религиовед" Элбакян имеет о христианстве самые превратные представления, а потому не может выступать в качестве эксперта-религиоведа.

Из полнейшей некомпетентности эксперта следует и явно не научная, а политическая оценка слов из видеообращения В.В.Квачкова. Отождествление евреев с "жидами", нерусских с "нерусью", иноверцев с "нечистью", людей другой расы с "азиатской ордой" отражает политические позиции Элбакян, а не какую либо научно обоснованную истину. Как эксперт, Элбакян обязана знать значения этих слов, но не желает их знать, подменяя одни слова другими и делая заведомо ложные выводы на основе такой подмены.

Объявление о том, что В.ВКвачков "негативно-уничижительно" относится ко всему "не русскому и не православному" (эксперт так и пишет "не" отдельно), является просто клеветой. Именно клеветой, основанием для которой является личная ненависть Элбакян ко всему русскому и православному, что защищает автор видеообращения. Личная ненависть, недвусмысленно выраженная экспертом, не позволяет принимать всерьез ее утверждения. Они не могут лежать в основе какого-либо судебного решения.

Находясь в каком-то своем сектантском мирке, Элбакян изобретает общность "евреи/иудаисты", которая никогда не существовала и не может существовать. В данном случае к русофобии и антиправославным взглядам эксперта добавляется еще и антисемитизм. Поскольку термин "иудаисты" является явно негативным, уничижительным. Точно так же термин "исламисты" указывает не на исповедующих ислам, а на радикалов, которые искажают ислам, используют его в политических, а то и в террористических целях (как пишет В.В.Квачков, "азиатская орда, подло прикрывающаяся знаменем ислама"). Кроме того, евреи и иудеи - общности разные. Первая этническая, вторая - религиозная. Не все евреи - иудеи. Может быть, и среди иудеев - не все евреи. Даже такие очевидные вещи эксперт забывает, будучи ослеплен ненавистью к автору видеообращения.

Не умея строить логические цепочки, Элбакян ограничивается бездоказательным утверждением: "Приведенные выше высказывания свидетельствуют..." Сами по себе высказывания ни о чем не свидетельствуют, если речь идет об экспертизе. Но в данном случае условие признания всего этого бездоказательного и безграмотного потока утверждений экспертизой предопределена поставленным перед экспертом заданием: напиши что угодно - все равно сгодится.

Психолого-лингвистическая экспертиза

Необходимость в мнении психолога и лингвиста при анализе текста видеообращения полностью отсутствует. Что подтверждается текстами, написанными экспертами Бойцовым и Секераж, не содержащими никаких признаков научных методик и представляющих собой частные суждения со ссылками на мнение политолога и религиоведа. Фактически все методики данных "экспертов" сводятся к подтасовке: при анализе текста видеообращения они

заменяют в нем слово "жид" и однокоренные с ним на слово "еврей" и однокоренные с ним. В итоге неизвестно откуда появляется группа уже не "евреев", а "евреев/иудаистов". Подобная методика изобличает "экспертов" в умысле на фальсификацию экспертизы, повлекшей за собой незаконное осуждение В.В.Квачкова Приволжским военным судом.

Как таковой психолого-лингвистической экспертизы в документе, представленном суду, не обнаруживается. Есть изолированные мнения двух экспертов, не интегрированные в какие-то обоснованные суждения. Но и эти обособленные суждения не имеют никакого научного обоснования. Как и привлеченные эксперты, сотрудники ЦСЭ ссылаются на научные методики, которые они при проведении исследования в действительности не используют. В нем нет никакого семантического анализа, семантической декомпозиции, синонимической перефазировки, словарного метода и реферирования, а также метода функционально-прагматического анализа. Равно, как и анализа коммуникативной деятельности, критериально ориентированного мотивационно-целевого анализа и анализа социально-психологической направленности материалов. Этого нет ни в малейшей степени. Что подтверждается отсутствием ссылок авторов на литературу, в которой разработаны подобные методы, отсутствие ссылок на тот или иной метод анализа при обращении к тексту видеообращения. Абсолютно бессодержательным является список привлеченной литературы, на которую эксперты ни разу не сослались с указанием страниц или разделов, которые подтверждали бы их измышления. В списке содержатся учебные пособия, которые пригодны лишь для образовательного процесса. В списке приводятся словари, но эксперты ими почти не пользуются, а когда пользуются, то это либо лишено какого-либо смысла, либо изучение всей полноты значений в соответствующих контекстах отсутствует. Эксперты даже не попытались найти в различных словарях значение слова "жид", а уж прояснить для себя, что такое "жидолиберальный", они были просто не в состоянии в силу полной атрофии профессиональной этики. Все, что отыскал по этому вопросу лингвист Бойцов: "ЖИД - Разг.-сниж. Презрительное название еврея". Ему невдомек, что это лишь одно из нескольких значений, которые можно найти в словаре Владимира Даля или вынести из контекста словоупотребления. Отсутствие у экспертов специальных знаний и наличие у них установки на фальсификацию экспертизы приводят к методике простой подмены одного слова другим и выводам на основе такой подмены.

В "исследовании" содержится заведомо ложная информация. Эксперты объявляют, что страница в сети Интернет, содержащая запись видеообращения В.В.Квачкова, является общедоступной. Между тем, запись с названием "Квачков в ИК-5 Мордовия" эксперты в сети видеть не могли, поскольку она удалена из сети за несколько месяцев до того, как они получили задание провести исследование. Столь же лживым является утверждение о том, что данная страница в сети является общедоступной. То, что отсутствует в сети, общедоступным не является. Из материалов дела невозможно сделать вывод о том, что указанная страница когда-либо была общедоступной. Для подобного утверждения потребовалось бы показать, что лица, просмотревшие видефайл, не относятся к какой-либо узкой группе, а информация о месте размещения данного файла в сети широко распространена. В качестве аналогии можно представить себе пачку из 1000 листовок, которые положены в подъезде на подоконнике, и несколько жителей подъезда взяли себе по экземпляру. "Теоретически" листовки доступны любому, поскольку доступ к ним неограничен, но об их существовании проинформирован

только узкий круг лиц. Следовательно, практически они оказываются доступными именно этому кругу лиц. Из этой аналогии с очевидностью следует, что без широкого распространения информации о видеофайле он не мог стать общедоступным. На что и указывает незначительное число просмотров на скопированных в дело копиях с экрана монитора. Доказать, что до удаления видеофайла по указанному адресу он был просмотрен значительным числом пользователей, теперь невозможно - соответствующих доказательств в деле нет.

Лингвист Бойцов, не будучи специалистом, формулирует суждение, опираясь на религиоведческий анализ, но домысливая при этом обобщающий тезис о том, что текст видеообращения "не относится к религиозному дискурсу (в том числе, соответственно, не является проповедью, молитвой, исповедью или другим религиозным текстом)". Подобный тезис абсолютно безоснователен, поскольку религиозный дискурс в православно-патриотической публицистике может быть либо частью публицистического материала, либо его фоном. Ни эксперт Элбакян, ли эксперт Бойцов не имеют об этом ни малейшего представления, поскольку вообще не знакомы с православной публицистикой и не владеют методами его анализа. В частности - не способны вычленять религиозный дискурс из общественно-политического текста. Данный дискурс как раз характерен тем, что не является ни молитвой, ни проповедью, ни исповедью (предположение, что можно опубликовать религиозную исповедь - безграмотная фантазия лингвиста Бойцова), ни религиозным текстом. Поэтому принимать во внимание фантазии лингвиста Бойцова суд не должен был. Но, в силу безграмотности судей, объявивших приговор по делу, они пропустили все несуразицы в текстах, которые очевидны мало-мальски образованному человеку, говорящему на русском языке.

Эксперт замечает, что словосочетания "жидолиберальный олигархат", "иудейское иго", "жидовская кабала", "жидовский кагал" могли бы быть истолкованы двояко: 1) как негативная оценка действий власти (олигархат, иго, кагал); 2) как негативная оценка евреев/иудеев (национальной группы) и их действий в целом и в совокупности (жидолиберальный, жидовский). Без всяких доказательств эксперт выбирает заказанную ему трактовку, не предпринимая никаких усилий, чтобы доказать, что иная трактовка неприменима. Между тем, в политологическом исследовании представлена именно такая трактовка: речь идет именно об оценке действий власти. Лингвист не может себе представить, что текст видеообращения имеет несколько планов и несколько направлений для высказывания критических суждений. Он обнаруживает религиозную лексику, и это приводит его к выводу, что все указанные словосочетания имеют религиозную направленность. В то же время, несколькими строками выше эксперт уже объявил, что видеообращение не является религиозным текстом. Подобные противоречия полностью обесценивают мнение эксперта, указывая не неспособность следовать элементарной логике.

Безо всяких оснований эксперт Бойцов приписывает слова "инородцы" и "иноземные захватчики" отличию (неизвестно кого от кого) "по происхождению", что формально совпадает с диспозицией ст. 282 УК. Но в данном случае вообще непонятно, что имеет в виду эксперт. Впрочем, это непонятно и из ст. 282. Никаких объяснений и трактовок Бойцов по этому поводу не приводит. Слово "иноверцы" Бойцов трактует исключительно в религиозном духе, что противоречит его же утверждению, что текст видеообращения не является религиозным. Если это так, то под "верой" можно понимать вовсе не только принадлежность к какой-либо религиозной группе. Также Бойцов бездоказательно считает слово "нерусь" указывающим на национальность. Что является абсурдом. Это слово может быть

как ругательством, так и указанием на нерусских людей, которые никакой группы составлять не могут, поскольку нерусские не обладают никакой совокупностью групповых черт и не имеют коллективного самосознания. Слово "раса" Бойцов, разумеется, также не понимает, поскольку никогда не читал текстов, содержащих это слово. Между тем, оно может относиться вовсе не к антропологическим различиям (что с очевидностью следует из общеизвестных текстов - например, Освальд Шпенглер, "Закат Европы"). Что есть "белая раса" ни автор видеообращения, ни эксперт не рассматривают и не уточняют. Но эксперт в данном случае использует это слово лишь в том значении, которое совпадает с заложенным в диспозицию ст. 282 УК. Доказательством же возбуждения расовой розни в видеообращении эксперт не озадачивается. И понятно почему: никаких оснований для того, чтобы найти такое возбуждение у него быть не может - его просто не существует. Но эксперту надо создать впечатление о негативистских установках В.В.Квачкова. Что и изобличает эксперта в сознательной фальсификации исследования. Обвиняя автора в подмене понятий, Бойцов не доказывает, что такая подмена имеет место, и сам занимается произвольным приписыванием смыслов тексту, который он понял в соответствии с заданием начальства, соучаствующего в организации политических репрессий.

Бойцов, проявляя функциональную безграмотность, не в состоянии понять фрагмента, который он пытается анализировать: "Это всенародная общерусская задача — освобождение России от ига иудейского, от кабалы жидовской, от прочей поганой нечисти, неруси, захватившей Москву и другие наши города и сёла". Для того, кто знаком с православно-патриотической публицистикой, совершенно ясно, что в данном случае мы видим призыв к противодействию геноциду русского народа, осквернению и унижению православной веры. "Иго иудейское" отражает специфику присутствия иудейского лобби в органах власти РФ, которое для политолога очевидно и выражено во множестве выступлений раввина Берл Лазара, во встречах высших должностных лиц РФ с иудейской общественностью, а также в "иудаизации" РПЦ, о чем православные верующие говорят как между собой, так и открыто - не счесть подобных публикаций и комментариев в сети Интернет. "Кабала жидовская" - это порабощение русских православных людей носителями чуждого, антиправославного ("жидовского") мировоззрения. "Поганая нечисть, нерусь" - также чуждые русским поработители, в которых нет ничего русского ("нерусь"), хотя они и могут происходить от русского рода. Это именование враждебных русским сил, а вовсе не возбуждение розни к какому-либо народу или группе, объединенной по этническому или религиозному признаку.

Бойцов, фальсифицируя экспертизу, объявляет, что все, о чем говорится в данном предложении, относится к евреям. Разумеется, ни малейших доказательств тому он не приводит. Он приписывает В.В.Квачкову дикую мысль о том, будто "евреи уничтожают и стремятся уничтожить русских". Но ничего, хотя бы напоминающего подобный пассаж, в видеообращении нет. Бойцов утверждает: "Автор не говорит о политической позиции, взглядах евреев, которые можно было бы оспорить, а приписывает их действиям исключительно негативный характер и направленность на уничтожение". Но в действительности автор вообще не говорит ни слова о евреях. Он говорит о врагах русского народа и православия.

О полной дисквалификации Бойцова как лингвиста, говорят многие домыслы, которыми он оснащает свое "исследование". Один из них - понимание слова "освобождение" как призыв "предпринимать в отношении евреев какие-то неконкретные дискриминирующие действия". С учетом того, что про евреев в

видеообращении не сказано ни слова, можно заключить, что Бойцов вообще не владеет нормами русского языка, а его квалификация лингвиста является фикцией.

Также о полном отсутствии чувства русского языка говорит интерпретация Бойцовым фразы *"После победы нас рано или поздно ожидает религиозная война русскоцентричной христианской Европы, война белой расы с новоявленной азиатской ордой, подло прикрывающейся знаменем ислама, война в Средней Азии"*. Ему приходится давать словарное значение слова "подлый" (в единственном варианте, ему известном), как будто читающий его "исследование" не в состоянии самостоятельно понять, о чем идет речь. Интерпретация Бойцова такова: "небелые" и азиаты - бесчестные, низкие люди; они являются противниками (врагами) русских в грядущей войне. Подобная интерпретация может быть оценена как совершенно идиотическая. Получается, что словосочетание "азиатская орда" Бойцов распространяет вообще на всех "азиатов", то есть жителей Азии. Что, конечно же, демонстрирует его полную неспособность понимать русскую речь. Между тем, из данной фразы совершенно очевидно, что она прогнозирует войну между двумя группами: "русскоцентричной христианской Европой" (иными словами "белой расы" - см. интерпретации слова "раса" у немецких философов, которая не имеет ничего общего с расизмом) и "азиатской ордой, подло прикрывающейся знаменем ислама". Без всякой лингвистики ясно, что негативизм в данном случае не имеет никакой связи ни с этническими, ни с религиозными различиями. Врагов христианской Европы В.В.Квачков видит в "орде", которая прикрывается знаменем ислама. Что означает использование ислама в неприемлемой форме, свойственной именно "азиатской орде". "Азиатчина" - общеизвестное слово, означающее нецивилизованность, варварство. Оно не направлено против какого-либо народа. Также во фразе В.В.Квачкова прослеживается защита ислама в его подлинной, цивилизованной форме. Бойцов этого понять не может в принципе - он не в курсе элементарных, общедоступных значений русских слов и соответствующих им контекстов.

Заявления Бойцова носит откровенно антирусский характер. Он крайне негативно относится к фразе В.В.Квачкова, говорящего, что никогда не примет *"курс на замену коренного русского населения чужеземцами, инородцами и иноверцами; курс на уничтожение российской науки, культуры, образования, здравоохранения; курс на отказ от мобилизационного прорыва в промышленности и сельском хозяйстве"*. Если В.В.Квачков осуждает подобный курс, то Бойцов осуждает осуждающего, полагая, что автор ведет речь не о "путинском курсе" (то есть, политической линии властных верхов), а о "нехристианах" и "людях иного происхождения". Эта нелепость в тексте "исследования" может быть объяснена только политическими мотивами: ненавистью Бойцова к христианам, русским и лично к В.В.Квачкову.

Извращение текста видеообращения, подмена слов и смыслов сплошь заполняют "исследование" Бойцова. Исследовать каждое из них нет смысла, поскольку уже приведенные примеры показывают: перед нами не исследование, а заведомо ложный донос, клевета, политически ангажированное мнение человека, крайне негативно настроенного ко всему, что отстаивает В.В.Квачков, и даже не пытающегося вникнуть в смысл анализируемого видеообращения.

Те же признаки, но менее явно, присутствуют в "исследовании" психолога Секераж, которая, впрочем, будучи не в состоянии предложить экспертное мнение по своему профилю, сразу ссылается на исследование политолога и религиоведа. Что означает: у эксперта нет собственного поля для исследования, а также опыта

междисциплинарного анализа. Поэтому Секераж просто добавляет собственные несуразицы к несуразицам политолога и религиоведа.

О том, что Секераж не владеет русским языком, свидетельствует оценка одного из фрагментов текста видеообращения как заявления о необходимости вести подготовку к вооруженному перевороту. Эксперт умалчивает о том, что речь идет не об организации переворота, а о прогнозе его возникновения. Такое умолчание можно считать либо умышленным (и тогда это - свидетельство о сознательной фальсификации экспертизы), либо неумышленным (и тогда это свидетельство о функциональной безграмотности - полном непонимании текста, представленного эксперту для анализа).

Секераж входит в тематику, которая не имеет отношения к психологии - в идеологический смысл обращения В.В.Квачкова, который она понять не в состоянии. Секераж в данном случае как будто сразу верит: если автор обращения заявляет, что придерживается идеологии русского православного социализма, то так оно и есть, и все, что он говорит далее - это и есть изложение данной идеологии. Подобное вторжение в область, далекую от профессиональных знаний, является для эксперта недопустимой, а явные нарушения элементарной логики свидетельствуют об общей неспособности эксперта проводить научно обоснованные исследования.

Никаких психологических методик Секераж не использует - лишь интерпретирует текст В.В.Квачкова совершенно произвольно. Фактически это попытка провести политологический анализ, заменяя слова с корнем "жид" на слова с корнем "еврей". Нелепая, ничем не обоснованная замена слова "жидолиберальный" сочетанием "евреи с либеральными политическими взглядами" искажают смысл текста видеообращения до неузнаваемости. Кроме того экспертами, взявшимися искать в слове "жидолиберальный" какую-либо группу, которую следует защищать от "возбуждения" не в состоянии понять, что "либеральный" - понятие политическое. И даже если по недоумению считать, что "все евреи - жиды", то политическая характеристика уничтожает всякую возможность определить, что "все евреи - либералы". Коль скоро так, то данное слово ни в коей мере не может быть подведено под диспозицию ст. 282 УК. Потому что не все евреи - либералы. Доказать обратное никому не удастся. Следовательно, все потуги представить слово "жидолиберальный" как задевающее всех евреев, приводят только к невежественным, злобно политизированным суждениям.

Выражение несогласия со стороны В.В.Квачкова с еще не вступившим в силу приговором суда о признании организации Народное ополчение им. Минина и Пожарского (НОМП) террористической, Секераж совершенно безосновательно интерпретирует как намерение продолжить ее деятельность - то есть, продолжить террористическую деятельность. Разумеется, Секераж не знает ничего о НОМП, не имеет никаких сведений о том, что эта организация вела террористическую деятельность, но следует общему замыслу фальсификации экспертизы и извращению совершенно всех смыслов видеообращения с целью нанести В.В.Квачкову максимальный ущерб, побудив суд вынести беззаконное решение.

Выводы:

1. Экспертиза, представленная суду, проведена лицами, лишенными не только профессиональных навыков и элементарной профессиональной этики, но даже общедоступного понимания русского языка.

2. Умозаключения экспертов не основаны на каких-либо научных методиках, по форме и содержанию не являются экспертизой, выводы совершенно произвольны и основаны на подмене одних слов другими, которая делается без

всяких оснований и с явным искажением смыслов и контекстов анализируемого текста.

3. Выводы экспертов мотивированы политически, основаны на ненависти к автору видеообращения В.В.Квачкова и изложенным им политическим взглядам, а также на заказе скрытых от общественности и суда сил, которые стремятся оболгать В.В.Квачкова и побудить суд принять незаконное решение.

4. Приволжским военным судом очевидные признаки некомпетентности экспертов могли быть замечены. В том случае, если бы суд счел свою компетентность в сложных исследовательских вопросах недостаточной, он мог бы обратиться также к другим специалистам и учесть мнение, которое могло прозвучать со стороны специалистов, представленных стороной защиты. Учет мнения заведомо ангажированных лиц и отсутствие попыток выяснить весь возможный спектр научно обоснованных мнений указывают на предвзятость суда и зависимость от внешней воли, которая нашла широкое отражение в экспертизе РФ ЦСЭ Минюста РФ и подчинила себе суд. Итогом стал противозаконный приговор.

Поэту - полицейскую дубинку

Анализ поэтического произведения - дело сложное. Конечно, если это действительно поэзия, а не просто зарифмованные строчки. Творчество Николая Боголюбова - это, безусловно, поэзия, пополняющая сокровищницу русской словесности. Здесь есть свойственная каждому стихотворению ритмика, богатый инструментарий образного мышления, богатая и нетривиальная рифма. Беда Николая Боголюбова - обычная в прежние времена "маргинальность", выключенность настоящего творца из литературного официоза. И определенная чудаковатость, непереносимая для любого чиновника.

Действительно, поэт не знает над своим творчеством закона - он сам закон и суд для своих произведений. Но это совершенно нестерпимо для лиц, которым подходит определение "шакалы". Как шакалы они рыщут по просторам нашей Родины, чтобы затравить в ней все достойное. Это профессиональные негодяи, которым поручено искать и находить "экстремизм" в возможно больших количествах и подставлять русских людей (русских - прежде всего) под репрессии.

По просьбе Николая Боголюбова и его адвоката я подробно изучил очередную порцию безумных экспертиз, которыми славится ***Московский Исследовательский Центр*** - подчиненная Минюсту и Московской мэрии структура, где отсутствие профессионализма сочетается с подлостью, которая для уважающего себя гражданина нестерпима. В ответ на гражданскую позицию чиновник отвечает нетерпимостью к любому свободному творчеству, свободному слову творца.

К сожалению, по неизвестным причинам сам поэт и его защитники, поблагодарив меня за проделанную работу, в дальнейшем прекратили сотрудничество со мной. И мне пришлось признать, что мои мотивы поддержки соратника были ложными. Я мог поддержать только поэта Боголюбова, но не соратника Боголюбова, у которого были какие-то другие взгляды на проблемы нашей Родины, чем у меня. И какие-то свои представления о взаимных обязательствах, которые негласно возникают, когда ко мне обращаются за помощью, и я затрачиваю не менее недели, в течение которой, интенсивно работая, выдаю свое экспертное мнение.

Мои исследования не были окончательно оформлены и не были приобщены к делу за моей подписью. Но я надеюсь, что защита использовала этот объемный

материал. Может быть, не так эффективно, как это сделал бы я, если бы получил право выступать как эксперт или свидетель со стороны защиты. Но такая услуга от меня не была востребована, и мне трудно понять, почему так произошло. Тем не менее, я не жалею, что подготовил исследования, текст которого приведен ниже.

Мнение специалиста

по экспертизам, выполненным по уголовному делу №815734, возбужденному в отношении Боголюбова Н.С.

Поставленная перед специалистом задача: Оценить профессиональный уровень экспертиз, подготовленных по настоящему делу в отношении книг Н.С. Боголюбова и степень обоснованности представленных экспертами выводов.

Материалы для исследования: Экспертизы по делу, составленные нижеперечисленными экспертами.

Исследовательская часть

1. Статус экспертов

Все эксперты представлены и.о. замдиректора ГУП МИЦ Л.Г.Миндаловой, которой подписаны письма с направлением экспертиз следователю. Что означает ответственность Л.Г.Мандаловой за качество экспертиз.

Эксперт ***Богатова Екатерина Владиславовна*** имеет высшее образование в области "психология", опыт работы по специальности 3 года, опыт работы экспертом 2 года.

Эксперт ***Лещева Татьяна Александровна*** имеет высшее образование по специальности "психология", опыт работы по специальности и опыт работы экспертом – 2 года.

Эксперт ***Бережная Дарья Анатольевна*** имеет высшее образование по специальности "психология", опыт работы по специальности 11 лет, опыт работы экспертом – 2 года.

Эксперт ***Сапунова Полина Викторовна*** имеет высшее образование по специальности "психология", опыт работы по специальности 5 лет, опыт работы экспертом – 1 год.

Указанные эксперты имеют специализацию в области "психологии и психофизиологии человека", которая не отражает необходимых для анализа сложного поэтического текста знаний, а также способностей судить о воздействии этих текстов на широкие социальные слои. Как минимум, в этой специализации не хватает знаний в области социальной психологии, религиозной психологии, а также в смежных областях, которые эксперт в состоянии освоить лишь в процесс длительной научной работы. Из представления экспертов не видно никаких признаков их причастности к научной деятельности и освоению смежных областей знаний, необходимых для проведения экспертизы текстов Н.С. Боголюбова.

Эксперт ***Петрова Марина Юрьевна*** имеет высшее образование в области "лингвистики" и специализацию в области "исследования речевой деятельности". Профессиональный и экспертный стаж – 2 года. Также указывается, что эксперт имеет высшее образование по специальности "Судебная экспертиза" ("Судебно-речеведческая экспертиза"). Неясно, к какой профессиональной группе относится данная специальность и о каком стаже работы по специальности сказано в представлении – о лингвистической или судебной.

Эксперт ***Сафонова Юлия Александровна*** имеет высшее образование по специальности "Русский язык и литература", ученую степень кандидата филологических наук по специальности "Русский язык", звание доцента, опыт работы по специальности 36 лет, опыт экспертной работы – 24 года.

Среди этих экспертов-лингвистов также наблюдается отсутствие квалификации в тех областях, которые неизбежно должна затронуть экспертиза сложного поэтического текста, а также каких-либо признаков освоения смежных областей знания. О научной деятельности экспертов нет никаких данных. Получить устойчивые навыки научной работы и освоить смежные отрасли знания за период своей профессиональной деятельности большинство экспертов заведомо не могли. Указание на аттестацию экспертов на проведение судебных экспертиз не имеет под собой законодательной основы. От эксперта требуется лишь наличие специальных знаний.

Указанные эксперты составили четыре экспертизы по четырем поэтическим сборникам Николая Боголюбова. Все экспертизы выполнены стереотипно, в них идентичны огромные фрагменты текстов, включая выводы. Что указывает на работу по определенному шаблону, не предполагающему творческих усилий и применения исследовательских навыков (которые, к примеру, у эксперта Ю.А.Сафоновой должны были бы наличествовать – судя по стажу работу и ученой степени, которые отличают ее от других малоопытных экспертов). Из этого следует, что исследование проводилось формально и не имело целей установления истины. Целью экспертов, как видно, было лишь оправдание возбуждения уголовного дела против Николая Боголюбова и обоснование последующего обвинительного приговора.

Заключение комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы содержит указание на место работы экспертов – ***Московской исследовательский центр (МИЦ).*** Из самого текста заключения следует, что соответствующих поставленным следователем вопросам квалификации и опыта у экспертов нет, а их место их работы не создает условий для профессионального роста. Кроме того, из документов ГБУ МИЦ, размещенных в сети Интернет, следует, что данное учреждение не специализируется на исследованиях лингвистического или психологического характера. Также МИЦ является структурой, подчиненной Департаменту региональной безопасности мэрии Москвы, и не может считаться учреждением, в котором могут быть подготовлены независимые экспертизы, свободные от мнения чиновников, имеющих цели и задачи, далекие от правосудия и прав граждан.

Крайне низкий уровень квалификации экспертов продемонстрирован в переформулированных ми вопросах, полученных от следователя. Эти вопросы после изменений, внесенных экспертами, оказались за пределами психологических и лингвистических знаний, которыми, как предполагается, должны обладать эксперты. Не имея должной квалификации, эксперты вторгаются в сферы этнологии, этнопсихологии, этнополитики, межнациональных отношений, религиоведения, межрелигиозных отношений и так далее. При этом в качестве литературы ими привлекается лишь ведомственная инструкция о проведении экспертиз, содержащая самые общие рекомендации, ни в малейшей мере не позволяющие экспертам проводить конкретное исследование. Данная инструкция, разработанная Минюстом, позволяет следовать лишь определенной схеме, но содержание, которое укладывается схематическую форму, эксперты обязаны создавать сами, учитывая границы своей профессиональной компетенции. С этой задачей эксперты справиться не смогли. Другие литературные источники не представляют методики и представляют лишь самые общие знания. Но и на эти источники в экспертизах нет никаких ссылок.

Вывод: эксперты являются заведомо некомпетентными лицами, их экспертиза не может быть квалифицированной. Что и подтверждается самим текстом экспертизы.

2. Квалификация следователя

Следователь Замоскворецкого СУ по ЦАО г. Москвы старший лейтенант юстиции ***Н.А.Потоцкая*** продемонстрировала уровень своей квалификации и понимания предмета своей работы в постановке вопросов к экспертам, которые носят самый общий характер, не имея никаких признаков уголовно преследуемых обстоятельств, которые стали причиной возбуждения уголовного дела.

Например, в формулировке вопроса "Содержатся ли в представленной на исследование книге "Заря близка!" призывы к враждебным, насильственным, деструктивным действиям по отношению к кому-либо?" отсутствует какое-либо правовое основание. Все без исключения вопросы следователя сформулированы именно таким обобщенным способом.

В связи с этим эксперты МИЦ переформулировали вопросы к самим себе, изменив их до неузнаваемости, но внеся в них элементы юридически состоятельных формулировок. Впрочем, не заметив, что тем самым оба эксперта перешли границы своей компетенции и вторглись в отрасли научного знания, которые остались для них совершенно неизвестными.

Поскольку основное содержание следствия представляет собой организацию и оформление в следственное дело экспертиз, непонимание следователем существа этого дела и смысла опубликованных Н.С.Боголюбовым текстов даже с точки зрения обычного читателя, налицо неспособность понять, насколько экспертизы соответствуют этим текстам. Таким образом, следователь становится лишь передаточным звеном между экспертами и судом и не ставит перед собой задачи вникать в суть дела и устанавливать истины.

Вывод: Следователь, полностью некомпетентный в вопросах, которые поставил перед экспертами, не в состоянии осознать, что эксперты также некомпетентны в этих вопросах и произвели на свет фиктивную экспертизу, являющуюся набором произвольных суждений, не имеющих никакого научного обоснования.

3. Вопросы, поставленные перед экспертами

Эксперты переформулируют вопросы экспертизы столь же однотипно, как ставил их следователь. Поэтому по одному вопросу видно, как переформулированы остальные вопросы: "Содержатся ли в представленной для исследования книге "Заря близка!" психологические и лингвистические признаки возбуждения вражды (ненависти) к группе лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе?". Во всех четырех экспертизах вопросы идентичны.

Заметим, что признаки возбуждения вражды по признакам пола содержатся не в сочинениях Боголюбова, а в соучастниках дела против него – все 10 специалистов ГБУ МИЦ, писавших экспертизы по делу, - женщины, курирующий их администратор ГБУ МИЦ – женщина, следователь – женщина, судья, принявшая решение о проведении обыска в квартире у Николая Боголюбова – женщина. Невольно задумаешься, не слишком ли много женщин участвует в судьбе поэта?

Квалифицированный ответ на вопрос экспертам во всех случаях и при любой ситуации должен быть таков: "Не содержатся". Потому что психология и лингвистика не изучают признаков пола, расы, национальности, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Разве что группы лиц, характеризуемые языком, могут исследовать лингвисты, но этой темы эксперты в дальнейшем не касаются.

Внеся в каждый из вопросов следователя №№1-5 аналогичные изменения, эксперты в дальнейшем касаются только вопросов принадлежности к национальности и религии. Все прочие признаки потенциальных групп просто игнорируются, хотя в вопросах они присутствуют, и эти вопросы формулировались самими экспертами.

В вопросе №6 изменения, внесенные экспертами, принципиально меняют их задачу: вместо выяснения мотивов и причин призывов к насилию и другим деструктивным действиям (в постановке вопроса следователем) эксперты предлагают самим себе ответить на вопрос об обосновании автором таких действий. Это недопустимый для каких-либо выводов правового характера уровень рефлексии: думать о том, что думает автор. В таких случаях экспертиза может остановиться только на уровне гипотезы. Что думает автор какого-либо текста, может сказать только сам автор.

Аналогичным образом эксперты согласились отвечать на вопрос о том, что в понимании автора является злом. Здесь также эксперты не вправе продвигаться дальше гипотез.

На вопросы 8, 10, 11 (которые, по всей видимости, сформулированы стороной защиты или подследственным) эксперты просто отказываются отвечать, не выделяя специфики этих вопросов из привычных для них формулировок в вопросах 1-5. Тем не менее, эти вопросы вполне конкретны и требуют конкретных ответов, которых в экспертизе не прослеживается. Фактически эксперты не ответили на поставленные перед ними вопросы, что делает экспертизу неполной, а в силу важности именно конкретных ответов на эти вопросы - в связи характерными особенностями исследуемых текстов – экспертиза является заведомо несостоятельной.

Эксперты просто отбрасывают вопрос 12, который требует действительно глубоких знаний и ответа на вопросы о прецедентах публикации аналогичных текстов, которые могут быть сходны с текстами стихов автора. Эксперты прямо расписались в том, что они не способны отвечать на вопросы, требующие знаний в области религиоведения, филологии, литературоведения. Между тем, они имеют дело с литературным текстом, насыщенным религиозной семантикой. Следовательно, без соответствующих знаний какой-либо анализ такого текста оказывается просто профанацией. Таким образом, отбрасывая вопрос 12, эксперты признались в своей полной некомпетентности и в неспособности квалифицированно анализировать тексты Н.С.Боголюбова.

Вывод: Переформулировка вопросов привела к тому, что эксперты отказались отвечать на ключевые вопросы, выделяющие особенности текстов произведений Н.С.Боголюбова, а прочие вопросы переформулировали так, что вышли за пределы их собственной профессиональной компетенции.

4. Обстоятельства дела.

Приведенные в экспертизе выдержки из материалов дела однозначно мотивируют экспертов на обвинительные выводы, которые подсказаны ими предварительной экспертизой (эксперты ГБУ МИЦ ***А.С.Левочская и И.Г.Корнилова, О.Д.Гурина, Н.А.Фатеева***), рисующей из автора поэтических произведений монстра:

В книге Николая Боголюбова содержатся:

"призывы к насильственным действиям против евреев, иудеев как группы лиц, выделяемой по совокупности национального и религиозного признаков;

признаки возбуждения розни (вражды, ненависти) по отношению к евреям, иудеям, как группы лиц, выделяемой по совокупности национального и религиозного признаков; к нерусским, небелым как группе лиц, выделяемых по совокупности этнического и расового признаков, утверждений о превосходстве белой расы, одобрения идеологии нацизма (фашизма);

признаки (так в тексте – А.С.) пропаганды идеологии нацизма (фашизма), выраженные в демонстрации атрибутики и символики, сходной до степени смешения с нацистской (фашисткой),

признаки унижения, оскорбления евреев, иудеев, как группы лиц, выделяемой по совокупности национального и религиозного признаков, нерусских, как группы лиц, выделяемых по совокупности этнического и расового признаков".

Этот феноменально невежественный текст имеет только один содержательный мотив – мотив ненависти к автору поэтических сборников Николаю Боголюбову. Во всем остальном он пересыпан совершенно нелепыми суждениями, из которых следует, что евреи и иудеи – это одно и то же, нацизм и фашизм – это одно и то же, русские – расовая общность, нерусские – расовая или этническая общность. При повторах этого текста в комментариях к каждому из четырех сборников Н.Боголюбова добавляется еще и отождествление нации и этноса.

Примечательно, что эксперты многократно цитируют рефрены из предшествующего комплексного психолого-лингвистического исследования, демонстрируя очевидную зависимость от содержащихся в нем формулировок. Степень невежественности этих формулировок такова, что мы можем не обращаться к изучению этого предварительной экспертизы. Тем более что основа предварительной экспертизы перекочевала в настоящее исследование, которое и является предметом нашего внимания.

На предопределенность выводов экспертов указывает их невероятная осведомленность. Исследуя список литературы издательства "Долой зло!", размещенных в конце поэтических сборников, эксперты из почти сотни наименований выделяют те, которые внесены в список экстремистской литературы Минюста. Такое знание для любого эксперта является аномальным, а в данном случае отражает профессиональные ориентиры экспертов – безосновательные выводы, которые должны склонить следователя к произвольным действиям в отношении обвиняемого, а суд – к обвинительному приговору.

Вывод: Эксперты изначально оказались под психологическим воздействием предварительной комплексной психолого-лингвистической экспертизы и в соответствии с ее выводами построили свое "исследование", зная, к чему склоняет их мнение начальства (следователя, дирекции МИЦ, ЦПЭ и так далее). Очевидный "заказ" результатов экспертизы полностью обесценивает ее и превращает в имитацию независимого исследования. Эксперты включены в неформальную группировку, организующую репрессии в отношении граждан, определенных неизвестными лицами по неизвестной обществу процедуре, но с вполне отчетливо заметными преступными целями – ограничения свободы слова, свободы творчества, проведение беззаконных следственных действий и использование правоохранительной и судебной системы не в целях защиты законности и правопорядка.

5. Несостоятельность аргументации экспертов

Теория аргументации выделяет шесть функций языка: сообщение о положении дел (описание), попытка заставить сделать что-либо (норма), выражение чувств (экспрессив), изменение мира словом (декларация), принятие обязательств

что-то сделать (обещание) т выражение позитивного или негативного отношения к чему-то (оценки). (Ивин А.А. Основы теории аргументации, М., 1997, с. 25).

При анализе текста мы имеем дело с конкретным словоупотреблением для конкретных целей автора. Любое обобщение, которое эксперт принимается формулировать за автора, грешит поспешностью – "поспешное обобщение – т.е. обобщение без достаточных на то оснований – обычная ошибка в индуктивных умозаключениях…) (Там же, с. 37). Эти ошибки происходят вследствие отказа от логических связей между посылками и выводами, что обязательно для дедуктивного метода. И лишь в этом случае из набора верных посылок могут следовать верные выводы. Если логической связи в умозаключениях эксперта обнаружить не удается, то вероятность ошибки в его выводах чрезвычайно велика. Или, как минимум, его выводы не являются доказанными. Без проверочных действий любой вывод лишь с некоторой вероятностью является истинным. При этом "положение, весьма правдоподобное для представителей одной культуры и одних верований, может казаться малоправдоподобным для тех, кто принадлежит к другой культуре и придерживается иных верований" (Там же, с. 40).

Следствием этого обстоятельства является крайняя сложность для эксперта сформулировать достоверное суждение, если он принадлежит к другой религии, в сравнении с автором текста, который он пытается анализировать, или является атеистом. Судя по всему, экспертиза была проведена атеистами, поскольку никаких попыток православных трактовок употребляемых Николаем Боголюбовым слов они даже не пытались привести в качестве возможных вариантов смысловой основы его поэзии.

В гуманитарных науках экспертиза не может в полной мере пользоваться качественным формализмом, который присутствует в естественнонаучных теориях или в точных науках. Поэтому степень достоверности выводов эксперта всегда будет относительной. А если экспертом не использованы все средства для повышения уровня достоверности своих выводов, то эти выводы нельзя считать не только доказанными, но даже правдоподобными. Нацеленность экспертов на заданные выводы в их экспертизах совершенно очевидна. На что указывает также отсутствие в текстах экспертиз какого-либо намека на альтернативные гипотезы и проверочные действия относительно предполагаемых выводов.

Эксперт, приводящий лишь текстовые примеры, не имеет доказательной базы для своих последующих утверждений. Потому что пример – это лишь иллюстрация, не более того. Если же речь идет о доказывании, то следует знать, что "доказательство обычно определяется как процедура обоснования истинности некоторого утверждения путем приведения тех истинных утверждений, из которых оно логически следует" (Там же, с. 61). Если же эксперт просто декларирует свое заключение без его логического выведения из достоверных предпосылок, то его действия – это "попытка изменить мир", а вовсе не свидетельство о некоем истинном утверждении. Чтобы аргументировать истинность такого утверждения, эксперту следует включить его в систему аргументации в качестве составного элемента в кажущуюся хорошо обоснованной систему утверждений или теорию (Там же, с. 65). Мы не видим в экспертизах никаких теорий, никакой системы аргументации, никаких изначально достоверных суждений.

Важнейшим принципом для эксперта, анализирующего тексты, является принцип контекстуального методологизма, который гласит, что "правила зависят от контекста исследования, никакие из них не являются универсальными" (Там же, с. 94).

Добавим к этому положение "учения о Конституции" классика немецкого правоведения Карла Шмитта, который ставил условием существования "народной" (демократической) юстиции следующий принцип: "…судья должен соответствовать правовым воззрениям своего времени и своего народа. В нормальные времена и в случае конфессионального, культурного и социального гомогенного народа это вовсе не сложное задание" (Шмитт К. Государство и политическая форма, М., 2010). Если же однородность потеряна, то контекст любого высказывания будет для эксперта под большим вопросом. А если этот вопрос его не волнует (как следует из анализируемой экспертизы, это именно так), то вместо решения исследовательской задачи произойдет просто подгонка под продиктованный совершенно не научными методиками ответ.

Эксперт обязан допускать, что он может неверно определить тип анализируемого суждения, когда начинает исследовать оценочное (ценностные) суждения или же сам склоняется к тому, чтобы выносить такие оценочные суждения. В этом случае любое доказывание и любая аргументация являются бессмысленными, поскольку "ценностные суждения являются не более чем приказами, принимающими грамматическую форму, вводящую нас в заблуждение. Они не являются ни истинными, ни ложными. Они ничего не утверждают, и их невозможно ни доказать, ни опровергнуть" (Ивин А.А. Основы теории аргументации, М., 1997, с. 152). Отметим, что в данном случае "приказ" представляет собой текстовую форму без адресата. Читатель, столкнувшийся с оценочным (ценностным) суждением, сам определяет, что он увидел в "приказе". Автор же волен определять или не определять свою собственную позицию. Ему вполне достаточно того, что ценностный выбор делает его читатель. Эксперты же переносят всю ответственность за смысловое наполнение текста на автора. Это недопустимая подмена.

Еще один принцип, который крайне сложно соблюсти эксперту при анализе текста – принцип нераздельности понимания и оценки (Там же, с. 155). В случае различного понимания текста, он не может быть однозначно оценен. Если понимания у автора одно, а у эксперта другое, то оценить текст эксперт может, лишь изобретая собственное оценочное суждение, которое к позиции автора не имеет никакого отношения. Именно так и происходит в анализируемой экспертизе.

Вывод: Экспертизы, составленные в ГБУ МИЦ, лишены научной основы – игнорируют правила аргументации при обосновании своих выводов.

6. Отсутствие у экспертов понимания поэтического текста

Экспертами не учтен и нигде толком не указан тип текста, который они анализируют. Эксперты понимают, что анализируют стихи, но не владеют методикой анализа поэтического произведения. Они подходят к текстам Николая Боголюбова как к обычным (обыденным) формам речи. Между тем, общепризнанно, что поэзия (греч. ποίησις, "творчество, сотворение") — особый способ организации речи, в котором образуется дополнительное измерение, не определяемое потребностями обыденного языка. Поэтому сам подход экспертов, исключающих это измерение, делает их исследование и их выводы совершенно несостоятельными.

Если бы они были хотя бы минимально знакомы с проблемами анализа поэтических произведений, им пришлось бы согласиться с тем, что возможности экспертизы в таком случае крайне ограничены, а выводы не могут быть однозначными. Один из классиков русского литературоведения писал: "Поэзия относится к тем сферам искусства, сущность которых не до конца ясна науке"

(Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста, М., 1996 - здесь и далее без указания страниц, цитирование по электронной копии).

Общепринятой основой анализа поэтического (и вообще литературного) текста является структурный анализ (Лотман, Указ. соч.), полагающий, что литературное произведение - это органическое целое, а не механическая сумма элементов. Отсюда следует, что всякий "словарный" анализ содержания поэтических текстов может дать только заведомо ложные результаты. А именно такой анализ – вырванные из контекста произведений слова и выражения – предлагают эксперты. Более того, они собирают цитаты из разных поэтических произведений, которые являются целостными, тем самым разрушая эту целостность и образуя свою "целостность" - собственную основу для анализа, которой нет у автора произведений Н.С.Боголюбова. Это ведет к заведомо несостоятельным результатам анализа.

Фактически в экспертизе нет признаков лингвистического исследования, поскольку "лингвистика, в частности, различает уровни фонем, морфем, лексики, словосочетаний, предложения, сверхфразовых единств (приводим самое грубое членение: в ряде случаев бывает необходимо выделить слоговой, интонационный и ряд других уровней). Каждый из уровней организован по определенной, имманентно ему присущей системе правил" (Лотман. Указ соч.). Поскольку привлеченные к экспертизе лингвисты не владеют даже собственной профессией по образованию, они вторгаются в незнакомые им темы и рассматривают их как обыватели.

Лотман пишет: "… художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений". "Стихотворение - сложно построенный смысл. Все его элементы - суть элементы смысловые, являются обозначениями определенного содержания"; "…значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой соотношений, со- и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции. (…) семантическую нагрузку получают элементы, не имеющие ее в обычной языковой структуре" (Лотман. Указ соч.).

Авторы экспертизы даже не пытаются прикоснуться к столь сложной задаче: комплексам жизненных и идейно-эстетический представлений, к сложно построенным смыслам, к сопоставлениям и противопоставлениям, присущим только поэтическому тексту. Что делает их "исследования" куцыми школярскими штудиями, составленными по формальной схеме, не способной отразить существа поэтических произведений и сопровождающих их текстов Н.С.Боголюбова.

Из экспертизы следует полное отсутствие представлений авторов о семантике поэтического текста. Между тем, семантический анализ поэтического текста обычно предполагает следующий алгоритм:

1. Выявить ключевые образы, противоположные по эмоциональному звучанию, взаимодействие и "борьба" которых в произведении создают его динамику, энергию, эмоциональное напряжение. Иногда они прямо названы, иногда подразумеваются, возникают в ассоциациях, в подтексте.

2. Выписать лексические цепочки, соотносимые с каждым из этих ключевых образов, и тем самым -

3. Выявить сопутствующие образы, позволяющие расширить, углубить или конкретизировать значение основных.

4. Выстроить все возможные ассоциативные ряды, уводящие в глубину содержания, позволяющие охватить разные уровни и оттенки смысла.

Ничего подобного в экспертном заключении просто нет.

Вывод: Эксперты анализировали поэтический текст как обыденный, исключая особенности анализа, принятого для поэтических текстов, полностью пренебрегли смысловым и семантическим анализом, без которых понимание произведений Николая Боголюбова (как и любого поэта) попросту невозможно.

7. О контекстном словоупотреблении слова "жид"

Авторы экспертиз последовательно тщательно отбирают для комментариев те фрагменты, в которых содержится слово "жид, жидовский". И без всякого обоснования следуют своему убеждению, что жид=еврей.

Слово "жид" и др. производные от него в Новом Завете на славянском языке встречается 17 раз: в Евангелие от Иоанна - 14 раз; в Деяниях апостолов - 1 раз; в Послании к галатам - 2 раза. Негативный контекст во всех случаях уловить невозможно:

Иоан.4:9 : глагола ему жена самаряныня: како ты жидовин сый от мене пити просиши, жены самаряныни сущия, не прикасаютбося жидове самаряном.

Иоан.6:4 : Бе же близ пасха, праздник жидовскии.

Иоан.11:36 : Глаголаху убо жидове: виждь, како любляше его.

Деян.19:10 : Сие же бысть два лета, яко всем живущым во асии слышати слово Господа Иисуса, жидом же и еллином.

Тем не менее, в церковно-славянском языке имеются нюансы, связанные со специфическим словоупотреблением.

Евангелие от Иоанна, глава 3. По-церковнославянски: "Бе же человек от фарисей, Никодим имя ему, князь жидовский". По-гречески: Ην δε ανθρωπος εκ των Φαρισαιων, Νικοδημος ονομα αυτω, αρχων των Ιουδαιων. По-латински: Erat autem homo ex Pharisaeis, Nicodemus nomine, princeps Judaeorum. В некоторых случаях церковно-славянский текст переводит с греческого "иудейский" как "жидовский". Это связано со смыслом, который устанавливается только из контекста. Термин "жидовский" по конкретному контексту означает вовсе не оскорбление, а разграничение: древнее иудейство, преодоленное христианством ("иудаизм"), отличается от древнего иудейства, отрицающего христианство ("жидовство"). В церковно-славянском языке, в религиозной литературе слово "жид" означает отрицание Христа – потенциальное или состоявшееся. Это не оскорбление, а констатация факта, к которому у христианина, разумеется, не может быть позитивного отношения.

В русской публицистике середины XX века слово "жид" зачастую относится к недобросовестному предпринимателю: "В конце концов, ему, князю, рюриковичу и прочее – пришлось идти в приемную "жида концессионера" и там, в приемной представителя стихии свободной конкуренции, ждать подачки – и не получить ее. Князя Оболонского выперли вон. Из революционного подполья, сквозь баррикады уличной борьбы и фронтов гражданской войны, к власти пришли профессионалы революции и те подонки городов, не которых эти профессионалы опирались. Они заняли все места в стране – и место князя Оболонского, и место "жида концессионера", и место директора завода, и миллион аналогичных мест в стране". (И.А.Солоневич, Диктатура слоя, Буонес-Айрос, 1956, цит. по И.Солоневич, Диктатура сволочи, М.: Русское слово, 1995, с. 10.) В данном случае словосочетание "жид концессионер" вполне определенно отнесено одним из известнейших публицистов русского зарубежья к представителю "стихии свободной конкуренции".

В данном случае речь идет о жадном человеке, который использует свободную конкуренцию ради наживы любыми средствами. Закавыченность слов означает определенную отстраненность от используемого термина, который имеет

широкое хождение в русской публицистике, по крайней мере, дореволюционного периода. Возможно, данный термин возник впервые в трудах писателя Болеслава Макаревича (1822—1884), который без кавычек писал о неприятии общества "нажившегося кабатчика, жида-концессионера, адвоката, газетчика, профессора из "прогрессистов", чиновника-либерала". Мы не видим здесь ни этнического, ни религиозного контекста, а только нравственный контекст.

Один из авторитетнейших православных пастырей нашего времени Митрополит Иоанн Снычев (1927-1995) говорил: "..."жидовство", "жидовское иго" есть иго христопродавцев, которых следует вполне конкретно называть жидами, а не евреями, как иногда неправильно пишут. Нам надо не бояться называть вещи своими именами. Здесь борьба вероучений, а не национальные разногласия. Это надо четко понимать" (Встречи с владыкой Иоанном. Издательство "Царское Дело", СПб, 2005 г. с. 93).

Читаем в книге одного из самых известных православных пастырей современной России архимандрита Тихона Шевкунова: "Ходят по обителям то размалеванные дамочки-туристки под руку с мужиками-безбожниками, от которых за версту разит табачищем, то коммунисты с баптистами, то новоявленные экуменисты, то мусульмане в обнимку с нехристями-жидами" (Архимандрит Тихон, Несвятые святые и другие рассказы, М., 2011, с. 341).

Здесь мы имеем религиозный контекст – неприемлемое поведение "нехристя" на территории православного монастыря, которого герой рассказа оценивает наравне с другими подобными безбожниками. В категорию лиц, которым не следовало бы появляться в монастыре, относятся как неверующие, так и верующие иных конфессий, но единые с неверующими в своем неуважении к православной святыне.

Важно отметить прецедент реакции правоохранительных органов, которым предложили преследовать главного редактора газеты "Русь Православная" Константина Душенова за использование слова "жид" на страницах его издания. В мае 2005 года прокуратура Санкт-Петербурга отказала в возбуждении уголовного дела по этому факту, а заместитель прокурора города А.Д.Корсунов определил: "слово "жид" и его грамматические модификации не являются официально признанным указанием на принадлежность к определенной религии". Также прокуратурой определено, что слово "жид" не возбуждает ненависти к какой-либо группе (Росбалт 31.05.05 http://www.rosbalt.ru/main /2005/05/31/211068.html).

Вывод: Слово "жид" общеупотребимо в православной религиозной публицистике и определяет не религиозную или этническую группу, а противников веры Христовой, ее предателей. Это значение сохраняется и используется до наших дней. В социально-политической публицистике в течение XX века слово "жид" также относится не к религиозной или этнической группе, а к аморальным типам. Все это означает полную несостоятельность трактовок экспертами поэтических сочинений Николая Боголюбова, контекст которых не позволяет однозначно интерпретировать употребление слова "жид".

Эксперты полностью исключили контекстный анализ слов "жид", "жидовский" из своего исследования, чем подменили смысл данного слова в произведениях Н.С.Боголюбова.

8. О несостоятельности использования экспертами словарей

Эксперты приводят самую примитивную (хотя и в целом самую распространенную) трактовку слова "жид" в различных словарях. При этом они полностью исключают возможность других трактовок, а потому – снимают с себя обязанность доказать именно оскорбительное применение слова "жид" в

отношении евреев. Таким образом, экспертиза злонамеренно выдает однозначную трактовку при наличии множества трактовок.

В прижизненном издании словаря Даля слово "жид" толковалось только как "скупец, скряга". (Вспомним строку Пушкина из "Скупого рыцаря": "Проклятый жид, почтенный Соломон…"). В последующих изданиях появляются также другие трактовки: "старое народное название еврея" и "презрительное название еврея". Действительно, по произведению Гоголя "Тарас Бульба", описывающему события XVII века, мы видим, что слово "еврей" в простонародной речи не употребляется, а употребляется слово "жид". Разумеется, в поэтической речи могут использоваться и старые значения слов. Что касается презрительного значения слова, то оно входит в русскую литературную норму до революции. Равно как и сейчас, входят в допустимую литературную норму слова "москаль" и "хохол", в которых есть элемент принижающей иронии.

Итак, в первом издании словаря Даля 1965 года есть только одно значение слова "жид" - скупой, скряга, корыстный скупец (т.1, с. 483). И лишь в более поздних изданиях возникает также значение "старое народное название еврея" и "презрительное название еврея". Заметим, что сохраняется и нравственная характеристика (скряга), и религиозное значение (ересь жидовствующих, субботников). Таким образом, налицо множество значений, а вовсе не отождествление слова "жид" со словом "еврей". Тем более, из словаря никак не следует, что все евреи – жиды, а все жиды – евреи. В нравственном значении слово "жид" вполне может относиться к нееврею. Таким образом, отождествление "жида" и "еврея" - это следствие непрофессионализма экспертов.

Отметим, что слова "еврей" нет ни в одном из восьми изданий "Толкового словаря", начиная с 1863 г. вплоть до 1999 г.

У слова "жиды" имеется традиционный религиозный и религиоведческий контекст, и это прямо следует из словарей, которые эксперты решили оставить в стороне, подобрав для экспертизы только те значения, которые были им удобны для выводов, затребованных их начальством.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, т. XXII, с. 943: "Ждовствующие - ересь, известная под этим именем, появилась в Новгороде во второй половине XV века и оттуда перешла в Москву. По словам летописцев, первым ее распространителем в Новгороде был еврей Схарія, в 1471 г. приехавший туда из Киева и совративший нескольких священников. Скудные сведения, имеющиеся о самом существе ереси в летописях, прославляющих архиепископа Геннадия и "просветителя" Иосифа Волоцкого, позволяют представить учение о жидовствующих в следующем виде: они отрицали монашество и духовную иерархию, отвергали поклонение иконам и ругались над последними, не верили в таинство причастия, отрицали троичность Божества и божественность Иисуса Христа; некоторые шли еще дальше в рационалистическом направлении, отказываясь признать бессмертие человеческой души...".

Большая Советская Энциклопедия, Издательство Акционерного общества "Советская Энциклопедия", М., 1929-1932 гг., т. 25, с. 401: "Жидовствующие - сторонники религиозной идеологии протестантско-реформистского характера, возникшей в Новгороде Великом в 70-х годах XV в. в эпоху ожесточенной борьбы Новгородского боярства с Москвой, подготавливающей захват Новгорода и ликвидацию его политической самостоятельности. Религиозная идеология Ж. прикрывала политическую группировку сторонников М., ожесточенно нападавших на новгородскую феодальную церковь (Ж. отвергали поклонение кресту, иконам, монашество, иерархию и т.д.)".

В литературной форме "жиды" вполне могут означать "жидовствующие". В целом религиозный смысл термина "жиды" - враги Христа разных вероисповеданий или атеисты вне зависимости от этнической принадлежности. А вовсе не "евреи" или "иудеи". Об этом также говорит довольно широкое распространение среди русских и представителей других народов (что прискорбно) слова "жид" в форме ругательства. Оно в таком контексте с полной очевидностью не имеет ни этнического, ни религиозного значения и относится к представителям самых разных народов и религиозных конфессий.

То же соображения могут быть применены к слову "холокост", которое эксперты однозначно относят к преследованию евреев нацистами. В то же время слово "holocaust" заимствовано из латинской Библии (где используется в латинизированной форме holocaustum наряду с holocau(s)toma и holocaustosis), а там оно появилось из греческих библейских форм ὁλόκαυ(σ)τος, ὁλόκαυ(σ)τον - "сжигаемый целиком", "всесожжение, жертва всесожжения", ὁλοκαύτωμα "жертва всесожжения", ὁλοκαύτωσις "принесение жертвы всесожжения". Английский термин начал первоначально употребляться к геноциду армян в Османской империи (с 1910) и лишь после 1950-х в европейской литературе ассоциировалось с преступлениями нацистов против евреев. В нашей стране термин "холокост" стал употребляться лишь в начале 1980-х. Обычно "Холокост" с большой буквы означает преследование евреев, а "холокост" с маленькой буквы – вообще преступления на расово-этнической почве. Соответственно, слово "холокост" может вообще не иметь никакого отношения к евреям и их преследованию нацистами.

Столь же несостоятельны трактовки экспертами слов "талмуд", "кагал", "пейсы" и другие. "Талмудом" в русском языке зачастую называют толстую книгу, "кагалом" - шумное собрание с непонятными целями, "пейсами" - неопрятные пряди волос.

В целом эксперты не понимают, что слово "фашизм" может не относиться ни к нацистской Германии, ни к фашистской Италии, ни вообще к каким-либо политических субъектам. "Фашио" - это лишь символ единства, который встречается в символике разных стран и народов. Термин же происходит от слова "фасции" - пучок связанных прутьев, который был в Древнем Риме символом власти, а затем использовался в "римском стиле" оформления многих произведений искусства и интерьеров помещений, занимаемых государственными органами. Фасции присутствуют в оформлении Александровского сада, примыкающего к Московскому Кремлю. Они представляют собой колонны 5-метровой высоты. Это тоже "фашизм" - символ власти и единства.

Вывод: Эксперты злонамеренно подменили лингвистический анализ выборкой из текстов Н.С.Боголюбова только тех фрагментов, которые содержат слово "жид" или же каким-то образом "намекают" экспертам на то, что речь идет именно о евреях или иудеях. Кроме того, эксперты злонамеренно используют только те словарные значения, которые подтверждают их выводы, но игнорируют другие словарные значения, которые могли быть основой для образного ряда произведений Николая Боголюбова.

9. Рассмотрение экспертиз

9.1. Экспертиза сборника "Заря близка!"

Эксперты Богатова-Петрова из предварительных фрагментов, открывающих текст книги, выделяют только одно – борьбу с евреями. Хотя в анализируемой книге "Заря близка!" авторский текст предваряется тремя фрагментами, эксперты не анализируют эти фрагменты, не соотносят их с текстом поэтических

произведений Боголюбова, но вычленяют из них два мотива: "жидовские заклятья", трактуемые как указание исключительно на евреев и символизм борьбы – цитата из высказывания генерала Врангеля. Между текстом, содержащим слова "жидовские заклятья" (неизвестный автор "гимна русских националистов") и вторым текстом, относимым к генералу Врангелю, не усматривается никакой связи. Эксперты произвольно связывают два разнородных текста, настаивая на том, что генерал Врангель имел в виду именно борьбу с евреями. Из третьего фрагмента вычленяется и произвольно "подшивается" предыдущим фрагментам "сакрализация" указанной борьбы. Хотя автором книги приводится только строка из Священного Писания о разрушении дел дьявола Сном Божиим. Это произвольное соединение трех разнородных текстов и создание на их основе собственного смыслового поля заводит экспертов в тупик и создает ложное представление о книге автора. В то же время, эксперты, противореча себе, указывают на религиозный смысл слова "жиды", который, таким образом, не связан с евреями, а только с врагами той веры, которую исповедует автор.

Совершенно ничем не обоснованы утверждения экспертов Богатовой-Петровой о том, что лирика автора связана исключительно с современностью. Признаки современности присутствуют, в этом нет сомнения. Но налицо и ориентиры на исторически удаленные времена – революции, гражданской войны, Великой Отечественной войны, а также на более ранние и даже легендарные времена. Эксперты предпочитают этого не замечать, просто пропускать соответствующие фрагменты текстов, собирая лишь коллекцию цитат для своих неблаговидных целей.

Дикие представления экспертов о поэзии выливаются в утверждение, что целостность сборника стихов определяется тем, что они изданы под одной обложкой! И по этой причине занимаются "исследованием текстов в совокупности", что прямо противоречит методике исследования литературных произведений. Вместо изучения таких произведений, "по совокупности" произвольно подбираются слова автора, вырванные из контекста. Эксперты формируют при этом собственный контекст, отсутствующий у автора. И приписывают его сплошняком всем вообще произведениям в сборнике. Между тем, даже поверхностное чтение сборника показывает, что в нем есть совершенно разнородные произведения. В том числе и те, которые эксперты не цитируют. Тем не менее, "по совокупности" они самостоятельно изобретенным ими контекстом замазывают и их.

Эксперт Петрова: "Некоторые стихотворные тексты, взятые в отдельности, не содержат установленных выше признаков ("возбуждение", "унижение", "пропаганда" и проч. – А.С.). Однако, будучи частью сборника, они также проявляют мировоззрение автора". Слово "также" означает, что и эти произведения эксперт подводит под общую базу – антиеврейскую и антииудейскую. Это, разумеется, недопустимый произвол. Эксперт даже не утруждает себя выделением тех произведений, где нет этого самого выдуманного самим экспертом "мировоззрения". Не показывает их долю, их значение для сборника в целом. Что прямо свидетельствует о заданности обвинительных выводов еще до начала исследования.

Петрова, пересказывая предисловие автора сборника, представляет свои домыслы о нем, не имеющие никакого отношения к делу. В целом алармистский характер предисловия – это лишь настроение автора, которое не дает эксперту никакого повода, чтобы этим определять направление вообще всех поэтических сочинений сборника. При этом эксперт находится вне контекста соответствующих

знаний. Например, не представляет себе значения слова "раса", которое употреблено автором. Эксперт думает, что знает об этом термине все, а потому полагает, что в данном случае имеется отсылка к физической антропологии ("расовые отбросы"). В то же время европейская мысль, а также русская мысль, никогда не сводили термин "раса" к антропологии. Самые выдающиеся умы (Освальд Шпенглер, Карл Шмитт, Макс Вебер и др.) использовали этот термин более в культурном плане.

Эксперт демонстрирует полную несостоятельность в понимании символизма, полагая, что "гамматический крест" - это четырехлучевая свастика, символ нацистской Германии. Петрова: "Гамматический крест означает свастику, следовательно, в контексте книги речь идет об идеологии фашизма". Что совершенно не вяжется со смыслом термина. "Гамматический крест" - это крест, составленный из греческой буквы "Гамма". Такой крест можно составить из любого числа "гамм" - от двух и более. И это могут быть весьма причудливые кресты. Примечательно, что эксперт связывает свастику с фашизмом (но не с нацизмом), хотя признаки фашизма (если речь идет о конкретных фашистских государствах или организациях) совершенно другие: у них могут быть совершенно другие символы, но та же политика. В современной политической лексике слово "фашизм" относится к весьма широкому кругу явлений. "Фашизмом" называют политический курс некоторых государств (чаще всего США и Израиля), деятельность этнократических группировок, поведение отдельных лиц. Эксперт всего этого не знает в силу низкой квалификации и недостаточного знакомства с современной политической публицистикой.

Бранная лексика, использованная автором в некоторых (небольшом числе) произведений, расценивается экспертом исключительно как направленная против евреев и иудеев. Только потому, что эксперт произвольно трактует использование бранных оборотов – так, как ему вздумается. Ему невдомек, что брань может переноситься на разные объекты. Поэтому у эксперта "жид" - всегда еврей и иудей, "талмуд" - всегда священная книга иудеев, "пейсатый" - всегда ортодоксальный иудей, "кагал" - всегда еврейская община, и так далее. Что это совершенно не соответствует действительности, ясно из невежественного представления эксперта, что еврей=иудей. И что брань всегда направлена на словарно предполагаемый объект.

Эксперт совершенно произвольно трактует слова "азиатская жуть" как направленные против нерусских, включая евреев. С какой стати делается такое умозаключение, непонятно. С такой же последовательностью невежественный эксперт трактует бранное "говнистан" как обобщение названий стран Таджикистан, Узбекистан и так далее. Произвол этого суждения очевиден, он не подкреплен никакими соображениями, кроме сходности слов по окончанию.

Эксперт приводит текст с историческими реминисценциями автора по поводу революции "Красного зверя", где сказано, что "жид создал СССР". Очевидное перенесение "белогвардейской лексики" экспертом не замечено в силу полной некомпетентности в исторических вопросах и неспособности замечать в текстах соответствующую семантику, которая в изобилии рассыпана в тексте. Эксперт прямо говорит, что в этом тексте он увидел "ситуацию, сложившуюся в России". И переносит это свое понимание на автора, который имел в виду совершенно иное – ситуацию гражданской войны. Хотя речь идет о большевиках, войне, убийстве Царя и так далее. Эксперт ошиблась на век, и отсюда вытекают все несуразности экспертизы.

Эксперт голословно выносит свой вердикт стихотворению "Прервать ритуал!", видимо считая, что "кровь младенцев" - это непременный атрибут ритуала, принятого в иудейских и еврейских общинах. При этом единственное слово, которое хоть чем-то напоминает иудейское вероисповедание, является в данном стихотворении слово "талмуд". Написанное со строчной буквы, может значить вовсе не Талмуд – священную книгу иудеев, а просто книгу. Эксперт возможности такой трактовки не замечает, а потому совершенно превратно искажает смысл поэтического произведения.

Если убрать из цитат, приведенных экспертом, все слова, которые он произвольно относит к евреями и иудеям, то от экспертизы почти ничего не останется. В остатке будет лишь несколько фраз, отражающих негативное отношение автора к иудаизму. Что для него, как православного человека, является обязательным и выражает свободу его религиозных воззрений. Останется: "правят черти и евреи" (ясно, что евреи – не черти), "раздави иудейскую моль" (отношение к иудаизму как к вредителю – в отношении православного христианства), "попрать и пурим, и хануку" (с маленькой буквы – переносное значение, в религиозном плане – торжество православия над иудаизмом).

Эксперт-лингвист вторгается не в свое дело, пытаясь разглядеть нацистскую свастику в иллюстрациях к книге. Оказывается, лингвист способен различить знак "до степени смешения" сходный с нацистским. И никак не соотносит изображение, которое приложено к тексту, с самим текстом. То же касается нацистского приветствия, "до степени смешения сходного с нацистским". Подобные жесты имеют место со стороны глав многих государств или артистов, приветствующих многочисленных поклонников. Лингвист по отдельной фотографии сразу "все понял". Как это бывает у исследователей уровня коммунальной кухни.

Эксперт-психолог Богатова открывает свой анализ обширной цитатой из Боголюбова и ничем не обоснованным выводом о том, что его произведения в сборнике "Заря близка!" "отражают межгрупповой конфликт с национальным, религиозным и идеологическим компонентом. При этом с одной стороны такого конфликта Богатова видит русских православных, с другой евреев и иудеев (что для нее одно и то же), а также нерусских. Идеологическое противопоставление эксперт очерчивает лишь с одной стороны – коммунисты. Откуда психологу известно о содержании и смысла религиозных, межэтнических (правильный термин), идеологических конфликтах? Ниоткуда. Соответствующей квалификации эксперт не имеет и не демонстрирует познаний в этих областях.

Как и все остальные эксперты, Богатова отождествляет евреев и иудеев (применяет написание "евреи/иудеи") и без каких-либо доказательств объявляет, что это "враги автора". Не имея никаких исходных посылок, эксперт пишет нелепицу: "К евреям/иудем выражено презрительное отношение, в том числе посредством глумления над трагическими событиями – массовым уничтожением евреев ("Сгорая – жги", с. 118), что в совокупности с использованием презрительных номинаций указывает на представление автором евреев/иудеев как группы лиц, недостойных нормального отношения, их статуса как низкого, что направлено на эмоциональное убеждение адресата в необходимости презрительного отношения к указанной группе лиц".

Эксперт, не обладая необходимыми знаниями в области этнологии и религиоведения, а также социологии, произвольно формирует некую группу "евреи/иудеи", а потом без всяких оснований приписывает автору свои произвольные домыслы. Никакой группы "по совокупности национальных и религиозных признаков" не существует и не может существовать в столь

обобщенной форме. Могут быть евреи иудейского вероисповедания. Могут быть иудеи еврейского происхождения. А группы "евреи/иудеи" не существует и никогда не существовало. Эксперт даже не в состоянии понять, что "сгорая – жги" означает одновременно две роли – страдательную ("сгорая") и причиняющую страдание ("жги"). Сгорающий жжет. Одновременно жжет и сгорает. Эксперт-психолог, судя по всему, не в ладах с русским языком, если не видит прямого значения вырванной им из текста цитаты.

У эксперта-психолога мы не видим никаких признаков психологического анализа. Эксперт Богатова фактически повторяет лингвистический анализ, никак не подкрепляя его даже психологическими терминами. "Исследование" Богатовой больше похоже на сочинение ученика средней школы, где каждый абзац содержит несколько цитат и приговор. Без какого-либо анализа, без какого-либо обоснования. Все заблуждения лингвиста Петровой в полной мере присутствуют и у психолога Богатовой.

В "синтезирующей части" мы не видим никакого синтеза, никакого соединения лингвистических выводов с психологическими. Это просто сокращенный пересказ двух фрагментов экспертизы, которые не выявляют профессиональной подготовленности ни эксперта-лингвиста, ни эксперта-психолога. При этом используется прямое сокращение – исключение из прежних текстов некоторых фраз. Такой подход невозможно назвать "синтезом".

Мы видим в целом, что эксперты не занимаются поиском ответов на поставленные вопросы, а говорят о сборнике стихов "вообще". Как будто для всех вопросов следователя имеются одни и те же обоснования, и между вопросами нет никаких различий. Это свидетельствует об отсутствии у экспертов методологической основы для проведения своей работы, а также знаний, которые необходимы для нагруженного символами и смыслами поэтического текста. Соответственно, сами ответы на вопросы не имеют никакого значения и не подлежат анализу, поскольку просто копируют отдельные фразы из предшествующего текста экспертизы.

9.2. Экспертиза сборника "Пламя русской судьбы"

Эксперты Лещева-Сафонова текстуально использовали огромные фрагменты, почерпнутые из общего источника и целиком повторяющие все нелепости других экспертных заключений. Включая значение слов из словарей без изучения контекста, включая абсурдное представление о целостности сборника, включая объявление неких предварительных текстов "эпиграфами", отражающими смысл всего сборника, и так далее. Весь набор абсурда полностью идентичен абсурду, представленному в других парах лингвист-психолог, работавших над экспертизами по другим сборникам.

Но здесь наблюдается то, чего нет в других экспертизах – отчетливая враждебность к "черносотенцам", к которым эксперты относят Боголюбова уже за то, что он цитирует один из документов Союза русского народа от октября 1915 года. Само слово "черносотенец" вызывает у экспертов негативное восприятие. Они как будто "ловят" автора на слове: он цитирует нечто, родившееся в ужасной черносотенной, монархической организации. Этой ненавистью к автору пронизано все сочинение экспертов. Возможно, именно эти два эксперта (в особенности Сафонова, как наиболее опытная из всей группы экспертов) задали определенный стандарт "исследования", превратившееся в клеветническое обвинение поэта Николая Боголюбова.

Весьма нелепо выглядит "уличение" поэта в том, что он выступает от имени русских (приводятся две – всего две! - цитаты). Но поэт может выступать от себя

лично, от какой-либо воображаемой или реальной группы, даже от всего мироздания. Подобный поэтический прием вовсе не означает, что эксперт вправе приписывать поэту выступление исключительно от одной группы – как будто поэзия являет собой политический манифест. Похоже, эксперты спутали литературу с политикой и художественное воображение с политической декларацией. Следует предположить, что эксперты невольно превратили свою деятельность также в политическую декларацию, закамуфлировав ее под научное исследование.

Анализируя предисловие к сборнику стихов А.Кузнецова (возможно, православного священника), эксперт Сафонова обнаруживает полное непонимание текста, с которым имеет дело, и заданность своих выводов заранее сформированными установками на борьбу с "экстремизмом" - то есть, со всем, что эксперту Сафоновой предлагается в качестве "экстремизма" ее начальством по ГБУ МИЦ и следственными органами. Сафонова, не имея необходимых знаний в области этнологии и религиоведения, по своему усмотрению сформировала группу "евреи/иудеи" и приписала именно этой группе используемые А.Кузнецовым слова: "картавые "общечеловеки"", враги Божии, богоборцы, приверженцы лжеправославной "церкви", сатанисты, шабесгои. Оказывается "картавый" определяет евреев как национальную группу! Это открытие эксперта должно быть внесено в каталог наиболее абсурдных суждений. Оказывается, у евреев есть "особенности произношения"! Это утверждает эксперт – борец с экстремизмом. Всем евреям стоит запомнить этого эксперта.

Эксперт Сафонова ставит в один ряд набор религиозных терминов, обычных для православного мировоззрения, которое не может не относиться к иудаизму негативно. Как и к шабесгоям – людям из числа неиудеев, обслуживающих иудеев в определенных ритуалах. Обычную для религиозного человека риторику эксперт-лингвист подает вне ее контекста – как произвольный декларативный текст, где не положено быть никакого негативного отношения к кому-либо. В данном случае – к некоей непонятной и не существующей группе "евреев/иудеев". Это говорит о том, что эксперт находится вне контекста, а потому не может адекватно воспринимать то, что читает. Верующие Кузнецов и Боголюбов говорят об одном, а чуждый вере эксперт Сафонова – совершенно о другом. И это предопределяет провал экспертизы (а по стереотипному воспроизведению – всех экспертиз по сборникам Н.Боголюбова).

Далее эксперт просто цитирует некие строки из стихотворений и поясняет их на уровне своего понимания: здесь Боголюбов перекликается с пушкинским "Пророком", здесь – ощущает себя русским человеком, здесь пишет о поруганной Родине, тут презирает "уродов" (эксперт тут же подменяет смысл: якобы, автор имеет в виду "современников-россиян"). Подбираются цитаты из разных произведений, и ни одно произведение не подвергается целостному анализу. Какое все это имеет отношение к вопросам, поставленным перед экспертом? Никакого. Это просто констатация фактов: там-то написано то-то о том-то. Вот и все. Это не анализ.

Ничего не поняв в словах о лжецеркви, даже не зная о чем вообще идет речь, эксперт объявляет о том, что здесь сформировался "образ врага" (эксперт пишет без кавычек, что свидетельствует о том, что понимание данного термина у него отсутствует). Второй "образ врага" - коммунисты. Две цитаты, два слова. О чем пишет эксперт? О своих фобиях? Анализа снова никакого. Следующий "образ врага" - современные власти, Путин, Медведев, ФСБ, прокуратура. Доказательства? Одна цитата о "гэбне кровавой". И эксперт пропускает необходимость сказать, что

"гэбня" - это КГБ. Причем тут современные власти, если КГБ уже четверть века не существует? Другая цитата: "Менты, прокуроры и прочая грязь". Затем: "Путин, мутин, ртутин, жутин…" О чем пишет поэт? Автор экспертизы не знает. Он лишь чувствует, что это "нетолерантно" по отношению к начальству. Какое это имеет отношение к поставленным перед экспертом вопросам? Никакого. Получается не экспертиза, а заметки для ублажения личных комплексов и ближайшего начальства. Эксперт берется переводить с поэтического языка на свой – бюрократический – слов "мутин", "жутин"! Все это, как считает эксперт, в поэзии Боголюбова выражает дьявольское начало. Весь вывод на основе двух слов? Увы, настолько непритязательны запросы эксперта к уровню своей аргументации.

Указанные экспертом "образы врага" скорее отражают личность эксперта, чем служат лингвистическому анализу текста для подготовки выводов, важных для следствия и суда. Эксперту обидно за Путина, который "жутин", обидно за "кровавую гэбню", под которой он понимает ФСБ, обидно за "ментов и прокуроров", а также за придуманную экспертом группу "евреи/иудеи", которая, якобы, противопоставляется поэтом группе русские православные. Глубина вздорности подобного "анализа" переходит все пределы.

Обсуждая тему "евреи/иудеи", эксперт Сафонова просто приводит цитаты, полагая, что они не требуют анализа. За цитатами – констатация того, что все эти цитаты выражают презрительное отношение к этой фиктивной группе. В действительности, поэзия – не декларация. Только весьма черствый к поэтическому языку человек может не заметить иронии в картинке, рисуемой Н.Боголюбовым: "Когда вокруг облом, содом, пурим// И цадики катаются на гоях". Это театр абсурда, в котором поэт превращается в святого – "расиста, экстремиста, жидобоя". Именно таким поэта как раз и делает экспертиза, совершенно чуждая к тонким переживаниям действительности и стихотворных форм ее отражения.

Эксперт делает вид, что все цитаты прозрачны. Но, к примеру, что такое "Криминал растит Еврея"? Скорее всего, это неудачный оборот, смысл которого может быть скрыт даже от автора. А эксперт считает, что здесь всем все ясно.

Потоком идут цитаты, которые эксперт не обсуждает. И только вдруг обнаруживает, что автор стихов "сближает себя с Гитлером". Как будто упоминание Гитлера – это повод к такому умозаключению. Что бы тогда эксперт Сафонова сказала о Гаврииле Державине, провозгласившем: "Я раб, я царь, я червь, я Бог!"? Эксперт не чувствует иронии автора, который говорит про сумасшедший дом (в "шестой палате" - аллюзия на чеховскую "Палату №6"), в котором он был бы Гитлером. Отсутствие этого чувства иронии показывает, насколько эксперт далек от своей профессии. Эксперт пишет, что поэт делает отсылку к Гитлеру как образцу для подражания. Где аргументы, где анализ, где цитаты, подкрепляющие этот домысел? Ничего нет. У эксперта, чего не хватишься, того и нет.

У эксперта "мировые кагалы" - это евреи. У поэта – это центры "мирового зла". У эксперта образ "евреев, драпающих до Урала" - это некое оскорбление. А что у поэта? Когда евреи "драпали до Урала"? Есть ли здесь какой-то намек на историческую подоплеку? Эксперт считает, что здесь нечто, связанное с Третьим Рейхом и массовым уничтожением евреев. Какими словами это выражено? Эксперт таких слов не приводит и не проводит никакого анализа. Может быть, он знает, что евреи "драпали до Урала" во время Великой Отечественной Войны? Но откуда об этом знать поэту Боголюбову и его читателям? Откуда им знать, какие "расшифровки" придут в голову эксперту Сафоновой?

"Да взойдет зарей холокост" - это, оказывается, о евреях. Куда ни глянь, у эксперта всюду евреи – евреи чудятся даже при восходе солнца, который у поэта ассоциируется со "всесожжением".

С той же "убедительностью" эксперт рассуждает о страшном призыве поэта: "Врагов твоей нации, русский, убей!" Видимо, эксперт не знает, для чего государств содержит ядерные арсеналы, тяжелые вооружения, миллионы единиц стрелкового оружия. Видимо, эксперт под нацией подразумевает не политическое единство, а этическое. Что противоречит общеизвестному смыслу. Достаточно напомнить о существовании ООН – Организации Объединенных Наций – чтобы понять, что эксперт не владеет темой, которой смеет касаться.

Также эксперт вторгается в анализ изображений к текстам, не изучая связи изображений с текстами и не приводя в экспертизе сами изображения. Поэтому невозможно понять, о чем он сообщает, какие смыслы и в каких картинках увидел. Эксперт пишет о "приветственном жесте". Что он имеет в виду, и как этот жест соотносится с пропагандой нацизма-фашизма, остается в экспертизе непонятным.

Невежество эксперта выражено также в куцей фразе о том, что в произведениях Боголюбова "героизируются, прославляются, и тем самым оправдываются действия лидеров Белого движения (П.Н.Краснова, А.С. Шкуро), сотрудничавших с нацистами во время Великой Отечественной войны". Лингвист Сафонова, видимо, не знает, что Краснов и Шкуро прославлены как воины Первой мировой войны. Все, что может процитировать эксперт – это "светлая память" от автора Краснову и Шкуро. Глупость про "сотрудничество с Гитлером" изобличает автора экспертизы в глубоком невежестве. Одно дело предательство, другое – служба в вермахте. Даже в послевоенный период служба в вермахте не считалась преступлением. Лишь нацистское государство и госструктуры, но не армия, были признаны международным судом преступными. Вопрос о том, совершали ли Краснов и Шкуро военные преступления, остается открытым, поскольку материалы их дел до сих пор засекречены, а произвольные расправы над участниками гражданской войны были в послевоенный период – делом обычным (см. историю с расправой над казачеством в г. Лиенц).

Беспомощность экспертных усилий лингвиста Сафоновой совершенно очевидны. Ни единого доказательства в пользу своих доводов не привела. Зато продемонстрировала неспособность к лингвистическому анализу сложного смыслового текста, соотнесенного с религиозным мировоззрением и разными периодами отечественной истории.

Анализ эксперта-психолога Лещевой не демонстрирует каких-то специфических признаков и методик психологической науки. Этот тот же лингвистический анализ с теми же стандартными несуразицами и произвольными интерпретациями.

Психолог Лещева демонстрирует полное непонимание стоящих перед ней задач уже при анализе предисловия А.Кузнецова. Когда Кузнецов говорит, что поэзия Боголюбова "экстремистская" и "разжигающая ненависть и вражду", то он имеет в виду вовсе не то, о чем думает эксперт. Эксперту должно быть ясно, что по российскому законодательству может преследоваться только экстремизм, определенный в законе. Как и разжигание ненависти и вражды к различным группам – религиозным, национальным и так далее. В данном случае речь идет о поэзии – поэтическом "экстремизме", "разжигании ненависти и вражды" ко всякой лжи. Эксперт же радуется "явке с повинной", чтобы выдать желаемое за действительное. Кузнецов прямо пишет о "последнем и окончательном ответе", что

и называет "экстремизмом". Эксперт же толкует все это как признание в экстремизме по российскому законодательству.

Эксперт замечает, что поэт апеллирует к значимым для читателя (разумеется, понимающего читателя, а не непонимающего эксперта) чувствам и ценностям – в основном религиозным. Но это не влечет за собой здравого подхода к поэтическим текстам и обращению к религиозным смыслам поэзии Николая Боголюбова в целом.

В остальном же эксперт просто пересказывает своими словами лингвистический "анализ" Сафоновой, используя те же цитаты и группы цитат и даже копируя целые фразы, взятые у лингвиста. Единственное новшество в экспертной фантазии заключено в таких словах: "В стихотворных текстах Н.Боголюбова отражена гиперидентичная позиция автора (он относит себя к русским), в соответствии с которым отношение к человеку зависит не от его личных качеств, а от его принадлежности к расовой, национальной, религиозной группе, в результате в качестве виновных в негативном положении дел в России выступают не отдельные представители евреев/иудеев, а вся группа в целом".

Разбор абсурдности этой фразы занял бы много места. Придется ограничиться лишь замечанием, что эксперт совершенно не в курсе того, что такое раса, нация, религия, иудаизм, евреи. Ни одного подтверждения столь залихватского вывода эксперта Лещевой не наблюдается. Как и доказательства того, что группа "евреи/иудеи" существует и имеет какие-то признаки, выделяющие ее среди других групп. Также эксперт, применяя странное слово "гиперидентичная позиция", видит что-то негативное в том, что поэт относит себя к русским. "Русская идентичность" - вполне понятный и нейтральный термин. А вот откуда "гипер-" и что это выражает, видимо, понятно только одному эксперту.

Синтезирующая часть экспертизы у Сафоновой-Лещевой фальсифицирована: никакого психолого-лингвистического синтеза не наблюдается. Его просто не из чего составить. Оба эксперта полностью профанировали собственные профессиональные навыки. Выводы ничем не обоснованы и сфабрикованы по той же методике – перенесения готовых предложений в заключительный раздел экспертизы – что и в экспертизах других авторов по данному делу.

9.3. Экспертиза книги "Генерал Петр Краснов – воин Святой Руси"

Экспертная пара Бережная-Петрова действовали в отношении текста данной книги, которая содержит очень незначительный поэтический материал, по тем же методикам, использованным другими экспертами в отношении поэтически текстов. Что свидетельствует об отсутствии у экспертов настройки внимания на определенный тип текста, об их неспособности отличить политическую декларацию от других типов текстов. Все произведения поэта Николая Боголюбова "расследуются" экспертами именно как прямая и недвусмысленная декларация его мыслей, лишенная всякого иносказания, всякой образности, всякой загадки, присущей поэтическому творчеству.

С позволения сказать, "экспертиза" начинается с приговора Петру Краснову – одному из ярких персонажей русской истории XX века, о котором Бережной-Петровой известно только одно: от "сотрудничал с Третьим Рейхом". Причем, как пишут эксперты, во время Второй мировой войны. Будучи невежественными в области исторических знаний, эксперты не в состоянии понять, что в период Второй мировой войны с Третьим рейхом успели посотрудничать главы практически всех европейских государств, включая Сталина (пакт Молотова-Риббентропа).

Не будем повторяться по поводу изысков на счет никогда не существовавшей группы "евреи/иудеи". Заметим лишь, что эксперт Петрова отнесла к этой группе известного палача Ульриха, а также Троцкого, мечтавшего спалить Россию в мировой революции. Таким образом, фиктивная группа, созданная воображением экспертов, действительно, достойна презрения. Судя по огромным фрагментам перекрестных цитирований всех четырех экспертиз, мы можем судить о том, что эксперт Петрова выражает общее мнение о том, кто входит в состав группы "евреи/иудеи". Коль скоро это Ульрих с Троцким и подобные им лица, да еще снабженные коммунистической идеологией, за которую экспертам почему-то очень обидно, когда поэт Боголюбов проклинает "жидо-большевизм" (эксперт Петрова прямо отождествляет коммунизм и "жидо-большевизм"), то мы видим очевидную ассоциацию экспертов именно с этой группой. Ограждение ее от уничижительных характеристик, преследование Боголюбова за эти характеристики, а вовсе не анализ произведений Боголюбова и ответы на вопросы следователя, как мы видим, является задачей экспертов. И эксперт Петрова позволяет нам это понять.

Эксперт Петрова беззастенчиво искажает позицию автора, даже когда она выражена прямым текстом – когда слово "жиды" он объявляет отнесенным к врагам Христа, и видит таковых, в том числе, и среди русских. Даже после цитирования этих слов автора, эксперт Петрова объявляет, что речь все равно идет о евреях. То есть, для эксперта Петровой русский, ставший врагом Христа, становится евреем. Такой оборот мысли является для лингвиста весьма примечательным: показывает глубину его невежества в вопросах этнологии, но также выражает и его понимания того, что такое "евреи".

Как лингвист Петрова совершенно несостоятельна, поскольку не умеет отличить однокоренные слова, различные по значению: евреи и еврейство. Если автор цитирует слова Петра Краснова, который объявляет врагами России еврейство и большевизм, то исследование данной цитаты предполагает знание контекста, а также исторической обстановки, в которой соответствующие слова были сказаны. Эксперт все это игнорирует. Не вдаваясь в исторический экскурс, мы должны лишь заметить, что евреи и еврейство – разные сущности. Тем более, в период, когда Петр Краснов высказался на счет еврейства и большевизма.

Болезненность реакции эксперта Петровой (и других экспертов) на тексты Боголюбова выражается в том, что вообще любое высказывание выдается за оскорбление евреев. Даже когда речь идет о Хазарском каганате или когда Советскую республику автор называет Советской Иудеей. Даже когда речь идет о судьбе советского народа, который, по мнению автора, был уничтожен, все равно эксперт полагает, что речь идет о евреях. Получается, что эксперт отождествляет советский народ и евреев, что является еще одним подтверждением нелепости всей экспертизы.

Когда автор перечисляет имена палачей ("бланков, цедерблюмов, апфельбаумов, шварцев, землячек, коганов…"), эксперт полагает, что речь опять идет обо всех евреях. Таким образом, эксперт считает, что евреи имеют что-то общее с упомянутыми фамилиями и прямо ответственны за массовые казни и жестокие расправы над всеми противниками большевизма. Эксперт недвусмысленно проявляет свою политическую позицию в защиту большевизма, коммунизма, терроризма. Немудрено, что эксперту Петровой очень не нравится книга Николая Боголюбова, который занимает пусть и не бесспорную, но прямо противоположную позицию.

Эксперт, ослепленный своим "разумом возмущенным", не различает, когда Боголюбов излагает свои взгляды, а когда – взгляды Петра Краснова. Все свалено в одну кучу, и ее разбор – занятие неблагодарное, подходящее скорее для специалистов по фельетонам.

Невежество эксперта в вопросах истории просто чудовищное. Эксперт прямо отождествляет рисунок свастики на обоях Ипатьевского дома, где были казнены Царь, его семья и слуги, нацистской! Эксперту невдомек, что в 1918 году такого явления, как нацизм, еще не существовало.

Все доводы Петровой разваливаются, как только отменяется введенные ей тождества жиды=евреи, коммунисты=евреи, большевики=евреи, террористы=евреи, отрекшиеся от Христа=евреи.

Текст эксперта-психолога Бережной ничем не отличается по уровню аргументации, пониманию исторического контекста от текстов других экспертов, в том числе лингвиста Петровой, чье невежество в целом высветило несостоятельность всей группы экспертов, причастных к фабрикации вздорных выводов по поводу творчества Николая Боголюбова. Никаких психологических знаний, методик и даже терминов эксперт Бережная не применяет, фактически дублируя своими словами написанное лингвистом Петровой, перенося в свою экспертизу целые фразы из экспертизы Петровой. Как и другие эксперты, Бережная не утруждается аргументацией, приводя цитаты из книги Боголюбова и тут же вынося по ним приговор. При таком подходе невозможно дать экспертизе никакой другой оценки, кроме уничижительной. Это не экспертиза, это фальсификация.

Анализ "приговоров" Бережной по вырванным из контекста фрагментам книги Боголюбова можно проводить детально, но это заняло бы слишком много времени, поскольку степень нелепости этих "приговоров" всюду одинаковая. Ни один из них не доказан, ни один из них не основан на понимании исторического контекста, ни один из них не разделяет автора книги и ее главного героя. Политизированный характер экспертизы Бережной очевиден, ее отождествления совпадают с отождествлениями эксперта-лингвиста Петровой. Что означает: в экспертизе Бережной нет ни одного доказанного вывода и даже попытки что-то доказывать. Все без исключения суждения Бережной являются произвольными, основанными лишь на ее заблуждениях и ставшими следствием ее невежества в вопросах истории.

Никакого синтеза в "синтезирующей части" экспертизы, разумеется, нет. Она сфабрикована так же, как и у других экспертов, - путем перенесения отдельных предложений и предшествующих экспертиз. То же касается и выводов, которые ничем е подкреплены и являются плодом воображения лиц, ошибочно определенных как квалифицированные специалисты, способные составлять научно обоснованные экспертизы.

9.4. Экспертиза книги "Русский огонь"

Пара экспертов Сапунова-Сафонова ничем не отличается от других подобных пар, задействованных в фальсификации экспертиз по книгам Николая Боголюбова. Тем более что в этой паре вновь присутствует эксперт Сафонова – по формальным признакам имеющая наибольший опыт работы по специальности. Впрочем, этот опыт, как мы уже видели в экспертизе по другой книге, не позволяет сказать что-либо внятное при формулировке ответов на вопросы следователя.

Как и в других экспертизах, пара Сапунова-Сафонова голословно утверждает, что книга "Русский огонь" "представляет собой единый информационный законченный продукт целенаправленной деятельности Н.Боголюбова". Если даже это было бы доказано экспертами, то почему же тогда

разные книги автора оцениваются как "законченные продукты" одними и теми же словами? Эксперты своими необоснованными заявлениями просто скрывают отсутствие с их стороны какой-либо аналитической работы над текстами. Чтобы доказать их целостность и законченность, нужно провести большой объем исследований, который подтвердил бы логическую связанность множества стихотворных произведений, включенных в одну книгу. В любом случае каждая целостность в реальном творчестве является неполной. Степень этой неполноты экспертами не выявлялась, что означает, что суждения о целостности и законченности взяты "с потолка".

Эксперт Сафонова совершенно превратно толкует книгу Боголюбова уже с первых строк предисловия, где автор пишет горестные строки о состоянии России, мучениях русского народа, о необходимости очищения мировоззрения. Автор провозглашает: "Горе отступникам и еретикам, отступникам-непротивленцам, безбожникам, выродкам, вышедшим из Русского Рода, им будет хуже, чем природным сатанистам – жидам…". Эксперт тут же делает вывод о "врагах". И к перечисленным "врагам" приплюсовывает "большевиков/коммунистов", хотя в цитированных экспертом фрагментах о них не говорится. Это вновь подтверждает идеологическую заданность подхода эксперта, его решимость расправиться с Боголюбовым как со своим идейным врагом. Разумеется, и в данном случае "жиды" оцениваются экспертом как евреи, хотя никаких оснований для такого отождествления нет.

Вторая идентификация эксперта – религиозная. Воспринимая все негативные характеристики "жидов" отнесенными к несуществующей группе "евреи/иудеи", эксперт-лингвист Сафонова обнаруживает свою привязанность к иудаизму однозначной трактовкой слова "Машиах" (в написании автора, как и ряда православных интеллектуалов – "Мошиах") - исключительно в рамках иудаизма. Между тем, в православной традиции под "Машиахом" понимается исключительно иудейский "мессия" - Антихрист. Христос для иудеев не может быть мессией, а потому они ожидают пришествия не Христа. И это – радикальное противоречия с христианской догматикой. Если вместо мессии приходит его подобие, то такое явление может восприниматься православными только как пришествие Антихриста. И о таком пришествии говорит Апокалипсис. Проблематика отождествления Машиаха с Антихристом является предметом сложных богословских дискуссий. Для нас же важно лишь одно: эксперт Сафонова, дав исключительно одностороннюю трактовку слову "Машиах", исключила из своего рассмотрения православное понимание этого слова, а также и версию о том, что речь идет об Антихристе. Такое исключение, судя по экспертизам Сафоновой, нельзя считать случайным. Оно лишь наиболее ярко демонстрирует подход эксперта, сопряженный с ненавистью к православным взглядам Николая Боголюбова.

Аналогичным образом можно оценить и понимание экспертом слова "Пурим" - только как религиозного праздника иудеев. Историческая подоплека установления этого праздника эксперту либо неизвестна, либо сознательно им исключается. Между тем, Прим – это праздник, учрежденный после массовых убийств, позволивших иудеям спастись от предполагаемых преследований. Жертвами иудеев стали около 76 тыс. человек. Победа для одних в этот день является ужасным преступлением для других. Исключение столь серьезных расхождений в оценке праздника Пурим является для экспертизы вполне симптоматичным.

Ослепленность ненавистью к своему идеологическому и религиозному оппоненту, которого увидела в Николае Боголюбове эксперт Сафонова, приводит ее к совершенно "линейному" восприятию текстов поэта как прямых деклараций. Что совершенно не подходит к самому литературному жанру. Это не партийные программы, не партийные или государственные гимны. Эксперт забывает об этом, стараясь поставить "каждое лыко в строку" - фактически фальсифицируя при этом экспертизу произвольными суждениями и отождествлениями, которые в приводимых цитатах не прослеживаются. Прежде всего, в поэтических декларациях можно лишь предполагать, что поэт всегда равен какой-то определенной позиции и прямо ее декларирует. Но это еще надо доказать. А таких доказательств у эксперта нет. Есть только оценочные суждения в адрес автора, не более того.

Все раздражает эксперта – слова "белый", "раса", "арийский", "вермахт", "Русский Гитлер"… Эксперт не вникает в образный ряд стихотворений, а лишь выписывает те слова и словосочетания, которые его раздражают. И снабжает все это ярлыками: тут ненависть к "евреям/иудеям", тут – героизация нацизма, тут призывы к физическому уничтожению евреев и так далее. Без какой-либо цитаты эксперт утверждает, что Боголюбов позитивно относится к Гитлеру и горюет о победе над фашизмом. Фантазии уводят эксперта все дальше и дальше от непонятных, но ненавистных ему текстов поэта.

Ни один тезис эксперта не подтвержден какой-либо аргументацией. Он полагает, что строки поэтических сочинений Николая Боголюбова говорят сами за себя. В этом случае и строки эксперта также говорят сами за себя – о полной профессиональной несостоятельности эксперта Сафоновой, о ее ненависти к православию, к русской поэзии, к русскому поэту.

Эксперт Сапунова, как и другие эксперты, видит в самоидентификации Боголюбова как русского православного человека некую базу не только для противопоставления каким-то этническим и религиозным группам, но и дискредитирующий автора момент, поскольку эксперту кажется, что любая идентификация означает вражду. И даже не просто вражду (вражда может быть объективным, сложившимся условием жизни), а возбуждение вражды. Это, конечно, подтасовка, говорящая о крайне низком уровне экспертной квалификации.

Само наличие врагов (определение поэтом кого-то во враги), с точки зрения эксперта Сапуновой, уже означает некое "возбуждение", которое удобно зафиксировать, чтобы удовлетворить запросы следствия.

Чтобы не повторяться, следует отнести все оценки, которые даны остальным экспертам, и к эксперту Сапуновой. Она пользуется теми же бездоказательными штампами, не приводит никакой аргументации в пользу своих деклараций, превратно (в рамках своего усеченного или ангажированного понимания) трактует слова из поэтических сочинений, не вникает в образный ряд, представленный автором, не замечает исторического контекста, односторонне трактует религиозный контекст… В целом эксперт проявляет отсутствие каких-либо профессиональных навыков даже в области психологии, не говоря уже о других областях знания, в которых он сугубо некомпетентен.

Столь же скучно и единообразно в данной экспертизе фабрикуется "синтезирующая часть" и выводы, которые не имеют какой связи с произведениями Николая Боголюбова.

10. Резюме

Экспертные заключения, составленные сотрудниками ГБУ МИЦ, полностью несостоятельны, ничтожны с точки зрения научной аргументации, свидетельствуют

об отсутствии у экспертов специальных знаний, а также способности анализировать сложный смысловой и символический поэтический текст.

Судьей Замоскворецкого суда г. Москвы 18 апреля 2016 года Николай Боголюбов был осужден на год исправительных работ с удержанием 10% зарплаты и штрафом в 200 тыс. рублей. Грязную работу выполнила "спецпрокурор" Замоскворецкой прокуратуры ***Н.А.Потоцкая*** и судья Замоскворецкого районного суда ***Н.В.Чепрасова***.

Православному поэту приписан состав преступлений по ч. 1 ст. 282 УК РФ и ч. 1 ст. 280 УК РФ. Антиправославный характер правоохранительной системы отразился не только в решении суда и безумных экспертизах, но и в поведении прокуроров и следователей. Термины "Русский Дух", "Белая Русь", "Царство Белого Царя" определили для всех вовлеченных в фальсификацию дела лиц образ врага. Русский православный поэт - заведомый враг лживой системы.

Но настоящему поэту помещает творить только смерть. И уже когда приговор вступил в силу, вышла новая книга блестящих стихов Николая Боголюбова "Небо над болью". И начались новые преследования Николая Боголюбова.

Антисемитизм и русофобия

Дело против писателя и общественного деятеля Юрия Анатольевича Екишева было начато в связи с тем, что изменникам, служащим в так называемых "правоохранительных органов" нужны были какие-то новые материалы против Владимира Квачкова, близким соратником которого был Юрий Анатольевич.

Юрий Екишев был арестован за двухгодичной давности публикации и давно бродящую по сети Интернет карикатуру. При этом никаких следственных действий предпринято не было, а публикации так и остались в сети интернет на своих местах - к самим публикациям следствие претензий не имело. "Шакалам" нужно было посадить за решетку автора, который не скрывал своего презрения к русофобам, обслуживающим чуждый всякому русскому человеку режим.

Подготовленное мной разоблачение бессовестных "экспертов" было передано адвокату, но его некому было представить, потому что следствие не торопилось что-либо представить суду. Собственно, кроме дикой по своему невежеству экспертизы, предложить в качестве обоснования вины Юрия Екишева, было нечего. Поэтому следствие продолжало поиск - бесплодные попытки с помощью обысков отыскать то, что было заказано беззаконно действующим высшим чиновникам и закулисно управляющими ими силами.

Отзыв на экспертизу представлен в исходном виде - без учета предложенных адвокатом С.И.Добровольской поправок, который были вполне логичными, но для настоящей публикации эти поправки несущественны. Отчасти здесь были использованы фрагменты отзыва на экспертизы по делу Николая Боголюбова.

Отзыв специалиста на экспертное заключение

сотрудников ГБУ Московский исследовательский центр (МИЦ) Е.В.Гуровой и П.В.Сапуновой от 16 марта 2015 г.

Вопросы, поставленные перед специалистом:

1. Являются ли корректными, с научной точки зрения, поставленные перед экспертами вопросы?:

2. Соответствует ли квалификация экспертов поставленным перед ними на разрешение вопросам?

3. Соответствуют ли использованные экспертами исследовательские приёмы современным научным методикам, допустимым для производства такого рода экспертиз в РФ?

4. Степень обоснованности и мотивированности выводов экспертов?

5. Использовалась ли экспертами при даче заключения по данным вопросам методическая литература авторов еврейского происхождения? Если нет, то прошу в своём заключении проанализировать представленные на исследование материалы с использованием методической литературы авторов еврейского происхождения, трудов специалистов в области иудаистики?

Оценка поставленных перед экспертами вопросов

На разрешение специалистов ГБУ МИЦ первым заместителем начальника ГУПЭ МВД России И. В. Морозовым были поставлены следующие вопросы:

1. Содержатся ли в тексте (в высказывании) призывы? Если да, то к совершению каких действий автор призывает?

2. Содержатся ли в тексте (в высказывании) психологические и лингвистические признаки возбуждения розни (вражды, ненависти) по отношению к какой-либо группе лиц? Если да, то к какой именно?

3. Содержатся ли в тексте (в высказывании) психологические и лингвистические признаки пропаганды исключительности, превосходства, неполноценности по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе, или пропаганды иной идеологии?

4. Содержатся ли в тексте (в высказывании) психологические и лингвистические признаки унижения группы лиц, или ее представителя?

Из вопросов ясно, что речь идет о каком-то одном тексте - в единственном числе. При этом на исследование представлены четыре статьи. Содержание вопросов свидетельствует о том, что их автор является функционально безграмотным: он не в состоянии сформулировать такие вопросы, которые относились бы к представленным для исследования материалам. Вместо этого экспертам предложено типовые вопросы, которые могли бы относиться вообще к любому тексту. Даже использование единственного числа при необходимом множественном указывает, что автор вопросов побоялся даже в этом отступить от утвержденной формы.

Эксперты Гурова и Сапунова решили, что данные вопросы находятся в их компетенции, хотя из содержания вопросов ясно, что это не так.

Чтобы ответить на вопрос №1 достаточно быть элементарно грамотным человеком, способным понимать текст на русском языке. Как показала "экспертиза", оба специалиста не владеют такой способностью. Или стремятся скрыть очевидное и подменить смыслы представленных им материалов.

Чтобы ответить на вопрос №2, эксперты должны знать, что такое рознь, ненависть и вражда, а также, какие бывает группы лиц. Причем, во избежание произвольного расширения темы, понимать, что речь идет о розни, ненависти вражде и группе в смысле российского законодательства. То есть, обладать необходимыми юридическими знаниями. Никаких признаков такого знания эксперты не обнаружили.

Чтобы ответить на вопрос №3, эксперт обязан знать, что такое пропаганда, что такое признаки исключительности, превосходства, неполноценности, каковы признаки расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, что

такое принадлежность к социальной группе, а также, что такое идеология. Таким образом, необходимо иметь знания в области этнологии, этнополитики, расологии и физической антропологии, религиоведения, социологии и политологии. Ни малейших признаков соответствующих знаний эксперты не обнаружили, соответствующей литературы для составления текста своего исследования не привлекли.

Чтобы ответить на вопрос №4, о какой группе лиц идет речь, и кто может считаться ее представителем. Это требует юридических и социологических знаний. Их у экспертов не оказалось.

Тем самым, ни поставивший перед экспертами вопросы И.В. Морозов, ни эксперты Гурова и Сапунова, не готовы ни к постановке исследовательской задачи, ни к ее разрешению.

В действительности задача (и отнюдь не исследовательская) поставлена не в вопросах, а в сопутствующих документах, которые цитируются в предварительных разделах "исследования". Так, экспертам заранее было известно, что им необходимо найти в текстах статей "экстремизм". Что это такое, они не знают, но интуитивно понимают задачу: есть некоторые "плохие" слова и есть некоторые "нехорошие" мысли, которые надо отыскать в текстах. Именно этим и занимаются эксперты вместо исследования, основанного на научных методиках.

Эксперты заранее мотивированы на "обвинительные" выводы, поскольку им известно мнение начальства, и они на всякий случай его излагают, чтобы разделить с этим начальством ответственность за фальсификацию экспертизы.

Следует отметить, что эксперты зафиксировали, что в поступивших им документах есть лишь частичное совпадение скриншотов статьи "Максим Калашников, Юрий Екишев, Время "Парабеллума" с поступившим им файлом в формате "doc". После этого эксперты должны были исключить этот текст из рассмотрения, поскольку достоверность источника текста ничем не подтверждена. Гурова и Сапунова этого не делают, что указывает на их готовность к фальсификации экспертизы, несмотря на грубые ошибки их заказчика. Видимо, они полагают, что начальство ошибаться не может.

Кроме того, эксперты заранее получили указание, в каком ключе им следует готовить свои ответы. На их позицию повлияла без всяких на то оснований приложенная к запросу, направленному в ГУБ МИЦ, переписка между замначальника ЭКЦ МВД России полковником полиции ***Г.В.Савенко*** и замначальника ГУПЭ МВД России генерал-майора полиции ***И.В.Морозова***. На запрос Морозова Савенко ответил, что некто уже провел лингвистическую оценку текстов (правда, неясно, каких) и выявил в некоторых из них:

- наличие высказываний, в которых негативно оценивается человек или группа лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или какому-либо признаку;

- наличие высказываний побудительного характера, призывающих к враждебным (насильственным) действиям одной группы лиц по отношению к лицу или группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также по отношению к группе лиц, объединенных по какому-либо признаку;

- наличие высказываний, содержащих положительную оценку враждебных действий одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также по отношению к группе лиц, объединенных по какому-либо признаку.

Все это названо в процитированном экспертами документе "лингвистическими критериями", хотя лингвистическая проблематика здесь явно второстепенная, а эксперту нужны знания вовсе не лингвистического характера, а целого комплекса научных дисциплин.

Понять, что такое "листы 1-2 экранных копий интернет страниц", где выявлено "наличие высказываний" соответствующего толка, не представляется возможным, поскольку они никак не идентифицированы. Тем не менее, Гурова и Сапунова именно на основе этих "критериев" подготовили фальсифицированное исследование.

Другая группа исследованных неизвестными специалистами текстов обозначена названиями статей "Русская идея. Особенности национальной войны" и "Русские порядок. Уроки Новороссии". Авторы текстов не обозначены. При оценке этих статей к вышеуказанным добавлены еще два "лингвистических критерия":

- наличие высказываний, в которых речь идет о действиях, связанных с изменением общественного строя России;

- наличие высказываний, обосновывающих необходимость совершения действий, связанных с изменением общественного строя России.

Следует заметить, что именно в этих "критериях" содержатся признаки преступления: посягательство на свободу политической деятельности граждан, правом которых является обоснование необходимости действий по изменению общественного (и не только общественного) строя России, а также сами такие действия. Все эти обоснования и эти действия гарантированы Конституцией РФ, законодательством о выборах и референдумах, об общественных организациях и партиях. Приняв такие "критерии" генерал-майор Морозов и полковник Савенко продемонстрировали не только правовой нигилизм, но и приготовление к совершению преступления.

Интересно, что "критерии" одновременно являются и ответами на поставленные вопросы. И Гурова с Сапунова не разочаровали своих заказчиков: наши все, что им было нужно для преступления - заключения под стражу одного из авторов статей, представленных им на рассмотрение.

Квалификация экспертов

В данном случае квалификация экспертов не имеет существенного значения, поскольку "экспертиза" представляет собой вовсе не продукт усилий специалистов (лингвиста и психолога), а политическую позицию, которая могла быть сформулирована экспертами под давлением или же свободно - по личному убеждению в своей правоте.

Формально "специалисты" Гурова и Сапунова имеют опыт экспертной деятельности 1 год. За это время освоить огромное междисциплинарное поле необходимых для ответы на поставленные вопросы они заведомо не могли. Что они берутся за подобные "исследования" уже говорит о том, что они совершенно некомпетентны. Зато очень удобны для реализации целей их заказчиков.

Эксперты Гурова и Сапунова, известны мне по сочиненным ими "экспертизам" в деле против известного поэта Николая Боголюбова и деле против общественного активиста Вадима Козловича. Консультации, которые я давал по поводу данного дела адвокату Николая Боголюбова и ему самому содержали оценку Сапуновой и других экспертов ГБУ МИЦ как фатально не способных к научному анализу, но зато способных цинично фальсифицировать экспертизу. То же самое содержится и в моем Отзыве специалиста по делу В.Н Козловича, "экспертизу" по которому готовили все те же Гурова и Сапунова.

По моему мнению "специалисты" ГБУ МИЦ Гурова и Сапунова не владеют ни научными методиками, ни элементарной логикой, ни просто совестным подходом к своему делу. Только необходимость выявить скрытый замысел этих "специалистов" и стоящего за их плечами "заказчика" побуждает меня изобличать их в некомпетентности и подтасовках, которые, на мой взгляд, совершены сознательно. И, судя по всему, выражают устойчивые мотивации, которые наблюдаются не только в данной экспертизе, но и во всех прочих, написанных по аналогичным случаям Гуровой и Сапуновой, а также другими сотрудниками ГБУ МИЦ и прочих подобных учреждений. Ведомственная зависимость (МИЦ - структура, подчиненная Минюсту) в немалой степени предопределяет фальсификацию экспертизы: специалисты ведут не научную, а служебную деятельность, и занимаются не поиском истины, а удовлетворением запросов своего начальства.

Целый ряд признаков указывает, но то, что "специалисты" намеренно не привлекали к анализу не только специальной литературы, которая могла бы просветить их в тех областях, где они выглядят как явные профаны (например, религиоведческую), но даже отказываются применять знания, полученные в процессе образования.

Так, лингвист Гурова, не озадачивается вопросом, что такое "жидовствующие". Лингвисту должно быть понятно, что есть разница между словами "жидовский" и "жидовствующих". Как лингвист Гурова обязана была рассмотреть трактовки малознакомого ей термина. Но она не делает этого, и это отражает заданность ее "анализа" - поиск только тех смыслов, которые подходят под полученное ею задание.

Точно так же Гурова не замечает, что в одних случаях в представленных ей материалах употребляется слово "жидовствующий", в других - неоднократно "жидовстующий". Как лингвист, Гурова должна была заметить это различие и понять, есть ли здесь смысловой оттенок или просто пропущена буква. Она этого не делает, обращая внимания только на корень слова - "жид". Тем самым проявляется намеренного игнорирование особенностей словообразования в русском языке.

Оба эксперта абсолютно недопустимым образом работают с научной литературой. Ссылаясь на многостраничные сочинения, они никогда не приводят ссылки на страницу. Что побуждает заключить, что они пользуются не этими источниками, а их электронными версиями. При отсутствии какого-либо подтверждения достоверности перевода книжной версии в электронную (без каких-либо купюр).

Экспертиза содержит 18 ссылок на источники. Из них 9 - на Большой толковый словарь русского языка/ Гл. ред. С.А. Кузнцов. СПб, 1998., 7 - на Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/ Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011., по одной ссылке на Толковый словарь русского языка: В 4 т. Под. ред. Д.Н. Ушакова Т. 1. М.. 1935, Словарь русского языка XI-XVII вв. Выл. 10. М., 1983. "Специалисты", как мы видим, вообще не использовали научной литературы - публикаций, соответствующих тематике анализируемых текстов, методологических разработок, принципов контекстного анализа и так далее. Нет ни одной ссылки на литературу психологического профиля. Нет вообще никаких указаний на литературу, которая позволяла бы соединить выводы лингвиста и психолога в какие-то общие синтетические выводы. Отсюда прямо следует, что мы имеем дело с тотальной профанацией экспертной деятельности, которая ограничилась произвольными выписками из представленных на экспертизу

текстов и общедоступных словарей. После чего "специалисты", минуя фазу собственно экспертной деятельности, переходят к выводам, которые ни в малейшей степени не обоснованы.

Кроме того, имея наглость объявлять свою работу "лингвистическим анализом", эксперт Гурова вместо полных цитат словарных статей из словарей дает какие-то обрывки, полностью исключая широкое разнообразие контекстных интерпретаций того или иного слова. Для нее есть только дно значение слова, которое больше всего подходит под то задание, которое она получила: сфабриковать донос под видом экспертизы. Разумеется, при концентрации на отдельные значение отдельных слов, в "анализе" Гуровой нет никаких признаков анализа целостных фраз, завершенных мыслей, а также текста в целом и всего набора представленных на экспертизу статей.

"Специалисты" ничего не поняли из прочитанных статей. Или разыграли непонимание, стремясь исполнить противозаконную установку: найти в статьях, представленных на экспертизу возбуждение розни и призывы к насилию. В то время, как статьи посвящены совершенно другим вопроса - не национальным и не насилию. А консолидации общества в условиях обострившейся опасности распада государства.

Из всех этих формальных признаков можно сделать только один вывод: экспертизы не было, в качестве экспертов были приглашены вопиюще некомпетентные персоны, которые совершили подлог - вместо экспертизы состряпали феноменально безграмотный текст. Такой уровень непрофессионализма может соответствовать только безнравственным людям, которые стараются забыть, что их сочинения решают судьбу человека. Полагаю, что суд не может принимать во внимание "экспертизу" столь бесстыдную по форме и содержанию.

Добавим к этому полное отсутствие у "специалистов" способности формулировать аргументы. По этой причине стадии "анализа" у них просто нет. Нет зазора между цитатами, которые они произвольно собирают по текстам статей, и выводами, которые просто берутся "с потолка".

Теория аргументации <...>

Приемы "специалистов" - фальсификация экспертизы

В начале своего исследования "специалисты" записали фразу, которая затем ими была просто забыта: "Основной темой текстов, представленных на исследование (объекты №№ 1-4), является негативное положение дел в России. В целом в текстах выражено недовольство общественно-политической ситуацией в России. Причиной негативного положения дел указывается деятельность власти, сообщается, что деятельность власти направлена против интересов русских".

Это один из приемов: забывание, чему вообще посвящено исследование. В данном случае "специалисты" просто забыли, что они сами определили основное содержание анализируемых текстов - положение дел в стране, оценка действий властей, направленность политики властей против русских. Таким образом, тексты анализируемых статей тематически не выделяются из потока политической публицистики. Но "специалисты", следуя своему умыслу на фальсификацию экспертизы и в соответствии с пожеланиями своего полицейского начальства, начинают выискивать "блох" - то есть, находить слова-зацепки, которые можно было бы произвольно интерпретировать и дезинформировать суд однозначными и "самоочевидными" выводами.

И здесь налицо два метода фальсификации: 1) выискивание слов и словосочетаний, которые отрываются от содержания текста в целом, 2) подмена научного исследования догматическими начетничеством, которое не знает никаких

сомнений в том, что угодные начальству выводы безошибочны. Между тем, научный метод состоит в том, чтобы всегда сомневаться в истинности того, что кажется очевидным на первый взгляд. В поле смыслов всегда есть свобода трактовок: текст может быть понят так, а может быть понят иначе. Никакого "иначе" у Гуровой, Сапуновой и их заказчиков просто нет. Что означает: никакого научного исследования их "стряпня" не содержит.

Зная, что отбросили эксперты из статей авторов, и что привлекло их внимание, мы сможем увидеть цели, которые они себе поставили под видом фабрикации документа, по форме напоминающей экспертное заключение. Также нам помогают авторские выделения, которые делают эксперты, акцентируя внимание на отдельных словах и выражениях, которые кажутся им особенно показательными для подтверждения их выводов. То, что выделено, составляет особый текст - своего рода пристрастный конспект статей, которые эксперты получили для исследования.

Что выделили "специалисты" (цифры: номера статей, буквы: а - Гурова, б - Сапунова) :

> *1а. ...нашей земли... нашего народа... русская власть... русскую землю и народ.*
>
> *Колония... когда вы говорите "ОК" вместо "хорошо". Когда по чуждым нормам, учебникам, стандартам выучат ваших детей. Когда "по праву" отнимут произведенное вами... изобретение, предприятие... Когда выкупили израильскую редиску, когда... слушаете ночную лезгинку. ...расчленение и уничтожение России.*
>
> *...правящую синагогу, ига жидовствующих... установление русского порядка на нашей земле... единства народа... единением. Избавление от жидовства - основной принцип. Во всех сферах. В духовной, хозяйственной, в области денежного обращения.*
>
> *И наша задача... русскую власть... ига жидовствующих ...ига жидовствующих... это... преобразование - коснется всех сфер жизни... будут изжиты бесплодные формы взаимоотношений... появится и многодетная русская семья... усилится наука, военная мощь... высокоорганизованное общество.*
>
> *1б ...является врагом... жидовствующие... ига жидовствующих! Избавление от ждовства... освободителям Руси от ига жидовствующих... Вычищая манипуляции и имитации жидовства... будут изжиты бесплодные формы взаимоотношений... появится и многодетная русская семья. Вновь усилится наука, военная мощь...*
>
> *2а мы.. русское... нашего... уроки... для тех, кто... будет участвовать в процессах возрождения Руси. Русское... нашего... наш... русское... наш*
>
> *человеческие жертвоприношения... извращения... возвеличивание денег... уничтожение любви... Защитить... вируса жидовства... ...властей... жидовством во главе. Игры в выборы - наихудшая форма... падения и мошенничества, венец пирамиды присвоения... закабаление народа на долгие годы во власти новых самозванцев... мошенничества и отъема хлеба насущного у народа, концентрированные в жидовстве.*
>
> *...реализована русская идея, установлен русский порядок. ...Цели единства Руси... Изгнание всех иных властей... с жидовством во главе. Защитить... от вируса жидовства.*

...восстановим единство территорий как великое благо. ...мы восстановим возможность спокойно жить и развиваться народу Руси. ...мы восстановим единое необходимое нам русское управление...

3а ... в Росфедерации разрешается острейший конфликт. Смертельная схватка между силами патриотическими, нацеленными на спасение страны и ее здоровое развитие с одной стороны, и со "стабильной" системой криминально-коррупционной дегенерации остатков России. Между людьми и мародерско- коррупционной, сырьевой нелюдью под бело-сине-красной тканиной.

бредовые планы медведевского ИНСОРа ненавидят 80% населения ... ИН-СОР продолжает писать планы... программу "реформ", по сути - геноцида...

...люди вообще не хотят бороться за себя и спасать свой народ. ...уничтожить... либо погибнуть окончательно

Мы организуем "Родину — здравый смысл"... Мы зовем в блок... Нужно ... стать единым фронтом... не даст состояться катастройке-2 ..."перестройщиков-2" ...с тем же исходом - распадом уже РФ...

...призыв... вступайте в организованные группы. Берите лицензии на "охоту и рыболовство". ...во всеоружии. ...Мы рассчитываем... втянуть в организацию... Мы зовем в блок...

3б ..."перестройка-2"... Возвращение Путина к власти в 2012-м ...притормаживает ее... но не ломает тенденции.

...разворачивается "перестройка-2"... Не вижу никаких светлых перспектив. Нам - конец...

4а ...движение "Парабеллум"... частью коего мы выступаем. ...Друзья... русские... мы

...Драть со всех три финансовых шкуры... деньги разворовываются или бездарно профукиваются, не обеспечивая решения ни единой стоящей перед страной проблемы. ...власть заявляет... Жадные, вороватые, невероятно неумные, они повели РФ к развалу и катастрофе.

Присоединяйтесь к нам! Мы просим вас создавать небольшие группы и выходить на нас уже сообществом. ...объединиться... Создавая тройки и пятерки... каждый может приобретать легальное оружие... ...активные группы... которые готовы сражаться... только решительными действиями...

4б Создавая тройки и пятерки на местах... легальное оружие самообороны...

Поскольку выделение фрагментов цитат "экспертами" никак не объяснено, мы вправе считать, что это попытка обратить внимание следствия и суда именно на те слова и словосочетания, которые кажутся "экспертам" особенно вопиющими.

Изложим в виде связного текста то "послание", которое "специалисты" предложили следствию и суду в выделенных фрагментах приведенных ими цитат из статей Ю.Екишева и М.Калашникова.

О "возбуждении"

Совершенно недопустимо, когда кто-то пишет о "нашей земле", "нашем народе", имея в виду русский народ и русскую землю. А тем более, когда автор пишет о русской власти. В этом случае он создает субъект межнациональной розни, возбуждает эту рознь.

Нельзя писать о том, что РФ превратилась в колонию, нельзя упрекать людей за то, что они говорят "ОК" вместо "хорошо". Надо только радоваться, что ваших детей учат по чуждым нормам и стандартам, когда отнимают ваши изобретения и ваши предприятия. Надо с радостью покупать израильскую редиску и слушать по ночам лезгинку под своим окном. И ни в коем случае не возмущаться тем, что России грозит расчленение и уничтожение.

Нельзя требовать избавления от жидовства и установления русского порядка, который должен произвести изменения во всех сферах, включая духовную, хозяйственную и сферу денежного обращения. Потому что "русский порядок", русская власть - это субъект вражды, а "жидовство" - евроиудеи [2], *против которых эта вражда направлена. Непозволительно говорить об "иге жидовствующих", потому что это возбуждает рознь к евроиудеям. Эту рознь возбуждает и намерение изжить бесплодные формы взаимоотношений и планирование возрождение многодетной русской семьи, а также науки, военной мощи и высокоорганизованного общества.*

[2] Поскольку "специалисты" используют неприемлемый термин "евреи (иудеи)", который не обозначает какой-либо группы лиц (это евреи или иудеи, или все евреи и все иудеи, или евреи-иудеи, или вообще выдуманная группа), мы заменяем его условным термином "евроиудеи" также без определенного значения, но зато и без повторения абсурдного термина "специалистов".

Русские не должны извлекать каких-либо уроков из своего опыта и участвовать в процессах возрождения Руси. Рознь возбуждают, даже когда говорят "наше русское", "наш русский". Упоминание о человеческих жертвоприношениях, извращениях, возвеличивании денег, уничтожении любви нельзя, потому что это возбуждает ненависть и вражду к "жидовствующим", то есть к евроиудеям. Нельзя призывать к защите от "вируса жидовства", потому что евроиудеи - это не "вирус", и от них не надо защищаться.

Нельзя писать, что выборы новых самозванцев - это падение государства, согласие на мошенничество, средство закабаления и отъема хлеба насущного у народа. А тем более, что все это концентрируется в жидовстве. Потому что русские сочтут, что речь идет о евроиудеях, и воспылают ненавистью на их счет.

Не говорите ничего о русской идее, русском порядке, единстве Руси. А тем более об изгнании властей с "жидовством во главе". Это возбуждает рознь. Не может быть и никаких призывов к восстановлению единства территорий Руси, возможности спокойно жить и развиваться ее народу, восстановлении русского управления. Это тоже возбуждает рознь к евроиудеям.

О "побуждении"

Мнение о том, что в стране разгорается острейший конфликт и предстоит смертельная схватка между патриотическими силами, нацеленными на спасение страны и криминально-коррупционной системой, между людьми и нелюдью, говорить предосудительно. Как и осуждать платы "медведевского" ИНСОР, ненавидимые 80% населения, в отношении которого планируется геноцид. Нельзя ставить людей перед дилеммой: погибнуть или уничтожить организаторов геноцида. И звать их в общественную организацию, в блок, и выступить единым фронтом против "катастройки-2". Нельзя критиковать власть за подготовку "перестройки-2" и обвинять "перестройщиков-2" в том, что они развалят РФ, как развалили СССР их предшественники. Нельзя собираться в организованные группы и приобретать легальное оружие для охоты и рыболовства. "Встретить будущее во всеоружии" - это побуждение к вооруженной борьбе с властью. Не надо никого втягивать в организацию, создавать какой-то блок. Все это - призывы к насилию, беззаконию, мятежу, террору.

Возмутительно упоминать фамилию "Путин", когда говорят, что он "притормаживает" "перестройку-2", но не ломает тенденции. Он не притормаживает. И ломает тенденцию. Он и "за" "перестройку-2" и против нее одновременно.

Недопустимо не видеть никаких светлых перспектив и говорить, что при таких условиях "нам - конец", потому что это тоже призыв к вооруженной борьбе с властью РФ.

Ни в коем случае нельзя вступать в движение "Парабеллум", поскольку это пропаганда борьбы с властью, причем вооруженным путем. Особенно опасно, когда при этом говорят: "мы, русские".

Недопустимо возмущаться тем, что с нас дерут по три финансовые шкуру, что деньги разворовываются или бездарно профукиваются, что не решаются стоящие перед страной проблемы. Нельзя говорить про представителей власти, что они - жадные, вороватые, невероятно неумные, что они повели РФ к развалу и катастрофе. Все это - пропаганда борьбы с властью, в том числе и вооруженной.

Нельзя призывать к присоединению к своей организации, предлагать гражданам создавать свои группы и сообщества, тройки и пятерки, а тем более - приобретать легальное оружие. Не должно быть никаких активных групп, готовых сражаться и предпринимать решительные действия. Потому что все они будут направлены против законной власти. Легальное оружие самообороны в руках граждан - это угроза этой власти, это пропаганда вооруженного выступления против нее.

Мы видим, что вне контекста "специалистами" подобраны фразы о русских и жидовствующих. Последних "специалисты" однозначно определяют как "евреев (иудеев)". Точно так же подбирают фразы с призывом к объединению граждан и "подшивают" к ним призывы приобретать легальное оружие и критические оценки властей. Из этих подборок прямо следует, что в первом случае "специалисты" стремятся противопоставить русских и евреев (хотя о евреях они не приводят ни одной цитаты), а во втором случае организованных, а иногда и вооруженных граждан - представителям государственной власти РФ (хотя ни одной цитаты, где

были бы призывы к вооруженному восстанию или определено, с кем граждане должны сражаться и каким образом, "специалисты" не приводят).

В этой "гремучей смеси" мы видим соединение одновременно русофобии и антисемитизма, стремление "специалистов" и заказчиков из "стряпни" стравить русских и евреев, русских и иудеев, государственные органы РФ и организованных в общественное объединение граждан или граждан, владеющих оружием на законных основаниях. "Исследование" в форме доноса на авторов четырех совершенно обычных статей, выдержанных в риторике православно-патриотической (статьи №№1,2) и национально-патриотической (статьи №№3,4) направлено на возбуждение ненависти и вражды между национальными группами, а также на подстрекательство вооруженного конфликта между государственными органами РФ и гражданами.

Скрытые мотивы "специалистов"

Публикации 2010 и 2009 годов представлены для исследования экспертов, несмотря на то, что срок давности для рассмотрения их как преступных, давно прошел. С какой целью следствие потребовало экспертизы этих статей, а эксперты провели ее? Поскольку в правовом поле у такой деятельности задач нет, то можно предположить наличие целей за пределами этого поля. Эти задачи обнаруживаются в замечательной компетентности экспертов по поводу того, о чем их не спрашивали, что не могло находиться в зоне их внимания, но что они включили в текст экспертизы: сообщение о том, что Ю.А.Екишев является сторонником В.В.Квачкова, книги и другие произведения были признаны экстремистскими, а организация, которую он возглавлял - террористической. Эксперты знают в деталях, о каких произведениях идет речь, и подробно указывают их "выходные данные" в списке экстремистской литературы Минюста. Также они знают, какой суд и когда объявил организацию, куда входили В.В.Квачков и Ю.А.Екишев террористической. (Правда, они не знают или не хотят знать, что данная организация не планировала терактов, не имела физической возможности их готовить, ее члены не совершили ни одного теракта и не имели такого намерения. Но такое отношение к своему делу для экспертов МИЦ уже стало их "профессиональной" чертой, поскольку оно избавляет от сомнений в поставленных перед ними целях, носящих далеко не "экспертный" характер.)

Мотив "специалистов" и их заказчиков также выявляется в структуре ответов на поставленные вопросы. Из них следует, что автор Екишев "возбуждает ненависть", вместе с Калашниковым он ведет пропаганду борьбы, а Калашников доходит до побуждений к вооруженной борьбе. Ненависть - к "евреям (иудеям)", борьба - с властью (которая "специалистами" также представляется как "еврейская (иудейская)", вооруженная борьба - насильственный переворот, восстание против все той же власти.

Характерно, что противниками русских "специалисты" хотят выставить одновременно евреев и "власти". Отождествление евреев с ныне действующим политическим режимом переносит на него все возможные антиеврейские фобии, а на евреев - всю критику режима и всю социальную проблематику. Это возбуждает конфликт там, где его нет, подменяет реальные причины социально-политической конфликтности в РФ выдуманными.

Из своих же выводов эксперты должны были четко разделить анализируемые статьи на три группы, которые имеют разные признаки, обозначенные экспертами.

Объект	Побужд. к вооруж. борьбе	Возбужде-ние	Пропаганда борьбы	Унижение
1 (Е 2014)	-	Х	-	-
2 (Е 2014)	-	Х	-	-
3 (К 2010)	Х	-	-	-
4 (ЕК 2009)	-	-	Х	-

Общим признаком, по мнению самих же экспертов, объединены только две статьи Ю.А.Екишева, опубликованные в 2014 году. Остальные статьи имеют иные признаки, и не могут рассматриваться как связанные с этими двумя статьями. Но эксперты не акцентируют на этом внимания и создают экспертное заключение относительно всех четырех статей, как будто связанные общей целью.

На каждую статью приходится по одному выявленному признаку "экстремизма". Из 16 возможностей реализованы только 4 - четверть от всех "обвинений", заложенных в вопросы к экспертам. При столь ничтожном результате заключение Ю.А.Екишева в тюрьму выглядит как акт вопиющего произвола, и, видимо, обоснование этого произвола более всего мотивировало "специалистов", которые не нашли в текстах Ю.А.Екишева ровным счетом ничего, кроме слова "жидовствующие", совершенно ими непонятное (или же они сделали вид, что оно им непонятно). Ну а призывы к насилию - буквально "высосаны из пальца". Речь в статьях идет о приготовлении к возможному краху государственности и необходимости консолидации граждан для восстановления законности и правопорядка на основе традиционных русских ценностей. Не понять это может только функционально безграмотный человек, либо "специалист", побуждаемый своим начальством к совершению преступления - фальсификации экспертизы.

Судя по тому, что "специалисты" не выписали из статей, оставив вне пределов своего внимания, они фальсифицировали экспертизу сознательно, представив сфабриковав удобные им смыслы опубликованных статей, злонамеренно отобрав из них отдельные статьи и выражения.

Еврейские и иные источники, обязательные для использования

Полагаю, что ответ на этот вопрос позволит суду отвлечься от безумных трактовок "специалистов", которые ничего не понимают в том деле, которым имеют наглость заниматься и получать за это зарплату.

Вопрос в данном случае выходит далеко за пределы того уровня компетентности, который проявили "специалисты" ГБУ МИЦ. Они не привлекли в качестве источников вообще никакой литературы. Даже с выписками из словарей они не смогли справиться. Они оказались не в курсе, что не все евреи - иудеи. Поэтому придумали фиктивную общность "евреи (иудеи)". Они не дали суду никакой информации о том, что такое "жидовствующие", "жидовство". Не только в контекстах, которые употребляются в анализируемых статьях, но даже в хоть каких-то контекстах. Фактически "специалисты" остановились на профанном понимании: "жиды" - это все евреи и все иудеи, "жидовство" - это еврейство и иудейство (все евреи и все иудеи), жидовствующие - это (тогда уж!) еврействующие и иудействующие. Таков уровень их "лингвистики".

В действительности, проблема понимания текстов православных публицистов, которые используют традиционное для России вплоть до начала XX века понимание слов, производных от слова "жиды", составляет причину

недоумений представителей правоохранительной системы, которые по привычке следуют репрессивным установкам советского периода, когда общедоступная православная публицистика была запрещена.

Еврейская публицистика столь же разнообразна, как и русская. В ней есть и неумные восторги по поводу своей национальной принадлежности, и самый отчаянный антисемитизм. При этом даже само понимание того, что есть евреи, как народ, обсуждается с самых разных точек зрения. Так, израильский интеллектуал Шломо Занд в книге "Кто и как изобрел еврейский народ?" (М.: Эксмо, 2010) утверждает, что евреи - это "люди гетто", а вовсе не современники Христа, из которых одни были отмечены "иудиным грехом", а другие стали апостолами христианства.

Уже в предисловии к книге, написанном Александром Этерманом, обнаруживается один из факторов конфликта евреев с другими народами: "Евреи, столетиями жившие вне Палестины, были объявлены неделимой и несмешивающейся уникальной расой (увы, именно расой), чистой как слеза, гениальной и безгрешной, на которую не распространяются исторические законы, которая превосходит все остальные человеческие коллективы (хотя бы своей способностью противостоять истории, да и по многим другим параметрам), расой гонимых изгнанников, оставшейся нечувствительной к двухтысячелетним соблазнам всех родов, культурным и материальным, изгнанной в древности со своей земли и прожившей целую вечность в изгнании, сидевшей там на чемоданах, пока наконец не наступил установленный заранее момент возвращения и обретения древних мистических прав" (Указ. соч., с. 11.).

Мы имеем дело с расизмом евреев, находящихся в диаспоре. Мало того, мы имеем дело с государственным расизмом, ведущим израильский социум в тупик: "Любое несогласие с этой теорией объявлено антиизраильским и антисемитским. Увы, ее очевидная фактическая бредовость мало что меняет — по различным причинам подавляющее большинство израильтян и почти все евреи вне Израиля полагают, что адаптация этих мифов — вопрос жизни и смерти для всего еврейского народа. Поэтому на службу им поставлены все наличные идеологические средства: система образования, культура и литература и, к сожалению, наука. Прежде всего, историческая наука. Настоящая научная история Израиля находится в Израиле под фактическим запретом!" (Указ. соч., с. 12).

Привлеченные следствием "специалисты", при всем их невежестве, конечно, в курсе, что "возбуждение ненависти вражды" в отношении "евреев (иудеев)" называется "антисемитизмом". Но они не используют это слово. И вполне понятно, почему. Потому что даже в еврейской литературе нет точных определений, что такое антисемитизм, хотя повсеместно выражено негативное отношение к нему. Также эксперты не в курсе, что антисемитизм существует с древнейших времен. И еврейские авторы стремились понять, что является причиной антисемитизма - какие-то объективные причины или чье-то намеренное "возбуждение". Фундаментальный труд на эту тему написан в начале 20-х годов XX века Соломоном Лурье и переиздан в наши дни под эгидой РАН и МГУ им. Ломоносова, а также еврейской организации Гиршей Тарбут (Мосты культуры) (см. издание "Антисемитизм в древнем мире", Москва-Иерусалим, 2009). Данный автор, которого никак не заподозрить в антисемитизме, с первых же строк своего исследования заявляет: "Для автора этой работы... несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях... что он коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и нееврея" (Указ. соч., с. 43). При этом автор отмечает, что в науке распространена и противоположная точка зрения, которой

придерживался его отец: "...еврейство существует потому, что существует случайно появившийся в мире антисемитизм, и будет существовать, пока он существует" (Указ соч., с. 44). То есть, либо евреи своим существованием вызывают к жизни антисемитизм, либо сам антисемитизм формирует еврейский народ, побуждая к консолидации всех, кому данный этноним что-то напоминает о его родстве.

Вообще-то еврейский, как любой народ, не обязан всем нравиться. Негативные высказывания о других народах - это норма классических произведений. От Тацита и других римских авторов до Бакунина и Герцена ("Былое и Думы" пересыпано негативными характеристиками всем европейским народам, с которыми соприкасался автор). Достоевский, которого порой считают чуть ли не "классическим антисемитом", в "Дневнике писателя" решительно ответ такое обвинение: "Когда и чем заявил я ненависть к еврею? Так как в сердце моём этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я с самого начала и прежде всякого слова с себя это обвинение снимаю раз навсегда…".

Весьма важно помнить, что даже сам термин "антисемитизм" придуман еврейским публицистом Вильгельмом Марром (1819-1904), который стал использовать его взамен прежнему "ненависть к евреям" (Judenhass). При этом термин малопродуктивен, потому что касается не евреев, а "семитов", языковой группы. Он был заимствован из филологии, которая объединила как "семитские" языки иврит, арабский и арамейский.

В самом еврейском обществе (если о таковом вообще можно говорить как о некоей целостности) то и дело возникает "самоненависть". Известна скандальная книга Отто Вейнигера (1880-1903), где он доказывал, что евреи, наряду с женщинами, не обладают необходимыми рациональными и моральными свойствами, чтобы управлять обществом. Обсуждению этого трактата посвящена целая литература.

Тем самым, до момента, пока "политкорректность" не прекратила обсуждение соответствующих вопросов, само понимание того, что есть "еврей", и откуда берется ненависть к нему, было весьма интенсивным. И нельзя сказать, что данный вопрос разрешен до такой степени, чтобы сегодня приписывать кому-то "возбуждение". Такая "возбужденность" есть не только среди русских авторов, но и среди самих евреев. На неразрешенность данного вопроса указывает популярность книги Вейнигера "Пол и характер" с "антисемитской" главой, которая с момента его самоубийства в 1903 году вышла общим тиражом свыше 3 млн. экземпляров. Считается, что его идеи во многом повлияли на Ницше и Фрейда, и вовсе не в одних только вопросах пола.

В современном Израиле фиксируются факты "самоненависти". Еврейская литература числит серди антисемитов музыканта Гилада Ацмона, увидевшего смысл в сжигании синагог, а также профессора химии Иерусалимского университета Исраэля Шахака, оправдавшего еврейские погромы Богдана Хмельницкого. Это лишь отдельные примеры, приводимые на еврейских сетевых ресурсах и отражающее не исключительные факты, а целое явление.

Проблема состоит в том, что "еврей" из всех возможных признаков национальной общности надежно определяется лишь по этнониму. Об этом пишет Шломо Занд: "Никогда и ни для кого не было особым секретом, что основная часть знаменитого испанского еврейства, отчасти принявшего христианство, отчасти изгнанного с Иберийского полуострова в конце XV века, происходила от перешедших в иудаизм североафриканских берберских племен, что восточноевропейские еврейские общины, состоявшие поначалу почти целиком из

прозелитов, образовались в результате иудейской эмиграции с юга и с востока, а не из Западной Европы, наконец, что нынешняя йеменская еврейская община возникла на руинах древнего южноаравийского иудейского государства Химьяр, также созданного прозелитами и уничтоженного еще в домусульманские времена" (Указ. соч., с. 14-15).

Евреями считают себя люди, имеющие резко различающиеся антропологические признаки, относящиеся к разным религиям (вплоть до догматически противостоящих - христианству и иудаизму), разным культурным традициям и даже говорящие на совершенно разных языках. Поэтому и "антисемитизм" - нечто неуловимое, многоликое. Таким образом, научно обоснованным можно считать факт разнородности еврейства, не представляющего собой родового единства, то есть "народа" - в смысле, который мы обычно вкладываем в этот термин, относя его к другим общностям. Хотя еврейские мыслители начала и первой трети XX века (Нордау, Бубер, Жаботинский) отчаянно пытались обосновать расовую концепцию еврейской общности. Физическая антропология и генетика все эти усилия опровергли (соответствующую библиографию см. у Шломо Занда, например, Boas F. The Mind of Primitive Man. — New York: The Free Press, 1965 и Mourant A. E. et al. The Genetics of the Jews. — Oxford: Oxford University Press, 1978.).

В "Еврейской энциклопедии" содержится следующее определение антисемитизма: "АНТИСЕМИТИ́ЗМ, идеология и политическое движение, направленные на борьбу с еврейством. Термин "антисемитизм" возник в конце 70-х гг. 19 в. в Германии. Антисемитизм, в сущности, — это форма враждебного отношения к еврейскому народу на определенном историческом этапе" (Краткая Еврейская Энциклопедия (КЕЭ), том 1, кол. 141–156, или см. Электронную еврейскую энциклопедию - http://www.eleven.co.il). Исторические очерки об антисемитизме, сопровождающие данное определение, отражают принципиальное различие исторических форм этого явления: весьма различны антисемитизм античного периода, Средневековья и наших дней.

Понятно, что антисемитизм как идеологию и политическое движение история знает только лишь в гитлеровской Германии. Что касается напряженных отношений с соседствующими народами, то это явление повсеместное, не оформленное в какую-то идеологию и отражающее лишь внешнеполитическую активность соседних с Израилем государств. Оно проявляется в отношениях вообще между любыми народами, которые входят в соприкосновение. Бесконфликтного соседства народов не бывает. Конфликтов нет там, где такого соседства нет, где какое-либо соприкосновение исключено.

В древнем мире, как и в современном мире, нет какого-то одного народа или группы близких между собой народов, которые имели бы особое негативное отношение к евреям. Древность знает противостояние евреев, связанных своей традицией, и эллинизированных представителей других народов, а также местных властей (Египет) и имперского ядра (Римская Империя). Конфликтность вокруг евреев древней Иудеи или древнего Египта совершенно та же, что и в отношении других народов, стремящихся сохранить свою самобытность и/или родовую территорию. И с тех пор никаких изменений в этой конфликтности не образовалось. Мы имеем еврейскую политическую нацию в Израиле и диаспорные сообщества (явные или мнимые) евреев, которые связаны между собой порой лишь этнонимом. Конфликтность в одном месте вовсе не обусловлена конфликтностью в другом месте.

Нас в данном случае интересуют российские евреи, и никакие другие. И здесь мы видим, что проблематика русско-еврейского конфликта отсутствует, пока не вмешивается религиозное неприятие между христианством и иудаизмом, которое имеет догматические основания и не может быть преодолено ни при каких обстоятельствах.

Евреи весьма разнообразны в своих взглядах, по которым они не выявляются как выделенная группа. К тому же численность евреев в РФ оценивается всего в 200 тыс. человек. При этом нет сколь-нибудь заметных мест компактного проживания евреев. Выделяются скорее иудеи и их религиозная публицистика, в которой немало фобий в отношении православных людей (см., например, догматическое произведение "Шулхан арух", где есть множество совершенно чудовищных высказываний в адрес христиан и вообще неиудеев). А также профессиональные "общественники" (по недоразумению называющие себя "правозащитники") - крайне узкая группа "профессиональных евреев", занятых написанием доносов. И эта деятельность порой используется для дискредитации политических сил, которые не только не проявляют никакого "антисемитизма", но просто не замечают "еврейского вопроса".

В России деятельность подобных "профессиональных евреев" при поддержке закулисных сил, направляющих их активность, обращается в русофобию, поскольку православные в России в подавляющем большинстве являются русскими. Именно это обстоятельство мной усматривается в поведении "специалистов", авторов "экспертизы". Они ведут себя как "профессиональные евреи", которым достаточно подозрения в антисемитизме, чтобы утверждать, что антисемитизм имеет место. Поскольку они ничего не понимают в вопросах, которые пытаются разрешить, им достаточно намека, увиденного в словах "жидовский" и "жидовствующий". При этом все грехи человеческой натуры, отраженные в данных словах, возлагаются именно на евреев. Что превращается в форму "самоненависти" - юдофобию, антисемитизм.

К сожалению, распад системы образования в РФ создает таких "специалистов", которые из принципа "чего изволите" готовы обслужить политический заказ, поступающий через правоохранительные органы, где рядовые сотрудники сами не знают что творят. А творят они антисемитизм, русофобию и "горячие" формы конфликта между гражданами и государственными органами. Эти вольные или невольные установки читаются в "экспертизе".

Невежество создает у "специалистов" иллюзию того, что они профессионально готовят важные для правоохранителей документы. Эта наивность (и "простота", которая "хуже воровства") дает широкие возможности для манипулирования зависимыми экспертами и списывания на них репрессивных мер против тех, кого решили по какой-либо причине засадить за решетку. Держиморда не хочет поставить перед собой вопрос: а кого мы называем "евреями"? кто себя называет евреями? кто такие иудеи? кого евреи считают евреями? кого иудеи считают иудеями? Хотя без ответов на этот вопрос невозможно определить, есть ли в каких-то текстах возбуждение вражды к евреям или к иудеям.

Хотелось бы спросить "специалистов": когда вы читаете слово "жид", вы всегда считаете, что речь идет об иудеях? А когда в полемическом запале кто-то определяет оппонента как "фашиста", вы всегда считаете, что этот оппонент - приверженец гитлеризма или Муссолини? Если так, то вы - опасные инфантилы.

Добросовестные эксперты должны были бы изучить происхождение и применение слова "жид", и обнаружить, что оно является неоскорбительным во всех славянских языках. И в русском простонародном языке до некоторого времени

носило разве что шутливо-пренебрежительный оттенок (как, скажем, в словах "москаль", "кацап", "хохол"). В качестве ругательства в русском языке вплоть до настоящего времени слово "жид" вообще не касается евреев, поскольку может быть отнесено к любому человеку.

Слово "жид" и др. производные от него встречаются в Новом Завете <...>

В русском языке отношение к словам, однокоренным со словом "жид", имеет исторический контекст. С одной стороны, употребление слова "жидовствующие" сформировало определенный негатив в отношении "жидов" - еврейского населения России. При этом в бытовой сфере существовала масса совершенно нейтральных и устоявшихся терминов: Жидовские ворота в Киеве, жидовский пирог в кулинарной рецептуре, опера "Жидовка" и так далее [3].

> [3] Многочисленные примеры нейтрального употребления слова "жид" и производных от него приведены в работе Н.Лескова "Еврей в России",1884 г. См. публикацию книги в "Википедии".

В современной "Википедии" (свободной электронной энциклопедии) значится следующее значение слова: "Жид — слово, зафиксированное в деревенском, простонародном обращении, бранное в некоторых контекстах. Употребляется в значении "жадный или коварный человек", "скупой", "скряга". Это значение ещё в XIX веке выделилось как особое (см. словарь Даля). От слова жид с этим значением образован глагол жидиться — "жадничать". Если судить по приведённым Далем пословицам, такое поведение воспринималось нормальным в коммерческой деятельности, но не в быту: "Живи, что брат, а торгуйся, как жид". Аналогично словопользованию в других языках: англ. to jew "обдурить", исп. judeo "мошенник", в настоящее время избегаемые как оскорбительные (так, Майкл Джексон в 1990-е годы вызвал скандал песней, где были слова: jew me, sue me). В Молдавии и в некоторых других странах "жидами" называют воробьёв".

В русском языке негативное значение слова "жид" возникло не из догматической несовместимости православия с иудаизмом, а из секуляризации русской и еврейской жизни и образования эмансипированной "прогрессивной общественности", которая во второй половине XIX века объявила слово "жиды" маркером антисемитизма. Следующие традиционному словоупотреблению понимали под однокоренными словами либо религиозный аспект (предательство Христа, антихристианские позиции), либо черты, свойственные людям разных народов - скупость, жадность, склонность к мелкому обману, изворотливость, живодерство, ростовщичество и проч. И зачастую относили то и другое к "прогрессистам". Те же в ответ определяли использующих слова "жид", "жиды", "жидовский", "жидовствующие" как "мракобесов". Это первоначально литературное размежевание, не коснувшееся простонародного словоупотребления, постепенно стало политическим и достигло особенно ожесточенного конфликта в период гражданской войны 1918-1922 гг., когда белогвардейская пропаганда определяла большевистское правительство как "жидовскую власть", а ответно получала обвинения в антисемитизме, "черносотенстве", реакционности [4]. Победа большевиков не привела к официальном запрету соответствующих слов, но преследование "черносотенцев" было повсеместным - вплоть до расстрела, а антисемитизм был признан уголовным преступлением. Таким образом, слово "жид" стало маркером "контрреволюции", а затем вошло в привычку считать его применение, как минимум, "неприличным".

[4] На политическое размежевание по этому поводу указывает еврейский автор Абрам Торпусман в работе "Споры об определении еврейства" (Иерусалим: издание культурно-просветительского общества "Теэна", 2001), которая цитируется в "Википедии".

После краха коммунистического режима православно-патриотическая публицистика восстановила прежнее словоупотребление, но исключение слова "жид" из культурной нормы, закрепилось в светской литературе. Таким образом, вновь воспроизвелось размежевание на "прогрессистов" и "черносотенцев". Вместе с полемикой, которую безграмотные эксперты считают заведомо незаконной. Между тем, в этой полемике "черносотенцы" следуют Достоевскому (у него "жиды", "жидишки" - понятие совершенно не этническое [5]), а "прогрессисты" используют советские привычки и зовут полицию, когда где-то слышат или читают слова "жид", "жидовский", "жидовствующий". Норма языка еще не утвердилась, и поэтому все однозначные трактовки - вроде тех, что используют полицейские "специалисты" - являются произвольными, политизированными. Может быть, даже отражающими "прогрессистские" убеждения заказчиков экспертизы.

[5] Игорь Волгин, профессор, доктор филологических наук, специалист по творчеству Достоевского, еврей (Гойхман по матери) отмечает: "„Жидовская идея“ в „Дневнике“ зачастую как бы лишена национального содержания (недаром Достоевский пишет и о „русских жидах“): это своего рода обобщающая метафора" (Волгин И.Л., Поверх барьеров. Загадка "Дневника писателя", с. 9-10, 2011).

У слова "жидовствующие" имеется традиционный религиозный и религиоведческий контекст, и это прямо следует из словарей, которые "специалисты" обязаны были привлечь.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, т. XXII, с. 943: "Ждовствующие - ересь, известная под этим именем, появилась в Новгороде во второй половине XV века и оттуда перешла в Москву. По словам летописцев, первым ее распространителем в Новгороде был еврей Схарія, в 1471 г. приехавший туда из Киева и совративший нескольких священников. Скудные сведения, имеющиеся о самом существе ереси в летописях, прославляющих архиепископа Геннадия и "просветителя" Иосифа Волоцкого, позволяют представить учение о жидовствующих в следующем виде: они отрицали монашество и духовную иерархию, отвергали поклонение иконам и ругались над последними, не верили в таинство причастия, отрицали троичность Божества и божественность Иисуса Христа; некоторые шли еще дальше в рационалистическом направлении, отказываясь признать бессмертие человеческой души..."

1-я БСЭ, Издательство Акционерного общества "Советская Энциклопедия", М., 1929-1932 гг., т. 25, с. 401. "Жидовствующие - сторонники религиозной идеологии протестантско-реформистского характера, возникшей в Новгороде Великом в 70-х годах XV в. в эпоху ожесточенной борьбы Новгородского боярства с Москвой, подготавливающей захват Новгорода и ликвидацию его политической самостоятельности. Религиозная идеология Ж. прикрывала политическую группировку сторонников М., ожесточенно нападавших на новгородскую феодальную церковь (Ж. отвергали поклонение кресту, иконам, монашество, иерархию и т.д.)".

В светской "левой" публицистике начала XX века слово "жид" также не имеет негативной оценки. Большевики, прославлявшие "всемирно-прогрессивные" черты в еврейской культуре и выступавшие против "еврейского бесправия", вполне свободно употребляли слово "жиды" - в нейтральной форме. В воззвании одесских большевиков, которое приводится в одном из сочинений Ленина ("Последнее слово бундовского национализма", ПСС, т. 7, с. 325), сказано: "...среди нас нет ни жидов, ни русских, мы все рабочие...". В данном случае "жиды" относилось не ко всем евреям, а только к торговцам, опасавшимся погромов.

В Краткой еврейской энциклопедии (том 2, кол. 508–510): ЖИДО́ВСТВУЮЩИЕ, принятое в православной церкви название ряда религиозных групп, существовавших в России начиная со второй половины 15 в. и обвиняемых церковниками в склонности к иудаизму. Аналогичное обозначение ("иудействующие") часто применялось христианской церковью (особенно в Византии) по отношению к различным еретическим течениям, в которых усматривали близость к иудаизму".

В русской зарубежной публицистике середины XX века слово "жид" зачастую относится к недобросовестному предпринимателю <...>

"Современный словарь русского языка" даёт два значения "жид" слова: первое — нейтральное, второе — презрительное и бранное. (Жид // Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1.). Уклонение от рассмотрения нейтрального слова или бранного значения, не направленного в адрес какой-либо национальности, фальсифицирует экспертизу.

Слово "жид" общеупотребимо в православной публицистике и определяет не религиозную или этническую группу, а противников веры Христовой, ее предателей. Это значение сохраняется и используется до наших дней и естественным образом проникает в православно-патриотическую публицистику. В светской публицистике в течение XX века слово "жид" либо остается нейтральным (в соответствии с обычным словоупотреблением в южных областях России - на Украине и в Молдавии), либо относится не к религиозной или этнической группе, а к аморальным типам - людям бесчестным, вороватым и подлым. Все это означает полную несостоятельность трактовок "специалистами" статей Юрия Екишева, контекст которых с полной очевидностью относит слова "жидовский" и "жидовствующий" именно к аморальным персонам, противопоставленным людям, наделенным традиционной русской, православной нравственностью.

Ответы на вопросы:

1. Вопросы поставлены перед экспертами некорректно, неконкретно, но ответы на них подсказаны приложенными документами, которые мотивировали экспертов на должностной подлог - фальсификацию экспертизы.

2. Эксперты не обладают никакими знаниями для анализа общественно-политических текстов, а в особенности текстов православно-патриотических публицистов. Ни по формальным признакам, ни по тексту "экспертизы" не прослеживается ни малейшей возможности привлекать подобных "экспертов" к анализу текстового материала. Оба "эксперта" некомпетентны не только в междисциплинарных сферах, которые в данном случае обязательны для освоения, но даже в своей профессиональной деятельности: лингвистике и психологии.

3. Эксперты не использовали никаких исследовательских приемов. Вообще никаких. Оформленный ими документ лишь внешне напоминает экспертизу. Вместо научных методов использованы методы подлога, подтасовки, фальсификации выводов.

4. Выводы экспертов ни в малейшей мере не обоснованы, мотивы их деятельности лежат далеко за пределами правового поля и профессиональных навыков. В так называемой "экспертизе" прослеживается вольное или невольное стремление к возбуждению конфликтов между евреями и русскими, гражданами РФ и институтами государственной власти РФ.

5. Экспертами вообще не использована какая-либо научная литература. Ссылки на словарные статьи не соответствуют содержанию этих статей, указания на страницы словарей отсутствуют. О том, что существуют авторы еврейского происхождения, способные что-то сообщить по поводу возбуждения вражды к "евреям (иудеям)", эксперты, видимо, не догадываются. Они даже не озадачиваются пониманием того, что такое "еврей", "иудей", "русский", "вражда", "конфликт" и так далее.

Отзыв специалиста на экспертное заключение

старшего эксперта отдела фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз ЭКЦ МВД России Громовой А.В. от 15 марта 2016 г.

Вопросы, поставленные перед специалистом:

1. Являются ли корректными, с научной точки зрения, поставленные перед экспертами вопросы?

2. Соответствует ли квалификация экспертов поставленным перед ними на разрешение вопросам?

3. Соответствуют ли использованные экспертами исследовательские приёмы современным научным методикам, допустимым для производства такого рода экспертиз в РФ?

4. Степень обоснованности и мотивированности выводов экспертов?

5. Использовалась ли экспертами при даче заключения по данным вопросам методическая литература авторов еврейского происхождения? Если нет, то прошу в своём заключении проанализировать представленные на исследование материалы с использованием методической литературы авторов еврейского происхождения, трудов специалистов в области иудаистики?

Оценка поставленных перед экспертами вопросов

В письме ЭКЦ МВД, излагающем материалы экспертизы, значатся поставленные перед экспертом вопросы:

1. Имеется ли в представленном материале негативная оценка человека или группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии?

2. Имеются ли в представленном материале высказывания побудительного характера, призывающие к враждебным действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии?

Поскольку материалом является картинка с надписью (демотиватор), то представленные вопросы выглядят более чем сомнительными, поскольку не отражают особенностей материала. Трудно себе представить, чтобы картинка содержала признаки расы, языка, национальности, происхождения и религии. Чтобы изобразить признаки расы, нужны ее очевидные признаки. В отношении "больших рас" такое возможно, например, выделением цвета кожи. Но для рас более низкого порядка это практически невозможно: их отличительные черты выделяются только статистически и не могут быть выражены символически, чтобы различаться на картинке тем, кто будет ее рассматривать. Совершенно невозможно различить на картинке признаки национальности, если ее признаки не выражены в

надписи или не соотнесены со специфической символикой (например, государственной). Признаки языка также невозможно выразить в изображении. Религиозные символы могут обозначаться визуально в виде священных символов или изображения священного ритуала.

Таким образом, поставленные перед экспертом вопросы находятся в противоречии с материалом, представленным на экспертизу. И вменяемый эксперт на подобные вопросы отказался бы отвечать. Тем более лингвист (в письме полковника Савенко исследование названо "лингвистическим"), которому положено анализировать тексты, а не картинки.

Квалификация эксперта

В тексте письма заместителя начальника ЭКЦ МВД, полковника полиции ***Г.В. Саенко*** отсутствует указание на квалификацию эксперта. Из всех сведений об эксперте сообщается лишь о занимаемой им должности. Поэтому о квалификации эксперта можно судить лишь по тексту самой экспертизы. Она является вопиюще невежественной. Из этого текста прямо следует, что эксперт не обладает никакими знаниями - ни в областях, необходимых для анализа представленного на экспертизу материала, ни в области лингвистики, из которой эксперт при написании своего "опуса" использует только терминологию. Видимо, начальство (полковник Савенко) считает своего специалиста ***А.В. Громову*** филологом или лингвистом, озаглавливая свое письмо с изложением экспертизы "О лингвистическом исследовании". Но в действительности в данном письме есть все признаки профессиональной непригодности А.В.Громовой. В ее "экспертизе" лингвистический анализ отсутствует, а домыслы по поводу картинки (демотиватора) пересыпаны произвольно и не к месту привлеченной терминологией.

Видимо, эксперт не понимает стоящей перед ним задачи - оказание помощи следствию и суду в понимании тех сложных вопросов, которые они не могут решить самостоятельно. Вместо этого эксперт ясные и понятные слова и образы подменяет набором бессмысленно привлеченных терминов, которые создают наукообразие, но вместо упрощения понимания анализируемого объекта неспециалистом, делают такое понимание невозможным.

Лингвист, безусловно, должен был бы отказаться от анализа картинки, если им не освоена междисциплинарная область, предполагающая возможность трактовки изображений и заключенных в них смыслов. О том, что эта область не освоена, свидетельствует отсутствие у эксперта понимания того, что перед ним изображение примерно столетней давности, выполненное в стиле русского лубка.

Эксперт Громова заявляет, что использует в качестве исследовательских методик концептуальный, логико-грамматический, семантико-синтаксический, лексико-семантический, функционально-прагматический методы, а также методы анализа коммуникативной организации текста, метод компонентного анализа слов, метод анализа пресуппозиции, визуальный перцептивный анализ. Все это изумительное богатство методов нигде не обозначено - его просто нет в "исследовании". Вряд ли эксперт сможет внятно объяснить, что это за методы, и в каком месте текста они применены.

Специалист, берущийся за экспертизу по поручению следствия и суда, должен знать об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение. Видимо А.В.Громова об этом не знает, поскольку дает именно заведомо ложное заключение. Подписки о том, что эксперт предупрежден о своей ответственности, в тексте письма полковника Савенко нет, но под ним стоит также подпись А.В.Громовой.

Приемы "специалиста" - фальсификация экспертизы

Несмотря на ссылки на ведомственные методики (разработанные в том же ЭКЦ МВД), никаких признаков какой-либо научной методики в "исследовании" Громовой не содержится. Изучение текстов этих методик не входит в задачи настоящего отзыва, но ясно одно: каково бы ни было их содержание, эксперту Громовой они "помогли" лишь в фальсификации экспертизы.

Указанная экспертом литература - словари и две лингвистических публикации, которые в исследовании не используются. При этом основное содержание исследуемого материала, без которого экспертиза вообще лишена смысла, - это изображение. Судя по тому, что использовано шесть словарей, а формулировка у эксперта всегда единична, налицо подлог: эксперт никогда не анализирует нюансы словарных статей, используя лишь один из них. Судя по ссылкам в квадратных скобках, Громова использовала только три словаря. И лишь при анализе слов "хворостина" и "розга" использовала формулировки из двух словарей одновременно. Два источника несловарного характера приводятся в списке литературы, но не используются в экспертизе.

Для фальсификации экспертизы Громова подменяет ясное неясным. Носитель русского языка без всяких словарей знает, что такое "карикатура", "скот", "хворостина" и др. Даже местоимение "мы" эксперт не забывает снабдить словарным определением. Забивая свой "опус" словарными статьями подобного рода, Громова имитирует экспертизу, а добавляя к этому без всяких определений термины "пресуппозиция", "сема", "коннотация", "семантико-синтаксическая свертка", "дейктическая связь", "денотативная соотнесенность", "синтаксическая корреляция", "синтаксический эквивалент", "предикат", "метонимический", лишает текст экспертизы всякого смысла. При этом в начале экспертизы Громова дает определения терминов, которые она использует в своем тексте: "группа", "демотиватор", "оценка (категория оценки)", "поликодовый текст", "карикатура". Лингвистическим терминам Громова определений не дает.

Если определение термина "группа" дано в явно усеченном виде и предполагает понимание "группы" только в смысле, указанном в вышеприведенных вопросах, а термин "демотиватор" описан вполне адекватно, то термин "оценка" - это набор слов, способных только запутать ситуацию. В последнем случае общепонятное слово "оценка" определяется через термины "семантика", "модальная рамка", "логико-семантическое или синтаксическое построение", "оценочный предикат", "эксплицитный", "имплицитный", "коммуникант". Подобная уловка делается с целью исключить изучение следствием и судом текста экспертизы и принять во внимание только выводы. То есть, следствие и суд склоняются тем самым к неадекватным решениям. Судьбу автора демотиватора, таким образом, решает не правоохранительная система, а мнение эксперта - сугубо профанное и произвольное.

При анализе картинки эксперт описывает ее сугубо профанно, не пытаясь установить ее происхождения, не понимая особенности стилистики. Заметив элементы костюма одной из изображенных фигур (рубаха-косоворотка, нагрудный знак в виде креста, брюки, заправленные в сапоги, фуражку с кокардой), эксперт делает "детский" вывод о том, что изображенный имеет отношение к военной службе. При этом он не замечает, что косоворотки давно не используются на военной службе. Эксперт, находясь вне культурного контекста, связанного с изображением, не понимает, что перед ним - казак, а сама картинка выполнена в стиле русского лубка. Эксперт не замечает кудрей, выбившихся из-под фуражки, -

характерной черты облика казака, уж точно неуставной для службы вне казачьих подразделений.

Не имея знаний в области физической антропологии, Громова объявляет признаками "еврейства" (понять бы, что это такое в данной экспертизе!): "крупный нос с горбинкой, крупные глаза навыкате, большие губы и уши, растрепанные волосы, бородка" и даже "кипа - матерчатый головной убор". По мнению автора экспертизы, если к этому добавляются "пейсы и шестиконечная звезда", то это также указывает на принадлежность к иудаизму. Откуда эксперт нахваталась этих невежественных домыслов, понять сложно. Никаких ссылок на литературу эксперт не дает, да их и не может быть. Восприятие эксперта скорее отражает неосознанный антисемитизм - именно так, как изображена на лубке фигура с хвостом, как полагает эксперт, выглядит типичный еврей, а с пейсами - еще и типичный иудей.

Физиономические фантазии Громовой опровергаются антропологическими и генетическими исследованиями (см. ссылки на литературу в отзыве на экспертизу Гуровой и Сапуновой).

Текст написан на демотиваторе "подлую скотину русской хворостиной чтобы эта гадина больше нам не гадила" изложен таким образом, чтобы быть общепонятным. Казак сечет "подлую скотину", чтобы она "не гадила". "Скотина" - антипод казака, обобщенное воплощение зла, униженного ударами хворостины. Очевидное соотношение между изображением и текстом эксперт сопровождает наукообразными измышлениями. Это еще один метод имитации экспертной деятельности: снабдить очевидное "доказательством" с применением множества неуместных терминов. Например, Громова "доказывает", что сечь кого-то хворостиной - это "негативное действие".

По мнению эксперта "русская хворостина" должна быть непременно в руках русского. И поэтому фигура казака воспринята экспертом как символическое воплощение всех русских. Между тем, не всякий русский казак, не всякий казак русский. "Версия" эксперта о том, что на демотиваторе символически представлены русский и казак, приводятся в экспертизе как безальтернативная. Но альтернатива есть. Она состоит в том, что казак является не просто "представителем группы" (специфического сословия с элементами субэтничности), но и воплощением функции защиты государства и народа. А уродливое существо - воплощением врага государства и народа. Видеть в этом воплощении еврея и иудея - скрытый антисемитский мотив в мировоззрении эксперта. Одновременно с ним образуется и русофобский мотив: русский, наказывая "еврея (иудея)" хворостиной, оказывается преступником, реализующим отношения ненависти и вражды всех русских ко всем "евреям (иудеям)".

Когда эксперту нужно подогнать доказательство под заранее известный ответ, он начинает домысливать. Например, видит на картинке "кипу" и "пейсы". Делая выписки из словарей о том, кто такие "русские" и кто такие "евреи" и "иудеи", эксперт в действительности имеет обо всех этих общностях весьма смутное представление. Ибо сами словарные определения рассчитаны на совершенно другой контекст. О русских говорится как об основном населении России, о евреях - как о представителях семитской языковой группы, об иудеях - как о религии, имеющей распространение среди евреев и являющейся государственной религией Израиля. Никаких антропологических или символических признаков в этих определениях нет, и эксперт их домысливает - на уровне профанного понимания контекста "возбуждения ненависти и вражды".

По мнению эксперта, призыв наказать "гадину" (высечь хворостиной) обращен к русским и направлен против "евреев (иудеев)". Якобы расположение текста "и никак иначе" за рамкой - это резюмирование и даже "интенсификация" надписи на самой картинке. Но что именно резюмируется? Автор ничего не понял ни в изображении, ни в надписи.

Воображаемое подсказывает эксперту ход мыслей: ему кажется, что "еврей (иудей)" изображен на демотиваторе похожим на животное, а уподобление животному унизительно; следовательно, изображение направлено на унижение "евреев (иудеев)". Между тем, на "животность" изображения указывает разве что хвост - обычное карикатурное дополнение к любому негативному образу ("сегодня под мостом поймали Гитлера с хвостом"). Жанр карикатуры предусматривает изображение некоторых субъектов, как животных. Но в данном случае налицо все-таки человекообразное изображение, дополненное "животным" элементом - хвостом. Видимо, эксперт впервые анализирует карикатуру, полагая, что наличие хвоста определяет принадлежность изображенного субъекта к животным.

Еще один метод фальсификации экспертизы - внеисторичность восприятия объекта экспертизы, отсутствие попытки понять, к какому типу изображений относится данное, есть ли аналогичные изображения. Что значит "и никак иначе" в подписи под изображениям? "Никак иначе" что? Эксперт считает: "сечь евреев (иудеев)". Это детски нелепый подход, не разливающий прошлого, настоящего и будущего. Разыгранный с целью фальсификации экспертизы.

Эксперт как будто намеренно имитирует непонимание символичности карикатуры (лубка), трактуя ее как призыв к насилию. Если на картинке изображено сечение хворостиной, тогда уж эксперту, следуя прямой трактовке образа и надписи над рисунком, говорить о том, что демотиватор призывает всем русским сечь евреев именно хворостиной. "И никак иначе". Но эксперт предпочитает произвольно обобщить изображенное: за "хворостиной" он угадывает вообще все формы физического насилия. Может быть, даже включая пытки и убийства. Какие-то свои сокровенные страхи эксперт Громова воплощает в этих нелепых домыслах, не имеющих под собой ровным счетом никакой основы, кроме этих самых страхов.

Скрытые мотивы "специалистов"

Вражда может сопровождаться ненавистью и иронией. Но это разные проявления враждебности. Ненависть и ирония предполагают разные эмоциональные состояния. Карикатура иронична. Если так, то в ней нет ненависти, а тем более - призыва к ненависти. Поэтому в карикатуре (лубке) уж точно не может быть признаков возбуждения ненависти и вражды. А при имеющемся чувстве вражды, карикатура снимает ее напряженность, делая объект вражды ничтожным, подлежащим ироничной насмешке. Отрицание этого очевидного факта говорит о том, что эксперт воспринял демотиватор не как карикатуру, а как средство изобличения русских во вражде к евреям и одновременно как средство донести евреям на "нехороших русских". То есть, то, что усмотрел в карикатуре эксперт, оказывается его собственным скрытым настроем. И этот настрой возбужден заказчиками экспертизы (точнее, ее фальсификации).

Эксперт пишет, что евреи объединены в группу по "признакам расы, национальности, языка, происхождения [7], отношения к религии". Этим он изобличает свое стремление не только по смыслу, но и текстуально совпасть в своих формулировках с поставленными перед ним вопросами, которые, в свою очередь, повторяют формулировку из Уголовного кодекса. При этом эксперт не удосуживается проверить достоверность своего утверждения. И убедиться в том,

что евреи могут принадлежать к разным расам, говорить на разных языках, исповедовать разные религии.

> [7] Что такое "происхождение", записанное в УК и "антиэкстремистском" законодательстве, никто не знает. Это рудимент анкет советского периода, когда положено было указывать в графе "происхождение" классовую принадлежность родителей ("из рабочих", "их крестьян", "из служащих").

На экспертизу представлена иллюстрация с надписью (демотиватор), в которой не использованы слова "еврей", "иудей", "русский" (есть только "русская хворостина"), говорить об "оценке" указанных групп или отношений между ними не приходится. Из чего можно сделать вывод, что вопросы к эксперту мотивировали на сделанные им выводы - вопреки свойствам представленного на экспертизу материла. Текст "выводов" прямо противоречит свойствам материала и является по отношению к нему домыслом. Можно предположить, что содержание этого домысла было сообщено эксперту неизвестным лицом. Поскольку текст с письмом, содержавшим извлечение из экспертизы, был направлен Заместителю начальника ГУПЭ МВД России генерал-майору полиции В. А. Макарову, можно предположить, что именно он является заказчиком домысла.

Еврейские и иные источники

Эксперт не обращается ни к еврейским, ни к каким-либо еще источникам, чтобы обосновать свои домыслы. Эти домыслы исходят из скрытых мотивов - обязательного исполнения заказа, полученного от работодателя и начальника. "Евреями" эксперт считает воображаемую им группу с воображаемыми характеристиками.

Наличие "демонов общественного сознания" делает евреев лучшей группой для организации политических репрессий против русских. Стоит лишь доказать, что какой-либо русский общественный активист в своих публикациях противопоставляет русских евреям. Кто такие русские, "и так ясно". А кто такие евреи, автор экспертизы решает на основе представлений, искаженных "демонизмом" его собственных фантазий о евреях. Он находит "еврея" там, где это ему удобно, даже если слово "еврей" нигде не обозначено.

Фактически осуществляется подмена: эксперт исходит не из реально существующего облика еврея, а из того, что ему удобно считать "евреем". И даже шестиконечная звезда используется с целью определения еврея. Мол, еврею свойственна шестиконечная звезда, кто ее носит или на ком ее рисуют - непременно еврей. И если эту звезду изобразить под хвостом человекоподобного существа, то оно тут же превращается в еврея, а все евреи "возбуждаются" для вражды к русским. Само указание на закономерность такого "возбуждения" является источником вражды. Таким образом, сам эксперт возбуждает ненависть: евреев к русским, русских к евреям.

Эксперту Громовой невдомек, что евреи бывают разные, и облик иудея разнообразен. Есть ортодоксы, которые отращивают "пейсы", есть те, кто предпочитает этого не делать. Есть иудеи, которые носят кипу, а есть иудеи, предпочитающие большие меховые шапки. Есть евреи, исповедующие иудаизм, а есть евреи атеисты, евреи христиане. Может быть, среди евреев есть и мусульмане, и представители других религий. Обобщения, использованные Громовой - это клевета на евреев, проявление антисемитизма в самом его примитивном виде.

Демотиватор с изображением в стиле русского лубка содержит приниженный образ зла и изображает символическое сечение хворостиной. Антисемитствующий эксперт без тени колебаний определяет, что все черты этого образа совпадают с образом еврея и иудея. Вряд ли евреи и иудеи готовы согласиться с экспертом, взявшим на себя подобную смелость. Если таковые и есть, то это уж точно не все евреи и иудеи, и даже не сколь-нибудь существенная их часть.

Еврейские источники столь же разнообразны, как и русские. В них выражены разные мнения по множеству вопросов: в том числе и по отношению к иудаизму и родовой истории евреев (см. отзыв на экспертизу Гуровой-Сапуновой). Невозможно сказать, что среди евреев есть какая-то универсальная, устоявшаяся точка зрения, чтобы карикатурного урода с шестиконечной звездой под хвостом считать выражением существенных черт евреев и/или иудеев.

Ответы на вопросы:

1. Вопросы поставлены перед экспертами некорректно, поскольку не отражают специфики исследуемого объекта (демотиватора) и отнесены к ненадлежащему специалисту - лингвисту, не обладающему знаниями в смежных областях, без освоения которых ответы на вопросы не могут быть адекватными. Сознательное направление вопросов заведомо некомпетентному специалисту свидетельствует о должностном подлоге - запланированной фальсификации экспертизы.

2. Эксперт не обладает никакими знаниями для анализа представленного на экспертизу объекта (демотиватора). Эксперт Громова некомпетентна не только в междисциплинарных областях, но даже в своей профессии - лингвистике, поскольку не умеет применять лингвистические методики к анализу текста демотиватора.

3. Эксперт не использовал никаких исследовательских приемов. Оформленный как экспертиза документ лишь внешне напоминает экспертизу. Вместо научных методов использованы методы подлога, подтасовки, фальсификации выводов.

4. Вводы эксперта о том, что в представленном на экспертизу материале присутствует негативная оценка "евреев (иудеев)" и "побудительные высказывания", призывающие русских "к совершению враждебных (насильственных) действий" в отношении евреев не обоснованы. В так называемой "экспертизе" прослеживается вольное или невольное стремление к возбуждению конфликтов между евреями и русскими, гражданами РФ и институтами государственной власти РФ.

5. Экспертами вообще не использована какая-либо научная литература. О том, что существуют авторы еврейского происхождения, способные что-то сообщить по поводу возбуждения вражды к "евреям (иудеям)", эксперт не догадываются. Он не озадачивается пониманием того, что такое "еврей", "иудей", "русский", и так далее.

Мое мнение специалиста, подготовленное по запросу адвоката, не могло быть рассмотрено в суде, поскольку следствие использовало уловку: оно не предъявляло результатов своей работы, а лишь просило суд каждый раз продлить срок содержания под стражей Юрия Екишева. Будто бы сбор доказательств по делу продолжается. И суд каждый раз "верил", что очевидная ложь - это правда. В распоряжении следствия были исключительно те материалы, которые были описаны фальшивой экспертизой. И только эта фальшивка была основаниям для

ареста. Карательная экспертиза продолжилось в карательном судопроизводстве, цинично попирающем нормы права и нормы морали.

По мере затягивания судебного рассмотрения, прокуратура, разузнав о претензиях к совершенно невежественной экспертизе, заказала в том же МИЦ еще одну экспертизу - у формально более компетентных лиц. И эта экспертиза сняла претензии к половине статей Юрия Екишева. Одновременно, вразрез с этой экспертизой следствия приняло решение о выделении двух более поздних статей автора в отдельное производство (декабрь 2016). При этом сокращение объема претензий никак не отразилось на течении судебного процесса, который за несколько месяце опросил лишь свидетелей обвинения, среди которых лишь один удовлетворял всем требованиям системы - приглашенный для дачи показаний оперативник валил одну ложь на другую, не стесняясь уголовной ответственности.

Мне пришлось подготовить третий документ, разоблачавший новую экспертизу - столь же безумную и невежественную.

Отзыв специалиста

на экспертное заключение сотрудников ГБУ Московский исследовательский центр (МИЦ) О.Д.Гуриной и М.А.Осадчего от 19 сентября 2016 г.

Вопросы, поставленные перед специалистом:

1. Являются ли корректными, с научной точки зрения, поставленные перед экспертами вопросы?:

2. Соответствует ли квалификация экспертов поставленным перед ними вопросам?

3. Какова степень обоснованности выводов экспертов?

Оценка поставленных перед экспертами вопросов

На разрешение специалистов ГБУ МИЦ 01 сентября 2016 года следователем Дорогомиловского следственного отдела СУ по ЗАО ГСУ СК РФ по г. Москве ст. лейтенантом юстиции ***Н.А.Спириным*** были поставлены следующие вопросы:

1. Имеются ли в представленных текстах (в высказывании) психологические и лингвистические признаками (так в тексте - А.С.) побуждений, в том числе в форме призыва? Если да, то к чему побуждает (призывает) автор?

2. Содержатся ли в тексте (в высказывании) психологические и лингвистические признаки возбуждения розни (вражды, ненависти) по отношению к какой-либо группе лиц? Если да, то к какой именно?

3. Содержатся ли в тексте (в высказывании) психологические и лингвистические признаки пропаганды исключительности, превосходства, неполноценности по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к социальной группе, или пропаганды иной идеологии?

4. Содержатся ли в тексте (в высказывании) психологические и лингвистические признаки унижения группы лиц, или ее представителя?

Вопросы Н.А.Спирина совпадают с вопросами, которые уже ставились перед специалистами ГБУ МИЦ первым заместителем начальника ГУПЭ МВД России И. В. Морозовым. В сравнении с ними в данном случае мы имеем лишь корректировку первого вопроса, логично изменившую единственное число на множественное. Но при этом допущена новая грамматическая ошибка.

В целом следует оценить поставленные перед экспертами вопросы точно так же, как мной были оценены вопросы, поставленные И. В. Морозовым и отраженные в Справке ГБУ МИЦ и соответствующем экспертном мнении экспертов Гуровой и Сапуновой:

1. Вопросы неконкретные и могут быть отнесены к любому тексту. Осведомление экспертов с обстоятельствами дела мотивировало их на нужные следователю ответы, снимая с него ответственность за полное и всеобъемлющее понимание степени вины подсудимого и перекладывая это понимание всецело на экспертов.

2. Вопросы относятся не к сложному, а к очень простому и доступному для понимания практически любого читателя тексту, не требующему привлечения специалистов. Эксперты могли быть привлечены следствием лишь для разъяснения значений некоторых слов, которые кажутся "подозрительными", непонятными. В целом же функционально грамотный человек, а тем более имеющий юридическое образование, обязан самостоятельно прийти к пониманию рассматриваемых текстов и представить это понимание суду. Уклонение от обязанности самостоятельно понять общедоступные публицистические тексты и обращение к экспертам с нелепыми вопросами подтверждает мое предположение об уклонении следователя от своих непосредственных обязанностей.

3. Экспертам, сведущим в лингвистике и психологии, следователь Н.А.Спирин предлагает выразить мнение специалистов в областях, где их профессиональная компетенция ничем не подтверждена. Возможно, эксперты что-то знают о том, что такое рознь, ненависть и вражда, а также, какие бывает "группы лиц", применительно к своей специализации. Но в данном случае речь идет о группах, которые хорошо известны следователю из уже состоявшегося исследования ГБУ МИЦ - поступившей в дело Справки об исследовании Гуровой и Сапуновой, где утверждается, что авторы исследуемых текстов возбуждали ненависть и вражду к группе, названной "евреи (иудеи)", а также к действующей государственной власти.

4. Перед лингвистом и психологом поставлены непосильные для них задачи, побуждающие их вторгаться в те научные дисциплины, в которых они не обладают необходимыми знаниями. Лингвист и психолог, согласно заданным вопросам, должны знать, что такое пропаганда, признаки исключительности, превосходства, неполноценности, признаки расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также что такое принадлежность к социальной группе и идеология. Таким образом, экспертам необходимо было иметь знания в области этнологии, этнополитики, расологии и физической антропологии, религиоведения, социологии и политологии. Эксперты вынуждены были ограничиться только собственной компетенцией - лингвистикой и психологией, что не дало им возможности верно оценить смыслы, содержащиеся в анализируемых текстах. Тем не менее, они попытались "быть полезным" следствию и все-таки перешли границы своей компетенции.

Эксперты ГУБ МИЦ Гурина и Осадчий были знакомы с результатами исследования экспертов ГБУ МИЦ Гуровой и Сапуновой (см. с. 4, 7 Заключения экспертов), и их ответы на идентичные вопросы опровергли половину обвинительных выводов более ранней экспертизы. Что частично подтверждает мои нелицеприятные оценки качестве экспертизы Гуровой и Сапуновой в соответствующем Отзыве специалиста. Коль скоро сотрудники ГБУ МИЦ, согласно исследованиям других сотрудников ГБУ МИЦ, могут ошибаться, то сомнения в способности определять "истину в последней инстанции" относятся теперь ко всем сотрудникам ГБУ МИЦ. Следовательно, законны такие сомнения и в отношении Гуриной и Осадчего.

Квалификация экспертов

В данном случае квалификация эксперта Носик Ю.Ю. нас не может интересовать, поскольку им были выполнены технические работы, не касающиеся смысла текстов. К экспертизе эти работы отношения не имеют.

Квалификация ***Гуриной Оксаны Дмитриевны*** не подтверждена ссылками на окончание какого-либо учебного заведения, на учреждение, аттестовавшее ее как специалиста, имеющего право самостоятельно проводить судебные психологические экспертизы. Ничем не подтверждена способность эксперта исследовать тексты общественно-политической тематики. Не приведены публикации специалиста, которые свидетельствовали бы о его квалификации именно в тех областях, которых касаются вопросы следствия.

Квалификация ***Осадчего Михаила Андреевича*** подтверждена ссылкой на ученую степень доктора филологических наук по специальности "Русский язык". Никаких сведений о каком-либо опыте анализа общественно-политических текстов, ссылок на публикации соответствующего профиля не приведено. Нет ссылки на учреждение, аттестовавшее эксперта как специалиста, имеющего право самостоятельно проводить судебные психологические экспертизы.

При отсутствии видимых признаков квалификации в областях знания, соответствующих некоторым вопросам следователя, эксперты обязаны были отказаться от проведения исследования по этим вопросам. Поскольку они этого не сделали, их суждения следует признать лишь точкой зрения, сформированной без необходимых знаний и за пределами их компетенции.

Эксперты не привлекали к анализу специальной литературы, которая могла бы просветить их в тех областях, где они выглядят как явные профаны (например, религиоведческую). Приведенный список литературы из двух названий не имеет отношения к предметной области - анализу общественно-политической публицистики.

Методологические проблемы исследования

К исследованию Гуриной-Осадчего следует отнести все те же методологические замечания, которые были сделаны мной по исследованию Гуровой-Сапуновой. Следуя общей схеме подготовки документа, эксперты, анализирующие один и тот же объект, допустили общие методологические ошибки и искаженно восприняли смыслы в анализируемых статья.

Методика вынесения итогового вывода авторами предполагает раздельную оценку материала лингвистом и психологом. При этом совокупная оценка исходила из того, что оба специалиста должны были обнаружить признаки изучаемого материала, определенные заданными им вопросами. Так, если лингвист находил эти признаки, а психолог нет, то общий вывод логичен и правилен: психолого-лингвистический анализ говорит об отсутствии соответствующего признака.

Эксперты Гурина и Осадчий дали совместный позитивный ответ о наличии психолого-лингвистического признака возможного правонарушения лишь в двух материалах: в материале №1 - признаки возбуждение ненависти и вражды к группе "евреи (иудеи)", в материале №3 - признаки побуждения в форме призыва к созданию вооруженных групп. Все остальные признаки как в этих материалах, так и в материалах, названных Объект №2 и Объект №4 отсутствуют.

Следуя методологическому подходу экспертов Гуриной и Осадчего, комплексная научная экспертиза может не рассматривать объекты №2 и №4. Если даже специалист иного профиля увидит в этих объектах какие-либо признаки возбуждения, призывов, пропаганды и т.д., то для признания наличия этих признаков этого будет недостаточно: либо лингвист, либо психолог, либо оба вместе уже определили, что такого признака нет. Дополнение психолого-

лигвистического анализа политологическим, религиоведческим, этнологическим и пр. изучением вопросов следователя относительно объектов №1 и №3, может прийти к выводам, отличным от тех, которые сделаны Гуриной и Осадчим. При этом психолого-лингвистический подход можно будет считать обособленным взглядом экспертов, не использовавшим иные научные подходы. И тогда будет определено, что обнаруженные ими признаки возможных правонарушений, в соответствующих материалах отсутствуют.

Таким образом, с моей стороны, задачей является изучение обоснованности выводов экспертизы Гуриной и Осадчего только по объектам №1 и №3 на предмет наличия или отсутствия в них признаков, обозначенных в вопросах следователя. Остальные объекты уже не могут представлять интереса для суда, ибо в них психолого-лингвистический анализ ничего не обнаружил. Если при использовании междисциплинарного подхода будут обнаружены ошибки при определении хотя бы одного признака, выявленного либо лингвистом, либо психологом, ответ на вопрос следователя приобретет отрицательный характер: междисциплинарный подход, несмотря на мнение лингвиста и психолога, не обнаруживает соответствующего признака.

Степень обоснованности выводов по Объекту №1

Эксперт Осадчий основывает свой анализ, исходя из того, что "жид" означает "еврей". Это утверждение не соответствует не только контекстному употреблению этого слова как в источниках XIX и XX веков, так и в современном словоупотреблении. Как лингвист эксперт Осадчий просто не в курсе тех значений слова "жид", среди которых значение "еврей" является лишь одним из возможных, но не единственны (достаточно взглянуть в любое издание словаря Даля, где приводится соответствующее слово). Не повторяясь относительно религиозных, внерелигиозных и внеэтнических значений слова "жид" и его производных, сошлюсь на посвященный этому вопросу раздел своего Отзыва на экспертизу Гуровой-Сапуновой, в котором следствие и суд могут увидеть подробный очерк, разъясняющий вопрос, который оказался сложен для экспертов.

Когда Осадчий с формально-лингвистическим подходом противопоставляет "русский порядок" и "жидовство", он не учитывает внеэтническое значение слов "русский" и "жид". Русский порядок столь же соотнесен с русскими, как, скажем, и русская культура, русская государственность, русская армия. Во всех этих понятиях этничность не предполагается. Поэтому подход Осадчего несостоятелен. То же можно сказать и о слове "жидовство", которое эксперт анализирует совершенно нелепым образом, полагая, что суффикс -ство- обобщает значение слова "жид" во множественном числе (жид - жидовство). Это соображение указывает на отсутствие у эксперта понимания того, что обобщение может иметь совершенно другое направление - не этническое. Например: "невежда" и "невежество". "Невежда" не обобщает "невежд", не указывает на какую-то группу, а образует отдельное понятие. Можно указать и на слово, которое в качестве примера приводит сам Осадчий: брат-братство. "Братство" не означает "совокупность всех братьев". Соответственно, "жидовство" и "жидовствующие" образуют отдельные понятия, не связанные с этничностью, которое в одном из значений имеется у слова "жид". Осадчий пишет, что "жидовство, жидовствующие - это евреи". Это грубая ошибка. Слово "жидовство" относится к религиозно-нравственной сфере и вовсе не касается евреев (может предусматривать указание на лицо или группу с любым этническим или религиозным происхождением), а слово "жидовствующие" прямо присутствует в религиоведческой и религиозной литературе - в сочетании "ересь жидовствующих".

Согласно имеющимся значениям слов, которые нетрудно найти в словарях и современной публицистике, слова "жид", "жидовство", "жидовствующие" не указывают на евреев. Они соответствуют нравственной оппозиции "русскому порядку", православным традициям, христианской этике, в некоторых случаях - христианству в целом. Также они маркируют общую политическую позицию "черносотенцев" начала XX века, которая отчасти дошла и до наших дней в качестве особенности риторического и публицистического стиля множества авторов национально-патриотического сектора идеологии и общественной активности. Их политические противники также могут маркировать себя употреблением терминов "антисемитизм", "мракобесия", "черносотенство" и другими. Радикальное неприятие круга лиц, которые определяются употреблением соответствующего набора терминов, носит взаимный характер и имеет политическую подоплеку, связанную с гражданской войной 1918-1922 и последующими репрессиями, в которой указанные "маркировки" предполагали репрессии в отношении лиц, употребляющий "черносотенный" набор слов - вплоть до расстрела. Ошибки экспертов, следователей, прокуроров и судей чаще всего связаны с отзвуками этих событий.

Грубая ошибка лингвиста Осадчего связана с некомпетентностью в употреблении слова "жид", "жидовство", "жидовствующие", в отсутствии у него знаний в области религиоведения, а также знания особенностей духовной и национально-патриотической публицистики начала XX века, русского зарубежья, современных авторов. Осадчий исходит из профанного представления о слове, которое он считает "запретным" и всегда относимым именно к евреям. Эта ошибка означает ложность выводов эксперта Осадчего о наличии в Объекте №1 признаков возбуждения ненависти и вражды к "евреям (иудеям)".

Подставляя вместо слова "жидовство" "евреев", эксперт совершает подлог смыслов. Избавление от жидовства во всех сферах, о котором пишет автор статьи, относится к утверждению нравственного порядка, а не к этнической чистке. Это прямо следует из контекста: в материале говорится о сферах духовной, хозяйственной, денежного обращения, где должны быть введены русские нормы. Речь идет о "нормах", а не о людях или этносах. Духовная сфера, разумеется, предполагает очищение нравственного порядка. Как может быть духовная сфера "очищена от евреев"? Эксперт Осадчий не удосуживается обдумать этот вопрос. Более того, прямо здесь же Осадчий цитирует статью: "уважая происхождение людей". Это принцип, которым автор статьи предполагает пользоваться. "Происхождение" может предполагать также и родовой признак, этничность. Осадчему почему-то это в голову не приходит. Цель автора статьи заявлено прямо: "...невозможность приватизировать страну как некий кооператив". Где здесь хоть какие-то признаки этничности?

Осадчий пишет: "Противопоставление жидовства и русских норм подтверждает наличие националистической составляющей в значении слова жидовство". Скорее всего, эксперт не понимает, что такое "националистическая составляющая", не имея компетенции в сфере политологии. Поэтому подобные утверждения в тексте экспертизы - просто признаки незнания экспертами соответствующей сферы жизни людей и соответствующих терминов.

Полагая, что "жиды"=евреи, Осадчий заходит в своих размышлениях очень далеко. Он не исследует вопрос о том, что такое "иго жидовствующих", не зная, что "жидовствующие" - религиозный термин, который нетрудно найти в словарях. Он полагает, что присутствие в тексте слова "иго" - это попытка приписать евреям "враждебность и опасность для русских". Но речь в статье автора совсем о другом -

о нравственном "русском порядке" и противостоянии антихристианскому аморализму, имеющему аналоги в истории России (ересь жидовствующих).

Таким образом, даже с точки зрения лингвистики, анализ Осадчего несостоятелен, его вывод о том, что в Объекте №1 имеются лингвистические признаки возбуждения ненависти и вражды к "евреям (иудеям)" (совершенно нелепый термин, не имеющий аналогов в научной литературе) является ложным.

Анализ эксперта-психолога Гуриной основан на той же самой ошибке, что и анализ эксперта-лингвиста Осадчего. Что вполне объяснимо тем, что психологической тематики при анализе статьи у эксперта просто не существует. Невольно психолог Гурина начинает анализировать не возможное психологическое воздействие статьи, а значение имеющихся в ней слов. В силу отсутствия знаний о значениях слов "идеологический", "национальный", "либералы", "жидовствующие", "русские", "славяне", "евреи", "жидовство", психолог Гурина делает ссылку на анализ Осадчего, и впадает в те же заблуждения. Так же, как и Осадчий, Гурина подменяет слова "жидовствующие" на "евреи", не замечая неправомерности такой замены, которая вполне очевидна из контекста, но также может быть опознана по справке из словаря: слово "жидовствующие", которое имеется в любом религиоведческом словаре или любой крупной энциклопедии и касается ереси жидовствующих - известного антицерковного явления.

Прямая подмена смыслов содержится в утверждении Гуриной о том, что "по мнению автора" виновниками угнетенного положения русских и славян "являются евреи и идеологические противники автора" - либералы. В силу отсутствия компетенции в политологии и этнологии, Гурина не замечает, кто "евреи" и "либералы" - разнокачественные понятия: "евреи" - этнос (пусть и весьма своеобразный и даже уникальный), "либералы"- группа, следующая определенным идеологическим установкам (политический плюрализм, парламентская демократия, свобода совести и т.д.) или же лица, в целом более лояльные к разнообразию мнений в сравнении с "консерваторами" и "ретроградами". Такая невнимательность отражает отсутствие знаний и навыков в области анализа общественно-политической публицистики.

Затем Гурина повторяет ошибку Осадчего, полагая, что "русский порядок" - некая этническая программа. В силу непонимания различий между национальным и этническим. "Русский порядок" связан с традициями российской государственности, русской культуры (которая носит не этнический, а общемировой характер), российской государственности. Гурина просто ничего об этом не знает. Противоположный порядок - "жидовство" - Гурина также ассоциирует с этничностью - евреями. Это столь же грубая ошибка. Если бы автор хотел выругаться, скорее всего, он сказал бы в отношении группы или лица, лишенных нравственных принципов, "жиды", но уж точно никак не "жидовство". Под "жидовством" можно понимать неругательное определение той же группы, и различие в звучании слов связано с тем, что первое чаще употребляется в частных переписках, а второе - в общедоступной публицистике, исходящей из национально-патриотических кругов, православной публицистики. Ничего этого эксперт Гурина не знает, а потому анализирует текст совершенно произвольно, заменяя незнакомые или почему-либо настораживающие слова теми, которых в публикации автора нет.

Никаких доказательств того, что "либералы и жидовствующие" как идеологические противники автора статьи - это евреи, эксперт не приводит. Эксперт грубо заблуждается, относясь к евреям как к "национальной и религиозной группе". Евреи могут быть признаны национальной группой только в еврейском государстве - в Израиле. В остальных государствах евреи - это этнические общины,

организации диаспор, не более того. Евреев как религиозной группы не существует с тех пор, как произошла эмансипация евреев от иудаизма - появилось множество евреев-атеистов, евреев-христиан. В российской действительности евреи не являются религиозной группой как минимум столетие. К сожалению, эксперт этого не знает. Соответственно, вывод о наличии в анализируемой статье признаков возбуждения ненависти и вражды в отношении евреев является ложным и не имеет под собой никаких оснований, кроме некомпетентности эксперта.

Таким образом, анализ Объекта №1 экспертами Осадчим и Гуриной, является ошибочным, их компетентности лингвиста и психолога недостаточно, чтобы сделать верные выводы. Вывод о наличии в анализируемой статье признаков возбуждения ненависти и вражды к "евреям (иудеям)" ложен. При этом общность "евреи (иудеи)" является полностью выдуманной авторами экспертизы и в реальности не существует. Нигде в статьи автора не говорится о необходимости отстранения евреев от власти, а также изгнания их из всех сфер общественно-политической деятельности. Это утверждение из "синтезирующей части" экспертизы сформулировано совершенно произвольно путем подмены одних понятий.

Степень обоснованности выводов по Объекту №3

Эксперт Осадчий фактически не проводит никакого лингвистического анализа, лишь констатируя то, что и без всякого анализа ясно любому читателю: в тексте статьи содержится призыв к вступлению в организованные группы. А также призыв "брать лицензии на "охоту и рыболовство". То и другое - для того, чтобы "встретить грядущие испытания во всеоружии".

Эксперт допускает додумывание за автора и соединение в одно разнородных суждений, которые могут иметь самые разные значения, не связанные логически и не образующие общего смысла. Отдельно авторы статьи призывают вступать в организованные группы. Что, разумеется, указывает на законную деятельность - консолидацию граждан, которую автор считают крайне необходимой "перед лицом испытаний". И это в целом соответствует алармистскому тону статьи.

К этому призыву эксперт совершенно произвольно присоединяет призыв о получении лицензий "на охоту и рыболовство", полагая, что за этим скрывается лишь побуждение к приобретению легального оружия. В то же время, из текста невозможно рассудить, относится ли этот призыв к организованным группам или к отдельным гражданам. И действительно ли эти граждане должны прямо сейчас приобрести легальное оружие или, "получив лицензию" сделать это потом - когда в этом будет необходимость (например, с целью защиты от криминала)? Из текста это понять невозможно. Как невозможно понять, является ли призыв к "получению лицензий" тождественным призыву к вооружению легальным оружием. Таким образом, не приводя соответствующих цитат и не проводя никакого анализа, эксперт Осадчий просто приписывает анализируемой статье те смыслы, которые прямо из текста не следуют. Вполне допустимы и логичны совершенно иные трактовки, которые эксперт не рассматривает.

Эксперт не углубляется в смысл того, что такое "во всеоружии", полагая, как видно из итоговых выводов, что "во всеоружии" непременно означает - быть вооруженными, а "вооруженными" - непременно тем, что в юридическом смысле означает "оружие". Переносные значения эксперт просто игнорирует. Между тем "во всеоружии" для любого носителя русского языка означает только "в полной готовности".

Таким образом, эксперт Осадчий, заключая, что в данной статье имеются признаки призыва к созданию вооруженных групп, искажает смысл анализируемой статьи, чему способствует игнорирование общедоступных смыслов слов.

Анализ эксперта-психолога Гуриной также сводится к подменам смысла статьи. Действительно, авторы статьи дают негативные оценки лицам, обозначенным как "перестройщики-2" и "нелюди". Действительно, в статье есть призыв бороться с такими людьми. Но у эксперта нет никаких доказательств того, что эта борьба предполагается, как он пишет, "в том числе и вооруженным путем". Нелепость подобного суждения самоочевидна. Эксперт даже не понял, о чем идет речь и признался в этом: он не знает, с кем именно авторы предлагают бороться.

Эксперту, оказывается, совершенно неизвестным название "Родина - здравый смысл", хотя информацию о соответствующей организации несложно найти в сети Интернет и выяснить время ее существования и направленность ее деятельности. Партию с таким названием пытался создать известный экономический публицист Михаил Делягин, но провести предусмотренные законом процедуры ему не удалось. Оргкомитет партии существовал в 2010-2011 гг. в основном в виде распространения воззваний о вступлении в партию. Этот проект давно забыт, а Михаил Делягин продолжает выступать на публичных форумах и телевизионных шоу, размещать в сети Интернет многочисленные статьи и комментарии, выпускать книги. С момента прекращения работы оргкомитета его участникам не предъявлялись какие-либо претензии за связанные с его работой публикации.

Довод о призывах к созданию вооруженных групп со стороны эксперта Гуровой ничем не обоснован - в статье нет соответствующих высказываний. Налицо лишь домыслы эксперта о том, что "лицензии на охоту и рыболовство" непременно означают создание вооруженных групп. В итоговых выводах оказывается, что речь идет о вооруженной борьбе с какими-то группами "перестройщиков-2" и "нелюдей". Если эксперт не понял, о каких враждебных группах идет речь, как же могли обычные люди это понять? Если не понял эксперт, то читатели тоже должны были озадачиться, и тогда пропагандистский эффект статьи оказывался нулевым.

В статье нет никаких призывов к насилию, нет ясного объекта насилия. В тревожной обстановке кризиса, начавшего развиваться в 2009 году и остро переживавшегося в 2010, проект "Родина - здравый смысл" породил статью, в которой предполагалось объединится против каких-то плохих людей ("перестройщики-2", "нелюди"). Даже если бы речь шла именно о вооруженных группах, это вовсе не означало, что речь шла о противоправных действиях. Ведь вооруженные группы вполне могут существовать в виде стрелковых клубов для любителей спортивной стрельбы. Оружие может быть спортивным луком, шпагой или саблей. С чего эксперт решил, что речь идет о вооруженных действиях групп лиц? Никаких оснований для этого в статье, авторы которой следствие и экспертами не определены, для этого нет.

Таким образом, оба эксперта домыслили наличие в статье то, чего в ней нет. И неверно истолковали тревожный тон, для которого вполне естественна неясность образов и смутность целей, в целом были свойственные проекту "Родина - здравый смысл", давно потерявшему актуальность.

Итоговые выводы

Эксперты Осадчий и Гурина частично опровергли наличие признаков "возбуждения", "призывов" и так далее в более ранней экспертизе ГБУ МИЦ, представленной в виде Справки эксперта Гуровой и Сапуновой. Тем не менее,

квалификации Осадчего и Гуриной оказалось недостаточно, чтобы заметить ошибки, которые легко выявляются специалистами, знакомыми с общественно-политической лексикой национально-патриотической и православно-политической публицистики, а также владеющими знаниями в области политологии, этнологии, этнополитики. Более того, простота анализируемых текстов делает их общедоступными, понятными в рамках достаточно многочисленной читательской аудиторией, в которой значения не понятых экспертами слов и источника тревожных мотивов вполне очевидны.

Выводы экспертов Осадчего и Гуриной относительно статей, обозначенных как Объект 1 и Объект 3, в части установления в них наличия признаков возбуждения вражды к евреям (или "евреям (иудеям)") и побуждений к формированию вооруженных групп, не имеют никаких оснований и связаны с заблуждениями экспертов, непониманием ими прочитанных текстов. В этой части выводы экспертов являются ложными и не подлежат учету при установлении истины.

Судья Рудакова выслушала мои аргументы и приняла в дело письменные объяснения с неизменным выражением брезгливо-презрительного лица. Соответствующего характера было и ее решение, предопределенное бессовестностью, непрофессионализмом и зависимостью от политического заказа, который судья Рудакова, вне всяких сомнений, получила от своего начальства. Независимость от закона и готовность его нарушать следует из статуса судьи, который при действующем режиме никак не связан с источником власти - народом. Судья - назначенец самозванцев, захвативших власть. Поэтом судья Рудакова целиком и полностью проигнорировала все мои доводы, даже не постаравшись их опровергнуть.

Вот что осталось от моих усилий в приговоре суда:

> Судом по ходатайству защиты, был приобщён к материалам дела отзыв специалиста на экспертное заключение, согласно которому, специалист Савельев А.Н., дал отзыв, что эксперты Осадчий и Гурина частично опровергли наличие признаков "возбуждения", "призывов" и так далее, в более ранней экспертизе ГБУ МИЦ, представленной в виде справки эксперта Гуровой и Сапуновой. Тем не менее, квалификации Осадчего и Гутина оказалось недостаточно, чтобы заметить ошибки, которые легко выявляются специалистами, знакомыми с общественно-политической лексикой национально-патриотической и православно-политической публицистики, а также владеющими знаниями в области политологии, этнологии, этнополитики. Более того, простота анализируемых текстов делает их общедоступными, понятными в рамках достаточно многочисленной читательской аудиторией, в которой значения не понятых экспертами слов и источника тревожных мотивов вполне очевидны. Выводы экспертов Осадчего и Гуриной относительно статей, обозначенных как Объект 1 и Объект 3, в части установления в них наличия признаков возбуждения вражды к евреям (или "евреям (иудеям)") и побуждений к формированию вооружённых групп, не имеют никаких оснований и связаны с заблуждениями экспертов, непониманием ими прочитанных текстов. В этой части выводы экспертов являются ложными и не подлежат учёту при установлении истины. Также указанный специалист Савельев А.Н. был допрошен судом, пояснил, что он знаком с Екишевым, по запросу адвоката

Добровольской давал оценку заключениям экспертов, подтвердил в ходе допроса своё мнение, изложенное в Оценке экспертного заключения.

Суд, оценивая "Оценку специалиста на экспертное заключение" и показания специалиста, учитывает, что специалист Савельев А.Н., является доктором политических наук, специального образования в области психологии и лингвистики, филологии не имеет, сведений о том, что он имеет аттестацию на право самостоятельного производства экспертиз, не представлено, в то время как заключения экспертов даны специалистами в области психологических исследований (эксперт Гурина), лингвистических экспертиз (эксперты Носик, Осадчий), оснований для признания экспертов Гурина, Носик, Осадчего некомпетентными, у суда не имеется, в связи с чем суд соглашается с выводами экспертов. Заключениям экспертиз суд доверяет, так как они выполнены специалистами, согласуются с материалами дела сомнений в их достоверности не возникает.

Судья ***Ю.Г.Рудакова***, как оказалось, не знает Гражданского кодекса и других законов, регламентирующих деятельность экспертов. Судья, как мне вполне ясно, не слышала всего, что я говорил: просто заснула с открытыми глазами. Ее интеллект угас вместе с совестью. Поэтому вместо доводов специалиста она определила, что я вовсе не специалист, потому что не знаком с лингвистикой и психологией. Относительно лингвистики мне достаточно знания русского языка, который является для меня родным, а также политической и религиозной терминологии - того, чем совершенно не владел эксперт следствия, продемонстрировавший всестороннюю некомпетентность и даже безграмотность. Политическая психология является одной из сфер, в которых я основательно работал, в том числе при написании монографии "Политическая мифология". В этом отношении моя компетентность неизмеримо выше некомпетентности безграмотного эксперта, привлеченного следствием. Все это было сообщено судье и прокурору ***А.В.Лазареву***, который в течение всего процесса играл в свой мобильный телефон. От него требовалось только присутствие и односложные возражения на требования защиты. От судьи же требовалось только вынести беззаконный приговор. А для этого нужно было признать меня некомпетентным в вопросах, которые я хорошо знаю, а мнение некомпетентных экспертов признать истиной в последней инстанции.

Книга, которой не было

Манипуляция правом с целью помешать политической деятельности - обычное дело в путинской России. Бессовестность и пренебрежение правом на верхних этажах власти как вирус распространились до самых мелких чиновников, включая тех, которые должны были стоять на страже закона и прав граждан.

Фальсифицированное дело по поводу моей книги "Сможет ли КРО русифицировать Россию?" было через несколько лет дополнено фальсифицированным делом по поводу книги, которую я не писал, но был объявлен автором. Как мог, я проинформировал суд, принявший к рассмотрению дела в Владивостоке, что дело абсурдно.

В Савеловский районный суд г. Владивостока федеральному судье Е.А.Шульге

Возражения на Заявление прокурора Приморского края ***С.А.Бессчастного***

Ознакомившись с направленным мне судом Заявлением прокурора Приморского края и прилагаемыми к нему документами, сообщаю:

1. Мне ничего не известно о брошюре "Тейповое родовое сознание чеченцев" "Покорение Чечни вооруженными силами юга России (в марте-апреле 1919)". Я не являюсь ни издателем, ни автором этой брошюры. Мне не известны ни ее составители, ни содержание брошюры, ни место и время ее изготовления. Кроме того, в тексте так называемого "Акта экспертного исследования" указан автор брошюры С.Благоволин, с которым я также не знаком. Таким образом, утверждение прокурора Приморского края о том, что я являюсь автором брошюры, не соответствует действительности и соответствующие претензии не подлежат удовлетворению. Подчеркну, что я не обязан опровергать свое авторство, даже если где-то значится моя фамилия, которую издатель мог указать помимо моей воли.

2. В тексте так называемого "Акта экспертного исследования" указано, что я являюсь автором части указанной брошюры - статьи под названием "Чеченский мятеж должен быть окончательно подавлен". Поскольку мне не предоставлен полный текст этой статьи, я не могу подтвердить или опровергнуть свое авторство. Приведенные в "Акте" фрагменты напоминают некоторые мои позиции, которые были отражены в официальных обращениях, которые я в качестве депутата Государственной Думы направлял в Администрацию Президента, ФСБ и другие государственные органы в 2004 году, когда обстановка в Чечне была крайне острой. На этот год пришлось несколько террористических актов и нападений бандформирований, о возможности которых я неоднократно предупреждал, но государственные органы уверяли меня в том, что конституционный порядок и законность в Чечне были обеспечены. От своих позиций того времени я не отказываюсь, но вынужден напомнить суду, что они были высказаны в порядке осуществления депутатской деятельности. Если некоторые из них совпадают с опубликованной в брошюре статьей, то следственным органам необходимо доказать не только мое авторство, но также неприменимость срока давности по рассмотрению текстов, опубликованных мной более 10 лет назад в статусе депутата Государственной Думы.

3. В заявлении прокурора Приморского края и приложенных документах я усматриваю признаки преступного умысла со стороны как самого прокурора, так и сотрудников ФСБ, подписавших приложенные к Заявлению прокурора материалы. Все эти действия носят подчеркнуто политизированный характер и похожи на исполнение политического заказа - в частности, для организации политических репрессий относительно меня лично. У меня есть основания предполагать, что приписывание мне авторства указанной брошюры - это злонамеренное деяние, продиктованное стремлением отомстить мне за мою депутатскую деятельность в прошлом и многократные и нелицеприятные оценки работы органов прокуратуры и ФСБ в настоящем. Из присланных мне судом материалов вполне очевидно, что состоялась подмена авторства брошюры. Кроме того, о целях инициаторов дела свидетельствуют два документа, подписанные начальником УСФБ по Приморскому краю генерал-лейтенантом И.В. Стручковым, где мне не только приписано ничем не подтвержденное авторство указанной брошюры, но и откровенно говорится об установленной слежке за моими публикациями в сети "Интернет", а также повторены не просто нелепые, но и преступные формулировки из "Акта экспертного исследования" о том, что я в данной брошюре побуждаю к "дискриминационным действиям по отношению к чеченской национальной группе - ликвидировать Чеченскую Республику как субъект РФ и не проводить на

территории Чечни выборов". В этом предложении Стручков утверждает полное тождество Чечни и "чеченской национальной группы" (территории и национальности), фактически определяя свою приверженность тезису "Чечня только для чеченцев", который был реализован изгнанием с территории Чечни более 300 тыс. человек нечеченского населения, а также массовыми убийствами нечененцев незаконными вооруженными формированиями.

Эксперты, не имеющие необходимой подготовки в области права и этнополитологии, конечно, могут не знать, что Чечня, как и любой другой субъект Федерации, не является территориальным образованием чеченского народа, и что чеченцы живут не только в Чечне. Они могут не знать и о том, что предложения о переходе РФ к статусу унитарного государства публично обсуждается с момента образования РФ. Они могут не знать, что в течение последних лет в РФ ликвидированы несколько субъектов Федерации. Но все это обязан знать генерал-лейтенант ФСБ Стручков и государственный советник юстиции 2 класса прокурор Бесчестный. Предполагаю, что они это знают, но предпочитают, опираясь на мнение некомпетентных экспертов (лингвиста и психолога) объявлять любое предложение о ликвидации Чеченской Республики экстремизмом, поскольку это, якобы, затрагивает только и исключительно чеченцев. Столь же безграмотным и безосновательным является отождествление предложения об отмене выборов в Чечне с призывами к дискриминации "чеченской национальной группы" (надо понимать, "чеченского народа" или "лиц чеченской национальности"). Выборы, как известно, не проводятся по национальной принадлежности. Попытки проведения таких выборов предпринимались незаконными властями Чечни, и это было преступным деянием, поскольку ущемляло права граждан других национальностей. Отмена таких выборов и запрет таких выборов является средством защиты прав граждан и восстановления законности. Это должны понимать и наверняка понимают Стручков и Бесчестный, но предпочитают исполнять спущенную "сверху" разнарядку на проведение политических процессов накануне парламентских выборов. Суду также должна быть понятна преступная природа заявлений Стручкова и Бесчестного.

4. Привлеченные к экспертизе "специалисты" ***Захаркина*** *и* ***Квасова*** не обладают ни малейшими знаниями, которые необходимы эксперту при рассмотрении вопросов, которые были поставлены перед ними. Никаких признаков экспертной работы в подписанном ими "Акте" мной не обнаружено. Я могу судить об этом как доктор политических наук, автор многочисленных публикаций по вопросам этнополитологии и другим смежным вопросам. Кроме того, данные "специалисты" не зафиксировали в своем "Акте", что им известно об уголовной ответственности за фальсификацию экспертизы. А именно такая фальсификация и состоялась. Между цитатами из брошюры и выводами экспертами не предложено никакой связи; литературные источники перечислены, но не использованы ни по существу, ни ссылками на соответствующие публикации (как это принято в научных исследованиях). Эксперты не владеют знаниями в области истории Чечни и вооруженных конфликтов на ее территории, не владеют правовой и этнологической терминологией, выносят суждения и выводы, не подкрепляя них никакими доводами. Я полагаю, что именно по причине полной некомпетентности и неспособности провести квалифицированное исследование Управлением ФСБ по Приморскому краю и привлечены данные эксперты.

5. В присланных мне документах содержится вполне отчетливо поставленная цель - проведение у лиц, в отношении которых сфабрикованы формальные основания полагать, что они могут хранить нераспространенную часть

тиража указанной брошюры, обысков. Об этом с полной откровенностью пишет *генерал-лейтенант* ***Стручков***. Текст его обращения к краевому прокурору содержит слова: "В связи с тем, что тираж печатного издания был изготовлен за пределами Приморского края, в настоящее время место нахождения и количество нереализованной части тиража установить не представляется возможным. Управлением проводятся дополнительные ОРМ, направленные на выявление лиц, причастных к возможному распространению брошюры, как среди населения Приморского края РФ, так и в региональном сегменте сети ОТКС "Интернет"". Из этих слов мне вполне ясно, что в случае признания судом указанной брошюры экстремистской (или даже просто в порядке проведения ОРМ без всяких судебных решений) первым, к кому придут с обыском, буду я - как предполагаемый автор брошюры. Таким образом, путем недобросовестного использования правовых норм будут организованы политические репрессии в отношении меня лично.

6. Дополнительно обращаю внимание суда, что опрос по заявлению прокурора Приморского края был назначен судом 08.07.2016 (видимо, следует читать 08.06.2016) на 16.06.2016. Затем 13.06.2016 (здесь и далее - датировка по почтовым штемпелям) пакет с документами был направлен из Владивостока на мой почтовый адрес. В Москву пакет прибыл только 16.06.2016, то есть в день, когда должен был пройти опрос. В почтовое отделение пакет был доставлен 18.06.2016, а мне удалось получить пакет на почте только 25.06.2016. Я не сомневаюсь, что суду хорошо известно, сколько идет письмо от Владивостока до Москвы, и каковы реальные сроки получения корреспонденции. Указанные датировки свидетельствует, что мои права были грубо нарушены. Надеюсь, что суд впредь учтет тот факт, что от вынесения какого-либо решения до ознакомления меня с ним через почтовое отправление проходит срок не менее трех недель, а в период летних отпусков и связанных с ним отъездов в места отдыха - до полутора месяцев.

От суда не получил никакого ответа с оценкой моих доводов. Впрочем, суд первой инстанции отклонил претензии краевой прокуратуры. Отклонил по формальным обстоятельствам - отказался рассматривать гражданское дело о запрете книги "в особом порядке". Но прокуратура продолжила свое бессовестное дело - попыталась отменить вынесенное решение в апелляции в краевом суде.

Федеральному судье Советского районного суда г. Владивостока Шульге Е.А

Возражения на частную жалобу прокуратуры Приморского края по делу №2-2466/216

24 сентября 2016 года в почтовом отделении мной получено извещение о принесении частной жалобы на решение Советского районного суда, в котором указывается, что я должен направить свои возражения до 28 сентября 2016 года. К извещению приложено Апелляционное представление прокурора ***Д.И. Корсакова***, в котором среди приложений указывается: "1. копия обжалуемого решения суда". Но вместо приложения к Апелляции приложен экземпляр того же документа с галочкой напротив имени Бутусина Алексея Леонидовича. Таким образом, мои права на ознакомление касающегося меня решения суда нарушены, и я не имею представления о том, какова была аргументация суда в отношении заявления прокурора Приморского края о признании экстремистской некоей брошюры, авторство которой было без всяких на то оснований приписано мне.

Кроме того, мне неизвестно, приобщены ли к судебному делу мои объяснения, направленные в суд заказным письмом, где даны подробные

разъяснения моей позиции в отношении совершенно абсурдного дела и аргументы по поводу несостоятельности экспертизы.

Наконец, я предполагаю дальнейшее нарушение моих прав, поскольку направление моих возражений на частную жалобу по почте вовсе не означает, что они будут учтены апелляционной инстанцией, которая может вынести решение до того, как мое письмо достигнет Владивостока (с подобной практикой я уже не раз сталкивался). Поскольку я считаю действия краевой прокуратуры цинично-противозаконными, я могу ожидать, что на суд будет оказано давление с целью признать экстремистской брошюру и приписать мне ее авторство без какого-либо учена моих объяснений и возражений.

Из Апелляционного представления прямо следует, что составивший его прокурор юрист 2 класса Д.И. Корсаков не ознакомился ни с моими объяснениями суду, ни с экспертизой. Там и там ясно сказано, что мне приписывается авторство лишь одной из четырех статей брошюры. Тем не менее, прокурор Корсаков упорно пишет "автор: Савельев Андрей Николаевич"). Еще раз поясняю суду, что к изданию данной брошюры я не имею никакого отношения, не заключал с каким-либо издателем соглашения о публикации каких-либо моих статей. В навязывании мне авторства я вижу продолжение беззаконных действий в отношении меня лично, которыми органы прокуратуры нарушают мое право на творческую деятельность, пользуются лживыми сведениями, которые они получают от краевого ФСБ, а те коллекционируют их путем некритичного и профессионально несостоятельного сбора информации в сети "Интернет".

Между тем, мой собственный поиск в сети "Интернет" обнаружил, что мной, действительно, в 2001 году была опубликована статья "Чеченский мятеж должен быть окончательно подавлен" ("Русский дом", №7, 2001, http://www.pravoslavie.ru/rusdom/200107/27.htm). Поскольку я не имею текста брошюры, я не могу сличить свою статью с имеющейся в ней публикацией с тем же названием. Должен отметить, что я не предоставлял кому-либо право перепечатки моей статьи, но я бы не возражал против ее публикации где-либо. Она совершенно верно отражает мою позицию и сегодня, хотя и ориентирована на ситуацию 2001 года, когда в Чечне полыхала война. К сожалению, крайний непрофессионализм органов ФСБ, затеявших расследование по поводу брошюры, куда была включена одноименная с моей статья, подписанная моим именем, не вызвал в прокуратуре Приморского края желания тщательно разобраться в существе дела, а также в вопиюще безграмотной "экспертизе", которая была приложена начальником краевого УФСБ.

Подтверждаю свою позицию в отношении так называемой экспертизы, проведенной по поручению краевого ФСБ. Это не экспертиза, в ней нет никакого экспертного исследования. Документ, выдаваемый за экспертизу, содержит лишь пересказ статей брошюры с выборочным цитированием, а также выводы. Анализа пересказа и цитат в "экспертизе" нет вообще. И это общее правило для "лингвистов", которые берутся обсуждать тексты, требующие иной специализации и квалификации.

Процитирую полностью часть "экспертизы", относящейся к подписанной моим именем статье:

> *В статье (4) автор сообщает о произошедшем антигосударственном мятеже в Чечне с целью отторжения от страны части её территории. "После силового подавления вооруженных формирований боевиков наступила стадия замешательства, связанная с невозможностью прежними методами*

продвигаться к налаживанию мирной жизни в Чечне". Автор предлагает "вспомнить, что мятеж есть особая форма уголовного преступления, которая отличается от бандитизма вовлечением в преступную деятельность больших масс населения и требует от правоохранительных органов и государства в целом особого отношения, чрезвычайных мероприятий". Автор сообщает, что мятеж перешёл в скрытую (латентную) форму. Так как "формирование гражданских органов управления с участием бывших мятежников готовит новый всплеск агрессии и поддерживает неприемлемые для лояльного населения условия существования", а также учитывая то, что "местные кадры" вовлечены в "скрытые антироссийские формирования", "стратегические планы по добиванию" страны, автор предлагает "жесткие репрессивные мероприятия" для подавления мятежа, которые перечислены в пунктах 1-4 (с. 37) и дополнительные меры, перечисленные в пунктах 1-3 (с. 38).

Также адресату сообщается:

"Окончательное решение проблемы Чечни может состояться только в связи с ликвидацией Чеченской Республики как субъекта РФ".

"Необходимо заранее решиться никогда более не проводить на территории Чечни никаких общечеченских выборов".

Автор упоминает действия в явном виде; они имеют отношение к актуальной ситуации и обсуждаемой в статье проблеме (подавление антигосударственного чеченского мятежа, чтоб не допустить "отторжения от страны части её территории", установить мир, сформировать в Чечне органы самоуправления и т.п.). Автор выражает к ним позитивное отношение ("права мятежников должны быть всячески ущемлены"). Действия, которые предлагает автор, входят в компетенцию власти, именно представителей государственной власти рассматривает в качестве субъекта описываемого действия ("Уже сегодня законодательным путем можно было бы переименовать Чечню в Терский край...")

Обращаю внимание суда на тот факт, что всякий вменяемый человек в приведенных цитатах не найдет ничего противозаконного, ничего направленного против какой-либо национальной группы. К сожалению, у краевого начальства ФСБ и прокуратуры либо совершенно смещены понятия о национальности и территории, либо они сознательно занимают антигосударственную позицию и полагают, что предложение о ликвидации Чеченской Республики или ее переименование в Терский край, о подавлении мятежа и силовых действиях против вооруженных банд способно ущемить чеченский народ. С моей точки зрения, напротив, такие действия способны вернуть многих чеченцев в правовое поле и отвратить от преступной деятельности. Если же начальник краевого ФСБ и краевой прокурор полагают, что "Чечня только для чеченцев", то это не просто правовая безграмотность, но и позиция, угрожающая основам конституционного строя. Полагаю, что второе предположение более обоснованно, поскольку попытка выделить чеченцев как особую национальную группу, пользующуюся не только особыми привилегиями в сравнении с другими гражданами РФ, но и особым покровительством со стороны ФСБ и прокуратуры, на моей практике встречается не в первый раз. В деле имеется своего рода донос начальника краевого ФСБ Стручкова, где прокуратуре ненавязчиво напоминается о признании

экстремистской моей книги "Сможет ли КРО русифицировать Россию?". В том случае точно также прокурор Красноярского края заказал вопиюще безграмотную экспертизу, которая использовала некоторые строки из книги для доказательства экстремизма моих высказываний в отношении чеченцев. Метод фальсификации дела и экспертизы в приморском случае совершенно идентичен красноярскому. Из чего я делаю вывод, что в отношении меня органы ФСБ и прокуратуры действуют целенаправленно, преследуя за мои государственно-правовые идеи и противодействие чеченскому мятежу.

Анализ Апелляционного представления за подписью прокурора Корсакова показывает, что в данном документе нет ровным счетом никаких правовых аргументов. В нем пересказывается содержание нормативно-правовых актов, но отсутствует какая-либо связь с рассматриваемым делом. Большая часть цитат из законодательства вообще не связана со смыслом апелляции. Ссылка на правовую позицию Верховного Суда не содержит ни изложения этой позиции, ни пояснения, каким образом она может быть использована судом для принятия решения. Таким образом, налицо крайняя степень непрофессионализма и попытка склонить суд к незаконному решению лишь на основе самого факта существования Апелляции и вне зависимости от ее содержания.

В связи с изложенным, прошу Апелляцию прокурора Корсакова отклонить, а также вынести частное определение в отношении Прокуратуры Приморского края, крайне небрежно относящейся к своим обязанностям, фальсифицирующей доказательства по делу и открыто пропагандирующей антиконституционные фантазии об особых правах чеченцев на территории Чечни.

Кроме возражений на апелляцию, я направил свою оценку деятельности краевого ФСБ его начальству.

Директору Федеральной Службы Безопасности РФ Бортникову А.В.

ЗАЯВЛЕНИЕ о некомпетентности и антигосударственной позиции начальника УФСБ по Приморскому краю И.В.Стручкова

В июле месяце 2016 года ко мне поступили материалы из Советского районного суда Владивостока, содержащие заявление прокурора Приморского края с просьбой к суду признать экстремистским материалом брошюру "Тейповое и родовое сознание чеченцев" "Покорение Чечни вооруженными силами юга России (в марте-апреле 1919)" и конфисковать нераспространенную часть тиража. Между тем, я не являюсь автором этой брошюры, что с полной очевидностью следует из материалов экспертизы, где мне приписывается лишь статья "Чеченский мятеж должен быть окончательно подавлен". Текст статьи мне направлен не был, и я не мог знать, является ли данная статья моей или нет. Но я проинформировал суд, что к изданию данной брошюры я не имею отношения и никаких разрешений на публикацию материалов за моей подписью издателям брошюры с таким или каким-либо другим названием не давал. В итоге суд не удовлетворил заявление прокурора, и, как мне известно, оно будет рассматриваться в апелляционной инстанции. Тем не менее, утверждение прокурора о моем авторстве не опровергнуто и не доказано.

Из направленных судом документов я узнал, что дело по поводу брошюры и меня лично как предполагаемого автора инспирировано лично начальником управления УФСБ по Приморскому краю, в чьем письме в адрес прокурора края указывается моя фамилия, хотя в брошюре моя фамилия стоит лишь под одной статьей. Другие имеющиеся там фамилии авторов И.В.Стручков не упомянул.

Особо подчеркнуто им, что я являлся депутатом Госдумы в 2003-2007 гг. При этом Стручков процитировал в письме прокурору только то, что касалось приписываемой мне статье, не затронув другие материалы.

Должен обратить Ваше внимание на подчеркнуто антигосударственную и антиконституционную позицию г-на Стручкова. Повторяя формулировки из "Акта экспертного исследования" о том, что я в данной брошюре побуждаю к "дискриминационным действиям по отношению к чеченской национальной группе - ликвидировать Чеченскую Республику как субъект РФ и не проводить на территории Чечни выборов", Стручков утверждает полное тождество Чечни и "чеченской национальной группы" (территории и национальности), фактически определяя свою приверженность тезису "Чечня только для чеченцев", который был реализован изгнанием с территории Чечни более 300 тыс. человек нечеченского населения, а также массовыми убийствами нечененцев незаконными вооруженными формированиями.

Эксперты, не имеющие необходимой подготовки в области права и этнополитологии, конечно, могут не знать, что Чечня, как и любой другой субъект Федерации, не является территориальным образованием какого-либо народа, и что чеченцы живут не только в Чечне. Они могут не знать и о том, что предложения о переходе РФ к статусу унитарного государства публично обсуждается с момента образования РФ. Они могут не знать, что в течение последних лет в РФ ликвидированы несколько субъектов Федерации, а "общечеченские выборы" которые проводил в Чечне главарь мятежников А. Масхадов не могут быть признаны законными (в выборах и референдумах регионального уровня могут участвовать только лица, постоянно проживающие в этих регионах, выделение национального признака при определении списков для голосования является преступлением). Но все это обязан знать генерал-лейтенант ФСБ Стручков. Если же он не знает этого, то территориальная целостность РФ находится под угрозой, и источником этой угрозы является позиция высокопоставленного должностного лица.

Также прокурору края Стручковым направлено специальное письмо, цель которого очевидна: дискредитировать меня лично. Другие авторы брошюры не удостоились чести быть представленными прокурору края от лица генерал-лейтенанта ФСБ. В действительности, г-н Стручков расписался в полной профессиональной недееспособности, а также в том, что им и его сотрудниками в сети "Интернет" ведется слежка за моими публикациями. В письме я объявлен единственным автором брошюры (что противоречит другому письму Стручкова в тот же адрес) и передаются сведения о моих ресурсах в сети "Интернет". При этом перечислены пять сетевых адресов, но отсутствует ссылка на мой персональный сайт. Это первый признак профессиональной недееспособности г-на Стручкова. Второй признак - неспособность работать в сети "Интернет" и находить то, что лежит на поверхности - источник публикации, который без труда обнаруживается любой поисковой системой. Набрав в поисковой строке название приписанной мне статьи: "Чеченский мятеж должен быть окончательно подавлен" несложно установить, где и когда она была опубликована. Под таким названием статья за моим авторством опубликована в журнале "Русский дом" в 2001 году (о чем сам я уже успел забыть). Не найти этой публикации при организации форменной слежки за моими сетевыми публикациями - это свидетельство полной профессиональной несостоятельности, которая дополняет антигосударственную позицию Стручкова и логично из нее вытекает: некомпетентность и враждебность российской государственности всегда (по моим наблюдениям) идут рука об руку.

Наконец, г-н Стручков оказался не в состоянии оценить (или даже прочесть) ту экспертизу, которая могла появиться только из-под пера совершенно некомпетентных лиц, ничего не смыслящих в вопросах защиты государственной безопасности. А ведь именно с этих позиций и была написала моя статья в 2001 году. Затем она была направлена в Совет Безопасности РФ, когда я смог, получив статус депутата ГД (2004), привлечь внимание этого органа к совершенно несостоятельной политике органов государственной власти (включая ФСБ) к ситуации в Чечне. И мои предупреждения, свидетельствующие об опасности терактов, игнорировали, до тех пор, пока раз за разом не происходили трагические события: убийство главы администрации Чечни, нападение боевиков на Ингушетию, захват заложников в Беслане (все 2004 год - время моей переписки с СБ и ФСБ). Впрочем, ни СБ, ни ФСБ никаких выводов из полного провала своей деятельности в отношении Чечни не сделали до сих пор.

Все претензии ко мне опровергает экспертиза, которую Стручков должен был прочесть и сделать свои выводы, не опираясь на выводы некомпетентных экспертов. Действительно, читаем:

(...) (см. выше - Возражение на частную жалобу)

Не надо быть специалистом в юридических вопросах, чтобы понять, что здесь перечислены законные методы противодействию мятежу и отсутствует выделение какой-либо национальной группы. Тем не менее, г-н Стручков ухватился именно за выводы безграмотных экспертов относительно моей статьи, не вдаваясь в ее содержание, не соотнося ее с реальной ситуацией 2001 года и последующих лет (не говоря уже о текущей ситуации - фактического захвата бандами боевиков государственной власти в Чечне).

Прошу Вас, исходя из сказанного, рассмотреть вопрос о соответствии занимаемой должности г-на Стручкова, который, на мой взгляд, не обладает ни профессиональными навыками, ни морально-нравственными качествами, чтобы касаться вопросов государственной безопасности России.

Долговременность и распространенность "прочеченской" позиции ФСБ и прокуратуры показывает, что в этих структурах мы имеем масштабную измену - соучастие в подрыве российской государственности и обслуживание интересов бандитской группировки, которая все более нагло заявляет свои права на контроль за всей общественной, политической и экономической жизнью России.

В период, когда я направлял документы во Владивосток, состоялось отвратительное "Ахмат-шоу" в Грозном с публичными избиениями детей под видом соревнований по "боям без правил". Стоило признанному авторитету в этой области Федору Емельяненко высказать негативное отношение к подобным "шоу", в его адрес посыпались самые гнусные оскорбления и клевета со стороны прикинувшихся спортсменами бандитов, вставших на защиту интересов своего "авторитета" - бандита и убийцы Рамзана Кадырова. И когда вся спортивная общественность (исключая только кадыровских бандитов) встала на защиту Емельяненко, негодяи устроили избиение 16-летней дочери нашего прославленного бойца. Нет никаких сомнений, что это дело рук кадыровцев. Но вина за саму возможность подобного деяния прямо лежит на руководстве ФСБ, МВД и Генпрокуратуры, которые годами создавали для чеченского бандитизма питательную среду, легализовали режим, установившийся в Чечне. И преследовали тех, кто разоблачал клан Кадырова и указывал на растекания бандитизма, рэкета, насильственных методов подчинения экономических структур из Чечни по всей России.

Не знаю, оказали ли действия на суд, прокуратуру или ФСБ мои письма, но краевая прокуратура отозвала свою апелляцию. Ответ на обращение в ФСБ я так не получил.

Как оказалось, рано было радоваться победе над фальсификаторами дела. По поручению краевого прокурора прокурором Корсаковым был подготовлен теперь уже административный иск - полностью тождественный гражданскому. Фактически сменилась только шапка документа. Никаких новых аргументов представлено не было. Экспертиза была приложена все та же - невежественная и безумная.

Поскольку суд как бы начинался заново, мне вновь пришлось направить судье свои возражения на иск, в которых я постарался кратко повторить ранее высказанные аргументы, а также обосновать новые.

Федеральному судье Советского районного суда
г. Владивостока Склизковой Е.Л.

Ходатайство

Получив 12 января 2017 года приглашение на предварительное заседание суда по поводу заявления прокурора Приморского края ***С.А.Бесчастного*** от 09.12.2016 №27-199-2016, вынужден констатировать с его стороны нарушение моих прав, а также процессуальных норм:

1. Так называемое "Административное исковое заявление" С.А.Бесчастного дословно повторяет его же "Заявление" от 01.06.2016 №27-9-2016, уже рассмотренное Советским районным судом г. Владивостока (федеральный судья Е.А.Шульга). Данное заявление не было удовлетворено судом, а апелляционная жалоба отозвана краевой прокуратурой. Никаких новых доводов в повторном заявлении прокурором края не приводится, что означает невозможность его рассмотрения в противоречии уже принятому решению суда.

2. Заявление С.А.Бесчастного фальсифицирует реальные обстоятельства дела, поскольку приписывает мне авторство книги, которую я не писал и не публиковал. Это прямо следует из приложенного к Заявлению Акта экспертного исследования, где в первом же абзаце говорится: "для проведения психолого-лингвистического исследования поступила брошюра: С.Благоволин "Тейповое и родовое сознание чеченцев (мнение исследователя-этнопсихолога", "Покорение Чечни вооруженными силами юга России (в марте-апреле 1919)" на 38 страницах". Судье Шульге Е.А. я уже направлял объяснение, что я не никогда не писал и не публиковал книг или иных материалов с подобными названиями. В Акте указано лишь, что я являюсь автором одной из статей, включенных в книгу. Мое авторство ничем не доказано. Я же, не получив текста брошюры, не могу ни подтвердить, ни опровергнуть свое авторство. К сожалению, повторное Заявление краевого прокурора показывает, что материалы предыдущего дела он не читал, и с моими объяснениями по делу не ознакомился. Или же ознакомился, но не счел возможным учесть, что авторство брошюры в его Заявлении фальсифицировано. Что нарушает мои права и демонстрирует пренебрежение со стороны прокурора Бесчастного А.С. обязанностью доказывать в суде свои утверждения. Никаких доказательств моего авторства в Заявлении на этот раз снова нет.

3. Поступивший мне из Советского суда г. Владивостока материал содержит лишь текст Заявления на 3 стр. и Акт экспертного исследования на 10 стр. Между тем, в Заявлении указывается, что приложение к нему содержит по описи 116 листов. Что означает: в мое распоряжение как стороны судебного процесса не

поступили все документы по делу, что создает для меня препятствия для защиты своих законных прав.

4. При рассмотрении дела судьей Шульга Е.А. мной уже давались пояснения о том, что лица, привлеченные к фабрикации так называемого Акта экспертного исследования, являются глубоко некомпетентными, не имеющими необходимых знаний в области истории, этнологии, политологии. Приписанная мне часть текста, как и весь прочий текст, анализировалась сугубо профанным образом. Я могу судить об этом как доктор политических наук, более четверти века занятый анализом политических текстов. Ни малейшего намека на анализ в так называемом Акте нет, а эксперты по своей квалификации не могли привлекаться для исследования недоступного их понимаю текста, который (судя по цитатам из Акта) может быть осмыслен только обществоведом, а вовсе не лингвистом и психологом, некомпетентными в смысловом наполнении историко-политической брошюры.

На основании указанных обстоятельств прошу признать иск прокурора Бесчастного А.С. необоснованным и отклонить в полном объеме.

Вместо ответа на это ходатайство я получил постановление суда о переносе дела на более позднюю дату, в связи с тем, что прокурор Корсаков каким-то образом удосужился, наконец, убедиться в том, что я не являюсь единственным автором брошюры, за которую он вцепился с таким остервенением. За подписью краевого прокурора Бессчастного в суд поступило дополнение к исковому заявлению, где авторами брошюры назывались те, чьи фамилии там были указаны. Мне пришлось вновь готовить возражения по существу.

В Савеловский районный суд г. Владивостока Федеральному судье Е.Л.Склизковой

Возражения на Административное исковое заявление прокурора Приморского края С.А.Бессчастного от 09.12.2016 №27-199-208

Ознакомившись с направленным мне судом Заявлением прокурора Приморского края и прилагаемыми к нему документами, сообщаю:

1. Правовой статус так называемого "административного искового заявления" я считаю ничтожным, поскольку он не предполагает исполнения конституционной нормы о состязательном характере судопроизводства (ст. 123, часть 3 Конституции РФ). В заявлении не указана противная сторона, мой личный статус в предстоящем судебном разбирательстве не определен. Между тем, прокурор Бессчастный предлагает суду признать некий текст, который мне приписан по неизвестным мне причинам, в качестве экстремистского. Что прямо затрагивает мою репутацию и достоинство и посягает на свободу творчества.

Предложение суду использовать так называемый "особый порядок" судопроизводства ничем не обоснован и представляет собой попытку объективного вменения вины в отношении лиц, которым приписано авторство брошюры, полученной (как мне известно из документов, направленных мне судьей Е.А.Шульга) незаконным образом. Прокуратура не имеет документов, которые определили бы происхождение брошюры, время и место ее изготовления, инициатора ее издания, тираж, порядок распространения, доказанное авторство.

В Исковом заявлении цитируется ст. 13 закона (не указано какого) о том, что на территории РФ запрещается распространение экстремистских материалов. Между тем, указанная брошюра еще не признана экстремистским материалом, поэтому соответствующие положения к ней не относятся. Далее цитируется 2 ст 1 Кодекса административного судопроизводства, которая не имеет никакого

отношения к делу и ничего не говорит о том, что признание каких-либо материалов экстремистскими предполагает административный порядок судопроизводства. Последующая цитата из ч. 4 ст. 2 Кодекса ссылается на регулирование сходных отношений по аналогии, если отсутствует соответствующая нома процессуального права. Между тем, речь идет именно об административном судопроизводстве, о процессуальной норме, а не о содержательной части Искового заявления, которая никаких аналогий в праве не имеет, а потому не может опираться на аналогию, чтобы обосновать само начало административного судопроизводства.

Прошу суд: в связи с отсутствием у органов прокуратуры каких-либо оснований для Искового заявления, а также отсутствием обоснования особого порядка судопроизводства, отказать в удовлетворении исковых требований Приморской краевой прокуратуры.

2. Первоначальный текст брошюры предполагал, что у брошюры "Тейповое и родовое сознание чеченцев" "Покорение Чечни вооруженными силами юга России (в марте-апреле 1919) есть только один автор - а, Савельев Андрей Николаевич. Согласно уточнению, подписанному прокурором Бессчастным 20.01.2017, оказалось, что у брошюры три автора - наряду со мной Сергей Благоволин и Сергей Балмасов.

Возникает вопрос: прокурор Бессчастный и исполнитель указанного Ходатайства прокурор Д.И. Корсаков до сих пор испытывали какие-то трудности в установлении авторства брошюры или они на протяжении 10 месяцев (как минимум) намеренно пытались приписать авторство исключительно мне, руководствуясь указаниями, поступившими им из ФСБ? Имея в руках текст брошюры, прокуроры могли без труда убедиться в том, чьими фамилиями подписант тот или иной материал брошюры. Более того, имея в руках текст экспертного заключения специалистов ГБУ Приморской ЛСЭ, прокуроры имели все необходимые подсказки - на случай, если они столь слабо владеют русским языком, что не могут самостоятельно изучить текст брошюры объемом в 35 страниц и зафиксировать авторов тех или иных ее частей.

Поскольку прокуроры Бессчастный и Корсаков проявили (или разыграли) неспособность определить предполагаемое авторство и даже понять, что написано в тексте экспертизы ЛСЭ от 17 марте 2016 года, возникает вопрос, в состоянии ли они в целом понимать русский язык, лексику политической публицистики и смыслы, содержащиеся в брошюре? Если таковое понимание у них отсутствует, как они могут выдвигать исковые требования в отношении брошюры и поддерживать свои требования в суде?

Подтверждение функциональной безграмотности прокуроров Бессчастного и Корсакова служит сам текст Административного искового требования от 09.12.2016, в котором отсутствуют какие-либо доводы в поддержание исковых требований. Их заменяют обширные цитаты. Сначала - закона "О противодействии экстремистской деятельности", в которой содержится масса положений, которые никакого отношения к указанной брошюре не имеют (насильственное изменение конституционного строя, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности..., нарушение прав, свобод и законных интересов..., массовое распространение экстремистских материалов, изготовление или хранение в целых массового распространение и т.д.". Затем прокуроры разъясняют суду, что такое "экстремистские материалы", включая вопросы отнесения к таковым трудов руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашисткой партии Италии, оправдание военных и иных преступлений и т.д.

После целой страницы бессмыслицы следует утверждение о том, что психолого-лингвистическое исследование брошюры установило, что в данном издании содержатся высказывания "которые расцениваются как экстремистские". Таковых выводов эксперты делать не вправе, и таковых выводов, как может убедиться суд, в тексте экспертизы не содержится. Эксперт вправе в рамках своей компетенции установить наличие или отсутствие признаков каких-либо побуждений, унижения достоинства личности или группы и т.д. Причем, в данном случае речь идет лишь о совокупно проявившихся психологических и лингвистических признаках, и ни о каких других, которые могли бы быть установлены этнологом, религиоведом, политологом и т.д. Таким образом, налицо фальсификация иска, подменяющего выводы экспертов. Прокуроры Бессчастный и Корсаков сделали вывод о наличии экстремистских высказываний, приписав этот вывод экспертам, а также опережая решение суда по данному вопросу.

Кроме того, в Ходатайстве об уточнении заявленных требований, прокуроры, избавившись от одной фальсификации (объявление меня единственным автором указанной брошюры) допустили новую фальсификацию. Вопреки очевидности, следующей из заключения Приморской ЛСЭ, брошюра рассматривается ими как целостный текст, авторами которого являются Сергей Благоволин, Сергей Балмасов и Андрей Савельев. Заявляю: я никогда не встречался с Сергеем Благоволиным или Сергеем Балмасовым, никогда не писал и не издавал совместно с ними какие-либо материалы, не знаком с ними. Из экспертного заключение специалистов Приморской ЛСЭ прямо следует, что моя фамилия обозначена лишь под одним из четырех материалов. Соответственно, у каждой статьи в брошюре - свой автор, а совокупно три указанных лица авторами брошюры не являются, авторство у еще одной части отсутствует.

Прошу суд: В связи с признаками фальсификации Искового заявления (изложение в нем не имеющих отношения к делу обстоятельств, неспособностью составителей заявления понять написанное не только в приложенном экспертном заключении, но и в брошюре, подмена авторства) отказать в удовлетворении исковых требований Приморской краевой прокуратуры.

3. В тексте так называемого "Акта экспертного исследования" указано, что я являюсь автором части указанной брошюры - статьи под названием "Чеченский мятеж должен быть окончательно подавлен". Поскольку мне не предоставлен полный текст этой статьи, я не могу подтвердить или опровергнуть свое авторство. Приведенные в "Акте" фрагменты напоминают некоторые мои позиции, которые были отражены в официальных обращениях, которые я в качестве депутата Государственной Думы направлял в Администрацию Президента, ФСБ и другие государственные органы в 2004 году, когда обстановка в Чечне была крайне острой. На этот год пришлось несколько террористических актов и нападений бандформирований, о возможности которых я неоднократно предупреждал, но государственные органы уверяли меня в том, что конституционный порядок и законность в Чечне были обеспечены. От своих позиций того времени я не отказываюсь, но вынужден напомнить суду, что они были высказаны в порядке осуществления депутатской деятельности, а все высказывания того времени находились в контексте происходящих событий. Если некоторые из них совпадают с опубликованной в брошюре статьей, то следственным органам необходимо доказать не только мое авторство, но также неприменимость срока давности по рассмотрению текстов, опубликованных мной более 10 лет назад в статусе депутата Государственной Думы.

Прошу суд: отказать в удовлетворении Исковых требований Приморской прокуратуры в связи с 1) недоказанностью моего авторства материала, размещенного в указанной брошюре, 2) истечения срока давности, 3) предположительного цитирования в брошюре материалов моей деятельности в статусе депутата Государственной Думы.

4. В Исковом заявлении отсутствует какое-либо обоснование исковых требований. Они подменены цитированием законов и ссылкой на экспертное заключение. Между тем, экспертное заключение само по себе не может заключать выводов юридического характеры, которые должны были сделать инициаторы Иска. В тексте искового заявления полностью отсутствует аргументация юридического характера, относящаяся непосредственно к брошюре, которую прокуроры просят признать экстремистской. Выводы экспертов не оценены с юридической точки зрения, никакой связи между этими выводами и нормами закона не представлено.

Прошу суд: в связи с полным отсутствием обоснования заявленных исковых требований отказать в их удовлетворении.

5. Привлеченные к экспертизе "специалисты" Захаркина и Квасова не обладают ни малейшими знаниями, которые необходимы эксперту при рассмотрении вопросов, которые были поставлены перед ними. Никаких признаков экспертной работы в подписанном ими "Акте" мной не обнаружено. Я могу судить об этом как доктор политических наук, автор многочисленных публикаций по вопросам этнополитологии и другим смежным вопросам. Кроме того, данные "специалисты" не зафиксировали в своем "Акте", что им известно об уголовной ответственности за фальсификацию экспертизы. А именно такая фальсификация и состоялась. Между цитатами из брошюры и выводами экспертами не предложено никакой связи; литературные источники перечислены, но не использованы ни по существу, ни ссылками на соответствующие публикации (как это принято в научных исследованиях). Эксперты не владеют знаниями в области истории Чечни и вооруженных конфликтов на ее территории, не владеют правовой и этнологической терминологией, выносят суждения и выводы, не подкрепляя них никакими доводами.

В экспертном исследовании брошюры сказано, что я побуждаю к "дискриминационным действиям по отношению к чеченской национальной группе - ликвидировать Чеченскую Республику как субъект РФ и не проводить на территории Чечни выборов". В этом предложении утверждается полное тождество Чечни и "чеченской национальной группы" (территории и национальности), что фактически означает тезис "Чечня только для чеченцев", который был реализован в 1991-1996 изгнанием с территории Чечни более 300 тыс. человек нечеченского населения, а также массовыми убийствами нечененцев незаконными вооруженными формированиями (число убийств оценивается в 50 тыс.). Таким образом, указанное утверждение является противозаконным, аморальным и лишенным какой-либо привязки к контексту, без которой смысл соответствующих высказываний эксперты понять не в состоянии.

Эксперты, не имеющие необходимой подготовки в области права и этнополитологии, конечно, могут не знать, что Чечня, как и любой другой субъект Федерации, не является территориальным образованием чеченского народа, и что чеченцы живут не только в Чечне. Они могут не знать и о том, что предложения о переходе РФ к статусу унитарного государства публично обсуждается с момента образования РФ. Они могут не знать, что в течение последних лет в РФ ликвидированы несколько субъектов Федерации. Но все это обязан знать генерал-

лейтенант ФСБ Стручков и государственный советник юстиции 2 класса прокурор Бессчестный - инициаторы изъятия брошюры и попытки объявить ее экстремистским материалом. Предполагаю, что они это знают, но предпочитают, опираясь на мнение некомпетентных экспертов (лингвиста и психолога), объявлять любое предложение о ликвидации Чеченской Республики экстремизмом, поскольку это, якобы, затрагивает только и исключительно чеченцев.

Столь же безграмотным и безосновательным является отождествление предложения об отмене выборов в Чечне с призывами к дискриминации "чеченской национальной группы" (надо понимать, "чеченского народа" или "лиц чеченской национальности"). Выборы, как известно, не проводятся по национальной принадлежности. Попытки проведения таких выборов предпринимались незаконными властями Чечни, и это было преступным деянием, поскольку ущемляло права граждан других национальностей. Отмена результатов таких выборов и запрет таких выборов является средством защиты прав граждан и восстановления законности.

Прошу суд: отказать в удовлетворении Исковых требований прокуратуры в связи с тем, что они опираются исключительно на экспертизу, проведенную лицами, не обладающими необходимыми для анализа текста знаниями (историческими, этнологическими, политологическими), а в самой экспертизе отсутствует как таковое доказывание экспертами своих выводов.

Когда я писал свои возражения, мне было совершенно ясно, что на этот раз прокуроры нашли сговорчивого судью и договорились с судейскими чиновниками, что приговор будет обвинительным, несмотря ни на какие соображения. Об этом свидетельствовало решение, принятое накануне - по другой брошюре 2005 года выпуска, изъятой у Алексея Бутусина. При этом суд не только не вызвал для разъяснений экспертов, но даже не удосужился уведомить о запрете статей их авторов - достаточно известных лиц, которых нетрудно было отыскать, как фээсбэшники отыскали меня по обозначенной под статьей фамилии. Чем, разумеется, нарушили авторские права, пренебрегли необходимостью организовать процесс в порядке состязания обвинения и защиты. В рутинном порядке бюрократической процедуры, без каких-либо признаков понимания текстов экспертами, прокурором, судьей, были запрещены цитаты из Священного Писания, Псалтири, гимн "Боже Царя храни", клятва священника, стихи, списки рекомендуемой литературы и так далее.

Мои предположения на счет судьи Склизковой оправдались в полной мере. Направленные судье возражения и ходатайства не были рассмотрены в ходе судебного заседания. Следов такого рассмотрения в деле нет, присутствующий на судебных заседаниях Алексей Бутусин не слышал ни слова о них. Это грубейшее нарушение, ибо по ходатайству суд должен был вынести постановление, но нарушил процедуру и ничего не сделал. Зато вынес заведомо неправосудное решение. Поскольку прокурору Корсакову было некогда доказывать мое авторство одной из статей брошюры, судья пошла навстречу противозаконным действиям чиновников в погонах - приняла как данность изменение требований прокруатуры, решив, что авторство в брошюре не установлено. Хотя все три автора - люди, чьи фамилии несложно найти в интернет-сети. Также нетрудно найти и их публикации, включенные в брошюру. Но прокуратуре надо было отчитаться о борьбе с экстремизмом немедленно. Поэтому судья пошла на преступление - фальсификацию дела.

В решении Советского суда г. Владивостока наличествует целый ряд фальсифицированных положений:

- о том, что я был своевременно уведомлен о судебном заседании,
- о том, что я "отказался" от участия в заседаниях,
- о том, что в своих возражениях я "отрицал свое авторство",

Никаких обоснований решения суда в тексте, подписанном судьей Склизковой не было. Все что было - это ссылка на фальшивую экспертизу, порученную заведомо некомпетентным лицам. Мои возращения и обоснования противоположной точки зрения, а также указание на антигосударственную позицию Приморского ФСБ, Приморской прокуратуры и так называемых экспертов, были просто проигнорированы.

Решение судьи Склизковой было выслано мне по ошибочному адресу, и я его не получил. Хотя уведомление о почтовом отправлении почему-то пришло по верному адресу. Это свидетельствует о сговоре с целью не допустить, чтобы я мог каким-либо образом воспользоваться своими правами и повлиять на результаты дела. Текст решения стал мне известен только потому, что его фотокопию мне переслал Алексей Бутусин. Поскольку решение судьи Склизковой было актом вопиющего беззакония, я направил во Владивосток апелляционную жалобу:

Прошу отменить решение Советского районного суда по указанному делу и направить его на новое рассмотрение по следующим основаниям:

1. Дело рассмотрено при отсутствии стороны обвинения, что противоречит основным принципам судебного производства. Поскольку следственные органы не установили субъективной стороны правонарушения, дело не подлежало рассмотрению в суде. Возможность "особого порядка" рассмотрения дел прокуратурой изложена, но не доказана применимость этих аргументов к данному конкретному делу.

2. В мое распоряжение как стороны по данному делу не направлен пакет документов, поступивших в суд по заявлению прокурора Приморского края С.А.Бессчастного от 09.12.2016 №27-199-208 в общем объеме 116 страниц. Судом в мой адрес выслан лишь текст данного заявления и текст экспертного заключения общим объемом 13 страниц. Что лишило меня возможности полноценно защищать свои права в связи с данным делом.

3. Судом не рассмотрено ни мое ходатайство о прекращении дела в связи с отсутствием каких-либо оснований для его рассмотрения, ни мои возражения на исковое заявление доказательствами полной несостоятельности так называемой "экспертизы", направленные судье Е.Л.Склизковой по почте (в связи с тем, что я проживаю в Москве и не имею возможности участвовать в заседаниях суда во Владивостоке). Мои аргументы не изучены, не оглашены в судебном заседании, по ним суд не принял никаких решений.

4. В судебном заседании не рассмотрены какие-либо доказательства моего авторства брошюры, которую прокуратура предположила объявить "экстремистским материалом". В мой адрес копия данной брошюры не направлена, к ее изданию я не имею никакого отношения, с другими авторами брошюры или ее издателями я не знаком. Таким образом, мне Савельеву Андрею Николаевичу, чьи фамилия, имя и отчество совпадают с подписью под приписанной мне статьей, автору публикации 2001 года, название которой совпадает с названием статьи, опубликованной в брошюре, нанесен моральный ущерб, затрагивающий мою репутацию ученого и общественного деятеля. У следствия и прокуратуры никаких сомнений в том, что я являюсь автором опубликованной в брошюре статьи, до

направления дела в суд не было. Но поскольку субъективная сторона дела не интересовала ни следствие, ни суд, необходимость установления авторства было противозаконно проигнорирована.

5. Ознакомившись с так называемым "экспертным заключением", которое осталось единственным "доказательством" по делу, как специалист, чья квалификация соответствует теме, которую без всяких знаний оценивали так называемые "эксперты", заявляю о том, что экспертиза целиком и полностью фальсифицирована (доказательства мной были представлены в возражениях и ходатайстве, направленных в суд). Никаких признаков доказывания в "экспертизе" нет, квалификация "экспертов" по затронутым в брошюре темам отсутствует. Суд мою аргументацию не рассматривал, доказыванием утверждений экспертов или прокурора не интересовался и не требовал таких доказательств. Чем полностью фальсифицировал судебный процесс, положив в основу своего решения частное мнение некомпетентных лиц и отказавшись рассматривать альтернативные мнения и привлекать к этому компетентных специалистов.

6. В мой адрес не поступило решение суда по данному делу. Мною получено почтовое извещение о том, что из Владивостока на имя "Савельев А.Н" получено судебное отправление весом 35 г. Но в извещении указан адрес проживания: 111116 Москва, ул. Авиамоторная. А я проживаю по адресу ***. Таким образом, данное отправление я не вправе получать, а почтовая служба не вправе мне его выдавать. Следовательно, как сторона по данному делу, я не получил решения суда (даже если оно и было мне направлено) в результате ошибочного указания моего адреса - судом или службами почтового отделения. Что нарушает мои права как стороны по данному делу.

7. Дело носит откровенно заказной характер и направлено на противозаконное преследование привлеченных в качестве третьих лиц А.Бутусина и меня за нашу общественно-политическую деятельность и наше мировоззрение. Именно поэтому судебный процесс прошел без рассмотрения дела по существу: без приглашения экспертов, без каких-либо доказательств правомерности учета их мнения, а также без каких-либо правовых аргументов со стороны прокуратуры. Прокурор Корсаков лишь сослался на мнение экспертов, но не попытался доказать, что это мнение может быть основой для какого-либо судебного решения. Суд от него никакого доказывания не потребовал.

Кроме того, основу позиции экспертов, следственных действий Приморского УФСБ, прокуратуры Приморского края и судьи Е.Л.Склизковой положен антиконституционный тезис о том, что предложение о ликвидации Чеченской Республики представляет собой возбуждение вражды к "чеченской национальной группе". Тем самым, субъект федерации представляется неотъемлемым атрибутом только и исключительно чеченского народа, что противоречит Конституции РФ. Кроме того, в практике государственного управления последних лет неоднократно были реализованы законные процедуры ликвидации целого ряда субъектов федерации, в том числе содержащих в названиях указание на "титульную" национальность. Фактически данное дело стало средством преследования "постфактум" противников антиконституционного мятежа (из содержания брошюры следует, что она вышла в свет не позднее 2007 года), обсуждавших меры по его пресечению и недопущению в дальнейшем.

Таким образом, заказной политический характер дела выражается не только в отрицании конституционных прав граждан на выражение своей позиции (авторов брошюры), но и в преследовании за эту позицию, не имеющую ничего общего с "экстремизмом", но стоящую на почве научного знания и закона.

Антигосударственная, антиконституционная "аргументация" следствия, обвинения и суда в полной мере выражены в документах дела, с которыми я имел возможность ознакомиться.

Приложение: копия почтового извещения №ZK-25171

Моя апелляция также была заблокирована судьей Склизковой, которая втайне приняла решение об оставлении ее без движения, не уведомив меня ни о причинах этого решения, ни о сроках исправления недостатков. В результате моя апелляционная жалоба была исключена из дела и возвращена мне. Правда, переслана мне не сама жалоба, а ее копия. В сопроводительном судье про копию ничего не сказано, и фактически состоялось похищение документа и фальсификация переписки. О том, что рассмотрение апелляции Алексея Бутусина была рассмотрена также в обстановке циничного беззакония и пренебрежения здравым смыслом, говорить не приходится. Эти условия стали повседневной реальностью судебной системы, окостеневшей и превратившейся в преступную группировку усилиями руководителей государства и правоохранительной системы.

Суд на стороне мошенников

Красногорский район Московской области - очень непростая территория, где расположены самые лакомые куски земли, расхватанные нуворишами при содействии местной власти. Мне доводится жить здесь, потому что деревня Воронки - родовое гнездо, откуда происходит моя жена, а теперь и мои дети. Именно здесь их малая Родина. И вся наша семья - продолжатели тех, кто здесь жил, работал, строил и, когда подходило время, отправлялся к предкам - на Небеса.

Коренное население всюду и всегда противостоит пришлым бандитам и мошенникам. И пока местная община была опорой государства, община - сильная она была или слаба - поглощала дурные проявление человеческой натуры. Но когда чиновники стали врагами граждан, все изменилось. Пойменные земли заповедника Лохин остров, земли музея-усадьбы Архангельское - все было отдано нуворишам. Ну и деревня Воронки оказалась под воздействием мошенников, которые пришли, чтобы отнять нашу землю. И в этом им помогали чиновники - от многолетнего главы района Рассказова до судейских и полицейских чиновников. Неслучайно именно здесь появился "красногорский стрелок", который готов был перестрелять все руководство района, но не всех нашел. А потом его тихо застрелили, выдав убийство мстителя за самоубийство. Характерно для сложившейся ситуации - полная моральная поддержка "стрелка" со стороны общественного мнения. Ненависть граждан к чиновникам перешла уже тот предел, за которым в отношении чиновника будет оправданы любые криминальные действий.

Как бы то ни было, чиновники и судьи так и не образумились. На ненависть граждан они отвечают ненавистью еще большей. И эта ненависть перекрыла все другие мотивы деятельности. Это удивительно: судья, который ненавидит участников дела. Не уголовников, которые попадают на скамью подсудимых, а обычных граждан, которые пытаются отстоять право на свою собственность, неприкосновенность которой гарантировано Конституцией.

Красногорский городской суд - это нечто. Мне довелось увидеть в деле председателя суда ***Зайцеву***, которая была больше похожа на торговку с базара отдаленных времен. Ничего, чтобы в облике этой рыхлой пожилой дамы с дурными манерами не напоминало о правосудии. Зайцева не читала дело, не вникала в суть исковых претензий, годами не справляясь со своими обязанностями, буквально истязала тяжущиеся стороны беспрерывными повторами "все то ж, да про то ж". И

принимала решение лишь на основании экспертизы, которая могла быть любой - просто неправильной, фальшивой, предвзятой. ***Зайцевой*** на все было наплевать. Пять лет обсуждать, на том ли месте стоит забор, поставленный 40 лет назад, - это сколько же зарплаты она за это получила! И в конце концов, дело исчезло в архиве. Дело так и не нашли. Или не искали. А зачем, если Зайцевой было все равно?

И как же мне "повезло", когда второй раз в Красногорском суде мне пришлось побывать, столкнувшись с преемницей Зайцевой - и.о. председателя суда ***Пучковой***. И она была такой же рыхлой и пожилой... Нет, "дамой" ее нельзя было назвать. Она вела себя ровно так же, как и Зайцева - пренебрегала процессуальными нормами, путала истцов и ответчиков. И затягивала дело до совершеннейшего неприличия. Не говоря уже о привычном в стенах суда хамстве, которое проявлялось в каждом слове, в каждом жесте лица, которое по какому-то недоразумению было одето в судебную мантию и не руководило, а скорее помыкало, людьми, пришедшими в суд за правдой и защитой своих прав.

Мучаясь в Красногорском суде, я думал: сколько же людей именно здесь потеряли веру в то, что справедливость защищается государством? Пожалуй, здесь получали какие-то позитивные эмоции только мошенники. Но об этом я могу судить только по своему опыту: судья Зайцева, судья Пучкова, судья Каверина - по их поводу я с уверенностью могу сказать, что мошенники всегда будут рады оказаться под их потухшими очами, не различающими, где право и справедливость, а где беззаконие и преступления. И даже хуже: в таком-то случае приговоры бы хотя бы в половине случае были справедливыми. Нет! Судьи каким-то выработанным годами чутьем определяли, кто негодяй и мошенник, и становились на его сторону.

Экспертиза в данном случае служила тому же, что и в политических делах - оправданию произвольных решений судьи. В случае Пучковой дело в том, что ей просто надоело рассматривать дело, в котором она ничего не понимала и не желала с ним знакомиться. Достаточно было призвать знакомого эксперта, навязать его сторонам, а потом просто переписать экспертные фантазии в свое решение.

В Московский областной суд

АПЕЛЛЯЦИОННАЯ ЖАЛОБА

на решение Красногорского городского суда по делу №2-193/2016

13 сентября 2016 года Красногорским городским судом было вынесено решение по делу № 2-193/2016 по иску о возмещении ущерба и установлении постоянного права ограниченного пользования от Савельева Михаила Андреевича к Кленовой (Галушко) Наталье Николаевне. По итогам судебного разбирательства было вынесено решение об отказе в удовлетворении исковых требований в полном объеме.

Такое решение считаю незаконным и несправедливым по следующим обстоятельствам.

1. Обстоятельства дела, подробно изложенные истцом в письменном виде с приложением копий документов, не были исследованы. Прежде всего, из рассмотрения исключен опрос "третьих лиц", которые присутствовали на заседаниях суда, но задать им вопросы истец не мог, а суд не поставил перед ними вопросы, которые касались исковых требований. Лишь Дерий Е.Б. подтвердила, что единственным входом на некогда общий участок был тот, которым теперь пользуется ответчик и на пользование которым претендует истец в порядке установления сервитута. Впрочем, и это сообщение, отраженное в материалах дела, не было судом принято во внимание. Суд вслед за ответчиком почему-то счел

Дерий Е.Б. родственницей истца (хотя на этот счет в деле нет никаких доказательств) и предположил возможность прохода истца на свой участок через участок Дерий Е.Б.

Представители истца неоднократно обращали внимание суда на тот факт, что гражданское дело сопряжено с обстоятельствами, которые могли быть причиной для уголовного или административного преследования лиц, фактически захвативших участок истца, использовавших его часть дома для проживания строителей, расхитивших имущество и повредивших данную часть дома, а остальную часть дома уничтоживших (с. 45 дела). Суд исключил причастность к этим обстоятельством ответчика, не имея для этого никаких оснований. Напротив, истец документально подтвердил наличие связи ответчика с прежними владельцами смежных участков, прежде всего, с Кленовым В.Ю., который является фактических организатором всех действий, нарушивших права граждан - совладельцев снесенной им части дома и незаконного строительства.

Судом не приняты во внимание особенности личности Кленова В.Ю., представлявшего в суде по доверенности интересы "третьего лица" Андриановой О.С., имеющего также доверенность на осуществление сделок к собственностью от ответчика Кленовой (Галушко) Н.Н., а истцом рассматриваемый как человек, обещавший выкупить его участок, но вместо этого предпринявший ряд действий, нанесший истцу существенный материальный ущерб и в результате ряда фиктивных сделок переложивший всю ответственность на подставное лицо - гражданку Украины, сменившую свою фамилию Галушко на фамилию Кленова.

Кленов В.Ю. находился в розыске по делу №98939, возбужденному СУ МВД по Красногорскому району 06.07.2011 по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. В связи с этим, по крайней мере, до 2014 года Кленов В.Ю., на которого были оформлены сделки купли-продажи по земельным участкам и предварительные сделки по купле-продаже долей в доме, был недоступен для предъявления ему каких-либо претензий. Истцу или его доверенным лицам до 2015 года не было известно, что дела Кленова В.Ю. по доверенности продолжает вести гражданка Украины Н.Н. Кленова (Галушко).

Также судом не изучено пояснение ответчика (с. 137 дела), который утверждал, что дом, находящийся в долевой собственности, возможно, был снесен лицами, осуществившими ряд незаконных сделок купли-продажи, отмененные решением Бутырского районного суда г. Москвы 23.05.2016: Тимофеевым С.Б., Поцелуевым И.В. и Лариным С.А. (копия решения суда в деле имеется). Утверждение ответчика сделано в предположительном ключе и никакими документами или показаниями свидетелей не подтверждено.

Таким образом, обстоятельства дела судом в полной мере не изучены, заявления истца и ответчика в полной мере не проанализированы, им не дана какая-либо оценка.

2. Судом не исследованы обстоятельства исключения из Государственного реестра в 2011 году дома, совладельцем которого является истец. Между тем, именно это позволило ответчику утверждать, что строительство осуществлялось им на пустом участке, где строения отсутствовали. Исключение дома из Государственного кадастра недвижимости произошло либо по ошибке, которой ответчики воспользовались, либо в результате подлога документов, что также нельзя исключить. Судом эти соображения не исследовались, представители Росреестра не опрашивались. Никаких правоустанавливающих документов о том, что дом был признан ветхим или аварийным и подлежит сносу, никаких судебных

решений по поводу лишения собственников их прав на доли в доме в судебном заседании представлено не было.

Приложенное к делу решение Красногорского городского суда по делу № 182/2016 от 14.06.2016 (с. 268 дела), где истец по настоящему делу выступал в качестве "третьего лица", также не разрешило вопрос о причинах исключения дома из Росреестра. В данном решении сказано: "Для установления обстоятельств снятия с кадастрового учета жилого дома площадью 130,7 кв. м. ранее находившемуся по адресу Московская область, Красногорский район, д. Воронки, 41, либо его сноса, судом неоднократно запрашивались сведения в ФГУБ "ФКП Росреестра" по Московской области (л.д. 71, 72), также в судебных заседаниях 09.03.2016 г., 22.03.2016 г. допрошен представитель. Выяснить основания снятия объекта с кадастрового учета не представляется возможным, судом исчерпаны все возможности по получению таких данных". Следовательно, в данном случае суд также устранился от применения всех возможностей для выяснения причин фактического лишения прав собственности, которое, согласно Конституции РФ (ст. 35), может произойти только в результате решения суда.

По сведениям истца, в 2011 году после выделения части дома в натуре сособственник дома Е.Б.Дерий направила в Росреестр решение суда для регистрации права собственности на обособленную часть дома. Данное решение должно было послужить для регистрации новых долей оставшихся сособственников дома. Но не для ликвидации записи в Государственном реестре, которое могло произойти в данном случае только с нарушением закона.

О возможности преднамеренных действий со стороны сотрудников Росреестра говорит также сообщение от 2014 года по поводу того, что собственник участка 50:11:0050602:438 не зарегистрирован. Между тем, судя по имеющимся в деле документам, участок был еще в 2013 году зарегистрирован в собственности Н.Н.Галушко. Разделение участка, купленного Кленовой Н.Н., не сопровождалось сменой собственника. Тем не менее, Росреестр скрыл от истца имя собственника, которому можно было бы предъявить претензии как подачей иска, так и обращением в правоохранительные органы по поводу захвата и уничтожения собственности. Суд отказался приобщить соответствующий документ к делу. Отсутствие интереса суда к соответствующим обстоятельствам выглядит весьма странно.

Суд проигнорировал признаки состава преступления, связанные с захватом и уничтожением собственности и не исполнил своей обязанности вынести в соответствии с ч. 3 ст. 226 ГПК РФ частное определение об обнаружении признаков преступления.

Перепродажа земельных участков Кленовой Н.Н. послужила для Кленова В.Ю. способом отказаться от собственности, на которую мог быть наложен арест в связи с вышеуказанным уголовным делом, а также с целью скрыть незаконный характер строительства на участках, которые он выкупил или имел по ним предварительные договоры купли-продажи. Кленова Н.Н. осуществила сделку купли-продажи участка 50:11:0050602:256 с Крыловой Л.В. уже после того, как строительство на участке было завершено. При этом Крылова не потребовала оформления сделки купли-продажи на свою часть дома. Аналогичным образом Кленов В.Ю. выкупил земельный участок у Андриановой Н.В., не удосужившись выполнить предварительный договор купли-продажи относительно принадлежащей ей части дома. Оба действия одинаковым способом были направлены на использование неправомочного снятия с учета в Государственном реестре дома, находящегося в долевой собственности. Таким образом, Кленов В.Ю.

и Кленова Н.Н. несут совместную ответственность за нанесение имущественного ущерба Савельеву М.А.

Пытаясь защитить свои права, истец многократно обращался в правоохранительные органы, которые просто не отвечали на заявления и не связывались с заявителем. Ссылки на эти документы и их копии представлены суду и присутствуют в деле, но никак не учтены и не рассмотрены судом. Таким образом, суд стал последней инстанцией, в которой истец пытался найти справедливое решение, но суд воздержался от использования всей полноты своих прав для установления истины и принятия решения, которое восстановило бы права истца и компенсировало бы нанесенный ему вред.

3. Добросовестное заблуждение Кленовой Н.Н. о наличии права собственности на дом исключено в силу представленных суду доказательств о том, что Кленов В.Ю., осуществлявший заключение предварительных договоров купли-продажи с собственниками, является многолетним деловым партнером Кленовой В.Ю., которой он оставлял доверенность на управление его имуществом и осуществление сделок с ним, начиная с августа 2013 года, и имеет такую доверенность до настоящего времени (о чем Кленовой Н.Н. было заявлено на судебном заседании 13.09.2016). Суд мог принять во внимание это обстоятельство и сделать вывод о том, что Кленова Н.Н. была осведомлена о том, что осуществляет строительство на месте снесенного дома, находящегося в собственности других лиц, включая истца. Или же путем опроса "третьих лиц" убедиться в том, что в 2011 году оба строения на участке ответчика были в основном завершены.

Уклонившись от рассмотрения вопроса о предварительных договорах купли-продажи долей в доме и договоров купли-продажи земельного участка с участием Кленова В.Ю., суд не рассмотрел возможность совершения мнимой или притворной сделки (ст. 170 ГК РФ) с его стороны с целью представить Кленову Н.Н. добросовестным благоприобретателем, продолжая при этом фактически владеть участком и возведенными на нем строениями.

При этом эксперт при ответах на вопросы суда 13.09.2016 заявил: "Нет технической документации на строения истца, они самовольные" (с. 276 дела). Таким образом, самовольная постройка возведена на месте части дома, который был построен в законном порядке и имел собственников, которым действиями самовольных застройщиков нанесен ущерб. Это обстоятельство судом полностью проигнорировано.

4. Суд, получив от истца исчерпывающую техническую документацию по его участку и домовладению, фактически освободил ответчика от доказывания своих утверждений предоставлением каких-либо документов, касающихся возведенных на его участке сооружений. Вместо этого суд назначил судебную экспертизу, которая вся была посвящена внешнему осмотру этих сооружений, но не затронула те нарушения прав истца, которые отмечены в исковом заявлении. Вопросы суда к эксперту не соответствовали исковым требованиям и тому списку вопросов, который предложил истец. Эксперт мог ознакомиться с тем и другим в материалах дела, но не сделал этого. Притом что экспертиза представляла собой исследование участка ответчика, суд возложил расходы на проведение исследования на истца. Эксперт ограничился лишь внешним осмотром дома, принадлежащего истцу, не обратив никакого внимания на те проблемы, которые были указаны в исковом заявлении. В таких условиях справедливо было считать экспертизу не состоявшейся или возложить расходы на проведение экспертного исследования на ответчика, чьи постройки (по его заявлению) обследовал эксперт.

Судом неправомерно принято решение о возложении оплаты экспертизы на истца, поскольку эксперт не выполнил положение п. 2 ст. 85 ГПК РФ: эксперт обязан "направить заключение эксперта в суд с документами, подтверждающими расходы на проведение экспертизы, для решения судом вопроса о возмещении этих расходов". Экспертом в суд представлена только конечная сумма без расчета и прейскуранта с перечнем произведенных работ и ставок их оплаты.

5. Судом проигнорировано право истца присутствовать при проведении экспертизы. Более того, судом проигнорировано обращение на этот счет со стороны истца и вопрос о недоверии эксперту в связи с отсутствием с его стороны каких-либо действий по получению разъяснений со стороны истца. Эксперт присутствовал при факте силового воспрепятствования для прохода представителей истца на свой участок и не предпринял никаких усилий для обеспечения прав истца. С наше точки зрения, он должен был обратиться в суд за установлением обеспечительных мер, которые позволили бы истцу принять участие в визуальном осмотре участков истца и ответчика и возведенных на них строений. Вместо этого, эксперт ответил в своем заключении, что истец отказался принимать участие в исследовании, что не соответствует действительности и ничем не подтверждается. Напротив, в присутствии эксперта представители истца недвусмысленно выразили желание присутствовать при экспертном исследовании, давать свои пояснения, а в случае отказа эксперта обеспечить это право, не признают достоверность экспертизы. Эксперт проигнорировал требование п. 3 ст. 84 ГПК РФ: "Лица, участвующие в деле, вправе присутствовать при проведении экспертизы, за исключением случаев, если такое присутствие может помешать исследованию, совещанию экспертов и составлению заключения".

Проведение экспертом визуального осмотра участков наедине с ответчиком позволяет подозревать сговор между ними, признаки которого обнаруживаются в противоречии текста экспертизы имеющимся в деле сведениям и фактической стороне дела - очевидным обстоятельствам, доступным для проверки. Эксперт не выполнил условие п. 3 ст. 85 ГПК РФ: "... вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела". Соблюдение данного положения было бы гарантировано, если бы при проведении экспертного исследования с выездом на место присутствовали представители обеих сторон процесса. К сожалению, суд не счел возможным потребовать от эксперта соблюдения данного положения закона.

Также судом проигнорировано нарушение сроков подготовки экспертного заключения, чем был нарушен п. 1 ст. 85 ГПК РФ: "В случае невыполнения требования суда, назначившего экспертизу, о направлении заключения эксперта в суд в срок, установленный в определении о назначении экспертизы, при отсутствии мотивированного сообщения эксперта или судебно-экспертного учреждения о невозможности своевременного проведения экспертизы либо о невозможности проведения экспертизы по причинам, указанным в абзаце втором настоящей части, судом на руководителя судебно-экспертного учреждения или виновного в указанных нарушениях эксперта налагается штраф в размере до пяти тысяч рублей".

6. Суд не позволил истцу задать эксперту все интересующие его вопросы и оборвал проведение опроса эксперта на полуслове, а также не позволил истцу выступить в прениях перед принятием решения. Тем самым права истца были нарушены, а зафиксированные при ответах эксперта противоречия не были в полной мере документированы в протоколе заседания суда. Обращение истца с просьбой о внесении в протокол соответствующих ответов эксперта было

проигнорировано, письменно направленные суду исправления и дополнения в протокол судебного заседания от 13.09.2016 не были учтены по формальным причинам. Впрочем, судом отмечено, что содержание направленных замечаний не противоречит фактическому ходу судебного заседания. Межу тем, в поданных в суд поправках имеются существенные уточнения. При этом замечания на протокол гораздо полнее отражают ответы на вопросы истца со стороны ответчика и со стороны эксперта. Нарушение истцом сроков подачи замечаний на протокол заседания суда не изменяет существа этих замечаний и целесообразность их учета при принятии решения. Судом определено, что замечания не изменяют содержания протокола. К сожалению, высказывания сторон и эксперта не были изучены судом на предмет соответствия материалам дела - ни по протоколу суда, ни по поданным стороной истца замечаниям.

7. Судом проигнорировано грубое нарушение экспертом постановления суда, установившего срок проведения судебно-строительной экспертизы. Ничем не обусловленная задержка подготовки экспертизы стала поводом для ходатайства истца о назначении другого эксперта (с. 262, 257 дела), но суд отказался удовлетворить это ходатайство. Между тем, подготовленное экспертом исследование не содержит ни сложных расчетов, ни сложных измерений, которые объясняли бы задержку подготовки заключения на полгода.

При этом судом проигнорировано не раз оглашенное в суде обстоятельство, что участок истца, недоступный для него самого, оказывается свободно доступным для ответчика и его доверенных лиц или просто гостей, который могут способствовать дальнейшему разрушение дома. По этому поводу к иску были приложены фотографии свалки строительных отходов, которую ответчик устроил на территории истца (с. 51 дела)

Нарушение сроков подготовки экспертизы также затруднило прокуратуре Красногорского района Московской области доступ к делу для ответа на заявление истца в марте-апреле 2016 (дело, с. 226, с. 248), что нарушило права истца на своевременный ответ по его заявлению. Данный ответ до сих пор не получен.

8. Суд не изучал материалов экспертизы, не сопоставлял ее содержание с материалами дела, не исследовал претензии истца к экспертизе, доказывающие ее ложность, не исследовал противоречия, возникшие в процессе ответов эксперта на вопросы истца, не позволил истцу указать на эти противоречия в судебных прениях.

Эксперт пишет (с. 7 экспертизы): "По пояснениям Кленовой (Галушко) Натальи Николаевны установлено, что Кленова (Галушко) произвела реконструкцию выделенной части жилого дома по линии раздела участка..." В протоколе судебного заседания от 13.09.2016 зафиксированы слова эксперта: "Раньше была единая недвижимость, ответчик провела реконструкцию". Между тем, из материалов дела следует, что Кленова не являлась собственником части жилого дома и не проводила процесса выделения какой-либо части жилого дома, находящегося в долевой собственности, в натуре. Кроме того, на заседании суда Кленова Н.Н. не раз заявляла, что она построила свой дом на пустом месте, где имелись лишь фундаменты, изготовленные прежними владельцами участка. В деле имеются пояснения ответчика, где утверждается то же самое. Таким образом, эксперт передал слова Н.Н.Кленовой, обосновал ими свое заключение, но не проверил, соответствуют ли эти слова материалам дела.

Сообщив со слов Кленовой, что к реконструированной части здания была сделана некая "хозяйственная пристройка", и она находится на расстоянии более 1 м от границы участка истца, эксперт проигнорировал обстоятельство, что данная

часть строения включена в состав строения, которое зарегистрирована Кленовой Н.Н. вовсе не как хозяйственная пристройка, а как жилой дом (Кадастровый паспорт, с. 130 дела). Подмена, которую осуществил эксперт в интересах Кленовой Н.Н., связана с тем, что хозяйственная постройка должна отстоять от границы соседнего участка на 1 м, а жилой дом - на 3 м. Представив часть жилого дома хозяйственной постройкой, эксперт совершил подлог с целью исключить ответственность за возведение незаконной жилой постройки. Следует отметить, что даже если бы указанное экспертом строение было бы хозяйственной постройкой, то в этом случае нарушена норма удаление стены постройки от окон жилого строения на 6 м (Указанные нормы установлены ТСН ПЗП-99 МО "Планировка и застройка городских и сельских поселений", п. 5.19.).

Экспертом зафиксировано, что Кленовой Н.Н. на принадлежащем ей участке возведен второй жилой дом. Эксперт сообщает, что возведение второго дома не противоречит законодательству, а также, что к дому сделана некое вспомогательное строение (с. 7 Заключения). Между тем, из имеющихся в экспертизе фотоматериалов (фотография 9) следует, что это "строение" является частью жилого дома - построена из того же материала. Эксперт намерено игнорирует тот факт, что данное "вспомогательное строение" является прихожей для дома, а потому является его неотъемлемой частью.

Из материалов дела следует, что примыкающий к участку истца дом ответчика зарегистрирован как жилой, в нем не выделено части, которую можно было бы обозначить как "вспомогательное строение". Регистрационные документы определяют пятно застройки дома как целостного строения (с. 131 дела). Из чего следует нарушение ТСН ПЗП-99 МО "Планировка и застройка городских и сельских поселений", п. 5.19. Жилой дом должен находиться на расстоянии не менее 3 м от границы участка.

Требования истца касаются именно сноса той пристройки, которую эксперт определил как "вспомогательное строение". Возведенное позднее остального здания, она нарушила водосток по естественному уклону земли и привела к размыванию фундамента помещения, занимаемого истцом (данное обстоятельство отражено в исковых требованиях, но экспертом не исследовалось), а также затеняет строение истца с южной и юго-восточной стороны (данное обстоятельство также не изучалось экспертом, несмотря на указание на него в исковом заявлении). На фотографии, приложенной к иску, хорошо видно, что сток с крыши возведенного ответчиком дома происходит прямо напротив веранды дома истца, поэтому с учетом уклона все дождевые и талые воды текут под фундамент.

Избирательное внимание эксперта также направлено на то, чтобы обосновать законность размещения второго жилого дома на расстоянии меньше, чем 3 м от границы участка истца. Из фотографического материала, представленного истцом, а также из "фотофиксации" эксперта следует, что данное строение предназначено не для хозяйственных нужд. Оно построено с применением облицовочного кирпича, имеет два жилых этажа и высокую двускатную крышу, окна здания имеют размер, принятый для жилых строений. Ответчик в судебном заседании назвала этот жилой дом "баней", чем дезинформировала суд. Возражения истца по этому поводу судом были проигнорированы. Эксперт называет это строение "отдельно стоящим жилым домом" (с. 8 Заключения), но часть его совершенно произвольно объявляет "одноэтажной пристройкой, имеющей вспомогательное функциональное назначение" (там же). Из фотоматериалов видно, что данная пристройка функционально неотделима от основного двухэтажного здания (построена из того

же материала), и через нее осуществляется вход в здание. Таким образом, в данном случае также нарушено положение ТСН ПЗП-99 МО "Планировка и застройка городских и сельских поселений", п. 5.19. Кроме того, часть данного сооружения находится непосредственно на границе участка без какого-либо отступа, и это зафиксировано на Схеме позиций "фотофиксации" (п. 2 Заключения). Данное обстоятельство экспертом при подготовке выводов не учтено.

На судебном заседании 13.09.2016 эксперт заявил о том, что оба строения на участке ответчика являются недостроенными, а потому их функциональная принадлежность не определена. Между тем, в Заключении эксперт прямо пишет о том, что оба строения являются жилыми домами. Что указывает на отсутствие знакомства эксперта с материалами дела, где находятся документы, свидетельствующие об официальной регистрации ответчиком одного жилого дома (по регистрации - трехэтажного, по факту - с одним этажом и цокольным гаражом) и нежилой постройки, которая была обозначена ответчиком как "баня" или "хозблок" (двухэтажное строение высотой около 10 м, которое в настоящее время используется как жилое помещение).

Изображая на рисунке "вновь возведенные строения Кленовой (Галушко)", эксперт исключает из него часть дома, которую называет "часть жилого дома Кленовой (Галушко). Между тем, в деле имеется документ, предоставленный суду Кленовой (Галушко) Н.Н., в котором данное строение представлено как целостное, без какого-либо разделения на "часть жилого дома" и "вновь возведенное строение".

Эксперт констатирует, что с северо-западной стороны участка истца имеется проход и проезд по территории общего пользования (с. 6 Заключения), но не определяет возможности использования данной территории истцом и условий доступности у его участку без установления сервитута. Никаких доказательств того, что через данную территорию фактически производится проход и проезд, эксперт не приводит. Экспертом проигнорирована имеющаяся в деле справка от местного органа власти о том, что никакой дороги вдоль задних дворов деревни Воронки нет, и не планируется (с. 72 дела). Называя данную территорию "территорией общего пользования", эксперт лишь заявляет, что на ней можно находиться без чьего бы то ни было разрешения, но не уточняет, что это за территория и каковы возможности прохода и проезда по ней в разные сезоны и в разных погодных условиях. Между тем, на этой территории нет дороги, нет никакого покрытия, нет освещения, не производится уборка снега и она не обустроена ни для прохода людей, ни для проезда транспорта, а тем более, с этой территории на участок истца не могут быть проведены какие-либо коммуникации. Напротив, дорога же со стороны деревни имеет асфальтовое покрытие, места, где может быть припаркована машина, освещение, в зимний период здесь регулярно проводится уборка снега. Жители деревни в равной мере имеют права пользоваться этой дорогой для проезда и прохода к своим участкам, как это было принято до разделения единого земельного участка - проживающие на нем свободно проходили через закрепленные в пользовании других долевых собственников участки. Также единственная возможность подведения коммуникаций к участку находится со стороны асфальтированной дороги. Все эти обстоятельства были проигнорированы как экспертом, так и судом.

Эксперт, опираясь на Технический паспорт дома, зафиксировал, что в фактическом пользовании истца находятся две холодные пристройки и веранда. При этом без всяких на то оснований эксперт утверждает, что "в фактическом пользовании истца отсутствуют капитальные жилые строения" (с. 7 Заключения).

Между тем, термин "капитальное жилое строение" в технической документации отсутствует. Каким-либо аргументом в пользу выводов эксперта его утверждение служить не может.

Утверждение эксперта о том, что он провел "привязку" строений к границам участка (с. 5 Заключения), являются ложным, поскольку для этого необходимо было бы иметь хотя бы две геодезические метки, от которых можно было бы замерить расстояние до углов строений. Рисунок эксперта является лишь примитивно начерченным планом. Никаких измеренных расстояний ("контрольных промеров земельного участка") в своем заключении эксперт не приводит, ни на какие геодезические метки не ссылается. Фактически так называемая "привязка" в заключении фальсифицирована, подменена на глаз нарисованной схемой.

Там же эксперт пишет об определении ориентации участка по отношению к сторонам света (с. 5 Заключения), хотя в этом не было никакой необходимости, и у эксперта не было соответствующих приборов. В заключении эксперт лишь приводит общедоступную карту с ориентированным по сторонам света участками, которую он раскрасил цветной штриховкой.

Также эксперт приписал себе работу по обследованию "самовольно возведенных строений жилого дома на предмет установления соответствия строений и сооружений требованиям прочности и деформативности конструкций" (с. 5 Заключения). Никаких следов подобной работы в заключении не обнаруживается.

Фактически эксперт приписал себе работу, которой он не выполнял.

Эксперт не пользовался никакими измерительными инструментами, кроме рулетки, но ни одного замера с указанием точек, между которыми определено расстояние в экспертном исследовании нет. Поэтому его сообщения о том, что сооружения на участке ответчика находятся на расстоянии более 1 м от границы участка истца, не имеют под собой никаких оснований. Геодезические метки, установленные по заказу истца (документ имеется в деле), были уничтожены ответчиком. Документов о каких-либо иных геодезических работах в деле не имеется. Кроме того, в отсутствии у эксперта измерительных приборов ответчик мог имитировать наличие геодезических меток, произвольно смещая их на несколько десятков сантиметров. Ни одного замера расстояние от определенной геодезической точки до стены какого-либо строения в заключении эксперта нет.

Серди очевидных ошибок эксперта находится следующая: эксперт называет Кленову Н.Н. владельцем участка с кадастровым номером 50:11:00500602:254, не подкрепляя это никакими документами. В материалах дела нет никаких данных о том, кто является владельцем этого участка. Хотя ошибка и не затрагивает интересы истца, но она характеризует экспертизу как документ, подготовленный с крайне низким уровнем профессионализма.

Также эксперт пишет (с. 5 Заключения): "Для ответов на поставленные судом вопросы, потребовалось проведение экспертного обследования жилого дома, расположенного по адресу: Московская область, г. Красногорск, микр. Опалиха, ул. Счастливая, дом 61". Данный жилой дом никакого отношения к делу не имеет. В судебном деле данная ошибка исправлена от руки, в экземпляре истца такой правки нет.

Эксперт утверждает: "Истец по делу Савельев Михаил Борисович прибыл в указанное время проведения экспертизы, однако впоследствии отказался от предоставления доступа в свою часть строения жилого дома, а также от пояснений по делу, после чего убыл с объекта экспертизы". Среди участников дела нет Савельева Михаила Борисовича. В действительности представители истца

Савельева Ольга Геннадиевна и Савельев Андрей Николаевич не были допущены ответчиком для прохода на участок истца. Суд был проинформирован об этом заказным письмом (с. 262 дела). Эксперт к истцу или его представителям за пояснениями по делу не обращался, никаких свидетельств о том, что он пытался получить такие пояснения, в деле нет.

Эксперт утверждает, что ответчиком "на крыше пристройки с уклоном в сторону земельного участка истца будет установлена система снегозадержания, что предотвратит сход снежных масс в сторону разделительного забора" (с. 8 Заключения), который еще предстоит возвести. Тем самым, эксперт показывает, что он не знает, что системы снегозадержания предназначены не для задержания снега на крыше, а для предотвращения его лавинообразного схода. Снег в любом случае будет падать на территорию истца, поскольку между обрезом крыши границей между участками не более 60 см., а высота этого обреза - не ниже 2.5 м.

Эксперт допускает прямо противоположные утверждения: 1) "...в связи с тем, что скат крыши направлен в сторону земельного участка истца, возможно падение снежных масс на земельный участок истца, что может создать угрозу для жизни и здоровья истца" (с. 8 Заключения), 2) в выводах: "экспертизой установлено, что спорные строения ответчицы по делу не создают угрозы для жизни и здоровья" (с. 9 Заключения).

Эксперт дал ответ лишь на часть вопроса №3 со стороны суда - только о возможной угрозе жизни и здоровью. Такую угрозу он одновременно нашел и не нашел. При этом эксперт не стал отвечать на следующую часть вопроса: "...не нарушены ли интересы истца возведением ответчика строений, возможно ли сохранение и безопасная эксплуатация спорных строений, с учетом законных интересов истца". Ответ на эту часть вопроса отсутствуют как в разделе "Исследовательская часть" (с. 8-9 Заключения), так и в финальных выводах (с. 11 Заключения).

Эксперт не провел никаких исследований на вопрос суда №5, сославшись, что истец не предоставил ему возможности осмотра его части жилого дома изнутри. Но эксперт и не обращался к истцу с такой просьбой. Ссылаясь на отсутствие на поэтажном плане обозначений инженерных приборов в части дома, занимаемого истцом, эксперт не отметил, что скопированный им технический план составлен 10.09.2008, и относительно этого плана за прошедшее время могли произойти существенные изменения. Также эксперт исключил возможность неполных данных, поскольку на пять собственников на плане обозначены лишь два водопроводных крана. Экспертом не исследованы какие-либо коммуникации, хотя судом недвусмысленно поставлен вопрос о спорных коммуникациях и их состоянии. Безо всяких на то оснований эксперт сделал вывод об отсутствии в части жилого дома истца подключения инженерных коммуникаций, несмотря на то, что никаких исследований эксперт не проводил. Фактически эксперт "подарил" все имеющиеся коммуникации ответчику, игнорируя тот факт, что жилое помещение, занимаемое истцом не могло обходиться без водопровода, который также обеспечивал полив имевшихся здесь огородов. Также осталось неясным, как без водопровода эксперт предлагает истцу использовать принадлежащий ему участок, предназначенный для ведения личного подсобного хозяйства.

Суд некритично отнесся к выводу эксперта об отсутствии спорных коммуникаций, а также не принял во внимание, что на заседании суда 13.09.2016 обнаружилось, что между истцом и ответчиком имеются спорные коммуникации. Кленова Н.Н. заявила, что со стороны улицы находятся пять коллекторов (в протоколе суда неверно указано "два коллектора"), и все они принадлежат ей и

подключены к ее домам. Представители истца заявили, что один из коллекторов принадлежит им, и как раз относительно этого коллектора были заявлены исковые требования об устранении его повреждения. Эксперт мог исследовать этот вопрос, но не предпринял на этот счет никаких усилий. Суд от разрешения этого вопроса уклонился, приняв на веру бездоказательный вывод эксперта и ничем не подтвержденные слова ответчика.

При ответе на вопрос суда №6 эксперт заявил, что разделительный забор между участками может быть возведен, но не учел оговорку "с учетом возведенных ответчиком и имеющихся у истца строений". Отдельно стоящий жилой дом ответчика частично расположен непосредственно на граница между участками, а расстояние между углом предполагаемого забора и проходом, ведущим к входной двери этого дома, составляет не более 70 см (что ясно видно из фотографии, приложенной истцом к исковому заявлению: в просвете между межевым знаком и стеной может быть размещен лишь стул стандартного размеры - с. 54 дела). Таким образом, пользование данным домом в случае возведения забора станет невозможным или будет крайне затруднено. Именно по этой причине ответчик будет всячески препятствовать возведению забора строго по границе своего участка. Данное обстоятельство не было разрешено судом, представителям истца не предоставлена возможность обосновать соответствующие аргументы. Фактически суд оставил вопрос о сооружении забора на усмотрение ответчика, что исключает возможность справедливого разрешения спорной ситуации.

Таким образом, решение суда опирается на полностью несостоятельное заключение эксперта, на необоснованные экспертом выводы, пестрящие техническими и фактическими ошибками и намеренными умолчаниями. При таких условиях суд не мог вынести справедливое и законное решение.

9. В судебной экспертизе строения, возведенные ответчиком, обозначаются как жилые дома с хозяйственными пристройками, что не подтверждается никакими документами и является лишь мнением эксперта. Между тем, визуальный осмотр должен был привести эксперта к оценке возведенных строений как целостных - изготовленных из одних и тех же материалов. Через помещения, которые эксперт определил как хозяйственные пристройки, осуществляется вход в дома ответчика (это подтверждается фотографиями, приложенными к иску). Это обстоятельство эксперт постарался не заметить и не отразил в своей "фотофиксации".

На заседании суда 13.09.2016 эксперт, противореча подготовленной им же экспертизе, заявил, что оба строения являются недостроенными, и определить их функциональное назначение невозможно. Между тем, эти строения зарегистрированы, а их визуальный осмотр не может оставлять сомнений, что это именно жилые строения. Эксперт предпочел проигнорировать это обстоятельство, и тем самым неверно использовал строительные нормы, регламентирующие расстояние между жилыми домами, а п. 2.12. СНиП 2.07.01-89, регламентирующий нормы инсоляции и освещенности, и вовсе проигнорировал, хотя указание на нарушения данной нормы присутствует в исковом заявлении.

10. Подготовка экспертизы фактически фальсифицирована. Какая-либо аргументация в экспертизе отсутствует. Она представляет собой повторенные в цвете рисунки из технической документации, предоставленной истцом, фотографии ("фотофиксацию"), на которые эксперт не ссылается и выписки из законодательства. После чего эксперт делает выводы, минуя какой-либо анализ собранной им информации. Причиной этому является полное игнорирование экспертом материалов дела. Именно поэтому он не зафиксировал на фотографиях проблемные зоны (состояние фундамента дома истца, состояние крыши этого дома,

примыкающей к стене дома ответчика, расстояния от межевых знаков до стен строений ответчика, направление стока талых и дождевых вод и др.).

Согласно постановлению суда от 28.12.2015, результаты экспертизы должны были быть представлены в суд до 24 февраля 2016 г. Но эксперт выехал на объект лишь 18 марта 2016, а экспертное заключение представил в суд лишь в августе 2016. Судом не предпринято никаких действий по обеспечению исполнения своего решения, никаких оправдательных документов по поводу нарушения сроков предоставления результатов экспертного исследования в суд в деле нет.

11. Экспертом признано, что истцу нанесен прямой имущественный вред: снесено подсобное помещение №5 в квартире №3 экспликации технического паспорта домовладения, которое в порядке сложившегося пользования долевой собственностью была частью помещения, занимаемого Савельевым М.А, а после раздела земельного участка оказалась на участке Н.Н.Кленовой (с. 7 Заключения). Тем не менее, это обстоятельство не отражено в судебном решении. Фактически эксперт утверждает, что со слов Кленовой Н.Н., именно она разрушила помещение, находившееся в пользовании истца. В таком случае суд должен был рассмотреть вопрос о компенсации нанесенного истцу вреда, но не сделал этого, несмотря на то, что данное обстоятельство было отражено в исковом заявлении.

12. В решении суда учтено заявление ответчика о готовности установить забор, разделяющий участки истца и ответчика и оплатить его в равных долях. Но суд не обязал ответчика последовать своему заявлению. Также судом проигнорировано заявление эксперта, который сослался на готовность ответчика предоставить истцу временный сервитут для прокладки коммуникаций к своему участку. Ответчик устно подтвердил такую готовность на заседании суда 13.09.2016, но это заявление не было учтено в протоколе суда (присутствует в направленных истцом замечаниях). Таким образом, даже те действия, на которые ответчик дал свое согласие, судом не были рассмотрены и зафиксированы в решении с целью обязать ответчика их исполнить.

13. Ходатайство истца об оплате ответчиком издержек в размере 416 рублей 78 копеек на судебную телеграмму, направленную ответчику для приглашения на судебное заседание на 28 декабря 2015 года, судом отложено, но в дальнейшем не рассмотрено (протокол от 28.12.2015, с. 137 дела).

Таким образом, Красногорским городским судом по делу № 2-193/2016 было принято решение, неправильно определившее обстоятельства, имеющие значение для дела (некритичное отношение к экспертному исследованию и присутствующим там противоречиям, отсутствие рассмотрения обстоятельств приобретения права собственности ответчиком и др.), ряд обстоятельств, имеющих значение для дела не доказаны (возведение зданий именно ответчиком, возведение зданий без технической документации и др.), выводы суда не подтверждаются доказательствами, имеющимися в деле (экспертиза полностью несостоятельна, иных документов технического характера о постройках ответчика в дело не поступало).

В виду вышеизложенного прошу решение Красногорского городского суда от 13 сентября 2016 № 2-193/2016 по делу отменить и принять решение об удовлетворении иска в полном объеме, затраты на проведение экспертных исследований, судебные и почтовые издержки возложить на ответчика. Прошу установить сервитут в границах, описанных в уточнениях к исковым требованиям, представленных истцом (разметка по геофизическим точкам - с. 64 дела, схема на с. 70 дела).

В связи с указанными признаками состава преступления (завладение собственностью и уничтожение собственности истца по адресу: Московская область, Красногорский район, деревня Воронки, д. 41) и ч. 3 ст. 226 ГПК РФ прошу вынести частное определение.

В связи с предоставлением экспертизы, выводы которой не обоснованы, а экспертное исследование фальсифицировано, прошу вынести частое определение о неисполнении обязанностей эксперта, установленных ст. 85 ГПК РФ.

12 октября 2016 г.

В ***Красногорском отделении Росреестра*** визит представителей истца встретили любезно и даже с любопытством. Посмотрев в базу данных Росреестра, специалист объявил, что в ней относительно дома, находящегося в долевой собственности записано "объект ликвидирован". И указал на номер судебного решения. Специалисту тут же было продемонстрировано это решение (оригинал), где право собственности не отменялось, а устанавливалось. Смутившийся специалист взял копии документов и пообещал, что его старший товарищ позвонит по телефону и прояснит ситуацию. "Старший" позвонил, огорошив тезисом: "Вам никто ничего не вернет".

Заявление в ***Росреестр Московской области*** с требованием исправить ошибку долгое время оставалось без ответа. Как и заявление в Красногорский УВД, где, как сообщала областная прокуратура, занимались нашим делом. Все эти безобразия продолжали твориться при попустительстве ***Генеральной прокуратуры***, которая неизменно направляла наши заявления в областную прокуратуру, на которую мы жаловались, поскольку она не только не расследовала бездействие своих подчиненных из Красногорского района, но делала то же самое: игнорировала направленные к ним обращения. Вопреки закону "О порядке рассмотрения обращений граждан", который воспрещает направлять жалобы тем, кого граждане критикуют в своих обращениях. Тем не менее, Генеральная прокуратура выпустила специальный циркуляр, гласящий, что она не рассматривает обращения, которые до того не рассматривались в нижестоящей прокуратуре. Что обращения вообще "не рассматриваются" и нарушения закона носит систематический характер, чиновникам Генпрокуратуры было знать не интересно. Они привычно работали почтальонами - по формальным признакам, не вникая в содержание, перебрасывали обращения тем, на кого эти обращения жаловались. Кстати, ровно так же работают "почтальоны" в Администрации президента.

Сложилось положение, когда беззаконно изъятая собственность возвращению не подлежит. Почему? Потому что Росреестр - это место, где "зарабатывают", как и везде. Видимо, в Красногорском районе Московской области так принято: потворствовать мошенникам. Не случайно, именно здесь возник "красногорский стрелок". И измордованный мошенникам и спевшимися с ними чиновниками народ полностью поддержал перестрелку, которую устроил вышедший за рамки психической нормы предприниматель. Это, правда, никак не изменило ситуацию в районе. Более того, все заявления в местную и региональную прокуратуру, в полицию, остались без ответа. Вообще без ответа. Не подвигли к какой-либо реакции правоохранителей и депутатские запросы. Вместо возбуждения уголовного дела, областная прокуратура прислала три идентичные отписки - за обращение представителя собственника, запрос депутата облдумы, запрос депутата Госдумы.

Апелляционная жалоба в Мособлсуде ничего не дала. Четыре часа ожидания и десятиминутная процедура, показавшая, что судьи дело не читали, ограничившись лишь ознакомлением с иском и решением Красногорского суда. Что им говорилось устно, они просто не слышали. Дело представляла сухая старушка с прямой спиной, рядом с ней сидели какие-то карикатурные типы с опухшими от скуки лицами. За день они принимали несколько десятков подобных решений, работая как машина беззакония. Даже текст нашей жалобы они не прочли. Старушка лишь отметила, листая многостраничный документ, что в нем подробно изложены претензии процессуального характера.

Лишь в Росреестре Московской области через три недели после записи нас принял заместитель руководителя этой службы. Но у него не оказалось нашего письма, направленного 4,5 месяца назад. Чиновники нам говорили: у нас письма нет. Проверка показала, что письмо "Почтой России" было доставлено. Когда мы шли на прием, думали, что будут рассматривать наше письмо. Как бы ни так. Вежливый прием закончился рекомендацией привезти заявление и копии документов, что и было сделано. Но никаких гарантий, что жульническая запись в реестре "объект ликвидирован" со ссылкой именно на то решение суда, которое утверждало право собственности, будет стерта, нет.

Мы последовали рекомендации в расчете, что наш визит не был пустым. Ведь перед нами метались технические сотрудники, которые, впрямь, как казалось, искали наши письмо. Нам было обещало, но прямо сегодня начнется разбирательство по нашему вопросу. Все оказалось ложью. К нашему заявлению, которое мы подали в то же учреждение на следующий день, вновь приложив все документы, отнеслись как в досужей суете. В наш адрес пришла копия письма, которое, якобы, нам уже направляли еще летом - более полугода назад. Как будто никаких обещаний высокий чиновник нам не давал. Нам просто сообщали, что мы действуем не по законному порядку регистрации собственности. Хотя мы сообщали о другом: о необходимости исправить заведомую ложь.

Тем временем, мы все-таки решились на составление кассационной жалобы в президиум Московского областного суда. Хотя размещенные в сети Интернет статьи адвокатов показывали: надеяться практически не на что. Судьи просто не станут ничего читать. Разные уловки, которые рекомендовали адвокаты, давали исчезающие малые шансы, что кассацию хотя бы прочтут. Нас мотивировало лишь стремление пройти эти круги судебного ада до конца. Чтобы хоть как-то повысить шансы на рассмотрение кассации, мы разместили в начале текста цитату из выступления В.В.Путина, когда он прокомментировал одно из судебных решений.

"Когда на такое смотрю, у меня просто волосы дыбом, оставшиеся на голове, встают. Что это такое? Совсем с ума сошли, что ли?"

В.В.Путин о постановлении суда

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

на решение Красногорского городского суда по делу № 2-193/2016 от 13 сентября 2016 и апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда по делу №33-32566/2016 от 16 ноября 2016 года

В производстве Красногорского городского суда находилось гражданское дело по иску Савельева Михаила Андреевича к Кленовой (Галушко) Наталье Николаевне с просьбой установить сервитут для

обеспечения прохода к его земельному участку, а также прокладки, подключения и обслуживания коммуникаций (водопровод, водоотведение, электроснабжение, газоснабжение), обязать ответчика предоставить ключ от калитки, восстановить нарушенное в результате строительства ответчиком домов на своем участке водоснабжение и водоотведение, ремонт септика, провести гидроизоляцию по смежной границе, водоотведение осадков с крыши одного из домов, размывающие фундамент дома истца, установить за счет ответчика разделительный забор по смежной границе, отремонтировать веранду истца, вставить выбитые стекла, демонтировать пристройку, возведенную вдоль смежной границы и перекрывшую естественный сток осадков и талых вод, демонтировать выступающую часть мансарды другого здания, размещенную непосредственно по границе между земельными участками истца и ответчика.

Решением Красногорского городского суда Московской области от 13 сентября 2016 года исковые требования оставлены без удовлетворения.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 16 ноября 2016 года решение суда оставлено без изменения.

С решением Красногорского городского суда Московской области и определением судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 16 ноября 2016 года я не согласна полностью по последующим основаниям.

1. Апелляционная инстанция не учла процессуальные нарушения, допущенные судом первой инстанции:

- суд не позволит истцу задать ответчику и эксперту все вопросы по представленному в суд экспертному заключению (нарушение п.1 ст. 187 ГПК);

- суд не проводил судебных прений (нарушение ст. 190 ГПК),

- судом по существу исковых требований не опрошены третьи лица и их представители, неоднократно присутствовавшие на судебные заседаниях. В апелляционном определении утверждается, что третье лицо Дерий Е.Б. в судебное заседание не явилась, что не соответствует материалам дела (протокол заседания, с. 81 дела, Решение Красногорского городского суда с. 2). В решении суда первой инстанции утверждается, что третье лицо Андрианова Н.В. в суд не явилась (с. 2 Решения), что не соответствует материалам дела (протоколы заседаний, с. 137, с. 152 дела). Истцу не предоставлена возможность задать им вопросы, которые могли подтвердить или опровергнуть доводы искового заявления (нарушение ст. 179 ГПК).

Кроме того, суд не рассмотрел исковые требования в полном объеме.

Экспертом признано, что истцу нанесен прямой имущественный вред: снесено подсобное помещение №5 в квартире №3 экспликации технического паспорта домовладения, которое в порядке сложившегося пользования долевой собственностью была частью помещения, занимаемого Савельевым М.А, а после раздела земельного участка оказалась на участке Н.Н.Кленовой (с. 7 Заключения). Тем не менее, это обстоятельство не отражено в судебном решении. Фактически эксперт утверждает, что со слов Кленовой Н.Н., именно она разрушила помещение, находившееся в пользовании истца. В таком случае суд должен был рассмотреть вопрос о компенсации нанесенного истцу вреда, но не сделал этого, несмотря на то, что данное обстоятельство было отражено в исковом заявлении.

Экспертизой и судами первой и второй инстанции оставлены без рассмотрения вопросы, поставленные в иске. В частности - о перекрытии потоков дождевых и талых вод постройками ответчика, что привело к размыванию фундаментов построек истца. Данное обстоятельство, отраженное в иске и мотивирующее необходимость сноса соответствующих строений и компенсацию нанесенного вреда не отражены ни в решении Красногорского городского суда, ни в постановлении апелляционной инстанции.

При назначении экспертизы Красногорский городской суд не принял формулировки вопросов истца, заменив из своими, которые не в полной мере отражали исковые требования. Отклонение предложенных вопросов суд обязан был мотивировать (часть 2 статьи 79 ГПК РФ), но в определении о назначении экспертизы мотивировка причин отклонения вопросов истца отсутствуют.

2. Апелляционный суд не обратил внимания на доводы апелляционной жалобы о нарушении законодательства о проведении судебной экспертизы, на основании которой было принято решение Красногорского городского суда:

- эксперт проводил свое исследование наедине с ответчиком, не обеспечив истцу и его представителям права присутствовать при проведении экспертизы и давать свои пояснения, что нарушает принцип равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ). В экспертном заключении присутствуют только пояснения ответчика. В деле имеется жалоба на бездействие эксперта, которая судом не удовлетворена;

- эксперт не выполнил условие п. 3 ст. 85 ГПК РФ не вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела. Экспертное исследование проводилось лишь в присутствии ответчика;

- эксперт проигнорировал требование п.3 ст. 84 ГПК РФ: "Лица, участвующие в деле, вправе присутствовать при проведении экспертизы, за исключением случаев, если такое присутствие может помешать исследованию, совещанию экспертов и составлению заключения". Представители истца не были допущены ответчиком на участок при проведении экспертного исследования;

- сроки проведения экспертизы нарушены, никаких объяснений у эксперта суд не получил. Согласно постановлению Красногорского городского суда от 28.12.2015, результаты экспертизы должны были быть представлены в суд до 24 февраля 2016 г. (с. 146 дела). Но эксперт выехал на объект лишь 18 марта 2016, а экспертное заключение представил в суд лишь 19 августа 2016 (с. 250 дела). Тем самым экспертом была нарушена ст. 109 ГПК, поскольку к моменту проведения экспертом исследования процессуальный срок, установленный судом, уже истек. Постановления о продлении срока проведения экспертизы суд не принимал.

Ничем не обусловленная задержка подготовки экспертизы стала поводом для ходатайства истца о назначении другого эксперта (с. 262, 257 дела), но суд отказался удовлетворить это ходатайство. А также не исполнил п. 1 ст. 85 ГПК РФ об ответственности эксперта за невыполнение требования суда о сроках направления в суд заключения эксперта. Нарушение сроков подготовки экспертизы также воспрепятствовало прокуратуре

Красногорского района Московской области в получении доступа к делу для ответа на заявления истца в марте-апреле 2016 (дело, с. 226, с. 248).

3. Апелляционный суд проигнорировал доводы истца, указывающие на фальсификацию экспертизы: отсутствие в ней измерений, подтверждающих выводы, противоречие этих выводов с обстоятельствами дела, игнорирование объектов, на которые указывают исковые требования.

Апелляционным судом проигнорирована просьба истца в связи с фальсификацией экспертизы вынести частое определение о неисполнении обязанностей эксперта, установленных ст. 85 ГПК РФ. Между тем, признаки фальсификации с очевидностью присутствуют в материалах дела и были отражены в апелляционном заявлении.

Эксперт не исполнил п. 2 ст. 86 ГПК о подробном описании проведенного исследования и не мог этого сделать по объективным обстоятельствам, поскольку в его распоряжении не было необходимых геофизических приборов (эксперт указал лишь на наличие у него измерительной рулетки, но не привел ни одного измерения расстояние между каким-либо точками).

Утверждение эксперта о том, что он провел "привязку" строений к границам участка (с. 5 Заключения), является ложным, поскольку для этого необходимо было бы иметь хотя бы две геодезические метки, от которых можно было бы замерить расстояние до строений. Никаких измеренных расстояний ("контрольных промеров земельного участка") в своем заключении эксперт не привел, ни на какие геодезические метки не ссылался. Поэтому его сообщения о том, что сооружения на участке ответчика находятся на расстоянии более 1 м от границы участка истца, не имеют под собой никаких оснований.

Регистрационные документы определяют пятно застройки дома ответчика как целостного строения (с. 131-132 дела). Из чего следует нарушение ТСН ПЗП-99 МО "Планировка и застройка городских и сельских поселений", п. 5.19. Жилой дом должен находиться на расстоянии не менее 3 м от границы участка. Тем не менее, эксперт, сообщив со слов ответчика, что к реконструированной части здания была сделана некая "хозяйственная пристройка", и она находится на расстоянии более 1 м от границы участка истца, проигнорировал данное обстоятельство.

Эксперт приписал себе работу по обследованию "самовольно возведенных строений жилого дома на предмет установления соответствия строений и сооружений требованиям прочности и деформативности конструкции" (с. 5 Заключения). Никаких следов подобной работы в заключении не обнаруживается. Чем нарушена обязанность эксперта отражать в своем заключении подробное описание проведенного исследования (ст. 85 ГПК).

Эксперт утверждает: "Истец по делу Савельев Михаил Борисович прибыл в указанное время проведения экспертизы, однако впоследствии отказался от предоставления доступа в свою часть строения жилого дома, а также от пояснений по делу, после чего убыл с объекта экспертизы". Среди участников дела нет Савельева Михаила Борисовича, а истец Савельев Михаил Андреевич не имел никаких контактов с экспертом. Никаких доказательств отказа истца предоставить доступ в свою часть жилого строения или отказа от пояснений для эксперта в деле нет.

Эксперт допускает прямо противоположные утверждения: 1) "...в связи с тем, что скат крыши направлен в сторону земельного участка истца, возможно падение снежных масс на земельный участок истца, что может создать угрозу для жизни и здоровья истца" (с. 8 Заключения), 2) в выводах: "экспертизой установлено, что спорные строения ответчицы по делу не создают угрозы для жизни и здоровья" (с.9 Заключения).

Экспертом не исследованы какие-либо коммуникации, хотя судом недвусмысленно поставлен вопрос о спорных коммуникациях и их состоянии. Безо всяких на то оснований эксперт сделал вывод об отсутствии в части жилого дома истца подключения инженерных коммуникаций, несмотря на то, что никакого описания исследований эксперт в своем заключении не провел (нарушение ст. 85 ГПК).

4. Апелляционный суд оставил без внимания доводы истца о том, что в течение судебного процесса существенно изменились обстоятельств дела: выяснилось, что ответчик при проведении строительных работ исходил из того, что дом истца "отсутствует" (данные о регистрации в Росреестре отсутствуют). То, что истец воспринимал как произвольную реконструкцию, ответчик считал возведением новой постройки.

Эксперт пишет (с. 7 экспертизы): "По пояснениям Кленовой (Галушко) Натальи Николаевны установлено, что Кленова (Галушко) произвела реконструкцию выделенной части жилого дома по линии раздела участка..." В протоколе судебного заседания от 13.09.2016 зафиксированы слова эксперта: "Раньше была единая недвижимость, ответчик провела реконструкцию". Между тем, из материалов дела следует, что ответчик Кленова не являлась собственником части жилого дома и не проводила процесса выделения какой-либо части жилого дома, находящегося в долевой собственности, в натуре. В деле имеются письменные пояснения ответчика по этому поводу (с. 156 дела).

Таким образом, утверждения эксперта не основаны на материалах дела (нарушение ст. 85 ГПК, требующей от эксперта полного исследования материалов и документов - предоставленного в его распоряжение дела) и создали коллизию, которая не была разрешена судом, хотя решение по этому вопросу могло существенно повлиять на правоотношения между истцом и ответчиком, а также выявить возможный состав преступления.

5. Апелляционным судом не исследовались доводы истца о рассмотрении гражданского иска на фоне целого ряда событий с признаками состава уголовного преступления (завладение собственностью и уничтожение собственности истца по адресу: Московская область, Красногорский район, деревня Воронки, д. 41) и ч. 3 ст. 226 ГПК РФ. Просьба истца о вынесении частного определения была проигнорирована как Красногорским городским судом, так и апелляционной инстанцией.

В деле имеется предоставленная истцом исчерпывающая информация в связи с возможными преступными деяниями лиц, среди которых находится ответчик и его деловые партнеры, включая копии обращений в правоохранительные органы. Тем не менее, эти обстоятельства были полностью проигнорированы судом первой инстанции. Краткое изложение обстоятельств в апелляционной жалобе истца также было проигнорировано.

6. Красногорский городской суд принял без каких-либо доказательств (нарушение ст. 55 ГПК) утверждение эксперта о возможности прохода и проезда истца на свой земельный участок без установления сервитута (с. 6

Заключения). Кроме того, выводу эксперта о такой возможности прямо противоречит справка из Ильинского поселения, но на соответствующей территории общего доступа нет и не планируется сооружение дороги (с. 72 дела). Эта коллизия оставлена без рассмотрения и разрешения и апелляционной инстанцией. Ничем не обоснованное мнение эксперта было принято Красногорским городским судом как доказательство, предоставленная истцом указанная справка не рассматривалась.

Красногорским городским судом проигнорировано заявление эксперта, который сослался на готовность ответчика предоставить истцу временный сервитут для прокладки коммуникаций к своему участку. Ответчик устно подтвердил такую готовность на заседании суда 13.09.2016, но это заявление не было учтено в протоколе суда (присутствует в замечаниях и дополнениях истца на протокол). Что свидетельствует о невозможности подведения коммуникаций к постройкам истца без установления сервитута. Указание со стороны истца на это обстоятельство в апелляционной инстанции было проигнорировано.

Жители деревни Воронки, где размещены земельные участки истца и ответчика, в равной мере имеют права пользоваться единственной дорогой для проезда и прохода к своим участкам, как это было принято до разделения единого земельного участка - проживающие на нем свободно проходили через закрепленные в пользовании других долевых собственников участки. Также единственная возможность подведения коммуникаций к участку находится со стороны асфальтированной дороги. Все эти обстоятельства были проигнорированы как экспертом, так и судами первой и второй инстанции.

7. Также апелляционный суд повторил ошибку суда первой инстанции в изложении исковых требований, утверждая, что истец просит "демонтировать одноэтажное строение". В действительности, в исковом заявлении сказано: "снести выступающую часть мансарды вновь построенного жилого дома, возведенную непосредственно по границе разделения участков 50:11:0050602:256 и 50:11:0050602:291, а также затеняющую участок 50:11:0050602:291 и размещенный на нем одноэтажный дом". Под одноэтажным домом, как прямо следует из текста искового заявления, понимается дом истца, который затеняется мансардой ответчика, возведенной без отступа от границы между участками. Указанные нарушения строительных норм в связи с данной ошибкой не рассматривались ни Красногорским городским судом, ни апелляционной инстанцией.

ПРОШУ:

отменить постановление суда первой и апелляционной инстанции полностью и направить дело на новое рассмотрение в соответствующий суд.

Разумеется, кассационная жалоба в ***Мособлсуде*** не была рассмотрена в соответствии с законом. Нас не пригласили как на рассмотрение этой жалобы, так и на заседание по апелляции третьего лица по делу о захвате и уничтожении собственности - дома, находящегося в долевой собственности. Круг преступного сговора замкнулся. Президиум областного суда повторил текст решения апелляционной инстанции, не приняв во внимание ни одного тезиса из составленной мной жалобы. ***Областной Росреестр***, зная свою безнаказанность, покрыл преступника из районного реестра, который вписал в базу данных слова

"объект ликвидирован" - без суда лишил мою семью собственности, которая была украдена мошенниками Кленовыми.

Замыкание чиновничества всех мастей в солидарно с мошенниками действующую структуру - это неформальная корпорация, спаянная общими интересами и общими методами преодоления норм закона, которые уже некому защищать. Фактически в РФ создалась ситуация, когда крах отношений собственности неизбежно ведет к краху самой государственности. Общий ориентир именно на эту цель выгоден во всех звеньях правоохранительной системы, поскольку прямо ведет к обогащению. Поэтому "эксперты", готовые услужить начальству, прямо связаны с ситуацией, когда фальсификация экспертизы становится не исключением, а правилом. Именно поэтому ее никто не преследует и даже не собирается замечать.

Заключение

Профессиональная несостоятельность так называемых "экспертов" сопряжена также с неспособностью следовать обычным нравственным нормам и даже понимать последствия результатов своих "изысканий". "Эксперты", приобщившиеся к карательным функциям правоохранителей, вышедшей далеко за пределы правовых норм, стали соучастниками приобретающей все больший размах преступной деятельности, которые интегрально осуществляют геноцид на территории Российской Федерации - через лишение граждан политических свобод и прав собственности происходит уничтожение основы жизни народа. Переход от локальных коррупционных сделок в частных делах к тотальному беззаконию, оплаченному из госбюджета, свидетельствует о перерождении государственного аппарата и радикальном разрыве интересов лиц, осуществляющих полномочия госслужбы, с интересами народа и декларированными в Конституции целями государства.

Передовым отрядом олигархии в борьбе с русским народом является, бесспорно, ЦПЭ – Центр противодействия экстремизму. Здесь множество "героев", которые отличаются не только бесчестием, но и тупостью. Возникающие здесь "экспертизы" и "справки" - это верх профессиональной безнадежности. Заправляет всем этим хозяйством генерал-полицай ***Тимир Валиулин***, который входит в татарскую группировку в МВД, и неслучайно был награжден медалью "В память 1000-летия Казани", хотя всю жизнь проработал в Подмосковье и Москве. Среди других участников этой группировки известны два полковника, которые возглавляли в 2012 году полицейские пресс-службы Москвы и Подмосковья. И были уличены нами в распространении заведомо ложной информации по поводу задержаний соратников партии "Великая Россия" в Сергиевом Посаде и в Москве. Напомню, что МВД у нас в ельцинские времена возглавлял убийца генерал Ерин, а в путинские – генерал Нургалиев, больше занятый йогой, чем делами служба. Оба – татары. Мы видим тенденцию: милиция-полиция в РФ заражена этнической клановостью. Валиулин же был поставлен главой ЦПЭ в сентябре 2012 года. И отметился, как я полагаю, организацией репрессий на РМ-2012. Именно тогда были незаконно и с применением силы задержаны 23 соратника и сторонника партии "Великая Россия", включая руководство партии. А также составлены фальшивые протоколы, в которых не было ни одной достоверной детали, и даже подписи были подделаны.

Все это безобразие покрывает министр внутренних дел генерал-полицай ***Владимир Колокольцев***, у которого на коррупции попадаются целые управления

центрального аппарата (причем, занятые именно борьбой с коррупцией), целые региональные управления (Ростов-на-Дону), а генералы то и дело пускают пулю себе в лоб. Колокольцев демонстративно объявлял, что наведет правопорядок среди иммигрантов, когда разразился бунт в Бирюлево, но не сделал ровным счетом ничего. Точнее, сделал все наоборот – усилил политические репрессии против русских активистов. Зато всюду действуют специально заточенные против уличных мероприятий структуры. В Москве это 2-й оперативный полк полиции (2 ОПП), где выезд "на акции" всегда сопровождает пара-тройка провокаторов, готовых вслепую подписать любой протокол. Наверняка, подобный же порядок есть и в других регионах.

Отдельно от МВД работают теперь следственные органы – прежние прокуроры, теперь получившие статус следователей. Покрывает массовое беззаконие здесь выдвиженец Путина генерал-полицай ***Александр Бастрыкин***. Здесь беззаконие поставлено на поток, но проявляется оно только к конкретных делах – в деятельности самых отпетых негодяев, которых Бастрыкин подбирает по своему усмотрению. Несомненно, обстановка беззакония насаждается лично Бастрыкиным и его ближайшим окружением.

Что творится в ФСБ под управлением генерала-полицая ***Александра Бортникова***, мы толком не знаем, потому что эта структура закрыта от общественного мнения, от каких-либо преследований за беззаконие и даже толком ничего не знает о себе самой. Но мы можем с полной уверенностью сказать, что интеллектуальная немощь там поселилась всерьез. Произведения "экспертов ФСБ" - это лепет младенцев, которые с трудом подбирают слова и не владеют элементарной логикой. Впрочем, отказ от элементарной логики теперь – это профессиональное качество любого работника правоохранительной системы. Ибо без этого они вообще не смогут применять нормы закона, которые остаются для них непонятыми. Как и задачи собственных служб, утративших всякий смысл и переродившихся в зверинцы, где разводят самые уродливые болезни духа и рассудка.

Под стать Бортникову подобраны и региональное руководство ФСБ, которое не только занято беззаконным обогащением и беззаконием, но и прямо изменой. Именно изменой следует считать провозглашение главой ФСБ Приморья генералом ***И.В.Стручковым*** предложения ликвидировать Чеченскую Республику как субъект федерации возбуждением ненависти к никогда не существовавшей "чеченской национальной группе". Это прямое содействие сепаратизму и расчленению России на преступные анклавы.

Следующей инстанцией, направленной на подавление Русского национально-патриотического движения, является прокуратура. ***Юрий Чайка***, бессменный Генпрокурор в течение многих лет, отчаянно ненавидит все русское - в особенности русских людей, борющихся против измены и беззакония. Но русским активистам приходится сталкиваться больше с прокурорским произволом регионального уровня. Многие уже позабыли прокурора ***Олега Дупака***, который специально был поставлен на пост главы прокуратуры Карелии, чтобы устроить в республике настоящий террор против русских. Все это после Кондопоги. Дупак преследовал не чеченских этнобандитов, устроивших там резню, а русских, посмевших защищать свои жизни и достоинство. Потом Дупак был переведен в Астраханскую область, а в 2015 напомнил о себе, застрелившись в своей квартире. Поначалу это событие было оценено как самоубийство, потом дело решили замять и объявили, что Дупак неосторожно обращался с оружием. Причем, в присутствии жены и детей.

Другой известный прокурор регионального уровня – ***Михаил Савчин***. Он три года верно служил ручным инструментом Рамзана Кадырова в Чечне. За заслуги перед убийцей и бандитом получил золотую бляху с брильянтами - медаль им. Ахмата Кадырова. И отбыл руководить прокуратурой Красноярского края. Там он успешно уничтожил все русские организации. А лично мне от него пришел подарок – инсценировка изъятия в Норильске моей книги, составление заявления в суд (подписал лично Савчин) и принятие решения суда (без надлежащих процедур) о внесении книги в реестр экстремистских материалов. Причиной этой постановки являлись строки в книге о том, что Чечню бомбили недостаточно интенсивно. Савчин просто получил задание от своих чеченских друзей.

"Чеченский след" просматривается и в поведении прокурора Приморья ***С.А.Бессчасного*** - человека с юношеской внешностью и рассудком инфантила. Его преступная деятельность щедро оплачивается преступными же режимом. Официальный ежегодный доход Бессчастного в 2014 и в 2014 году составлял 4 млн рублей. Плюс его супруга добавила в семейный бюджет в 2016 году 2,6 млн. И даже один из несовершеннолетних детей. В собственности семьи прокурора края находилось две квартиры общей площадью 149,1 и 109,2 кв.метров, недостроенные жилой дом (197,1 кв.метров), гараж и кухня, а также земельный участок (870 кв.метров). Несмотря на имеющееся в собственности жилье, прокурор жил в служебной квартире площадью 102,9 кв.метров.

Наблюдая прокуроров в судах, я могу сказать, что этих людей готовят не к защите закона и не к тому, чтобы устанавливать истину. Это игроки. Они играют с целью выигрыша – лишь бы "победить" в суде. И судьи им подыгрывают. На пару эти люди ломают жизни людей, фальсифицируя судебный процесс и объявляя истиной самую наглую ложь.

Теперь, о судьях. По моему опыту, честных судей не бывает. Причем, независимо от дел, которые они ведут. Они всегда на стороне лжи. Исключений я не знаю. Хамство бывает не всегда, а ложь – всегда.

Судья ***Михаил Казаков*** впервые повстречался мне на процессе, где партия "Великая Россия" пыталась оспорить отказ в регистрации. Было это в 2007 году. Казаков был вежлив и удовлетворял все ходатайства по приобщению документов к делу. Все документы Росрегистрацией были фальсифицированы. Все без исключения. И мы показали это, демонстрируя каждый документ в отдельности, а также итоговый отказ, который был подписан задним числом. Судья все это выслушал. И принял решение против нас. За это он был повышен в должности и обнаружился уже в Мосгорсуде, где специализировался именно на политических делах. На судейском месте в Мосгорсуде я увидел его на процессе по запрету ДПНИ. Затем он приложил руку к запрету АВН. В 2015 году судья Казаков отметился запретом Народного ополчения им. Минина и Пожарского (НОМП), которое объявил террористической организацией. При отсутствии каких бы то ни было терактов и признаков подготовки к ним. Таким образом, мы имеем патентованного врага русского народа, которого режим назначил судьей для организации политических репрессий.

Еще одно "юное дарованье" - судья ***Наталья Коробченко***. Будучи мировым судьей в 2012 году, именно она фальсифицирована судебные дела по 23 задержаниям на Русском Марше. И на "черное" сказала "белое". В суде были представлены неопровержимые доказательства того, что полицейские протоколы фальсифицированы, а написавшие их полицаи подмахнули уже готовые документы, распечатанные заранее. Или, точнее, за них поставили закорючки неизвестно кто. Коробченко полностью проигнорировала противоречия в этих протоколах, где все

не соответствовало действительности – место, время, суть событий. Часть постановлений по "дело 23-х" вынес также мировой судья ***Семен Ломазов***. За проделанную грязную работу Коробченко была повышена до федерального судьи, и ей предоставили возможность далее стряпать ложь в политических делах. Она тут же прославилась в деле Алексея Навального, где в приговоре обнаружилось дословное цитирование обвинительного заключения - 80% текста было заимствовано. Нет сомнений, что это судья пойдет дальше, дальше, дальше. Если ее не остановит тюрьма.

Что касается ФСБ, то у этой службы - явная склонность к педофилии. Экспертизу в 2017 по делу Ольги Авилкиной, в которой разжигание розни обнаружено к социальной группе "российская власть" сделала ***Ерохина Людмила Алексеевна***, 1985 г.р. Закончив МГУ в 2007 году, она уже в 2009 сделала экспертизу по делу Владимира Каратаева, уличив его в разжигании ненависти к евреям и кавказцам.

В каждом из московских судов (а теперь, вероятно, и по всей Руси Великой) судей воспитывают с целью уничтожения каких-либо признаков законности. Мне хорошо известны судьи Замоскворецкого суда, в котором во второй инстанции мы пытались оспорить решения Коробченко. И встретили там фантастически наглых и циничных судей. Можно сказать, мы просканировали весь Замоскворецкий суд, поскольку наших дел там было рассмотрено много. Не будем приводить фамилии судей. Главное – запомнить, что все судьи этого суда, включая председателя, однозначно ангажированы на массовые политические репрессии.

Но все же главное звено в цепи беззакония – так называемые эксперты, которые по "делам об экстремизме" пишут отчаянную ахинею. Но для судей все это – единственно истинное обоснование их обвинительных постановлений. Судьи прикидываются не понимающими русского языка и не владеющими элементарными знаниями, доступными даже школьнику. И поэтому опираются на выводы "экспертов", ничуть не интересуясь их обоснованностью. Одно из гнезд русофобского бреда, который выдается за экспертизу, это ***ГБУ Московский исследовательский центр***. Этот МИЦ регулярно поставляет фальшивки в суды. Совершенно невежественные лингвисты и психологи, которые не освоили даже собственную профессию, лезут в этнологию, антропологию, социологию, политологию и право. Они судят о том, что такое нация, национальность, этнос. И несут такую околесицу, что хочется взяться за розги. Причина столь упорной глупости – безнаказанность. А еще – указание начальства. Главой экспертного управления МИЦ является некто ***Николай Скоропадский*** – человек, не оставивший никаких следов от своей прежней жизни.

Подложными экспертизами по политическим делам занимаются не только в специально созданных для этого структурах. Услужить начальству бывают готовы и люди, которые по своим ученым званиям могли бы обладать высокой квалификацией. Но, как обычно, невежество соседствует с безответственностью. Экспертная халтура, ломающая жизни людей, исходит и из уважаемых образовательных учреждений. Мне довелось давать отзывы на халтуру доктора политических наук ***Дмитрия Балуева***, чему-то обучающего студентов в Нижегородском университете. Этот человек написал полторы странички чумной ахинеи, которую выдал за экспертизу, чтобы закрыть целую организацию – ИГПР "ЗОВ". Мнение начальства также ценят в ***Московском юридическом университете*** (бывший ВЗЮИ, бывшая МЮА), где на мое мнение специалиста откликнулись сразу пятеро лиц с дипломами марксистско-ленинских философов, которые за два десятилетия прикрылись докторскими диссертациями. Эта

группировка в угоду начальству "опровергла" мое исследование, однозначно показавшее, что чиновников нельзя считать социально группой. Чтобы репрессивный закон действовал в отношении любого критика власти (пресловутая 282 УК РФ), наняты вот эти "ученые", намолотившие восемь страниц отчаянной чепухи, с первых же строк опровергнув свои же собственные выводы. Но следователю интересны не обоснования, а только эти самые выводы. Что марксисты написали сущий бред, следователя не волнует. Зовут следователя ***Наталья Талаева***, перед которой продажная профессура пала ниц, попутно растоптав не только свое профессиональное достоинство, но и нравственные запреты.

Даже мой скромный опыт свидетельствует, что правоохранительная система сплелась с преступными элементами, захватившими власть в нашей стране. Вся система от полиции до судов пронизана мафиозными отношениями, а приказы в эту сеть поступают извне – от поставленных "на политику" негодяев из спецслужб, которые теперь становятся крупными собственниками и государственными чиновниками, не заслужив ничем ни материального благополучия, ни почета, ни высоких должностей.

Ну и завершает картину – всякого рода "правозащитная" и журналюжная артель, пишущая доносы и имитирующая общественную поддержку русофобии в разного рода общественных советах при всех госструктурах. Большая часть этой публики перекочевала из дискредитированных "комитетов" и "фондов" в Общественные палаты разного уровня. Но это уже другая история, и в лицах ее когда-нибудь придется представить.

Как только возникнет возможность, эта книга будет переслана главам ФСБ, МВД, СК, Минюста, председателям высших судебных инстанций - в бумажной или электронной версии. Нет никаких сомнений, что в этих структурах некому изучать обобщение практики "карательной экспертизы". И даже если какой-то клерк перелистает страницы книги, она будет проигнорирована или использована для репрессий против автора. (Направленный в Генпрокуратуру мой доклад "Русофобия в России, 2010" был изучен не на предмет анализа беззакония, залившего страну, а на предмет "экстремизма"). Тем не менее, и такой результат будет иметь позитивное значение - он будет очередным тестом этой системы не жизнеспособность. Если "организм" властных структур жизнеспособен, он откликнется на диагноз, свидетельствующий о тяжкой болезни, и предпримет меры оздоровления; если этот "организм" при смерти - он ничего не заметит или постарается расправиться с "диагностом".

Для лишившихся совести чиновников, конечно, представленный автором обзор не имеет никакого смысла. Но граждане, чьи права нарушает "карательная экспертиза", найдут в данном материале те умозаключения и приемы, которые позволят им противостоять неправедному следствию и бесстыдному суду. Каждый раз мы обязаны ставить следствие и суд перед выбором: следовать закону и здравому смыслу или переступить то и другое в своем безумном стремлении угодить начальству. И каждый раз мы должны напоминать об ответственности за измену своему делу, интересам народа и государства.

Я собирался направить текст этой книги во все правоохранительные инстанции РФ, а также в адвокатские палаты и судейские квалификационные коллегии. Но решил, что это бесполезно. Судебная и в целом правоохранительная система умерла, переродившись под влиянием политического заказа. Только крах этого режима и всенародное его осуждения вместе со всеми бессовестными исполнителями может изменить ситуацию. Правовых решений в РФ не существует

- только политические. Только устранение коррупционеров и изменников от власти позволит восстановить правоохранительную систему и отправить за решетку всех, кто извратил, искалечил ее, пренебрегая законом, долгом, совестью.

Адресуя эту книгу будущему Русскому правительству, я прошу рассматривать ее как документ, изобличающий преступников в ранге экспертов, а также преступников в погонах и судебных мантиях. Они должны быть лишены всех своих научных и прочих статусов, всего имущества, которое должно пойти на компенсации безвинно осужденным, а также свободы - на длительные сроки, в которых должны ложиться страдания всех, кто был посажен за решетку и колючую проволоку в результате политических репрессий, одним из инструментов которых была карательная экспертиза.